

*Духовное наследие
Оптинской
Пустыни*

Подвижники
благочестия
Оптиной Пустыни
XIX – начала XX века

Жизнеописания
Очерки
Документы

ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
2012

УДК 271.22-36

ББК 86.372

П71

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 12-124-2475*

П71 **Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX–начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. — Введенский ставропигиальный мужской монастырь Опти-на Пустынь, 2012. — 448 с.: ил. — (Духовное наследие Оптиной Пустыни).**

Настоящее издание поможет читателю представить картину жизни и молитвенного подвига тех, чья жизнь в разные годы была связана с Оптиной Пустынью. Книга содержит жизнеописания учеников и современников преподобных старцев Оптинских как уже ранее издававшиеся, так и впервые опубликованные. Тексты составлены разными авторами, один из которых — архимандрит Никодим (Кононов), известный дореволюционный агиограф, впоследствии епископ Белгородский, принявший мученическую кончину в 1918 году и ныне прославленный в лике святых. Им составлены жизнеописания иеросхимонаха Флавиана (Маленкова), казначея Оптиной Пустыни, схиархимандрита Никодима (Демутье), опытного духовного руководителя и пастыря, Василия Брагузина, юродивого, имевшего тесные связи с монастырем, и многих других замечательных подвижников.

Жизнеописания насельников знаменитой старческой обители монаха Гавриила (Домогатского) и послушника Николая Иванова печатаются впервые.

В сборнике также публикуются извлечения из «Памятной записки о скончавшихся и погребенных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни...», содержащие ценные свидетельства о жизни насельников обители и благочестивых мирянах, похороненных в некрополе монастыря.

Книга будет интересна историкам, краеведам, генеалогам и всем, кому близка Оптина Пустынь, кто неравнодушен к истории Церкви и Отечества.

ISBN 978-5-86594-168-2

© Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь, 2012

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

На страницах предлагаемой читателю книги оживает давно ушедшая эпоха, духовную связь с которой в наше время все более ощущают даже далекие от Церкви люди. Вместе с живительным светом веры в нашу жизнь возвращаются драгоценные свидетельства благочестивой и подвижнической жизни. Они, как целебные источники, способны напитать душу и просветить разум всех, кто со вниманием обращается к ним.

Наряду с «Жизнеописаниями почивших скитян»¹, недавно вышедшими в серии «Духовное наследие Оптиной Пустыни», настоящее издание поможет читателю полнее представить картину жизни и молитвенного подвига тех, чья жизнь в разные годы была связана с Оптиной Пустынью. Книга содержит как уже ранее издававшиеся жизнеописания, так и публикации новых архивных материалов.

Книга состоит из трех частей.

Первая часть содержит жизнеописания подвижников благочестия, погребенных в монастырском некрополе. Среди них — насельники монастыря, а также имевшие отношение к обители подвижники из других обителей. Жизнеописания монаха Гавриила (Домогатского) и монаха Николая Иванова публикуются впервые.

В первую часть включены также жизнеописания насельников Оптиной Пустыни, по тем или иным причинам скончавшихся в других обителях: переведенных по послушанию (архимандрит Леонид (Кавелин)), искавших более уединенных мест для подвигов (иеросхимонах Александр (Стрыгин)). Читатель также познакомится с биографиями людей, не состоявших в числе братства, но погребенных в монастырском некрополе: И. М. Токарева, родственника прп. Серафима Саровского; Василия Брагузина, имевшего тесные связи с обителью;

¹ Жизнеописания почивших скитян. (Скитское кладбище в Оптиной Пустыни). Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2010.

молчальника Тита Козельского, уважаемого и почитаемого в дореволюционном Козельске и в Оптиной Пустыни.

Судьба России — это и судьба Оптиной Пустыни. История предстает в книге в лицах, описаниях, размышлениях. В грозном 1812 г., по словам архимандрита Леонида (Кавелина), «с сокрушенными сердцами принимались в обители вести о бедствиях Отечества, о взятии Смоленска, занятии Москвы», храмы монастыря «были открыты с утра до глубокой ночи и полны народа». Настоятель монастыря игумен Авраамий, опасаясь, что нашествие цивилизованных варваров достигнет Оптиной, заботился о спасении монастырских святынь.

В судьбе насельника Оптиной Пустыни генерал-майора Андрея Андреевича Петровского соединились воедино воинская доблесть защитника Отечества и молитвенный подвиг христианина. А. А. Петровский состоял на воинской службе с 1804 до 1840 г., совершил 11 кампаний и участвовал в 85 сражениях, не получив ни одного ранения. «Твердая вера и пламенная молитва — вот крепкий щит, которым он отражал от себя вражьи стрелы!» — говорится в его жизнеописании. Скончался он на 81-м году жизни монахом Оптиной Пустыни, где «судил ему Господь в продолжение 9 лет потрудиться для спасения души своей в тесной монашеской келье». Мужество и благочестие — отличительные черты этого замечательного человека.

В жизнеописаниях насельников Оптиной Пустыни читатель найдет множество примеров терпеливого несения скорбей и болезней. Таковым был земной путь «тихого и смиренного страдальца» монаха Павла (Трунова), с кротостью и незлобием встречавшего все испытания. Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский), внезапно разбитый параличом, 24 года не только с необычайным терпением переносил свое страдальческое положение, но и всегда был кроток и весел, как дитя. Замечательным подвижником был слепой схимонах Карп (Алексеев). Слепотой своею он не только не тяготился, но дорожил ею как средством к своему спасению. Нравом он был кроток и молчалив, в обращении с братиею приветлив и ласков. Старец Леонид говаривал о нем: «Карп слеп, но видит свет».

В первой части помещены также сведения о некоторых персоналиях женского пола, погребенных в Оптинском некрополе. Это

духовная дочь старца Антония (Путилова) — девица Екатерина Александровна Поливанова, в монашестве Евфросиния, отроковицы Любовь и Вера Ключаревы, жизнь которых неразрывным образом связана со оптинским старцем Амвросием (Гренковым), Варвара Былим-Колосовская. Практически неизвестные исторические материалы о них, несомненно, заинтересуют читателей.

Составителями жизнеописаний являются архимандрит Никодим (Кононов), впоследствии епископ Белгородский, принявший мученическую кончину в 1918 г. и ныне прославленный в лике святых; архимандрит Леонид (Кавелин), начавший свой иноческий путь в Оптиной Пустыни, впоследствии благочинный ставропигиальных монастырей и наместник Троице-Сергиевой Лавры, научные и литературные заслуги которого были признаны Академией наук и русскими учеными обществами, избравшими его своим почетным членом; архимандрит Агапит (Беловидов), автор жизнеописания старца Амвросия и других агиографических произведений, также насельники Оптиной Пустыни: иеромонах Климент (Зедергольм), магистр Московского университета, письмоводитель старца Амвросия; монах Порфирий (Григорьев), занимавшийся издательской деятельностью монастыря; иеросхимонах Евфимий (Трунов), один из летописцев обители, и другие талантливые духовные писатели и ученые.

Вторая часть содержит записанные учениками оптинских старцев Моисея и Антония рассказы о жизни, занятиях и трудах пустынников Рославльских лесов, представляющие интереснейшую страницу истории русского монашества, тесным образом связанную с Оптиной Пустынью. О полной лишений и опасностей жизни, способствовавшей нравственному самовоспитанию и совершенствованию, старцы, по словам очевидцев, вспоминали всегда с просветленными лицами.

В третьей части публикуются извлечения из «Памятной записки о скончавшихся и погребенных в Богохранимой обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските святого Иоанна Предтечи, находящемся при оной». Этот уникальный документ, как свидетельствует запись на титульном листе, первоначально был составлен в 1845 г. и содержит краткие биографические записи, начиная со строителя Оптиной Пустыни, иеромонаха Никанора, скончавшегося в 1768 г. и заканчивая

потомственной почетной гражданкой Е. Цыплаковой, скончавшейся в 1894 г. В «Памятной записке...» раскрывается духовный смысл отдельных фактов и событий жизни погребенных в Оптиной Пустыни.

Составители записей — разные лица. В 1840-е – 1850-е гг. отдельные записи, предположительно, могли принадлежать прп. Макарию (Иванову), старцу Оптинскому. В последующие годы — летописцам Оптиной Пустыни: в период с 1852 по 1860 г. (с перерывом в 1858–1859 гг.) — отцу Леониду (Кавелину); с 1873 по 1875 г. — отцу Порфирию (Севрюгину); с 1874 по 1882 г. — отцу Евфимию (Трунову) и др. К концу XIX века повествования из развернутых становятся все более сухими и фактографичными. Составители «Памятной записки...» охарактеризовали простоту нрава, доброту, молчаливость и другие индивидуальные качества насельников Оптиной Пустыни, выявив тем самым общность людей особого склада — искателей града Небесного, странников на земле, людей кротких, не от мира сего, которые, по словам Спасителя, наследуют землю.

Записи, не несущие духовно-назидательного смысла, в публикации не воспроизводятся.

Благодаря этому документу мы узнаем о судьбах подвизавшихся в обители людей — образованных и «не книжных», живших в Оптиной Пустыни с малолетства и поступивших в монастырь в старости, монахов и послушников, несших самые различные послушания.

Конечно, в сборнике представлены далеко не все подвижники благочестия, жизнь которых связана с Оптиной Пустынью. Многие из них еще ждут своего биографа.

Сборник жизнеописаний будет интересен историкам, краеведам и всем, кому близка Оптина Пустынь, кто неравнодушен к истории Церкви и Отечества.

* * *

Сборник содержит жизнеописания подвижников благочестия ранее издававшиеся, а также не опубликованные архивные материалы. Рукописные документы и фотографии сохранились в фондах Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки, Государственно-

го архива Калужской области, Российского Государственного архива литературы и искусства, в архиве монастыря Оптиная Пустынь.

Издатели сопроводили тексты книги краткими примечаниями, раскрывающими смысл и содержание отдельных понятий Бого-служебного Устава и повседневной монашеской жизни, социально-политической истории Российского государства XVIII – начала XX века, устаревших слов и выражений, а также указали дни памяти духовных лиц, тесно связанных с Оптиной Пустынью и ныне прославленных в лике святых.

Приложения включают краткие биографические справки об авторах помещенных в сборник материалов, список архиереев Калужской епархии с указанием переводов на другие кафедры и другую справочно-библиографическую информацию.

При подготовке к публикации «Памятной записки о скончавшихся и погребенных...» по известным персоналиям братии Оптиной Пустыни проводилась сверка с другими архивными документами. В случаях разночтений даются уточнения или комментарии со ссылкой на источник.

По стилю, структуре и оформлению тексты соответствуют оригиналам: ссылки на Священное Писание, сноски, комментарии. Написание прописных и строчных букв приведено в соответствие с правилами современной орфографии за исключением тех случаев, когда, по мнению издателей, автор хотел подчеркнуть особый смысл того или иного понятия. Сокращения в тексте раскрыты, пропуски отмечены треугольными скобками. Недостающие по смыслу слова и дополнительная биографическая информация вставлены в квадратные скобки. Авторские ссылки на Священное Писание оставлены в тексте, постраничные дополнены издателями. Орфография приближена к современной, знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации.

Часть первая
**ПОДВИЖНИКИ
БЛАГОЧЕСТИЯ
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

*Драгоценнейший жемчуг
дивного шитья, составлен и собран
из многоцветных раковин, извлеченных
из сокровенных глубин безбрежного
и бездонного моря великого
оптинского духа.*

С. А. Нилус

Игумен Авраамий

тец Авраамий, состоя в братстве Пешношского монастыря, пред назначением своим в настоятеля Оптиной Пустыни был огородником и спокойно в простоте сердца занимался своим послушанием, не ища и не желая ничего иного. Когда иеромонах Иосиф отказался от должности за болезнью и митрополит Платон стал просить старца Макария дать в Оптину Пустынь для ее устройства совершенно способного и вполне благонадежного человека, старец с обычною своею простотою отвечал: «Да у меня нет таких, Владыка святой; а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» Преосвященный, поняв, что хотел выразить такую оговоркою старец (т. е. что совершенства нет на свете, и трудно отвечать

иначе на требование: дать человека совершенно и вполне способного и благонадежного), не спрашивая ничего более, приказал представить к себе отца Авраамия.

Архимандрит Макарий спустя некоторое время, призвав к себе Авраамия, приказал ему приготовиться ехать с ним в Москву для некоторых покупок, а по приезде в столицу представил его к архипастырю. Тогда только узнал отец Авраамий о своем назначении. Тщетно, по чувству смирения, отпрашивался он у своего старца отца Макария, представляя, что налагаемое на него бремя выше его сил, поставляя на вид свои немощи и болезненное состояние. Советы голутвинского старца Самуила и пешношского Ионы убедили его не уклоняться настойчиво от звания Божия, и он вскоре отправился по назначению, напутствуемый благословениями старца и любившей его братии.

Прибыв в Оптину Пустынь, он нашел крайнее запустение: «Не было полотенца рук обтирать служащему, — говорил отец Авраамий, — а помочь горю и скудости было нечем; я плакал да молился, молился да плакал. Проживши в обители два месяца, не видя ниоткуда помощи к исправлению плачевного ее состояния и скучая притом по своей духовной родине и прежней мирной беспечальной жизни, я отправился на Пешношь, открыть старцу (отцу Макарию) свою душу и молить снять с меня бремя не по силам. Но вышло иначе: старец принял меня с отеческою любовью и, выслушав мои сетования о скудости вверенной мне обители, велел запрячь свою повозочку и, взяв меня с собою,

поехал по знакомым ему помещикам. Они в короткое время, по его слову, снабдили меня всем необходимым, так что я привез в монастырь воза два разных вещей.

Возвратясь со сбора, старец пригласил меня отслужить с собою, а после служения и общей трапезы, совершенно неожиданно для всех, обратился к своему братству с такими словами: „Отцы и братья! Кто из вас пожелает ехать с отцом Авраамием для устройства вверенной ему обители, я не только не препятствую, но и с любовью благословляю на сие благое дело“».

Вследствие такого объявления за Авраамием добровольно последовали во вверенную ему обитель несколько человек из братии Пешношского монастыря. К ним, по времени, присоединились сторонние трудники, и таким образом составилось братство, которого давно уже не видала в своих стенах Оптиная Пустынь. До утверждения на прочном основании иноки сии должны были бороться со многими затруднениями и недостатками. Никто, однако же, не роптал на свою участь, и все сподвижники доблестного Авраамия, сильные единодушием, перенесли нужду с христианским самоотвержением. Вскоре постоянство их принесло вожаемые плоды: времена переменились, и все устроилось ко благу предприятия. Первые затруднения в улучшении состояния обители были неприятности, претерпеваемые ею от козельских граждан, инвалидов солдат и крестьян, которые наносили обители постоянный ущерб, а братии — всегдашнее огорчение...

* Строитель (монастыря) — должность лица, возглавляющего обитель. Соответствует должности настоятеля. Со второй половины XIX в. должность строителя в церковных документах не упоминается.

В 1799 году Оптина Пустынь перешла во вновь открытую Калужскую епархию. Уважая труды Авраамия, Преосвященный Феофилакт, первый епископ новой епархии, обращал особое внимание на возрождавшуюся обитель. Доказательством его доверенности и расположения к отцу Авраамиию, между прочим, служит то обстоятельство, что в 1800 году при возобновлении московским купцом Терентием Целибеевым Малоярославецкого Черноострожского монастыря Преосвященный поручил начальное устройство сей обители Авраамиию, «яко человеку в общежитии довольно обращавшемуся и сведущему в распоряжении строения общежительных монастырей». Поручение исполнено с успехом, и иеромонах Оптиной Пустыни Мефодий сделан строителем* в восстановленном монастыре; впоследствии времени Мефодий был перемещен в Тихонову Калужскую пустынь, а место его занял иеромонах Оптиной Пустыни Парфений.

В 1801 году «за отличные услуги обители к общей пользе» Авраамий произведен в игумена Лихвинского Покровского Доброго монастыря, с управлением в то же время и Оптиной. Но вскоре немощь, а отчасти и опасение, чтобы не нарушилось заведенное им в Оптиной Пустыни благоустройство, заставили Авраамия отказаться от нового достоинства. Преосвященный уважил просьбу старца, и он по-прежнему был оставлен начальствовать только в одной Оптиной Пустыни, но уже в игуменском сане.

Введя в обители примерный внутренний порядок, отец Авраамий снискал ей уважение и по-

чение всего окрестного народонаселения, и по мере увеличивавшихся от того средств занялся и материальным устройством обители при помощи доброхотных дателей, сочувствовавших ему. Авраамий был вместе и учредитель, и зодчий. В 1802 году против возобновленной им соборной церкви начато строение новой трехъярусной колокольни в 30 сажен^{*} вышины. К ней с обеих сторон пристроено по каменному флигелю для братских келий. Колокольня эта, составляющая красу обители, и левый флигель окончены в 1804 году, а правый — в 1806-м.

Первый камень трехпридельного Казанского храма положен в 1805 году, а в 1809-м начато построение больничной церкви с шестью при ней кельями из материала, пожертвованного надворным советником^{**} Камыниным. Оба эти храма окончены одновременно в 1811 году и освящены в то же время Преосвященным Евлампием, епископом Казанским и Боровским: больничная 26 августа, а настоящая в Казанской 23 октября. Все деревянное монастырское строение было исправлено; а сверх того построены вновь два каменных двухэтажных (верх деревянный) флигеля, братской трапезы и настоятельский, а внутри монастыря разведен фруктовый сад. Словом, Авраамий не забыл ни о чем: все было придумано и исполнено самым рачительным образом.

Но занимаясь внешним устройством вверенной ему обители, отец Авраамий давно скорбел, видя в ней многих желающих и достойных принять иноческий сан, но не имевших на то права,

^{*} Сажень — древнерусская мера длины, в разных частях государства употреблялось более 30 наименований саженей разных размеров. Соборное Уложение 1649 г. официально закрепило размер сажени, равный 3 аршинам или 216 см. В 1835 г. в России был принят закон о русской системе мер, согласно которому основанием линейной меры признавалась сажень, которая приравнивалась к 7 английским футам или 3 аршинам, что составляло 213,6 см.

^{**} Надворный советник — гражданский чин VII класса «Табели о рангах», соответствовал военному чину подполковника; титуловался «Ваше Высочайшее».

* «Духовные штаты» 1764 года — указ, изданный Екатериной II, согласно которому все церковные имения с податными крестьянами переходили в ведение Коллегии экономии. Этим же документом определялось количество монашествующих для каждого монастыря.

** Святейший Синод — в Российской империи с 1711 по 1918 г. высший государственный орган церковно-административного управления, заменял Патриарха. Члены Святейшего Синода назначались императором, управляли Синодом государственные чиновники — обер-прокуроры, пользовавшиеся правами министра.

потому что по штату* 1764 года определено было содержать в Оптиной Пустыни не более семи монашествующих и с настоятелем. Посоветовавшись с единоклубной братией, отец Авраамий решился утруждать блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича просьбою, дабы он благоволил умножить число монахов в Оптиной Пустыни.

По ходатайству Преосвященного Феофилакта, епископа Калужского, благочестивый монарх всемилостивейше изволил согласиться на прошение игумена Авраамия. Указом из Святейшего Синода** 1809 года января 18 дня дозволено: «к настоящему в Оптиной Пустыни штатному положению монашествующих прибавить еще двадцать три человека, так чтобы число оных и с настоятелем было из тридцати».

Восполнив таким образом важнейший недостаток в Оптиной Пустыни, Авраамий в последующее время не ослабевал в трудах своих и попечении о благе ее. Не умалялось также, но еще более возрастало и заслуженное им благорасположение калужских архипастырей. Так, преемники Преосвященного Феофилакта, епископы Евлампий и Евгений, оказывали особое благоволение к Оптиной Пустыни. Первый из них даже желал провести в обители остаток дней своих в молитвенном покое, почему и построена была для него на сей предмет особая келья (ныне настоятельская).

Таким образом, обитель Оптина процветала в тиши безмятежной, упокоеваемая заботливостью своего настоятеля. Когда наступил грозный два-

надесятый год, с сокрушенными сердцами принимались в обители вести о бедствиях Отечества, о взятии Смоленска, занятии Москвы и нечестии нового Амалика*, не пощадившего святыни московской. Храмы обители были открыты с утра до глубокой ночи и полны народа, который, признавая над собою крепкую руку Божию, плакал и молился, да сотворит Господь со искушением и избытие**.

Несмотря на близкую опасность, епархиальное начальство не сделало никакого распоряжения об удалении иноков и вывозе церковного имущества, потому что фельдмаршал князь Кутузов уверил калужского градского главу и депутатов от купечества, что он не пустит Наполеона в Калугу; а слова архистратига наших сил принимались тогда всеми как слова пророчества, исполнение которого, как уверены были все, не замедлится. Однако игумен Авраамий принял некоторые необходимые меры предосторожности, собственно от него зависевшие, а именно: церковную утварь, ризницу и библиотеку приказал уложить в сундуки; свечи и другие церковные вещи были закладены в палатку, что под соборною церковью. Братия приискали в дремучем бору, окружающем их Пустынь, недоступный по положению своему овраг с пещерою, в 15-ти верстах*** от обители, чтобы удалиться в него на первый случай при появлении врага.

Между тем вражеские полчища, выступив из Москвы, бросились на Калужскую дорогу, думая пробиться на юг России; но Кутузов предупредил

* Амалик — «народ-властелин» (др.-евр.), или амаликитяне — древний могущественный кочевой народ, живший на Синайском полуострове и отличавшийся особенным противлением ветхозаветному Израилю; был поражен и разбит Моисеем и Иисусом Навином (Исх. 17, 8–16), затем Гедеоном, Саулом, Давидом и Езекией.

** Избытие (1 Кор. 10, 13) (ц.-слав.) — избавление, спасение, облегчение.

*** Верста — путевая русская мера длины, упоминается в исторических источниках с XI в. Величина версты неоднократно менялась в зависимости от числа сажен, входивших в нее, и величины сажени. По закону 1835 г. «О системе российских мер и весов» 1 верста = 500 сажением = 1,0668 км.

их коварные замыслы: он стал у Тарутина, и Россия, опершись на Кутузова, устояла. Малоярославец, как гласит одна из надписей его памятника, «сделался пределом нападения и началом бегства и гибели врагов». Здесь дана была последняя на русской земле битва 12 октября 1812 года. Упорное сражение продолжалось целый день: город шесть раз переходил из одних рук в другие; из 200 обывательских домов сгорело 180. Улицы были устланы трупами, обгоревшими и раздавленными при проезде французских пушек. Сотни раненых и умирающих лежали среди смрада курившихся домов. В стенах Малоярославецкого Черноострожского монастыря сохранились и доселе следы ярости и нечестия врагов, не уваживших святыни Дома Господня¹. И вот Бог отмщений пролил на святотатцев чашу Своего праведного гнева: русские остались победителями, а Наполеон, увидя невозможность пробраться на Калугу, гонимый и преследуемый нашими войсками, отступил по Смоленской дороге; но этот путь его гордого шествия в Москву уже обратился для него в путь скорби, отчаяния и гибели.

Теперь посмотрим, что происходило в Оптиной Пустыни в тот победоносный день, когда одно из духовных чад ее, монастырь Малоярославецкий, принимал удары врагов Отечества на щит своей святыни. Одушевляемая ежедневною церковною службою и увещаниями доблестного и опытного своего на-

¹ Над воротами св. обители уцелел невредимо изображенный красками на стене Нерукотворенный Образ Спасителя, хотя вокруг него все изъязвлено бранными выстрелами буйных неприятелей. — *Примеч. авт.*

стоятеля, старца Авраамия, Оптиная Пустынь пребывала в твердом уповании скорой помощи от Бога и от верных сынов России. Радостно принята была в обители весть, что молитвами и заступлением святителя Христова Николая враг бежал от Малоярославца, посрамленный в своей гордыне. На третий день после Малоярославецкой битвы, т. е. 14 октября, совершено было в Оптиной Пустыни благодарственное, с коленопреклонением, молебствие, и своды Казанского храма огласились хвалебными песнями «Заступнице усердной, имущей державу непобедимую». Молебствие заключилось крестным ходом вокруг обители, при многочисленном стечении народа.

Таким-то образом спасся, под щитом своей святыни, от нашествия нового Батыя и орд всей Европы и город Козельск, который некогда шесть недель держался против полумиллионной орды древнего Батыя, защищая своего юного князя.

Бог судил старцу Авраамиию насладиться плодами своих начинаний и тяжких трудов. После достопамятного 1812 года несколько лет еще прожил он, всеми любимый и уважаемый, в обители, им обновленной и устроенной.

В 1815 году окончены были и приделы Казанской церкви; освящены: Воздвиженский — Преосвященным епископом Калужским и Боровским Евгением, а Георгиевский — Новоспасского монастыря архимандритом Амвросием. Эти духовные торжества были последней радостью, увенчавшею труды боголюбивого старца. Телесные силы его заметно ослабевали, постоянная бо-

лезнь делала бремя настоятельства неудобноносимым... Дни его были сочтены: слабое от природы его здоровье, расстроенное беспрестанными трудами и борьбой с обстоятельствами, как лампада, приметно угасало, и силы жизни его более и более истощались.

В исходе 1816 года заболел он смертельно, и почувствовав, что наступает для него время предстать пред суд Бога, служению Которому посвящена была вся общепользная его жизнь, за несколько дней перед кончиною созвал он к себе всю братию Пустыни, неутешную от близкой его потери. В трогательных выражениях простился добрый сей пастырь с духовным своим стадом, завещал ему согласие, мир и единодушие и, собрав последние силы, благословил всех братий. Вскоре потом почил он сном праведным 14 января 1817 года, сподобясь напутствия Святых Христовых Таин.

Притруженный старец погребен в паперти Введенской соборной церкви¹. На гробнице его начертана следующая надпись: «Под сим камнем погребено убогое тело многогрешного черноризца игумена Авраамия, которому от рождения своего 58 лет, и во оной пустыни был настоятелем 20 лет и 3 месяца, скончался 1817 года генваря 14 дня в ночи во исходе 12 часу». А при сем его просительное завещание: «Прошу вас и молю, духовная братия и спостницы, не забудьте меня, егда молитесь; но зряще мой гроб,

¹ В 1837 г. по устройении придела во имя св. Николая Чудотворца место, где погребено тело отца Авраамия, вошло в храм. — *Примеч. авт.*

поминайте мою любовь, аще кто чувствовал; и молитесь Христа Бога нашего, да учинит дух мой с праведными в вечном блаженстве, аминь».

Как начальник братства, им самим собранного, отец Авраамий был строг и взыскателен, но отнюдь не своенравен. Введя в обновленной им обители новый порядок примерной, нестяжательной жизни, он был строгий блюститель его и, опираясь на личный пример, требовал точного исполнения своих приказаний и распоряжений в делах общежития. Посредников он не терпел: каждый из иноков в нуждах своих обязан был относиться прямо к нему, за что особенно и любила его братия. Его сердечная простота, соединенная с духовною мудростью и увенчанная достойною жизнью, вселяла к нему невольное уважение. Он был радушен и приветлив в обращении и, при совершенной нестяжательности, милостив и сострадателен к бедным; словом, никто из посетителей обители не оставлял ее без того, чтобы не унести в сердце памяти о добром ее настоятеле! Все калужские архипастыри удостаивали его особенного своего благоволения и доверенности и часто представляли в пример другим Авраамия и его обитель¹.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

¹ В Летописи Скита Оптиной Пустыни упоминается случай, когда покойный игумен Авраамий явился преподобному Амвросию и «как бы с сетованием говорил: „Меня совсем позабыли, по всем старцам бдения бываю, а по мне хотя бы полиелей правили“. С сего времени в дни памяти его и Ангела 1 августа стали править полиелей» // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-366. Л. 54 об.

Монах Павел (Трунов)

Приступая к описанию жизни собрата нашего, я имел одно намерение, чтоб утешить его родителей, а вместе с сим и сохранить память сего незабвенного страдальца — в памяти его любящих. Истина сбылась над ним: *скончався вmale, исполнив лета долга*¹. Да простит мне читатель, если в кратком сем описании не найдет тех подробностей, которые бы были заманчивы, влекли ум к ненасытному чтению, — отыскивая сильных искушений и великих дарований, которыми был бы прославлен от Бога. Нет, перо слишком слабо, чтоб могло красноречиво обрисовать жизнь тихую тихого и смиренного страдальца. Это одна краткая брошюрка, брошенная на могилу дружбы, дабы и там, за дверью гроба, и в самой вечности мог видеть сей земной Ангел, что существуют на земле те, которые его помнят.

Прими, незабвенный друг, товарищ горести, дней грозных, страшных и прошедших, прими сию дань дружбы, воззри с высоты небесной на слезы о разлуке и улыбкой ангельской вдохни радость в мое сердце!

И если ты обрел милость от Господа, как мы все несомненно уповаем, помолись за недостойнство мое, да вселит меня в ту обитель, которую уготовал тебе и всем любящим Его Творец Небесный от сложения мира.

* * *

¹ Прем. 4, 13.

*Приидите ко Мне, вси труждающиеся
и обремененнии, и Аз упокою вы¹*

Благочестивых родителей благочестивая отрасль Павел Федотович Трунов происходил из дворян Курской губернии Щигровского уезда, родился в 1813 году. Первые лета юности провел в доме родительском, где и начальное получил образование. Родители его, как будто предвидя в нем будущего слугу Бога Вышнего, воспитывали в страхе Божиим и благочестии: ежедневно заставляли прежде всякого дела прочитывать одну или две кафизмы Псалтири, и потом приниматься за обычные занятия. На канун всякого праздника и в день оный — если какие обстоятельства не позволяли быть в приходской церкви при совершаемом Богослужении — родители их, собирая детей своих, заставляли или Павла, или родного брата его Симеона читать утреню* и акафист** Божией Матери или Иисусу Сладчайшему, а вечером вечерню***; несмотря на то, что дети хотят спать или играть, всегда правило сие исполнять неизменно.

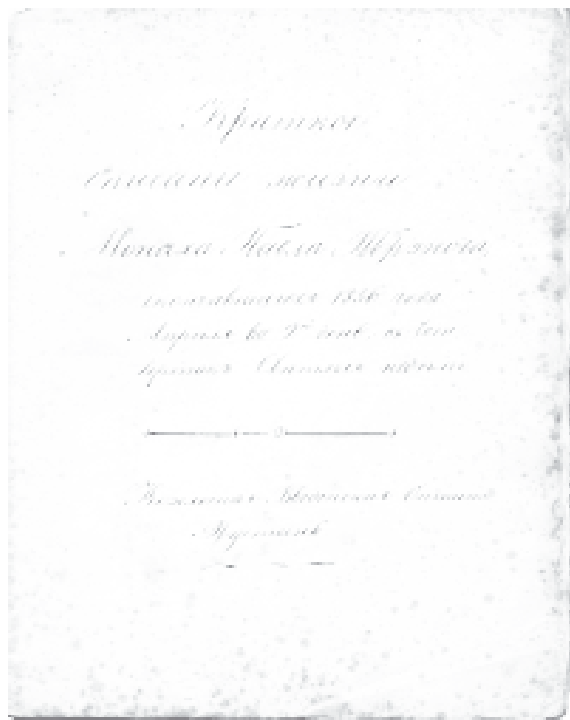
Окончив воспитание в родительском доме, Павел отдан был в училище в городе Щиграх, где учился с прилежанием и своим тихим и кротким нравом был примером ученикам ленивым и шаловливым, из которых многие, взирая на него, исправлялись. Здесь, в самых отроческих летах, наиболее читал он книги духовные, а в особенности сочинения Тихона, епископа Задонского; и как

* Утренняя — ежедневное Богослужение, начинающее ряд дневных служб. По содержанию утреня разделяется на 3 части: в первой приносится исповедание во грехах и прошение о милости Божией на новый день; во второй — прославляются празднуемые события и Святые; в третьей — славится *Показавший нам свет Господь*.

** Акафист — хвалебно-благодарственный гимн, торжественное песнопение, которое принято слушать стоя, составленное из 25 отдельных кондаков и икосов. Богослужебный Устав упоминает лишь один древний Акафист Пресвятой Богородице (VII в. или ранее); наряду с ним в практику церковной жизни вошли и другие подобные акафисты Спасителю, Божией Матери и Святым.

*** Вечерняя — ежедневное Богослужение, совершаемое в начале вечера. Различаются вечерня вседневная, малая и великая (перед великими праздниками). Чин и состав вечерни восходят к IV–V вв. В этой службе воспоминаются сотворение мира, грехопадение прародителей, наша общая смертность и, затем, Пришествие на землю Тихого Света, Христа Господа, избавляющего нас от смерти временной и вечной.

¹ Мф. 11, 28.

Титульный лист рукописи «Краткое описание жизни монаха Павла Трунова». АОП. Л. 1

сам мне покойник сказывал — еще в бытность в училище родилась в нем мысль жить в монастыре; о сем он тогда же открылся двоюродному своему брату Ермогену — сверстнику по летам и брату по духу, — и тот давно уже горел желанием к жизни монашеской; но оба они не смели открыться родителям: во-первых, потому, что, зная привязанность к себе родителей, твердо были уверены, что этого не позволят им сделать и будут иметь за ними бдительный надзор; а во-вторых, боялись навлечь негодование, повергнуть заранее в печаль тех, которым они обязаны жизнью; реши-

Родинами или домомы наши 1582 года от
 по 21 век 1813 года от домомы и
 Кирасилен. Родинами домомы Родинами 1632
 года Родинами от 21 года, по Родинами домомы
 62 домомы, по Родинами домомы домомы домомы
 62 127 года, от Родинами 23 года и 3. домомы

Монах Павел (Трунов).
Рукопись «Краткое
описание жизни монаха
Павла Трунова». ОР РГБ.
Ф. 214. Опт-322. Л. 2 об.

лись молчать и ждать благоприятного случая, полагая надежду на Самого Бога, по глаголу рекшего: *возверзи на Господа печаль твою*¹, продолжали учение свое и, окончив оное в училище, получили аттестат; и родители их по сродной любви к детям хотели скорее видеть их произведенными в чин офицерский, а по молодости лет боялись отправить в полк или в какое-нибудь дальнее высшее Присутственное место на службу. Записывают в Щигровский уездный суд.

¹ Пс. 54, 23.

Здесь на минуту остановлю описание и обращусь к некоторым родителям, и спрошу их самих, много ли таких семейств в Отечестве нашем, где и доньше не считают за стыд учить детей с самого начала Псалтирь Давида? Вы молчите, — так я скажу, что их слишком мало. Зато француза или немца в редком дворянском доме не встретишь. А что напечатано церковной печатью, не дозволяется иногда детям брать и в руки — боясь, что испортят выговор французский и будут говорить дурно. Но Павел наш был воспитан не по моде, а по правилам христианской нравственности, и был слишком счастлив, не читавши никогда сочинений Вольтера, Фоблаза и русского развратника Боркова, которых едва ли знал по слуху; имен сих я никогда от него и не слышал, следовательно, будучи чист душою и от колыбели до могилы девственник — в полном смысле этого слова, — мог чистым сердцем возносить молитвы к чистому Богу, и душа его не могла обуреваться порочными помыслами и воспоминаниями скверными. Он не знал их, он далек был от всего порочного и близок был к одному благочестию.

Судьба меня, из шумного света перебросив в стены монастырские, сроднила душою с Павлом, он узнал меня, а я постиг его. Часто рассказывал мне все, что случалось с ним от юности, требовал от меня той же откровенности, но я, видя его чистую душу, боялся возмутить рассказами совершенно для него новыми и непонятными для простого и доброго сердца; молчал ему о том, что поколебало б его, и он иногда бывал за мою недоверчивость в негодо-

вании; но я считал лучше переносить оное, нежели напоить его ядом тяжких рассказов, которые, ежели начать описывать, то потребны стопы бумаги. Итак, никакой страстный помысл не мог возмутить его душу; но ежели и гордость когда думала толкнуть в его сердце, то болезнь ее смиряла. Много ли найдется молодежи всех состояний, сохранивших себя в девстве посреди соблазнов мира? Много ли, — спрашиваю вас, воспитанников моды, — насчитаете в богатых гостиных? Не вы ли полуфранцузским языком защищаете свои наглости; но Павел был не таков; по рождению — дворянин, по духу — христианин, и со словом «атеист» был незнаком. Вы, мои друзья, поклонники Паркста, моды и красавиц, не боитесь опорочить все святое.

Говорите:

Что вера есть обман, —

лукавое притворство,

Вот в чем считаете

прямое благородство!..

Но Павел не принадлежал к числу шаркунов. Он родился выше своего века и постиг в юности истину — неразгаданную веками и известную одним святым угодникам Божиим — суету мира и славу небесную! Первую он оплевал, а второй желал, искал, и, несомненно верую, ее наследовал. Довольно, пора приступить к продолжению начатого.

Итак, жребий брошен, Павел определен в уездный суд в число канцелярских служителей, или попросту приказных, и по воле родителей «с пером в руке, с законами за плечами» проходит неленост-

но новую для него азбуку — страшной и горше той начальной, ибо он неожиданно попал в такой круг товарищей, что, к стыду нашего века, всякий знает, что такое значит приказной; а потому и молчу о них. В такой-то круг попал бедный Павел и, помня слова пророка Давида: *со избранным избран будеши, со строптивым развратишися*¹, смутился духом и, видя поступки своей собратии, плакал о своей гибели и пред образом Богоматери изливал свою печаль. Скорая Помощница и Заступница в бедах послала ему помощь свыше и утешила его тем, что в сем суде находился повытчик² — хороших правил, удалившийся от поступков своих товарищей; к нему-то Павел поступил в стол и считал уже себя счастливым, что, кроме двоюродного брата его, посреди приказных нашелся еще благочестивый. Повытчик сей впоследствии был в монастыре и рассказывал мне лично о неимоверных трудах и отличном прилежании Павла. Между тем добавил он следующими словами: «Бывало, в летнее время в субботу в 12 часов по выходе из суда я с Павлом и братом его пешком пойдем ко всенощной в Коренной монастырь, в 40 верстах от Щигров отстоящий, и на другой день, т. е. в воскресный, отслушав раннюю и позднюю обедни, спешим опять в Щигры, чтобы, отдохнувши, в понедельник утром быть в суде и о походе нашем никому не сведущу. Это случалось не один раз».

¹ Пс. 17, 27.

² Повытчик — должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде. — *Примеч. в рукописи.*

Теперь читатель может видеть постепенно возрастающее желание Павла к благочестию, видя не раз стройный чин обители Коренной, славящейся чудотворною иконой Курской Богоматери, богатство монастыря и большое стечение народа, как на центр матери всех русских ярмарок, так и множество поклонников — озаряло счастливую обитель, находящуюся под особенным покровом такой сильной Заступницы, какова Матерь Божия. Тут-то, пред чудотворной иконой, Павел с двоюродным братом своим Ергоменом положили обеты, невзирая ни на какие препятствия, посвятить жизнь свою Богу, и слыша в Евангелии слова: *аще возлюбит отца и мать свою, братию и сестры своя паче Мене, несть Мене достоин*¹, со слезами на глазах, по выходе из церкви, братски заключили друг друга в объятия, и Ергомен, как старше немного Павла, решился тотчас же, пока не погасла искра, бежать в один из отдаленных монастырей России. Я умолчу о подробностях сего, как не относящегося к жизни Павла, скажу кратко: он пожелал в военную службу, приняв благословение родительское, и в 1831 году был в городе Курске, взяв из губернского правления паспорт, отправился тайно в путь; и, достигши Введенской Оптиной Пустыни, вступил на службу Царю Царей, Всещедрому Богу!

В шестидесяти верстах от Калуги, близ города Козельска, окруженная с трех сторон сосновым бором, на полугоре, при подошве которой течет река Жиздра, стоит мирная обитель — приста-

¹ Ср.: Мф. 10, 37.

нище иноков — Введенская Оптина Пустынь, и, как предание гласит, основанная в XV веке одним раскаявшимся разбойником. Вправо по течению Жиздры и за оной в трех верстах от обители на горе возвышается огромный дом помещика села Прысков; в симметрии одного села, влево вверх по течению Жиздры виден город Козельск, прозванный татарами злым городом, и ныне кверху от города в недалеком расстоянии виднеются окопы, защищавшие сей город. На восток от сей обители на расстоянии 150 сажен узкая тропинка ведет в Скит, окруженный со всех уже сторон лесом и местоположение единственное для желающих спасения, ибо тишина необыкновенная; даже самая природа, кажется, имеет снисхождение к сему месту. Самые огромные бури здесь мало ощутительны, перекааты грома тихо вторятся гулом дерев, уступая порывам стихий, смиренно клонят ветви долу. Сия обитель, пред сим едва вмещавшая до 30 человек братии, нужно* содержа оных, но впоследствии прославленная именами строителя иеромонаха Моисея¹ и старца Леонида², безбедно при всем устройстве содержит ныне вместе со скитянами до 100 человек братии, которые ежедневно в храмах Богоматери славят Предвечнаго: *Слава в вышних Богу и на земли мир*³. Господь посылает нужное довольно, так что тщанием отца

* Нўжно (церк.-слав., древнерус.) — здесь: с трудом, с усилием, преодолевая препятствия.

¹ Прп. Моисей (Путилов) († 1862), старец Оптинский. Настоятель монастыря с 1826 года до своей кончины. Память 16/29 июня.

² Прп. Лев (в схиме) (Наголкин) († 1841), старец Оптинский. Память 11/24 октября.

³ Лк. 2, 14.

*Введенская Оптина
Пустынь. Рисунок
акварелью. 1826 год*

строителя вместо бывшей деревянной ограды выросла ныне каменная с башнями по углам; распространена пристройкою двух приделов Введенская соборная церковь; отстроена, расписана стенным писанием братская трапеза; одним словом, в продолжение 13-летнего настоятельства его обитель решительно из развалин воздвигнута в то цветущее состояние, в котором ныне находится. Сим отцем строителем заведен и Скит. Он был вызван из лесов пустынных для заведения Скита и устройства обители, и при всем своем нежелании оставить пустыню должен был повиноваться Провидению, вызывавшему его на трудный и тернистый путь, на котором и до сих пор борется с неожиданными препятствиями; и как искусный кормчий, до сих пор держа в руке кормило, сберег корабль, ему врученный, от потопления.

Сей-то Пустыни предназначено было принять в недра свои юного Павла, который по разлуке с

* Казенная палата — губернский орган Министерства финансов в Российской империи в 1775–1917 гг. Ведала сбором налогов, государственным имуществом, податными делами, откупными и другими финансовыми делами.

двоюродным братом, неизвестно куда скрывшимся, тосковал довольно, но повиновался Промыслу Всевышнего. Родители Павла, видя, что и меньший их сын уже подрастает, отправили Павла с ним в город Курск, на службу в Казенную палату*. Тут Павел, после 8-месячной разлуки с двоюродным братом, получает от него письмо из вышеупомянутой Пустыни. Он пленительными красками изображает жизнь монастырскую, обещающую столько утех за дверью гроба, что святой апостол Павел восклицает: *недостойны страсти века сего к хотящей явиться в нас славе*¹. Павел недоумевал — что делать? Как оставить занятия по службе, едва начатой; ежели проситься у родителей в монастырь, то это тщетно; самовольно прийти — страшился последствий, которые грозили брату его Ермогену за умышленный побег из родительского дома. Наконец, он подает в отставку, ему решительно отказывают в его просьбе; через год ровно повторяет просьбу, но и теперь те же последствия и отказ тот же. Что делать? Павел в отчаянии молит Бога послать на него болезнь. Господь услышал молитву: «не отвратил лица от отрока Своего, яко скорбит»², исполнил его желание. У него заболел глаз, и, завязав оный, является в Палату просить пощады и увольнения от службы. Товарищи его постигают причину и, зная его богоугодную жизнь, решительно его называют монахом; а насмешками и разными колкостями стараются отвлечь его от сего намерения; но твердая душа не ослабевала во благих

¹ Ср.: Рим. 8, 18.

² Ср.: Пс. 68, 18.

желаниях. Надоевши присутствующим своею неотвязностью, получает отставку и в восторге радости бежит в собор и пред иконой Курской Богоматери изливает благодарность и радость свою. Отсюда тотчас выезжает из Курска в сопровождении своего родного брата Симеона; по дороге же к родине, не доезжая 20-ти верст до своих родителей, завернули к одному благочестивому и добродетельному помещику, способствовавшему прежде сего побегу в монастырь их двоюродного брата. У сего-то благодетеля своего требуют совета, наставления и защиты от поисков. Он, как ревностный христианин, обрадовался, что открылся случай благотворить благому начинанию, отправляет их к одному знакомому управителю, где они трое суток тщательно были укрываемы. Наконец, сей боголюбец, приготовив нужное к отъезду, поехал сам их проводить до самой Оптиной Пустыни, но 40 верст только проехал, лошадь сломала ногу на том самом месте, где за два года пред сим Павел простился с братом Ермогеном; он нашел вынужденным вернуться домой, со слезами оставив их, а Павел с братом своим радостно пошли пешком уже до самой Пустыни.

Июля 7-го 1833 года, в день преподобного Акакия, иже в Лествице, тихая погода — спутница тихому Павлу — легким зефиром поддерживала ослабевающие силы Павла, который в жизнь свою не хаживал так далеко пешком, и мог ли о подобном походе думать тот, кого качав еще в колыбели, нежная мамка напевом пророчества предвещала:

При Царе будет боярином,
А при армии фельдмаршалом.

Где ж событие? Павел пешком, с котомкой за плечами, опираясь на палку, едва тащится от усталости, но дух его парит в обитель давно желанную. Вечерело, когда Павел доходил до знакомого нам соснового бора, окружающего Пустынь, повернул направо в чащу леса и, не зная дороги, блуждал в лесу по различным направлениям; вдруг слышит благовест в большой колокол монастырский — звон сей созывал братию Оптиной Пустыни и верных христиан на всенощное бдение в храм Казанской Божией Матери, на канун Ее торжества. Павел перекрестился, поблагодарил Бога, так чудесно показавшего ему дорогу в обитель, и пошел на гул колокола. Подходит к Пустыни. Высокая колокольня указала путь святых врат монастырских, и Павел с молитвою и радостным сердцем, забыв усталость, идет прямо в храм Казанской Богоматери. Едва переступил он за порог дверей церковных, как видит брата своего Ермогена с книгою в руках, идущего, как нарочно, к нему навстречу, за ним чинно по обеим сторонам с правого и левого клиросов тянулись певчие. Павел недоумевал, но вдруг лития* началась, канонарх**, брат его, громко воскликнул: «Яко воистину древняго кивота пречестнее». Певчие повторили сии слова стройным напевом. Павел был в восхищении, его пленила огромностью своею церковь Казанской Богоматери и стройный голос поющих. «Я думал, — говорил он, — что нахожусь на небе и в лице Ангелов, слушаю похвальную песнь Преподобной Богородице». Отслушав всенощную, кончившуюся в полночь, Павел отправляется на монастырскую гостиницу для ночлега. Заметить надобно, что у Павла дорогою от

* Лития — здесь: в Богослужении праздников часть Всенощного бдения, которая следует за просительной ектенией, совершается в крайней западной части храма с особыми прошениями и оканчивается благословением хлебов, пшеницы, вина и елея. Поскольку исторически лития сложилась в Константинополе как молебствие в общественных бедствиях, она и ныне может быть соединена с молебном и крестным ходом вне храма.

** Канона́рх (греч. «правляющий» (пением)) — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас (по Октоиху) и затем стихи молитвословия, которые за ним поочередно повторяют певцы на клиросе. Участие канонарха — особенность монастырского пения.

*Введенская Оптина
Пустынь. Святые врата
Иоанно-Предтеченского
скита. Открытка.
Последняя четверть
XIX века*

жара и пыли разболелся глаз сильнее прежнего и в тот день, когда пришел в монастырь, болел сильно, и он стоял в церкви с завязанным глазом. Здесь сбылись слова Спасителя: *аще забудет жена исчадие чрева своего, но Аз не забуду тебе*¹. Сотворилось чудо, Павел проснулся утром здоров, Пресвятая Богородица исцелила его. Утром на Казанскую Павел повидался с братом Еρμοгеном и гостил около двух недель, осматривая обитель. Наконец, со слезами на глазах вместе с братом своим Симеоном поклонились до лица земли отцу строителю и просят его включить их в число братства Богоспасаемой обители. Строитель отвечает словами рекшего: *грядущаго ко Мне не изжену*², принимает их в обитель.

Павел поступает под руководство одного наставника, старца иеросхимонаха Леонида, и всё то, что ему заповедует Старец, исполняет с искусством

¹ Ср.: Ис. 49, 15.

² Ср.: Ин. 6, 37.

опытного послушника; если когда что преступит, в тот же день исповедью очищает совесть. Не смею более говорить о прочих его добродетелях в отношении к отцу духовному, который, несмотря на мою просьбу по смерти его, ничего не сказал, кроме того, что «велик Павел у Бога, и Господь его прославит».

Все возлагаемые на него послушания проходил неленостно, без роптания, несмотря на слабость своего здоровья, ибо Господь посетил его Своею милостью. Во время своего пребывания в монастыре он был болен то тем, то другим, и за всё благодарил Бога. Я, видя его всегдашние страдания, из сожаления назвал его Пименом Многоболезненным, и это имя осталось при нем до смерти; почти вся братия не иначе называла его, как сим именем.

Теперь пора обратиться к родителям Павла, которые, узнав, что лишились обоих сыновей, Павла и Симеона, были в отчаянии. Всякий может вообразить себе печаль родителей, которые не столько печалились, что лишились детей — утехи и подпоры в старости, не зная, где находятся, сколько страшились, что они попались в руки раскольников и погибли как здесь, так и там. В порыве гнева и печали хотят предать их проклятию, хотят отыскивать чрез правительство, думают наказать жестоким образом за непочтение к родителям и весь гнев свой обращают по подозрению на благодетельного помещика, который скрыл их от поисков родителей. И сего-то благодетель Павел и братья его и до сих пор почитают и молят о нем ежедневно Господа. Но досеница Вышняго сохранила Павла — родители посер-

дились, поплакали, наконец смирились, простили детей с тем только, чтоб хотя один из них приехал принять благословение. Это доходит до Павла; с благословения старца Леонида Павел едет к родителям; его прощают, благословляют на предстоящий подвиг и сказывают, что письмам его, которые он писал из разных городов России, чтобы скрыть местопребывание, не верили, а наверно полагали, что находятся вместе с преждеушедшим своим братом, о пребывании которого до сих пор ничего не было известно и которому также в сие время дано от родителей благословение; ибо они удостоверились, что дети их находятся не в расколе, а в истинной Греко-Христианской Церкви. Недолго Павел гостил в доме родительском, спешил скорее возвратиться в обитель; родители его, видя таковое усердие, не удерживали, хотя со слезами, но отпустили в желанный путь.

Беспрестанно открывавшиеся болезни, новые, непонятные, принудили Павла в 1834 году в июле месяце отправиться в Москву, чтобы узнать причину оных; но, пролежав в Голицынской больнице три недели, не видя никакой пользы и по консилиуме докторов узнав, что они не постигают его болезни, возвратился назад в Пустынь, возлагая надежду на самого Бога.

В Москву Павел отправился пешком с другим послушником из сего же монастыря; не доходя столицы верст 50, остановились на одном постоялом дворе; проезжих никого на оном не было, и они пошли спать в сенной сарай. Павел, снявши подрясник, начал молиться Богу; хозяин двора входит

за сеном, видит на груди Павла сумку, вообразил, что у него много денег (но в ней были одни бумаги и 15 рублей ассигнациями), решился на убийство, но Господь хранил раба Своего невидимо. Хозяин двора входит в избу и, привыкши презирать опасность и нарушать закон справедливости, давно уже приучил руку к резке, сердце к варварству, а взоры к ужасам. Начал готовить орудие для произведения умысла своего в действие; старуха, мать хозяина, видя его так заботливо готовящего убийственные орудия, исполнившись жалости, воскликнула: «Злодей, ты уже хочешь и монахов резать? Нет, Господь не попустит сего тебе сделать; ты видишь, они молились, и за тебя мы все погибнем». Харчевник, не слушая слов матери, выходит на двор; старуха его преследует и громко кричит: «Злодей, если ты тронешь только их, сама открою все твои дела, и сейчас же побегу и объявлю в деревне». Павел с товарищем слышит, к кому относятся эти слова, никого, кроме их, нет; оружия никакого, кроме четок, возле них не находится. Павел стал на молитву вместе со своим спутником. Харчевник начал бить свою мать, и вдруг у ворот загремел колокольчик и громкий голос заревел: «Хозяин, отворяй ворота». Харчевник бросился к воротам, начал принимать приезжих гостей, а Павел со спутником своим бросились на улицу. Господь невидимо покрыл их от поисков разбойника, а может быть, он за ними и не преследовал. Теперь может всякий видеть, как сильна была молитва праведника и благодать Божия присутствовала при нем, когда мать разбойника остановила руку убийцы, боясь, что злодеяния его откроются за то, что лишит

жизни инока. Здесь снова сбылись над ним слова Спасителя: *«Аще забудет жена исчадие чрева своего, но Аз не забуду тебе¹»*.

Во время пребывания своего в монастыре, не смотря на свою болезнь, Павел проходил нелегально послушания, с кротостью переносил ропот братии за немощи; а всех более досаждал ему приставник огорода и погреба — человек строгий и исполнительный, требуя от него тех же трудов, как от сильных и здоровых братьев, укоряя его в лености, но тот, как агнец незлобивый, или молчал, или скажет: «Виноват, прости Бога ради, я немощен».

Часто со слезами на глазах придет к своему духовнику и наставнику отцу Леониду и пред ним изливает скорбь души своей, а тот в утешение ему скажет: *«Терпи, Павел, многими скорбьми подобает внити в Царство Небесное², и писано также: время сие есть обидяй да обидит, и скверный да сквернится, святыи да святятся³, терпением да течем на предлежащий нам подвиг⁴ и в терпении вашем стяжите души ваша⁵»*. И многими другими словами из Священного Писания приведет в неизглаголанную радость, давая знать, что всё делается по воле Господней для испытания его усердия, к неизреченным милостям, посылаемым свыше:

¹ Ср.: Ис. 49, 15.

² Ср.: Деян. 14, 22.

³ Ср.: Откр. 22, 11.

⁴ Евр. 12, 1.

⁵ Лк. 21, 19.

«И даже самая болезнь дана ти от Бога, да прославиши имя Его святое». Старец довел его до такой степени самоукорения, что однажды Павел, подходя к приобщению Святых Таин, был оскорблен служащим попом сими словами: «Ты, окаянный, недостойн принять сих Даров», однако допустил его к приобщению и после обедни сказал ему: «Я за то тебя так осудил, что не уважаешь священства, ты не поцеловал руки моей вчера при раздаче антидора*». Действительно, накануне того дня Павел, приняв антидор, был оттолкнут другими, не успев поцеловать его руки, а тот был столько самолюбив, что не забыл ему напомнить при собрании всей Церкви и в такое время, когда и врагов прощают. Павел, бедный Павел заплакал и, как сам после сказывал, что в это время подумал, что, видно, Господь наказал его за какой-нибудь грех, по которому он недостойн сообщиться со Христом, и сим так умиротворил себя, что принял Святые Дары спокойно, без малейшей злобы на священника. Вот так укорил себя Павел и, подобно мытарю, вышел из храма оправдан.

Он до того был незлобив, что ни один человек из такой многочисленной братии никогда не слышал от него оскорбительного слова или обидного спора — всегда Павел был уступчив. Всего же удивительнее, что никто и никогда ни о чем не слышал от него ропота.

Различные болезни Павла были не что иное, как преддверие чахотки. Он чах не от подвигов, но болезнь его изнуряла, ум его погружен был во всегдашнюю молитву, и почти за год до смерти он всег-

* Антидо́р — «вместодарие» (греч.) — части просфоры, из которой на проскомидии был вынут Св. Агнец для совершения Таинства Причащения за Литургией; раздаются по ее окончании, чтобы не лишать непричащающихся участия в Св. Трапезе.

да говорил: «Ах, умру скоро — помолитесь за меня, отцы и братия». Павел знал всю Псалтирь наизусть, немногие могут этим похвалиться.

Наступил 1836 год, и чахотка в Павле обнаружилась во всей силе. Отец Леонид тогда же говорил приближенной братии, что «Павел на Светлой неделе возьмется от нас»; кто знает, почему за такое долгое время он узнал кончину, назначив время — не сказав дня, о котором, может, он тогда и знал, но умолчал и впоследствии никому об оном не сказал, хотя некоторые и спрашивали.

Едва бродил Павел всю зиму, требуя от меня пособий, но я его обнадеживал весною, уверяя, что теплый воздух поправит его здоровье, а соки из свежих трав возобновят силы. Верил или не верил наш страдалец, но на пятой неделе Великого поста уже не вставал со одра своего и только молился и почаству просил звать отца Леонида, и тогда только бывал покоен, когда беседовал с ним. С сего времени часто исповедовался и приобщался Святых Христовых Таин. В Лазареву субботу отец строитель облек его во святой ангельский малый образ* монашества. В сем-то образе в великом утешении и восторге был новый монах отец Павел, забывая даже и болезнь свою. На Светлый праздник, после утрени пришли некоторые к нему из братии похристосоваться; он сидел на одре своем и на вопрос мой: «Не стыдно ли тебе, отец Павел, в такой день плакать, когда вся братия радуется?» — отвечал слабым и болезненным голосом: «Об том-то я плачу, что не могу с братиею вместе радоваться, а совсем не о том, что болен».

* Святой ангельский малый образ — чинопослдование пострижения в мантию (наз. также «малая схима»). Сопровождается принесением Богу обетов послушания, безбрачия (целомудрия), нестяжания и непрестанной молитвы. Как правило, происходит перемена имени, или монах обретает другого соименного небесного покровителя. Новопостриженного облачают в хитон (подрясник), параман, пояс, рясу, мантию, клобук, сандалии, дают в руки четки и вверяют старцу для руководства.

* Заутреня — название утрени с оттенком значения очень ранней службы до рассвета, часто так называют утреню Святой Пасхи.

** Елеосвящение — святое Таинство Церкви, называемое также соборованием, состоящее в семикратном помазывании болящего освященным елеем (маслом) с семикратным чтением Апостола, Евангелия и молитв, в которых призывается врачующая язвы души и тела Благодать Божия.

С самого дня Праздника приметно ослабевал, но до самой кончины находился в твердой памяти и во время Светлой недели два раза приобщался Святых Таин Тела и Крови Господней. В день же кончины своей, 2 апреля 1836 года, т. е. в четверток Светлой седмицы, во время заутрени* соборовался маслом и, несмотря на изнурение сил, просил меня поднять его и все время Елеосвящения** сидел; во время ранней Литургии снова приобщился Тела и Крови Христовой. Отец Леонид начал шутить с ним, говоря: «Ну, Павел, ты скоро выздоровеешь», но он отвечал: «Знаю, Батюшка, но только не в здешней жизни». Приближался вечер Светлого четвертка, одр Павла окружали брат его, монах Ермоген, и еще монах Иоанн; до самой смерти говорил, но язык его тупел. В седьмом часу отец Павел, закрывши глаза, говорил тихо, непонятно, упоминал неоднократно имя «Бог». В это время отец Леонид прочел отходную, а отец Павел, взглянувши, удивился, потом благодарил его за прочтение¹ и с той минуты совершенно изменился; вставши, сидел до самой смерти, говорил со всеми весьма ясно и с вольным духом, как бы не был болен, для всех окружавших его было удивительным. За час до смерти его я вхожу к нему, говоря: «Здравствуй, отец Павел! Узнал ли ты меня?» — «Знаю», — отвечал он, назвал меня по имени, глаза его были зажмурены, все говорили, что он заговаривается, я не верил этому, то брат его Ермоген сказал: «Смотрите, я его спрошу», и тотчас же, обратясь к нему, гово-

¹ Отец Леонид спросил: «Желаешь ли, чтобы я еще пришел к тебе?» — «Я так желаю, если б ты, отче, был при мне и до самой моей смерти», — отвечал Павел ясно и громко. — *Примеч. в рукописи.*

рит: «Отец Павел, слышал ли, как благовестили к заутрене?» Он взглянул на брата и твердым голосом кротко сказал: «Что мене искушаешь?» Ясно все увидели, что память его не оставила. За четверть часа до кончины я говорю ему: «Прощай, отец Павел, прости, в чем виноват, завтра рано приду к тебе». — «Не увидишь меня», — был его ответ. Я взял у него руку, поцеловал ее, а он, отдернув, сказал: «Что ты делаешь?» Трое окружали его постель. Павел попросил Ермогена положить его на подушку, ибо он сидел — мокрота сильно его давила, и едва только наклонил, Павел, вздохнув, испустил дух на руках брата своего. Это было 9 часов пополудни. Трикратный удар колокола возвестил монастырской братии о преселении в вечность Павла: братия толпой ринулись в келью усопшего. Отец Леонид совершил последование о усопшем, братия чинно простились с покойником, никто не рыдал, но всякий видел сбывшееся с ним изречение: *преставлен бысть, восхищен бысть; да не злоба изменит разум его, или лесть прельстит душу его: угодна бо бе Богу непорочная душа его*¹.

Заметим здесь чудо: когда иеродиакон Геронтий начал одевать Павла и посадил его, то Ермоген воскликнул к предстоящим: «Взгляните на брата!» И что же? Голова его держалась точно как у живого, никем не поддерживаемая, пока на него был надет подрясник и ряса. Лицо его и все тело набелело и было мягко и гибко, как у живого.

На другой день отец строитель соборне при собрании всей братии отпевал тело; тихо текли сле-

¹ Ср.: Прем. 4, 10—11, 14.

зы у некоторых о разлуке с незабвенным братом, но всякий благодарил Бога, что сподобил его такой кончины, и внутренне желал, чтоб Господь даровал и нам таковую же.

Итак, не стало Павла! Заря жизни закатилась, и земля приняла в недра свои милого страдальца. Прощай, Павел! Мир праху твоему, могила твоя от родины далеко, на ней нет ни креста, ни памятника, она сровнена с землею, один дерн показывает твое жилище, но зато там, на небесах, на лоне праведных, ты, верно, слышишь благословения наши. За тебя молят отцы и братия, и Святая Церковь вопиет: «О братиях наших, zde лежащих и повсюду православных», а клир гласит: «Господи, помилуй».

В заключение сего краткого описания жизни монаха Павла (Трунова), составленного мною с устного предания покойного, и то, что сохранилось в памяти моей, здесь изложил кратко, а чего большей частью был очевидец, представляю на суд его знавших, и впоследствии, по собрании нужных к сему материалов, исправлю и дополню со многими пояснениями. Теперь же предлагаю выписку из письма братьев покойного, монаха Ермогена и Симеона, к родителям, которая служит также объяснением к некоторым подробностям кончины его; из одного ясно может всякий видеть, думал ли он о чем плотском, когда в последние минуты жизни даже не вспомнил о родителях, но весь находился в Боге! Письмо было следующего содержания:

«Спешим сообщить вам печаль нашу, но более радость неизреченну сердцу вашему о брате нашем, а вашем любимом сыне Павле Феодотовиче. Он

преселился от сего временного жития в вечные небесные обители сего апреля 2-го числа на Светлой неделе Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, в четверг пополудни в 9 часов; кончина его блаженная. Вам известно, что он всегда был нездоров; с сентября месяца 1835 года начался у него кашель, и явно открылась чахотка, она помалу усилилась мокротами до такой крайности, что он с трудом мог пройти по келье. В Лазареву субботу принял он на себя святой ангельский малый образ монашества; в Великий пост приобщался Святых Христовых Таин три раза. На Светлой неделе более стал слабеть и во вторник приобщился Святых Христовых Таин. В четверг, во время утрени, соборовался маслом и во время ранней Литургии приобщился Святых Христовых Таин. Пить и есть, хотя мало, но мог; с утра говорил: «Я, может, к вечеру умру». Часа за два до смерти минут десять бредил тихо, в это время духовный отец прочитал отходную, и вдруг он опомнился, начал благодарить за сие духовного отца; выговор у него сделался ясный; он сел на постели, крестился, творил молитву, со всеми говорил, как здоровый; в самую последнюю минуту сказал, что ему сидеть больно, и только восклонился на бок, испустил дух тихо, на моих руках. Тело его сделалось мягко и бело, запаха от него никто не чувствовал. Духовный наш отец справил должное при исходе души служение, а погребение — сам отец строитель с собором, и предали тело его земле по церковному чиноположению*, как должно монаху. Итак, наш брат, отец Павел, за претерпение болезни получал все Таинства ко спасению, омыв слезами своими

* Церковное чиноположение к погребению — церковное последование, известное с апостольских времен и сложившееся при св. императоре Константине. В России в XIX в., во-первых, совершались омовение и облачение усопшего (священнослужителя — и в церковные одеяния) и, затем, литии и панихиды; во-вторых, на третьи сутки служилось отпевание в храме (чин различается для архиереев, иереев, монахов, мирян и младенцев). В-третьих, гроб с пением Трисвятого и в предшествии священнослужителей несли к могиле на кладбище, где погребали лицом к востоку.

душу и тело свое, освятился и соединился с Господом посредством частого причащения Тела и Крови Христа Спасителя, и бывши до последней минуты в здравых чувствах, уснул блаженным сном до всемирного общего воскресения. Мы же, видя сие великое милосердие Божие на нем, по уверению Церкви (в требнике, в статье о умерших во дни Святой Пасхи), несомненно веруем, что Господь принял его в вечное блаженство, и он молится там о нас грешных. А потому малая печаль преложилась нам в великую радость. Что больше желать, как только быть уверенным, что сын ваш жив во Царствии Божиим во веки; для того и все мы родились.

Конец.

По смерти сего блаженной памяти отца Павла поведал нам монах Иоанн¹ вещь сицеву: «По кончине отца Павла, в 8-й день, размышляя о жизни и смерти его и о неизвестности состояния души его в вечности, вселилось в мое сердце некое неверие и скука; на другой же день, т. е. в девятый (по кончине), после заутрени от усталости лег я в келье своей и, мало воздремавши, слышу голос у двери отца Павла, как обыкновенно при жизни у него был громкий — творит молитву сию: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Боже наш, помилуй нас». Я вдруг вскочил, сказал «Аминь» и в сию минуту, вспомнив, говорю в себе: ах! ведь отец Павел умер. У двери же

¹ Сей монах Иоанн прежде с отцом Павлом по случаю жил некое время в одной келье, также был и при кончине его неотлучно. — *Примеч. в рукописи.*

Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий)

никого не было; тотчас напал на меня страх и радость; я перекрестился и после почувствовал утешение в сердце и как будто сим известился о получении им милосердия Божия — никогда не имею сомнения о блаженстве отца Павла в вечной жизни».

Слыша сие, любящие отца Павла много утешились и, веру к вере приумноживши, смиренно повторяли слова пророка Давида: *блажени яже избрал и приял еси Господи, и память их в род и род*¹.

И тебе, незабвенный нам отец и брат, да будет вечная память²!

Монах Порфирий (Григоров)

Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий)

Замечательный старец этот пребывал на покое в сей обители 17 лет и скончался на 80-м году от рождения, в 1841 году апреля 15 дня. Начально поступил он в Николаевский Пешношский монастырь в 1782 году, где и пострижен в монашество в 1786 году славным архимандритом Новгородского Тихвинского монастыря Игнатием. В том же году посвящен во

¹ Ср.: Пс. 64, 5; 101, 13; 134, 13.

² Монах Павел (Трунов) похоронен на некрополе монастыря Оптиная Пустынь возле храма во имя преп. Марии Египетской, к востоку от алтаря. Его родной брат, схиеродиакон Сергей, в миру Симеон, скончался в 1884 г. и похоронен в Иоанно-Предтеченском скиту. Двоюродный брат Павла — иеросхимонах Ермоген, являвшийся письмоводителем и помощником старца Макария (Иванова), скончался в 1885 г., похоронен на монастырском некрополе возле Введенского собора // ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Д. 6. Л. 60 об., 108.

иеродиакона и иеромонаха, а в 1788 году переведен в Тихвин монастырь, где был ризничим. В 1791 году взят в ту же должность в Александро-Невскую Лавру. Находясь здесь, между прочим, в 1794 и 1795 годах, он имел поручение переделать на ризницу придворный гардероб покойной Императрицы Елисаветы Петровны, для отсылки в обращенные из унии церкви четырех епархий. В 1795 году произведен игуменом в Николаевский Моденский монастырь и оставлен наместником Лавры. Впоследствии, в сане архимандрита, был настоятелем трех знаменитых монастырей: ставропигиального* Ростовского Яковлевского, потом Спасского Арзамасского и наконец Суздальского Спасо-Евфимиевского. В последнем за отличное прохождение своей должности и благоразумное содержание арестантов в годину искушения для России (в 1812 и 1813 годах) Высочайше награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Отказавшись, за немощию, от настоятельской должности, отец Мелхиседек в разное время проживал на покое во многих монастырях, но с 1824 года и по день кончины в 1841 году имел постоянное жителство в Оптиной обители.

* Ставропигиальный (монастырь) (от *греч.* «ставропигия» — дословно «водружение креста») — монастырь, имеющий статус независимости от епархиального архиерея и подчинения непосредственно Патриарху, или, как в России XVIII — нач. XX в., Святейшему Правительствующему Синоду. Буквальное значение слова указывает на то, что в таких монастырях крест на месте Престола новооснованного храма водружался Патриархами собственноручно.

Жизнь старца достопримечательна по многим обстоятельствам пройденного им 80-летнего поприща. Отец Мелхиседек, уроженец Курской губернии, принадлежал к купеческому сословию уездного города Белгорода. Наставленный родителями в правилах практического благочестия, он уже с поступлением в монашество, и притом собственными трудами, достиг того духовного и общественного образования, которое руководило его в восхожде-

Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий)

нии по степеням духовной иерархии. Этому немало способствовало то обстоятельство, что он жил долгое время с знаменитыми духовными мужами, прославившими наше Отечество. Так, первоначально находился он при славном тихвинском архимандрите Игнатии; был много лет наместником Лавры при достославном, богоугодном митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском Гаврииле и пользовался его постоянною доверенностью. Знал лично и удостоивался беседы святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого.

Вот с какими мужами обращался отец Мелхиседек! От них-то занял он многое благопотребное на пользу души своей, как то: простоту жизни и смиренное мудрование. Архимандрит Мелхиседек, несмотря на преклонные лета, до самой кончины сохранил твердую память и зрелый рассудок. Рассказывал умно и красноречиво о разных обстоятельствах своего времени. Будучи, по званию наместника Лавры, близким человеком к митрополиту Гавриилу, он имел случай познакомиться у него с большею частью вельмож блестящего Двора Императрицы Екатерины II. Многие из них удостоивали отца Мелхиседека своего расположения и неограниченной доверенности; вот причина, почему придворная и частная жизнь вельмож были ему хорошо известны! Рассказы его, правдивые и одушевленные, могли бы послужить важным материалом для историка века Екатерины Великой.

Последующие времена не менее были известны старцу. Управляя Ростовским Яковлевским монастырем (где почивают мощи святителя Дими-

трия, митрополита Ростовского), он имел случай познакомиться с фамилией графов Зубовых, которые, проживая в то время в своих ярославских деревнях, часто посещали вверенную ему обитель. Графиня Наталья Александровна Зубова, дочь великого Суворова, была духовною дочерью отца Мелхиседека. Граф Петр Васильевич Завадовский и [граф] Николай Петрович Шереметев удостаивали его своей дружбы. Когда у последнего родился единственный сын граф Дмитрий Николаевич, то благодарный отец тотчас уведомил о сем отца Мелхиседека особым письмом и просил во изъявление его признательности ко Господу соорудить в Ростовском Яковлевском монастыре соборный храм святителю Димитрию, который и ныне наружным великолепием и внутреннею отделкою украшает сию обитель. Деньги на построение сего храма отпускались по требованию отца Мелхиседека из вотчинной конторы близлежащего графского села Поречья, и требования эти, по приказанию графа, исполнялись без всякого замедления, так же точно, как его собственные. Покойный граф сыпал деньги на богоугодное дело щедрою рукою, не требуя никакого отчета от архимандрита. Достаточно будет заметить, что Николай Петрович рассердился, когда почтенный отец Мелхиседек, по совершенном окончании храма, представил ему подробный отчет употребленной им на сей предмет суммы. В 1836 году архимандрит Мелхиседек, находясь уже на покое в сей Пустыни, вручил ехавшему в Петербург за сбором милостыни на монастырское строение монаху Иоанникию вышеупомянутое письмо

Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий)

к нему от графа Николая Петровича Шереметева, с уведомлением о рождении сына графа Дмитрия Николаевича; отец Иоанникий доставил это письмо графу Д. Н. Шереметеву, и он, прочтя его, щедро рукою подал милостыню Оптиной Пустыни, в синодиках* которой издавна записан род его.

Любимец покойного Государя Императора Александра Павловича бывший министр духовных дел князь А. Н. Голицын был также искренно расположен к старцу Мелхиседеку и вел с ним переписку. Многие архипастыри свидетельствовали ему письменно свое внимание и духовную любовь.

Последние годы своей жизни притруженный старец провел в Оптиной Пустыни. По собственному его выражению (в духовном завещании), «тихо и мирно» успокаивался он здесь, окруженный любовью и приязнью всего честного братства. Так же тихо и мирно сошел в могилу, удостоившись напутствия всех Христовых Таинств и оставив вечную память во всех знавших его, особенно в иноках Оптиной обители, как ближних свидетелей его богоугодной жизни и блаженной кончины. Погребен против Крестовоздвиженского придела Казанского храма. Он оставил по себе духовное завещание, которое, будучи необходимым дополнением краткой его биографии, в то же время послужит и самым красноречивым изображением духовных свойств сего приснопамятного мужа.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

* Сино́дики церковные — первоначально слово «синодик» означало «Чин Торжества Православия» (842–843 гг.). В России XIX в. синодиками церковными назывались помянники, поминальницы, поминальные списки, то есть книги с записанными в них именами живых и усопших для поминания их во время Богослужения (на проскомидии) или за чтением Псалтири.

Монах Гавриил (Домогатский)

Гавриил родился 1821-го года в марте месяце в городе Мценске Орловской губернии от родителей благочестивых Филиппа и Анны по фамилии Домогатские. При рождении наречен Гавриилом (тезоименитство 26 марта) и просвещен Святым Крещением. Мать его вскоре преставилась ко Господу. Сирота без матери от юности своей был кроток и молчалив. Достигши отроческих лет, попечением родителя обучался российской грамоте и торговому промыслу, в коем помалу стал познавать погрешности обычные в торговле, противные заповедям Божиим, а потому всячески уклонялся от навыка к оной. Прибегал более в церковь к слушанию Божией службы. Отец его имел при себе еще взрослых сыновей и, думая, что Гавриил не имеет способности к торговле, не воспрещал ему ходить к Богослужению. Пользуясь благосклонностью родителя, Гавриил паче всего возлюбил благолепие дома Господня и место селения Славы Его, по псаломнику (Пс. 25, 8), и, яко елень на источники водные (Пс. 41, 2), спешил к Божией службе, где только послышит благовест в колокол, переходя из одной церкви в другую. Находясь благоговейно при Богослужениях, падающие на добрую и тернием страстей еще не поврежденную землю сердца его Небесные семена сохранял в памяти своей со вниманием, уклоняясь от сверстников, рассматривал примеры благочестивых людей, помня слова пророка Давида: *С невинным невинен будеши, а со стропти-*

вым развратишися (Пс. 17, 26 и 27). Иногда идет от всенощной поздно вечером один¹, размышляя о смерти и о Страшном суде, и в таком размышлении приходил в страх и трепет. Видя бабку свою по плоти, часто постящуюся, а особенно во Святой Великий пост, от вечера Ваий* до Страстного Четвертка, а в Святой Четверток причастившись Святых Христовых Таин и вкушивши пищи паки до Святой Пасхи, таковому воздержанию поревновал с усердием и отрок Гавриил, будучи не более 14 лет, и когда во время пощения своего ощутил невидимую помощь Божию, укрепляющую телесные силы, и познал пользу от поста, с того времени отказался навсегда уже от мясной пищи. Пребывал в молчании от всех, кроме нужды, и уединенно поучался о сохранении себя от мирских соблазнов и претыканий, благоговейно воздыхая из глубины сердца пред Всеведущим Богом, молился в смиренном духе. Чрез таковое благое упражнение сердце и мысли его просвещались и привлекали благодать Божию, по Священному Писанию: *На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Пс. 66, 2). Наконец, юное сердце его таяло яко воск от огня страха Божия и не терпело более быть там, где беззаконие и пререkanie во граде. Днем и нощию обыдет и по стенам его. Беззаконие и труд посреде его, и неправда. И не оскуде от стогн его лихва и лесть (Пс. 54, 10–12). Просил смиренно благословения у родителя удалиться от

* Вечер Ваий — вечер двенадцатого праздника Входа Господня во Иерусалим, иначе называемого Неделя Ваий, Цветоносная или Цветная неделя, Вербное Воскресенье. Вечером за Богослужением произносятся слова «Грядый Господь на вольную Страсть...», и начинается воспоминание последних дней и спасительных страданий Господа Иисуса Христа. С воскресного вечера соблюдается строжайший пост.

¹ Это он сам сказывал в предсмертной болезни служащему ему брату. — *Примеч. в рукописи.*

молвы житейской в монастырь. Отец хотя противился званию Божию, отпустил его с миром. Пятнадцатилетний юноша Гавриил, в восторге духа пришедши в мирную обитель иноков Калужской губернии в Козельскую Введенскую Оптину Пустынь 1836 года мая 10-го дня, рассматривая сию обитель, окруженную лесом и от мирского шума удаленную, объявил усердное свое желание и просил со смирением настоятеля принять его в обитель. Мудрый настоятель и наставник по довольном испытании на монастырской гостинице принял Гавриила, определил его для келейного послужения казначею иеромонаху Варлааму, а для руководства в духовной жизни поручил его искуснейшему в добродетелях старцу иеромонаху Льву.

* Новоначальный послушник — брат, недавно принятый в монастырь, проходящий испытательный срок на разных послушаниях и прикрепленный к опытному монаху для руководства.

Новоначальный послушник* Гавриил, облекшись в монастырские одежды в радости духа, взяв крест свой, последовал за Христом, с усердием и благоговением навывал иноческому житию в послушаниях по силе своей, а в свободные часы, не упуская ни одного дня, объяснял Старцу своему все свои действия, поползновения и мысли, случившиеся в продолжение суток, и по сокрушенном исповедании, получив разрешение, отходил с мирною совестью и духом в келью свою. 1837 года февраля 23-го Гавриил переведен в помощники настоятельскому келейнику. Здесь-то предстояло ему душевные и телесные испытания понести и окончить свой подвиг.

Сначала, по неимению особой кельи, послушник Гавриил целый год теснился в общей комнате, в которую братия, по обычаю общежития, приходят

для испрашивания себе потребностей, там же поставляется разная посуда и делается приготовление по случаям. В этой комнате Гавриил не мог иметь постоянного места ни для упокоения после трудов, ни для келейного молитвенного правила, но всё сие терпел с самоукорением, укрепляясь наставлениями мудрого своего Старца.

В январе 1838 года Гавриил помещен в особую келью в настоятельском корпусе вместе со вторым помощником келейника п. С.¹ Этим приютом много утешен был он и успокоен духом. В сей келье находился до самой предсмертной болезни пять лет. Повиновался и заповеданное послушание исполнял со всяким усердием, простотою и любовью, никакого дела не начинал без благословения или повеления, во всем отвергая свою волю. Многажды по слабости сил своих и изнемогал в трудах, но никогда не пороптал, сознавая немощь свою, кротко переносил или увольняем был от дела.

Воздержание с самого начала возлюбил, понуждая себя принимать пищу всегда меньше потребности, и от понуждения пришел в такое состояние, что за два года и более до кончины своей не мог употреблять трапезной пищи, довольствовался малою частью пшеничного хлеба с бульоном или с теплою водою, а для ссохшегося желудка его необходима уже была на всякий день кипящая вода с настоенной травой и

¹ Послушник Спиридон Авксентьевич Ермолаев, в монашестве Савватий. Вместе с прп. Антонием (Путиловым) Оптинским переведен в Малоярославецкий монастырь, вместе с ним вернулся в 1853 году. Скончался 24 октября 1856 года // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 331; там же. Ед. хр. 2. Л. 66.

с малым услаждением. От такового воздержания он имел легкость в теле, бдение и трезвение в мыслях и готов был на всякое благое дело.

К церкви Божией великое имел усердие: иногда по трудах успокаивался в ночи не более двух часов или менее, но к утрени поспевал к началу и всегда пребывал в церкви до самого окончания службы, преодолевая телесное изнеможение, разве только по повелению идти на какое-либо послушание, которое он предпочитал во всю жизнь свою паче поста и молитвы.

В свободные часы занимался он прилежно чтением отеческих книг с благословения Старца, особенно любил читать уединенно псалмы пророка Давида. Некоторые живущие в соседних кельях братия нередко слышали читающего его в келье с таким умиленным произношением слов, что сами трогались из глубины сердца, а иногда нечаянно заставляли его сидящего с заплаканными глазами. Таково имел умиление и сокрушение сердца сей юный подвижник, внимая псалмопевцу: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*¹.

Иногда выписывал полууставом* по благословению Старца из книг поучения и молитвы, всячески избегая праздности и излишнего покоя.

Ко всем был любовен по Бозе, *всякою честию больша творяще паче себе*², по апостольскому учению. И не себе угождая, но ближнему Бога ради, а не по человекоугодию. Тело свое за несколько лет не омывал, кроме рук и лица, и то по необходимости по-

* Полуустав — форма кириллического шрифта, сложившаяся на основе уставного письма в XIV–XV вв. (т. н. старший полуустав). Младший полуустав последующего времени, включая XIX в., отличается от устава более округлым начертанием букв, относительно меньшим размером, большим количеством титла надстрочных знаков.

¹ Пс. 50, 19.

² Рим. 12, 10.

слушания. Избегал всякой неги. Если случалось иногда кому-либо укорить его как новоначального и малосильного, или за что-либо поскорбеть на него, хотя и невинно по одному мнению, он смиренно сносил и всегда предварял испрашивать прощение с сознанием себя виноватым. Всеми мерами старался мирным быть со всеми, подражая учению апостола Павла¹.

За тихий и кроткий нрав его братия старшие и младшие имели к нему любовь и уважение и душевно пользовались, смотря на всегдашнее молчаливое и благоговейное его пребывание. *Путие бо праведных подобне свету светятся*², а другие по неискусству своему похваляли его в лицо, забывая слова Премудрого, что «похвала мужу пагуба», но Гавриил не возносился о сем мыслью и не терпел человеческой похвалы, с кротостию смиренно всегда отвечивал им: «Вы сами не знаете, что говорите, я великий грешник, я пес умерший»³. Такого смиренномудрия и самоукорения достиг сей юный подвижник чрез отвержение своей воли и безропотное послушание. *Блаженни нищие духом: яко тех есть Царствие Небесное*⁴.

Гавриил от природы был ростом мал, телом слаб, благоличен, в 22 года от рождения он не имел ни усов, ни бороды, ни одного волоса, лице его цвело ангеловидно, утешением небесным за благую совесть и чистоту сердца, по наружности никто не мог ему определить более 14-ти или 15-ти лет, но ста-

¹ Ср.: Рим. 12, 18.

² Прит. 4, 18.

³ Ср.: 1 Цар. 24, 15.

⁴ Мф. 5, 3.

*рость, — премудрый Соломон говорит, — честна не многолетна, ниже в числе лет исчисляется: седина же есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверно*¹.

С 1840 года страдал Гавриил простудным кашлем и однажды в изнеможении объяснял Старцу своему, упоминаемому иеросхимонаху Льву, о немощи своей и болезни; старец же при братии сказал ему с обычною своею простотою: «Ну, Пухлютка (так называл его Старец), поживи еще годика три да и Бог с тобою, помри». Эти слова произнесены старцем за несколько времени до кончины своей, последовавшей 1841 года 11-го октября, которое предсказание братия с сожалением вспомнили во время предсмертной болезни послушника Гавриила. По кончине оного преподобнейшего Старца Гавриил с прочими учениками поступил под руководство в духовной жизни к скитона начальнику иеромонаху Макарию².

Начавшийся кашель от простуды у Гавриила не прекращался, иногда утихал от некоторых пользований и по времени паки возобновлялся, притом же и от слабости желудка* почти всегда страдал. Но с наступлением 1843 года кашель открылся сильный с кровью, от которого крайне он изнемогал, не мог уже ни исправлять послушания, ни в церковь ходить, ни книги читать, даже и говорил с трудом. Находился он в келье, как выше сказано, хотя и с одним братом, но в небытность** оного приходящие братия по сво-

* Сто́мах — здесь: желудок.

** Небы́тность — отсутствие.

¹ Прем. 4, 8–9.

² Прп. Макарий (Иванов) († 1860), старец Оптинский. Память 7/20 сентября.

ей потребности вопрошали по обычаю Гавриила, а другие из сожаления начинали расспрашивать его о болезни, не зная, что он не в силах говорить и по самой необходимости. В таком болезненном положении, видя его ослабевающего, один брат сожалел об нем и с благословения пригласил его к себе в келью, которая была из двух комнат в том же настоятельском корпусе в мезонине. В этих комнатах больной Гавриил с 28 января до самой кончины своей упокоиваем был оным братом с помощью настоятельского келейника и других братьев.

30-го того же января в субботу Гавриил по желанию своему пришел к ранней Литургии, поддерживаем от брата, и приобщился Святых Христовых Таин. В следующую субботу (6-го февраля) также пришел в Скит к Литургии, но с великим трудом, где и приобщился Святых Таин и после Литургии, побывши с час в келье старца иеросхимонаха Макария, возвратился в келью и с того числа до смерти своей никуда уже не выходил. В четверг сырный (18-го февраля) поутру особорован Елеосвящением, которое совершали старец его и духовник иеромонах Макарий, иеромонах Никон, служащий иеродиакон Амвросий, а для чтения и пения находились живущий с ним монах Евфимий и настоятельский келейник монах Николай, и от ранней Литургии приобщен Святых Таин. В продолжение Святого Великого поста в каждую субботу приобщался страждущий Гавриил Божественного Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Сею Небесною Пищею укреплялся и соединялся он душою своею с Богом и освящались изнемогающие его чувства, по словам Христа Спа-

сителя: Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем¹. Но телесные силы постепенно оскудевали. Кашель усиливался до крайности, внутренние боли переходили из одного места в другое. Головная боль не прекращалась. От внутреннего жара сохло в груди и во рту. Жажда томила его до изнеможения; пособия при его болезни не имели успеха. Но и при таковом страдании юный сей подвижник нудился и не изменил, сколько мог, благих своих навыков, молитва Иисусова неотлучна была от уст его, четки даже и во время сна не выпускал он из рук. Без крестного знамения и молитвы ничего не принимал в уста свои. Утренние и вечерние молитвы всегда выслушивал до кончины своей, понуждался во время чтения сидеть. В нестерпимой жажде хранил воздержание, полоская рот свой тепловатою водою или, проглотивши раз или два, далее терпел. В продолжении болезни Старец его по несколько раз в каждую седмицу посещал и утешал его духовными советами и наставлениями, также и настоятель отец игумен Моисей посещал и в назидание напоминал ему апостольское учение: *Яко недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас*² и еще: *Аще внешний наш человек тлеет, внутренний же обновляется по вся дни*³. Таковою отеческою любовью и духовными утешениями больной укреплялся духом в несомненном уповании на милосердие Божие; но при всем том, предчувствуя близкую

¹ Ин. 6, 56.

² Рим. 8, 18.

³ 2 Кор. 4, 16.

свою кончину, страшился смертного часа и нередко в трепете тихо и умиленно произносил: «Прогневая Бога, как мне грешнику явиться на тот свет?» — и после пребывал в задумчивости.

Воистину, братие! Страшен есть час смертный. Великий преподобный Арсений дивен был во святости, а когда пришло время скончания, весь трепетал и смущался; удивлялись ему братия, вопрошая: «И ты ли, отче, боишься смерти?» Отвечал Арсений: «Воистину глаголю вам, сей страх поражал меня во всем иноческом житии моем. Сего ради глагола некто: „Вся, рече, премудрых жизнь: ничто иное есть как размышление о смерти“» (от слова преподобного Илариона, празднуемого 21-го октября).

Во уважение иноческих добродетелей юного подвижника Гавриила настоятель благословил назвать его монахом и повелел живущему с ним брату приготовить и по кончине положить его в монашеском одеянии, дабы отправить по нем монашеское погребение. Что и исполнено, Богу тако устрояюще Своею благостью.

Настала Страстная седмица. Страждущий Гавриил находился в совершенном оскудении телесных сил, во всем теле чувствовал боль, не мог уже сам приподняться на постели. Предсмертные знаки по ходу болезни были видимы. Одна сила Всемогущего Бога соблюдала его в живых для увенчания кроткой и тихой его жизни. Во вторник, поутру уснувши, видел он в видении, которое открыл служащему ему монаху Евфимию: «Будто, — говорил он, — всё для меня приготовлено что-то много. Постели и прочее, и будто за мене и кашлять другие будут, а я только

буду покоиться, и еще что-то много, около, я уже и не помню и не могу пересказать». Весь этот день пребыл он благодушнее, но в прочие находился в самом страдательном положении и в задумчивости. В Среду Великую поутру приобщен Святых Таин, а в Четверток Великий, по собственному предчувствию, просил он Старца своего, чтобы приобщить его Святых Таин на самый Светлый день. В Великую Субботу поутру говорил монаху Евфимию: «Если завтра приобщиться мне Святых Таин, не было бы мне к тщеславию, да и, кажется, я более ослабею, приобщите меня теперь». И приобщен был. На Светлый день праздника, во время утрени, находившийся при больном келейник настоятеля монах Николай, смотря на него, заметил, будто он кончается. Тотчас позванный иеромонах Димитрий прочел отходную, чрез несколько минут больной пришел в себя, сел сам без помощи других, сказывал, что к нему будто бы много приходили, называл по имени иеромонаха Иоанна, старца своего иеромонаха Макария и других, которые в это время были безысходно в церкви. По утрени зашел к нему Старец и некоторые братия, с которыми он христосовался в радости духа и по желанию его до Литургии приобщен Святых Таин. Испил мало теплой воды с настоянною травою, но хлебного ничего уже не вкушал, а кашель у него не унимался. По Литургии до самой кончины находился при нем один монах Евфимий. В начале 12-го часа почувствовал он дурноту и проговорил, что, вот смерть, надобно благословиться у Батюшки, т. е. у Старца, и сидя всё крестился. В это самое время окончилась трапеза, братия шли в свои кельи, а Старец от настоятеля зашел к нему и спро-

сил: «Что ты, Гаврюша?» Тот отвечал: «Батюшка — смерть». Тотчас подан больному крест с распятием, который он твердо держал и лобызал, а Старец читал отходную и во время чтения, смотря на больного, проливал теплые слезы, от коих даже прерывался голос, также и находившиеся при сем трое из братии. По прочтении сказал несколько слов в пользу души больного и благословил его. С этой минуты страждущий Гавриил изменился. Кашель хотя не переставал, но, казалось, болезненного своего тела он не чувствовал, лежал и потом еще мало посидел с веселым лицом и, улыбаясь, говорил, что всё слышит он шум, и паки лежал, посматривая часто в левую сторону и потом с грозным видом сказал: «Молчи. Что это, Господи?» Монах Евфимий смотрел на него, а он, обратившись, сказал: «Что это все бегают, все говорят, и негде мне спокойно полежать, нет, я перейду отсюда. Да кто тут есть, или ты один?» И когда Евфимий уверял его, что в келье никого кроме него нет: «Может, ты видел во сне?», больной, улыбаясь, говорил: «А-а, это во сне, так я еще усну». Обратившись, паки посматривал и изредка повторял: «Да, да». Но дыхание становилось всё реже. Евфимий, видя его уже умирающего, приподнял, а Гавриил на руках его тихо предал дух свой в руце Божии на Светлый день 11-го апреля пополудни в два часа. Тело его сделалось бело, приятно, лицо и руки просветились. Приходящие братия удивлялись и ублажали его кончину, повторяя слова премудрого Соломона: *Скончався в мале, исполни лета долга: угодна бо бе Господеву душа его*¹. В трое суток по кон-

¹ Прем. 4, 13–14.

чине от тела его никто не обонял даже и обыкновенного мертвым телам запаха. В Светлый вторник по Литургии отец игумен Моисей соборне отвел погребение и тело было предано земле. Братия в радости духа прославляли милостивого Бога и Благость Его, увенчавшего жизнь кроткого Гавриила блаженною кончиною.

[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]

Послушник Николай Иванов

1845 года мая 23-го дня, в день отдания Праздника Святой Пасхи, в среду пополудни в 9-м часу, во время всенощного бдения, преставился в Оптиной Пустыни блаженною кончиною кроткий юноша Николай Иванов, на 18-м году от рождения. Воспомянем хотя кратко жизнь его, — не многолетна бо, но назидательна для благомыслящего христианина.

Сей тихий Николай рожден в 1827 году ноября 17-го, благородными родителями¹ в Москве. Остался круглым сиротою от отца шести, а от матери 9-ти лет. Воспитывался в Человеколюбивом заведении купца Набилкова. Старший брат готовил Николая определить на службу в межевом управлении, в коем и сам служил уже чиновником, но Николай имел страх Божий и давно стремился искать спасения души своей. Для сего пришел в Московский Симонов монастырь. Настоятель отец архимандрит Мелхиседек, по испы-

¹ Титулярным советником Иваном Никитичем Ивановым и Пелагеей Андреевной. — *Примеч. в рукописи.*

тании находя у Николая благопроизволение спастись и душевное устройство его, еще не колеблемое прелестьями мира, советовал ему отправиться в пустынную обитель, — сказывая о других, упомянул и о сей Оптиной Пустыни. Юный Николай с готовностью повиновался сему совету, поспешил и пришел в Оптину 7 мая 1844 года. По испытании принят и, по правилам сей обители, поручен Старцу для окормления и руководства в духовной жизни. Новоначальный послушник Николай смиренно, без ропота исполнял назначаемые ему послушания, соблюдал себя от всякого любопытства, бесед, на вопрос всякому отвечал краткими словами, почтительно. Никто не слышал от него, чтобы он хотя слово сказал о пороке или худом поведении какого-либо человека, в церкви стоял чинно, со вниманием. Случалось, если кто укорит его — правильно ли, неправо ли, — он никогда не оправдывался, но со смиренным поклонением просил прощения. Все дела и помыслы свои откровенно исповедовал в каждый день пред Старцем своим и, боясь забвения, в продолжение дня находящие помыслы или о чем нужно было в недоумениях просить совета — записывал на бумаге (найдено у него по кончине) и обо всем объяснял Старцу, по рассуждению и совету коего в точности старался исполнять, совершенно отвергая свой разум и волю. За благонравие и кротость любим был братиею; некоторые также и укоряли его, считая в нем лицемерие и притворство, но Николай, сознавая себя грешным, приобретал чрез уничижения смиренномудрие и покой в душе.

При слабом телосложении слабело у него зрение, а с октября месяца 1844 года начался у него кашель и

*Оптина Пустынь.
Рисунок Л. А. Бруни.
1920-е гг. ГТГ*

спазмы в животе, которые постепенно усилились до крайности. С 21 ноября он уже не мог выходить из кельи и изнемогал телом. Лекарственные пособия не имели успеха. Больной Николай, предавши себя Промыслу Божию, терпел благодушно и укреплялся духом чрез приобщение Святых Христовых Таин почти в каждую неделю. 23 апреля осoboрован Елеосвящением и, чувствуя душевную пользу от болезни, не желал уже выздоровления. Тело его выболело так, что, казалось, кости покрыты были одною кожицею.

Наступило 23 мая, последний день временной жизни страдальца Николая. После трудной для него ночи к утру более усилилась болезнь в животе и во всем теле, изнемогал до крайности. В 7-м часу удостоился принять Святейшее Тело и Кровь Христа Исккупителя нашего и, несколько успокоившись сею

Небесною благодатию, терпел с благодарением продолжавшуюся болезнь. Пищи за сутки еще никакой не употреблял, кроме тепловатой воды от нестерпимой жажды. Служащий ему брат иеродиакон Евфимий (с коим больной с поступления своего в монастырь жил в одних кельях) неотлучно уже был при нем. С полудня более и более изнемогал Николай от болезни и приходил в забытие. В это время брат утешал его, напоминал о милосердии Божиим, подносил крест с резным распятием, указывал на вольные страдания Господа нашего Иисуса Христа. Больной слушал и неоднократно лобызал распятие Господне и забывал несколько свою болезнь. Чрез малое время больной просил вынуть из-под него подушки, без которых он во всю болезнь не мог лежать. И паки страдал, но благодушно, поднимал руки вверх. На вопрос брата: или хочешь улететь? — отвечал: так бы и улетел, если бы угодно было Богу. После сего изредка повторял: «Трудно, жарко... Батюшка! Помогите... немножко... Нет, теперь не могу...» Глаза устремлял в левую сторону с суровостью, а потом в правую, но с довольством на лице; при таком забытии больного в начале малой вечерни пришел Старец — он же и духовный отец его, иеромонах Макарий, а вслед за ним и отец игумен Моисей. Николай, хотя и в памяти, но не мог ясно выговорить слов. Прочли вкупе отходную, по окончании оной отец игумен, осенивши больного иерейским благословением, изволил сказать: «Благое намерение его и претерпение болезни Господь по милосердию Своему примет как монашеские подвиги. Сего ради на тело его по кончине наложить рясу и камилавку

с клобуком». Так и исполнено было. При больном паки остался один служащий брат. Николай, поглядывая вверх и на обе стороны, вдруг изменился в лице, оно сделалось весело, бело; он выговорил: «Пить», но поднесенную воду не брал, бывши в забытии. Брат сказал: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» — отвечал больной с восторгом; но и потом воды не пил. Затем больной, с веселым лицом, поглядывая в левую и правую стороны и на брата, неоднократно повторял тихо: «Христос воскрес!» — или сии: «Батюшка, родимый!» — и вместе с сими словами, простирая руки свои, обнимал брата, лобызал его в щеку или в чело, как бы изъявляя свое чувство за служение ему в болезни. Воспользовавшись благодушием больного, брат выпрашивал: «Чувствуешь ли, брате, милость Божию?» — «Чувствую», — отвечал с улыбкою. «Пришел ли спутник твой, Ангел-хранитель?» — «Пришел». Потом больной, взглянувши на висевшую с левой стороны картину (изображение Небесных Врат и райских обителей и восхождение души преподобной Феодоры по воздушным мытарствам), сказал: «Высоко, не достанешь». Этих слов служащий брат в то время не внял — к чему сказаны. Больной паки взглянул на картину и сказал: «Батюшка, ушибет». На сие брат, обнадеживая его милосердием Божиим, напомнил, что ради приобщения в сей день Святых Таин он и не увидит страшных темных духов. Выслушав, больной показал в лице как бы опасение в самонадеянности и тихо, неясно прошептал похоже на слово «гордость». После сего не говорил уже ни слова. Мокроты в груди понуждали кашель и извержение,

а больной не имел сил откашлянуть, дыхание становилось труднее и лицо изменилось в страдательный вид. Паки пришел духовный отец и два брата: келейник настоятеля рясофорный монах* Николай и послушник Александр Смирнов. По благословению Старца служащий брат начал читать вторично канон Пресвятой Богородице, положенный при разлучении души от тела, по третьей песни у больного дыхание становилось тише, он будто засыпал сном. По окончании канона отец духовный прочел разрешительную молитву. Не более чем через две или три минуты больной вдруг открыл глаза, устремил оные вверх и, как будто увидавши чей-либо дивный приход, удивился и обрадовался. С улыбкой на устах, опустив глаза до половины, испустил тихо, мирно и спокойно дух свой. Лицо его осталось в веселом и спокойном виде — мало наклонено в правую сторону, и сделалось как лицо, так и тело бело, мягко, приятно, и в продолжение трех дней не слышно было ни малейшего обычного от мертвых запаха. Бывшие в последние минуты кончины юного Николая упомянутые духовный отец и три брата рыдали от чувства, смотря на благой и мирный конец временной жизни кроткого Николая, преставльшегося в три четверти 9-го часа во время всенощного в церкви бдения празднику Вознесения Господня. Тут же отпето положенное по исходе души от тела и опрятано тело по монастырскому чиноположению, а 25-го числа после Литургии поздней отправлено погребение отцом игуменом соборно, и погребено в несомненном уповании, что юнейший Николай *скончався в мале, исполнив лета долга: угодна бо бе Господеву душа*

* Рясофо́рный монах — иногда — рясофорный послушник. Начальная ступень монашества, когда поступившему в монастырь настоятель благословлял носить рясу и клобук. Монашеские обеты в рясофоре не даются. В отличие от современного чина рясофорного пострига, в дореволюционной Оптиной Пустыни имя при таком постриге, за редким исключением, не менялось, но рясофорный монах именовался уже «отец».

его... Преставлен бысть: восхищен бысть, да не злоба изменит разум его, или лесть прельстит душу его¹».

[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]

Иеромонах Геннадий

18 марта 1846 года скончался в сей обители 73-летний старец — иеромонах Геннадий. Он был родом из московских купцов. Первоначально поступил в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в 1800 году, откуда в 1810-м переведен в Александро-Невскую Лавру, где и посвящен в иеромонаха. В 1812, 1813, 1814 и 1816 годах находился для исправления священнослужения на кораблях Балтийского флота и, по свидетельству флотского начальства, «благороднейшим своим поведением, ревностным и благоговейным исправлением своей должности оказывал всем служащим с ним пример веры и приобрел искреннее их почтение».

В 1817 году отец Геннадий назначен был для исправления священнослужения при греко-российской Иромской, что в Венгрии, церкви, находящейся над гробом блаженной памяти государыни великой княгини Александры Павловны эрц-герцогини Австрийской. При отъезде к своему посту 21 января 1817 года он имел счастье представляться Государыне Императрице Марии Феодоровне, и 22-го того же месяца, по воле Государя Импера-

¹ Прем. 4, 10–11, 13–14.

тора Александра Павловича, митрополит Амвросий возложил на него золотой наперсный крест.

Отец Геннадий состоял в означенной должности с 1817 по 1822 год. Во время пребывания Государя Императора Александра Павловича за границу, в 1821–1822 годах в Лайбахе и Вероне (по поводу собравшегося тогда в Вероне Европейского конгресса), старец вызван был из Венгрии для исправления службы в походной Его Величества церкви, причем два раза удостоился быть духовником Государя. При отъезде к своему посту отец Геннадий получил от бывшего тогда начальником штаба Его Величества, князя Волконского, два свидетельства, в которых сказано, что он во время пребывания своего в Лайбахе и Вероне приобрел всеобщее уважение соотвествующим сану его примерным христианским житием.

В 1828 году отец Геннадий подал прошение об увольнении его за болезнью от занимаемой им должности. Вместе с увольнением он получил на путевые издержки 200 голландских червонцев. При отъезде из Венгрии старец имел честь представляться эрц-герцогу Австрийскому, Венгерскому Палатину Иосифу, и получил от него в подарок драгоценный бриллиантовый перстень.

В 1829 году 13 августа, т. е. уже по возвращении отца Геннадия в Александро-Невскую Лавру, за долговременное и беспорочное его служение как во флоте, так и в Венгрии, по болезненному его состоянию, Высочайше повелено производить ему в пенсион по триста семидесяти рублей ассигнациями в год из Государственного Казначейства. В 1831 году,

во время свирепствовавшей в Петербурге холеры, старец был отправляем в городские лазареты для исправления треб при больных. За усердное исполнение этого поручения ему была объявлена благодарность от Высокопреосвященного митрополита Серафима. 31 декабря 1834 года он прибыл в Оптину Пустынь и пребывал в ней по день кончины, т. е. 18 марта 1846 года.

Итак, из 46 лет, посвященных на исключительное служение Господу в иноческом чине, отец Геннадий, по устроению Всеблагого Промысла, почти 17 лет провел вне пределов своего Отечества: в 1812–1817 годах посещал с нашими кораблями Англию, Францию, Швецию и Голландию; в 1817–1828 проживал в Венгрии и в эти 11 лет имел редкий случай посетить Италию в такое время, когда по поводу Венгерского конгресса стеклись туда представители всех европейских держав. Простые рассказы его о виденном и слышанном за границею отличались беспристрастием и скромностью и имели тем большую цену, что старец смотрел на все глазами русского православного человека, не увлекаясь внешним блеском западной жизни.

Память императора Александра особенно была священна для старца. Глубоко врезались в простое и доброе сердце его слова Благословенного, обращенные к нему пред исповедью в Лайбахе: «Забудь, что пред тобою Государь, и поступай как с кающимся христианином». Рассказывая это, старец говорил со слезами: «Воистину смирение — высота!»

С удовольствием вспомнил он и то время, которое провел в радушном кругу искренно любивших

и уважавших его моряков. К этому периоду его служения относится один замечательный случай, резко характеризующий старца. В одно время, когда офицеры, по обыкновению, собрались коротать время в кают-компании, случилось быть там и отцу Геннадию. В пылу разнообразного разговора молодежь позволила себе сделать несколько легкомысленных выходок против какого-то религиозного предмета. Услышав это, отец Геннадий встал со своего места и сказал им твердым голосом: «Господа! Отныне нога моя не будет в кают-компании: скорее я перенесу от вас всякое личное оскорбление, нежели решусь слушать кощунство насчет того, что должно быть одинаково свято как для вас, так и для меня!» Эти слова и убедительный тон, с которым они были произнесены, сильно подействовали на присутствующих: они поспешили успокоить любимого ими старца искренним раскаянием и дали ему честное слово впредь никогда не оскорблять его слух подобным разговором. Так-то благотворны и действенны слова истинного убеждения в устах служителя Церкви.

В заключение всего сказанного об отце Геннадии заметим, что он был гостеприимен, ласков, разговорчив и до конца своей жизни любил телесный труд. Роста был высокого, плотен, говорил густым басом и в молодости певал хорошо на клиросе. Скончался в добром исповедании на 73-м году от рождения.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Молчальник Тит

Тит, как сохранилось об этом лишь скудное предание, родом был из Курска, звания дворянского, чином секретарь. Был ли Тит женат, имел ли детей, тоже осталось неизвестным.

Он в начале минувшего столетия решился оставить отчизну земную — родной город и присных своих. В средних летах жизни своей, приняв на себя юродство Христа ради, вышел он из родного города и, поменявшись с первопопавшимся ему нищим своей одеждою, в рубищах нищеты удалился в ближний лес, где и подвизался некоторое время в посте, молитвах и подвигах пустынных, уготовляясь на скорби тесного пути крестоношения и на подвиги терпения. Потом, одушевляемый верою и усердием к святым Божиим, странствовал несколько лет по святым местам, прославленным присутствием нетленных мощей угодников Божиих. Припадая к чудодейственным гробницам их, испрашивал он себе помощь свыше на подвиг, превосходящий меру немощной воли человеческой. Облеченный осенением благодатным, не без Промысла Божия, достиг странник пределов калужских и в городе Козельске решился остаться для странствия в Царствие Небесное путем молчания и терпения, с непрестанною молитвою к Богу. Особенно возлюбил он в Козельске церковь Благовещения Пресвятой Богородицы: около двух недель привитал он при ней без крова и жилища, днем присутствуя при всех Богослужениях в храме, ночи же проводя в бдении молитвенном в его

преддверии. Здесь, у образа Страшного суда Божия, начертанного на стене церковной, распростершись долу, изливал он душу свою в молитве к Богу, забывая о пище и питии и покое телесном. Неведомый странник и его умиленная и постоянная молитва то в храме, то в его преддверии вскоре привлекли внимание причта и прихожан Благовещенской церкви: они стали его расспрашивать, как зовется и откуда к ним пришел; но на все вопросы странник отвечал молчанием, жестами указывая вопрошавшим, что он глухонемой. Продолжая молитвенный свой подвиг под сению Благовещенской церкви, питался он подающими нищелюбцев, видевших в нем человека увечного. Но это вскоре начало тяготить раба Божия, и он не пожелал более пользоваться пищею туне, ибо чувствовал себя еще в силах для трудов телесных. Придя в дом благовещенского священника отца Феодота, молча взялся за ведра и наносил воды, потом нарубил дров для домашней потребности священника и с тех пор стал у него пребывать в совершенном молчании и смирении, исправляя все черные работы в доме и на дворе. Неусыпно занимаясь трудами телесными в пользу своих домохозяев, от которых пользовался пищею и жилищем, неусыпно бдел он и в молитвах пред Богом, ежедневно посещал храм Божий при Богослужениях, ночи же проводил коленопреклоненный в отведенном ему углу.

Долго неведомо было в доме благовещенского священника имя смиренного и трудолюбивого странника: почитая его глухонемым, домашние отца Феодота долгое время звали его убогим. Но, присматриваясь к жизни и подвигам убогого, отец Феодот

убедился, что он весьма богат добродетелями, почему и начал его уважать как истинного раба Божия. Приметив, что глухота безыменного странника есть только мнимая, потому что всегда откликается он на зов своих домохозяев, отец Феодот пытался неоднократно узнать его имя, но всегда безуспешно. Однажды, взявши церковные Святцы, позвал он к себе раба Божия и, присматриваясь к выражению его лица, громким голосом начал перечитывать по Святцам имена святых. Когда произнес он имя святого апостола Тита (25 августа), странник улыбнулся и сделал знак рукой, что тезоименит сему апостолу.

Любил он также, во время совершения отцом Феодотом обычного священнического правила пред Богослужением, тайно подкрадываться к тому покою, где оно совершалось, и таким образом делаться участником келейной молитвы священнослужителя, которого особенно всегда уважал, нередко выражая ему свое уважение земными поклонами. Домохозяева молчаливого Тита начали также примечать, что с его водворением у них в доме видимо почил над ним особое благословение Божие, что и приписывали они молитвенному предстательству столь усердного и неусыпного молитвенника. Уважая все более и более подвижника Божия и видя при том всеобщее уважение к нему граждан козельских, стыдился отец Феодот долее иметь его у себя за работника и умыслил поселить его вблизи Благовещенской церкви в сторожке церковной, поручив ему должность церковного сторожа, как испытанному в благочестии и приверженности к храму Божию. Обрадовался очень раб Божий новому послушанию, соединен-

ному с близостью к храму и в уединенном жилище дающему полный простор молитвенным его упражнениям. Здесь, вдали от обычной суеты житейской, неразлучной с бытом семейным, среди которого он жил у отца Феодота, в полной тишине и безмолвии, предался любитель молчания еще большим подвигам молитвенным. Единственным украшением его хижины служил многочтимый подвижником келейный образ святителя и чудотворца Николая, пред которым от доброхотных подаяний усердствовавших к нему богомольцев теплил он неугасимую лампаду и пред которым большую часть дня и ночи проводил в коленопреклоненной молитве.

Коленопреклоненный на молитве, проводил так целые ночи и в таком положении забывался сонною дремотою. Для отдохновения своего имел он, впрочем, твердую, ничем не покрытую и весьма узкую дубовую скамью с кирпичным изголовьем, в коем поставленные ребром кирпичи вместо покоя могли причинить лишь болезненное беспокойство телу труженика. Изголовье это, чтобы не слишком бросалось в глаза посетителям его кельи, прикрывал он рогожею, под которою летним временем имел обыкновение подкладывать собранные вблизи колючие травы. Пищею подвижнику служила большею частью просфора церковная, которою при всяком Богослужении снабжал его почитавший его отец Феодот, или же грошовая булка, либо калач, которые и вкушал с кружкою воды и небольшим количеством соли. От теплых вареных снедей, елеса, вина и молочной пищи со времени переселения в сторожку церковную Тит отказался, а если и принимал от приносивших что-

либо из подобных снедей, то лишь для того, чтобы накормить ими потом собиравшихся у церкви нищих, имевших у него нередко кров и трапезу. Обыкновенною одеждою Тита был худенький кафтан из крестьянского сукна, опоясанный веревочкою, и длинная холщовая рубаха с косым воротом. На ногах носил лапти, летним же временем по большей части ходил босым. Всегда почти видели его с открытою головою, и в этом не стеснялся он ни стужей зимы, ни зноем лета. Почитавшие Тита жители Козельска нередко дарили ему приличную одежду и обувь; но вещи эти всегда очень скоро переходили к нищим, а подвижник по-прежнему прикрывал тело свое известным всем кафтанчиком со многими заплатами. Заметно было, впрочем, что, несмотря на убожество одежды своей, соблюдал он всегда в ней опрятность и чистоту, равно как и в келье своей, в которой никогда не было видно беспорядка; все вещи в ней: лопатка, топор для рубки дров, метла для подметания церкви и церковного погоста, железная кружка и ведро для воды — всё это всегда стояло у него в порядке на своем месте. Летним временем любил подвижник, под предлогом охраны, проводить ночи у притвора церковного в коленопреклоненной молитве пред изображенною там иконою Страшного суда.

Уважали столь умиленного молитвенника посетители Благовещенской церкви и, присутствуя там за службами церковными, имели обычай, проходя мимо коленопреклоненного Тита, класть возле него от усердия своего деньги и вещи, с записками имен о здравии или за упокой. Положив приношение свое, быстро удалялись богомольцы, чтобы любопыт-

ством своим не нарушить молитвенной сосредоточенности подвижника, который, при молитве своей, видимо отрешался от всего земного. Приношения подобных благотворителей Тит обыкновенно расточал нищим, а деньги с записками имен отдавал отцу Феодоту для служения по ним молебнов и панихид, за которыми усердно молился за благотворителей своих. Мало что оставлял он иногда из этих денег для неугасимой лампы пред келейною своею иконою и для дневного своего пропитания. Никогда ни у кого ничего не просил и всегда устранился случаев получать явные подаяния в качестве неимущего. Молчаливый Тит очень часто говел и приобщался Святых Христовых Таин. Проведши пред исповедью целую седмицу в строгом посте и усиленных молитвенных бдениях, брал он незажженную свечу и подходил с нею к отцу Феодоту по окончании утреннего Богослужения, что означало желание его исповедаться. Безмолвная исповедь молчаливника сопровождалась всегда слезами и рыданиями: прочитав в слух исповедующегося последование к исповеди и молитву исповедания грехов, отец Феодот давал ему обычное разрешение и затем прочитывал ему последование ко Святому Причащению. К Святым Христовым Тайнам Тит тоже приступал с особенным умилением и многими слезами, после чего задумчивое всегда лицо его цвело особенною радостью, взоры же и кроткая улыбка выражали благодатное состояние его души. Некоторые знамения удостоверяли, что молитвы молчаливого подвижника были благоприятны Богу: отец Феодот имел престарелого родителя, заштатного и вдового свя-

щенника отца Иосифа, который, переселившись к сыну, пожелал жить поближе к церкви, для чего и пристроил для него отец Феодот отдельный покой к сторожке церковной. Поселившись там, отец Иосиф сделался ближайшим соседом молчаливого Тита, свидетелем и постоянных молитвенных его подвигов. По словам отца Иосифа, неоднократно слышалось ему в ночное время в келье Тита необыкновенно сладостное пение церковное, как бы многих голосов, певших согласно некую Божественную песнь. Проснувшись однажды при этом пении, подвигаемый любопытством, отец Иосиф тихо встал с ложа своего и подошел к стеклянной двери, разделявшей покой его с кельею Тита. Пение мгновенно прекратилось, и он увидел сквозь дверь только одного Тита, коленопреклоненно молившегося пред своею иконою. В другой раз, тоже ночью, был разбужен отец Иосиф необыкновенным светом и благоуханием, которые разливались из кельи молчальника. Устрашенный этим необычайным явлением, трепеща всеми членами, подошел опять старец к двери Титовой и по-прежнему лишь одного его увидел молящимся на коленях, осеняемым тусклым светом неугасимой его лампы. Слышанное и виденное им хранил благочестивый старец в глубине своей души и только пред кончиною своею передал о том сыну своему отцу Феодоту и некоторым другим благочестивым людям Козельска.

Почувствовав приближение кончины своей, Тит знаками просил позвать к нему отца Феодота. Когда тот пришел к нему, молчальник ясно и чисто произнес: «Исповедуй меня и причасти Святых Таин, ибо

близится мой конец». Изумленный такою нечаянностью, с благоговением принял он от него первую изустную исповедь, затем причастил умирающего Святых Христовых Таин и напутствовал его таинством Елеосвящения. Поблагодарив отца Феодота за всегдашние его к нему благодеяния, Тит просил о поминовении его при совершении им Божественной литургии; в знак же и своих о нем загробных молитв подарил он отцу Феодоту единственное сокровище свое — келейную свою икону святителя Христова Николая, бывшую неразлучною спутницею труженической его жизни.

Труженическое тело подвижника, опрятанное отцом Феодотом с некоторыми усердными к нему жителями Козельска, по совершении обычного погребения христианского, на которое собрался почти весь город, было предано земле в ограде Благовещенской церкви, невдалеке от места его подвигов. По свидетельству очевидцев, помнивших раба Божия, был он роста среднего, сутуловат и худ телом от постоянного поста и молитвенных бдений; волосы имел темные с проседью, длинные и гладкие, закрывавшие большую часть его лица, бороду окладистую, глаза карие, припухшие от частых слез, лицо смугловатое, как бы елеем умащенное, с выражением умирительным и приятным. Жил он и скончался в первой половине минувшего [XIX] столетия, имея от роду лет около 50-ти.

Священномученик Никодим (Кононов)

Василий Петрович Брагузин

Василий Петрович Брагузин, как значится в указе об отставке, из лифляндских дворян; родные его жили в Орле, где он и родился; в первое ополчение (1812 год) служил в Лубенском гусарском полку, в первых офицерских чинах. Приняв на себя юродство Христа ради, первые годы которого нам неизвестны, после странствия по России возвратился в Орел, где едва не попал в тюрьму за открытое юродство, но взят на поруки благочестивым помещиком. Проживал он то в сем городе, то в уезде у разных благочестивых лиц — в уезде у господ Дубровиных, в городе у купца И. М. Немытова; посещал обители иноческие, особенно любил Оптину Пустынь и находился в близком духовном общении со старцами иеросхимонахом Леонидом и отцом Макарием; а братии приносил большую пользу — увещаниями, обличениями, наставлениями, предсказаниями и утешениями; каждый из современных ему иноков мог привести что-либо замечательное, сказанное ему блаженным Василием Петровичем. Последнее время жил в Москве, чаще в доме тульского помещика В. В. А-ва.

О смерти Василия Петровича старец отец Макарий писал:

«Что знаю о Василии Петровиче, то вам напишу: он обычно продолжал свою жизнь, перед кончиною за два дня пришел в квартиру Петра Васильевича Артемьева (находившегося в то время в Москве), 13 января в субботу, очень в слабом положении; они советовали ему

Иеродиакон Палладий (Иванов)

сообщиться Святым Таин, но он не согласился, говоря, что он недавно готовился. Это Господу Единому известно: может быть, и тайно где общался; пробыл у них воскресенье, а в понедельник отошел ко Господу; только кончины его не видали, а вошедши в комнату, где он был, нашли его уже отшедшим; на 4-й день были похороны в Даниловом монастыре, при многочисленном собрании народа; отпевали погребение в приходской церкви; похоронами распоряжался московский купец Феодор Широков. Царство ему Небесное и вечная память!

Наше похваление недостойно восхвалить его доблестных подвигов и не прибавит к его праведности; довольно того, что *праведных души в руке Божией, и не прикоснется их мука*¹. Они вечно будут наслаждаться блаженством и о нас ходатайствуют у Господа».

Священномученик Никодим (Кононов)

Иеродиакон Палладий (Иванов)

Иеродиакон Палладий более 46-ти лет жил в Оптиной Пустыни; был старец строгого нрава и великий подвижник. Родом был из граждан города Глухова. С юных лет имел склонность к монашеству, но отец его не соизволял на это. Он же, чтобы вступить на это поприще, решился уйти от отца и для сего приискал себе товарища.

По свойственному юности безрассудству они вдвоем написали себе паспорта на 10 лет, на все че-

¹ Прем. 3, 1.

тыре стороны, и добрались с ними до Киева, но там были задержаны. Их взяли в острог и отправили по этапу в Глухов. «Сколько острогов я перешел, — говорил отец Палладий, — уже не помню. Наконец нас сдали на руки отцам. Меня отец довольно побил и отдал в город Рыльск одному купцу, который торговал косами, человеку весьма строгому. Отдавая меня, отец ему сказал: делай с ним что тебе угодно; бей его сколько хочешь, хоть до смерти убей. А мне сказал, что если услышит от меня хоть одну жалобу, то убьет до смерти. Вот я и поступил к хозяину; и сказал себе: „Ну, Павел, вот тебе и монастырь“. (Мое мирское имя было Павел Иванов). Я начал услуживать хозяину Бога ради, а в свободное время почитывал Псалтирь; только свободного времени было мало, потому что наше занятие было ездить в Украину по ярмаркам и по деревням развозить косы. Я употреблял все силы, чтобы хозяин был мною доволен. Бывало, днем торгуем, а ночью надо ехать в другое место, так что случалось, по несколько суток не спал. Только и уснешь, что подремлешь на возу. А однажды случилось ехать ночью лесом; меня сон очень томил; хозяин мой спит. Я слез пройтись и не помню, как прислонился к дереву и стоя заснул. Проснувшись, пустился бежать; версты четыре бежал, насилиу догнал хозяина, который за мою неисправность оттрепал меня за волосы. Бывало, приедем куда-нибудь на постоянный двор, а езжало нас повозок до десяти разных хозяев. Прочие лягут спать, а я с вечера уберусь, да пораньше встану, подмажу повозку, лошадку попою; как подходит время, что надобно ехать, запрягу лошадку, а другие еще спят.

Вот хозяин мой встанет и крикнет: „Павел! Готовь повозку“. А я ему в ответ: „Готова-с“. — „Запрягай лошадь“. — „Пожалуйте садиться“. Другие только станут собираться, а мы уже уехали. Пока они собираются, а мы уж досыта наторгуемся. Так провел я немалое время и услужил хозяину. Он стал меня звать „Павел Иванович“, стал доверять мне одному, поручал мне своих детей, чтобы я распоряжался ими как хозяин. Впоследствии хотел выдать за меня дочь свою; но у меня не то было на уме».

Каких лет отец Палладий оставил мирскую жизнь, неизвестно. Сначала он поступил в Площанскую пустынь и прожил там года полтора вместе с отцом Макарием (Ивановым), который впоследствии был Оптинским старцем. «На общее послушание, — рассказывал отец Палладий, — мы с отцом Макарием ходили в лапотках. Нам выдавали лыки, и я сам плел лапти для себя и для отца Макария. В Площанской пустыни хотя я жил по папорту, но был пострижен в рясофор и наречен Паисием. Пошел за увольнением и случайно попал в Оптину Пустынь».

Когда пришел отец Палладий в Оптину Пустынь, не сохранилось сведений. Указом же определен в число оптинского братства 7 мая 1815 года при игумене Авраамии; в монашество пострижен 11 мая 1818 года; рукоположен во иподиакона* 30 августа 1830 года, во иеродиакона 13 мая 1831 года. Сначала он проходил разные послушания. Жил в засеке на пчельне, потом на пасеке (где теперь Скит); был поваром, в хлебне, трапезным, экономом, пономарем**, в последнее время был ризничим, библиотекарем

* Иподиáкон — старший церковнослужитель, стоящий ниже священнослужителей, служащий главным образом при архиерее, по благословению которого может прикасаться к Престолу и жертвеннику храма и в положенные моменты входить в алтарь Царскими вратами. Облачается в стихарь и диаконский ораль, который надевает крестообразно. В отличие от хиротонии (рукоположения), чин произведения в иподиаконы называется хиротесией (пострижением).

** Пономáрь — от греческого «парамонарий» — низший церковный служитель, главными обязанностями которого были звонить в колокол, участвовать в клиросном пении, прислуживать за Богослужением (в т. ч. в алтаре); в древности в его обязанности еще входило наблюдение за вратами храма, возжжение свечей и заведение ризницей.

* Камилавка — головной убор цилиндрической формы с расширением кверху. Первоначально на Востоке так называлась шапка из верблюжьей шерсти; в Русской Церкви употребляется со второй пол. XVII в. Фиолетовая богослужебная камилавка дается как награда священникам; носится архиереями и протоиереями. Черная камилавка — принадлежность рясофорного монаха, а также — богослужебное облачение иеродиакона. Во время Богослужения снимается и надевается в положенные моменты. Символически камилавка означает терновый венец Спасителя и умерщвление плоти.

и переплетал книги. Когда он жил в лесной засеке, много перенес искушений: бесы видимым образом нападали на него и так его устрашали, что он хотел было оставить это место. Отец Палладий открыл это своему старцу схимнику Иоанникию. Отец Иоанникий прочел над ним молитву и благословил его иконой Божией Матери, которую отец Палладий чтит до самой своей смерти; и с тех пор за молитвами старца избавился от бесовских страхований.

Строгий блюститель подвижнических правил, отец Палладий очень любил читать жития и писания святых отцов и был, так сказать, пропитан духом их. Отличительною чертою его в монашестве было строгое и неупустительное хождение в Божий храм. Устав с обрядовой стороны он знал так хорошо, что мог служить для всех примером. Так был бдителен за собою в этом отношении, что внимавшие себе брали его в образец, и следя за ним во все службы, в продолжение целых десятилетий, никогда никто не мог заметить, чтобы он, задремав, не снял в положенное время камилавки* или не положил поклона, хотя имел две весьма большие грыжи. Никогда не прислонялся к стене, но как бы ни изнемогал, в неположенное время не сидел. Так же строго соблюдал правило, в какое время не дозволяется в церкви стоять с жезлом. Если кто, в особенности из старших, не соблюдал уставных правил о поклонах в церкви, то он подойдет и скажет: «По Уставу теперь полагаются поклоны, а ты куда ж глядишь? Сколько живешь в монастыре и не знаешь, что должен знать новоначальный». Или: «Кто задремлет, должен положить десять поклонов среди церкви. Монах еще! Да!»

До окончания службы не позволял себе выходить из церкви, разве только в старости и в случае крайнего изнеможения. Не любил, когда монахи во время службы от жары выходили на паперть, и в назидание себе говорил: «Церковь уподобляется Ноеву ковчегу, а те, которые не были с Ноем в ковчеге, во время потопа погибли».

От разговоров и сближения с женским полом он очень уклонялся; даже и в церкви обыкновенно мужчин ставил в одну сторону, а женщин прогонял в другую, невзирая ни на кого. Он говорил: «Не верь, брат, их слезам. У нас с ними брань до гроба. По слову святого Исаака Сирина: *как в стекло бросить камень, оно цело не будет, так и разговаривать с ними, цел не будешь*». Однажды, когда он шел в церковь, какая-то госпожа стала его о чем-то спрашивать. Он, притворяясь немым, не отвечал ей, а когда она подошла к нему и тронула его, он вдруг обернулся и замахнулся на нее костью, и госпожа в испуге бросилась бежать от него.

В келью он ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. Исключения бывали редки. Нестяжание его было удивительно. В келье его ничего не было, кроме самого необходимого для монаха: одна икона Божией Матери (благословение его духовного старца во время бесовского нападения), один стол, две табуретки, кровать, на ней войлок, покрытый черным суконным одеялом, аналойчик* с Псалтирью, книга или две на столе, всегда чем-нибудь покрытые, четки на стене, непременно большие, палка, самовар, чайник и одна чашка (потому что он гостей никого не угощал). Одежда у него была также самая необходи-

* Аналойчик (уменьшит. форма слова аналой), налой — от греч. и ц.-слав. «аналогий» — возвышенный стол в храме для чтения богослужебной книги или для возложения иконы; здесь — келейная подставка того же назначения.

мая, и праздничная и будничная вместе, переменной не было. Но при такой скудости и в одежде, и в келье у него всегда соблюдалась чистота и опрятность. Книги, какие у него были свои, все записаны были в монастырскую библиотеку. Денег у него не было. А если какой благодетель, бывало, поусердствует ему сколько-нибудь денег, он тотчас купит какую-нибудь книгу, или отдаст их отцу игумену, и то укоряет себя за то, что взял их, с неделю твердит: «Палладий нанялся жать чужое терние». Один помещик, бывший в Оптиной Пустыни, подарил ему дорогие карманные часы. Отец Палладий взял их, но так как у него часов никогда не было, то по непривычке к их стуканю он вечером никак не мог заснуть. Завернул их в тряпку, накрыл их горшком и заснул. «Пошел к утрени, но помысел замучил меня, — говорил отец Палладий, — как бы их не украли. Вспомнил слова Спасителя: *иде же будет сокровище ваше, ту и сердце ваше будет*¹, и поскорей отнес их к своему благодетелю, сказав: „Возьми, пожалуйста, их назад, они нарушают мой покой“. Незадолго до смерти отца Палладия келейник настоятеля послал ему ситцевое одеяло. Отец Палладий сначала было взял, но потом сказал посланному: «Брат! Благодарю отца за его память, возьми его назад, а то когда помру и пойду по мытарствам, бесы скажут: „Палладий одевался ситцевым одеялом“».

Во всю свою жизнь отец Палладий избегал праздности, постоянно у него в руках было какое-нибудь дело. Когда он состарился и освобожден был от всех послушаний, то из обрезков бумаги делал для лавоч-

¹ Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

ки поминания, заклеивал худые листы в книгах, делал удочки и любил удить рыбу и прочее. В последнее же время он сделал для трапезной до семидесяти ложек. Бывало, кто-нибудь из послушников, видя, как старец постоянно трудится, скажет ему: «Батюшка! Пора бы вам оставить работу», но получит ответ: «Разве ты не знаешь, что монах должен быть в занятии каждую минуту? Самое главное наше занятие — церковь, а остальное время должно упражняться в рукоделии с молитовкой и в размышлении о Боге. За праздным монахом десятки бесов ходят, а за тем, который занят рукоделием, один». В келье он зимних рам никогда не выставлял, да еще нижние два стекла были заклеены. Спросили его однажды: «На что у вас эти стекла замазаны?» Он отвечал: «Чтобы не видно было, кто мимо келий ходит. А то во время дела ум развлекается и не может заниматься тем, что нужно для монаха». Он не любил фосфорных спичек, а сам стругал и обмакивал в серу, а огонь вырубал кремнем. Он так благоговел к слову Божию, что, бывало, когда придет в переплетную и увидит, что на полу в небрежении валяется писаная или печатная бумага, то строго за это взыскивал и вразумлял трудившихся в переплетной братий, что чрез такое небрежение нарушается уважение к святыне, так как в писанном и печатном часто встречается Имя Божие. Когда он был библиотекарем, давал новоначальным наставление, как должно обращаться с книгами. Прежде спросит, благословился ли у старца взять именно эту книгу, и если не благословился, то пошлет благословиться, потом внушит брату, что в книге написано слово Божие, и потому должно иметь к ней благоговение. «Когда хочешь почитать книгу, —

говаривал отец Палладий, — сначала перекрестись и скажи: „Господи! Дажь мне молитвами старца, чтобы я понимал, что буду читать“. И если чего не понимаешь, спроси старца». Вместе с тем он требовал, чтобы братия обращались с книгами бережно и соблюдали чистоту.

Характера отец Палладий был самого твердого; редко можно было найти такой прямой и простой нрав, какой был у него. Речь его была самая простая, почти никому не говорил он «вы», а всем попросту «ты». В разговоре часто употреблял слово «да». «Да! Это не хорошо, не по-монашески. Да! Монах должен быть осторожен. Монах есть свет для мирян, а тебе все равно. Да!» Слово отец Палладий имел твердое, склонявшее всех невольно слушаться его. Он всем говорил правду и нисколько не стеснялся объяснять сделанную ошибку кому бы то ни было, новонаначальному ли, или настоятелю. Был случай, что отец Палладий не побоялся и перед архиереем высказать свою прямоту. Один из бывших калужских Преосвященных, по переводе в другую епархию, был вызван в Петербург для присутствования в Святейшем Синоде и просил знакомого ему оптинского настоятеля прислать к нему кого-либо из оптинских иноков в экононы на архиерейское подворье. Отец Палладий и отправлен был в Петербург, но и там не изменил своего твердого характера. Однажды он какой-то важной особе сказал что-то очень просто. Она принесла жалобу Преосвященному на него. Преосвященный сделал ему выговор. Отец Палладий отвечал: «Владыка святой! Да что с бабами путаться? Да! Разве не знаешь, что оне Предтече от-

рубил голову?» Преосвященному это замечание не понравилось, и он хотел утратить отца Палладия. «Я, — говорит, — пошлю тебя под начал на Валаам». Отец Палладий как стоял, так и повалился Преосвященному в ноги: «Владыка святой! Явите свою отеческую милость, пошлите меня туда. Вы такое мне окажете благодеяние, что по гроб буду за вас молить Бога». Владыка помолчал и сказал: «Хорошо». На другой день отец Палладий приходит к Преосвященному: «Владыка! Благослови, — говорит, — мне паспорт». — «Для чего?» — «Да вчера хотели отправить меня на Валаам. Благословите, я сегодня пойду». Преосвященный усмехнулся и сказал: «Я хотел утратить волка лесом, а волка как ни корми, он все в лес глядит». Через несколько времени отец Палладий был уволен в обитель с выговором настоятелю. Возвратившись в Оптину Пустынь, он явился к настоятелю и сказал: «Куда ты меня послал? Да! Разве ты не знаешь, что я дурак? Да! Вот тебе и выговор за меня. Да! Впредь будешь умнее, будешь знать, кого посылать. Да! Я тебе говорил, что я не гожусь».

При твердости и строгости характера отец Палладий имел ум острый и временем подшучивал, приводя в пример Великого Антония и охотника¹. Однажды, когда он был ризничим, приехали в Оптину из Калуги ректор семинарии и директор гимназии. Осмотревши ризницу, они спросили отца Палладия: «Нет ли у вас каких древностей?» Он, не говоря ни слова, схватил их за одежду, вывел из ризницы и по-

¹ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. [Об авве Антонии, 13]. — *Примеч. в рукописи.*

казал на стену, где был написан Страшный суд, а в углу страшилище, низвергающее души грешников в огненную бездну. Подвел их к самому сатане и сказал: «Вот это у нас самая старая древность; древнее ея нет. Его еще древние отцы называли древнею злобою».

Вообще при видимой своей суровости отец Палладий имел некоторые черты едва не детские. Строгое его монашеское лицо всегда озарялось приятною, добродушною, приветливою улыбкою. Если кто смирялся и вел себя скромно, любил того и шутил с ним, но больше приводил случаи из Патерика или из отеческих писаний. Любил в ясную ночь смотреть на небо, на месяц и звезды, и знал годовое положение многих из них. Нередко, задумываясь, говорил: «Ну где эта звезда была целые полгода? А вот опять явилась, и опять уйдет на свое место. Как все у Бога блюдет свой чин!» Но ученых рассуждений о светилах и явлениях небесных отец Палладий не любил. Бывало, кто-нибудь спросит у него: «Батюшка! Правда ли говорят, что Солнце стоит, а Земля вертится? Или еще говорят про гром и молнию, что это от сгущения паров?» Он немного подумает, помолчит и скажет: «Да ты был там? Какое тебе дело, стоит ли Солнце или вертится? Что тебе за надобность? А ты лучше подивись премудрости Божией, как Господь все устроил, всему повелевает, и все слушает Его; только человек вышел из повиновения. Ты сам не знаешь, что говоришь. Монахи оставили землю, полезли на небо, т. е. оставили плакать о грехах. А рассуждают о том, что совершенно нам не нужно».

На все отец Палладий смотрел с духовной стороны. Пойдешь, например, иногда с ним в лес; он всему

Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский)

удивляется, каждой птичке, мушке, травке, листику, цветочку. Подойдет к какому-либо дереву; сколько о нем разговору, сколько удивления! Удивляется, как все повелением Божиим растет незаметно, как развертывается лист, как цветет цвет. Говоря об этом, отец Палладий вздыхает, прославляет Творца, как Он обо всем печется, о всем промышляет, всех греет и питает; а мы Его забываем.

Иеродиакон Палладий скончался на 80-м году от рождения, 5 ноября 1861 года, со всеми христианскими напутствованиями, тихою и мирною кончиною.

Иеромонах Климент (Зедергольм)

Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский)

В одной из келий, при старой больничной Владимирской церкви, 24 года лежал замечательный страдалец, иеродиакон Мефодий. До поступления назывался Михаил Георгиевич Шкломбовский¹; родом был из польско-малорусских шляхтичей (поселенцев Харьковской губернии). Прежде жил в Рыхловской пустыни; в число оптинского братства определен 12 июня 1825 года 33-х лет от роду. Здесь он был пострижен в мантию* и посвящен в иеродиакона. Был первым письмоводителем обители, при начальном ее устройстве отцом Моисеем, прекрасно писал полууставом церковной печати и многих обу-

* Мантия (малая схима) — вторая степень православного монашества (после иночества и перед великой схимой), называемая еще мантийным монашеством. Принимая постриг в мантию, новоначальный отрекается от мирской жизни по плоти и страстей ее, давая монашеские обеты безбрачия, нестяжания и послушания. В соответствии с последним обетом монах избирает руководителя духовной жизни, старца. Новопостриженный получает новое имя и второго святого покровителя.

¹ В формулярных списках братии — Скламбовский или Склombsкий // ОРРГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 189; Там же. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 16 об.

чил писать. Также проходил клиросное послушание и был в сане иеродиакона регентом певческого хора. В 1838 году, внезапно разбитый параличом, отец Мефодий лишился употребления ног; левая половина онемела совершенно; остальная рука тоже была бессильна почти для всего, кроме возможности сотворить крестное знамение да перебирать четки. Но особенно было дивно то, что язык его был связан для всего, кроме слов «да, да, Господи помилуй», которые произносил чисто, внятно, с живостью и умилением, в ответ на все вопросы. В этом недвижимом состоянии отец Мефодий находился, как выше замечено, 24 года. С начала болезни замечен был в нем некоторый упадок духа, но по прошествии первых пяти лет и до конца старец с необычайным терпением и благодушием переносил свое страдальческое положение, всегда был кроток и весел как дитя, встречая и провожая посещавших его обычным: «Господи помилуй». Память имел свежую, и были ясные доказательства, что он помнил события своей жизни до болезни. Молитвенные правила вычитывал ему его келейный, и когда тот ошибался, отец Мефодий останавливал его и пальцем указывал ошибку, повторяя: «Господи помилуй! Да, да». Надобно было его видеть, когда в двенадцатые праздники братия из церкви заходили поздравить его и в утешение ему, как бывшему искусному регенту и певцу, пропойт, бывало, тропарь и кондак праздника: он исполнялся восторга, весь ликовал, то неясными звуками вторя поющим, то громко и ясно восклицая свое «Господи помилуй», и проливал радостные слезы, так что присутствовавшим невольно сообщалось его вос-

Иеродиакон Мефодий (Шклямовский)

торженное состояние. Посещавшие сего страдальца получали от него великую душевную пользу; один вид его болезненного положения, переносимого с ангельским терпением, всех назидал и трогал.

Отец Мефодий почил о Господе 21 апреля 1862 года, в субботу, в 6 часов утра. Вот как о его кончине писал отец игумен Антоний одному знакомому лицу:

«Великий страдалец наш, иеродиакон отец Мефодий, 21 апреля утром кончил подвиг свой и переселился на вечный покой со святыми в небесные обители. А 24 было торжественное провождение многострадального тела его в усыпальницу; и Батюшка отец архимандрит со всеми иеромонахами и иеродиаконами был в облачении. А теперь на гробе его горит неугасимая лампада. Он несколько раз был приобщен Святых Таин и до исхода души был в памяти. На первый день Светлого Воскресения, после утрени ходил я к нему христосоваться, и пели с ним вместе «Христос воскрес» — трижды, «Ангел вопияше», «Пасху», «Плотию уснув, яко мертв». Чрезвычайно он тогда был весел и несколько раз принимался целовать меня. Слава Богу! Он совершил подвиг свой преблагополучно. А я о себе не знаю, что вам сказать. Помилуй меня, Господи, если я буду мученик безвенечный».

В последнее время прислуживал отцу Мефодию монах Николай Иванов Новацкий, из евреев, до крещения называвшийся Вульф Абрамович, человек нрава кроткого, тихого, мирный и любовный ко всем. Он имел особенное усердие к отцу Мефодию и взаимно пользовался его отеческим

расположением и любовью. Замечательно, что отец Николай, заболевши, скончался в 40-й день по кончине отца Мефодия, даже в тот же самый час (утром в 6 часов).

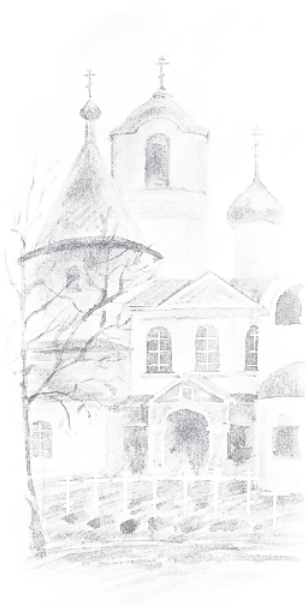
Архимандрит Леонид (Кавелин)

Игумен Иларий, в схиме Илия

Родиной отца Илария была Молога — небольшой городок, расположенный при реке Мологе, впадающей в Волгу, по ее течению на левой стороне, расстоянием 110 верст от Ярославля. Родился он в 1796 году и был назван Илиею, а 13-ти лет был отдан в Санкт-Петербург в мальчики в магазин, где и пробыл до 20-летнего возраста.

В 1817 году Илия пожелал посвятить себя монашеской жизни и поступил первоначально в Белобережскую пустынь Орловской губернии, где прожив несколько времени, перешел в Коневский монастырь. Из Коневского монастыря он поступил в Валаамский, где в то время игуменом был Иннокентий. Но уже в 1821 году Илия ушел в Соловецкий монастырь, где в 1823 году и был пострижен в монашество настоятелем архимандритом Макарием. В 1824 году отец Иларий при жизни архимандрита Макария перешел в Александро-Свирский монастырь, где в то время настоятелем был архимандрит с тем же именем Макарий, человек весьма умный и лично известный Государю Александру I.

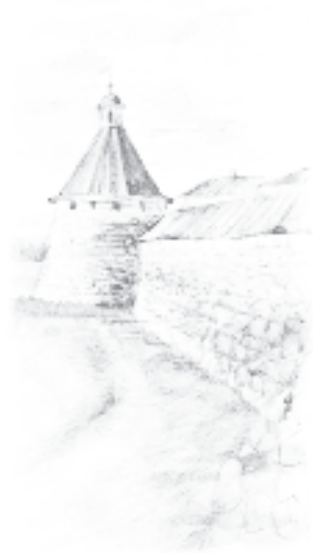

При поступлении отца Илария в Свирский монастырь там уже жительствова­вал отец Леонид и другие великие два старца: схимонах Феодор и иеромонах Антиох, пребывание которых в Свирском монастыре и было одной из главнейших причин к переходу отца Илария из Соловецкого монастыря, так как он уже и прежде знал этих старцев.

В то время Свирский монастырь состоял в Санкт-Петербургской епархии, потому и был посвящен отец Илари­й во диакона в Санкт-Петербурге находившимся тогда за сбором в России греческим митрополитом. В 1828 году отец Илари­й был отправлен в Киев за святыми мощами и в Москву за святым миром для вновь открывшейся Олонецкой епархии и посвящен в иеромонаха первым епископом этой епархии Преосвященным Игнатием (Семеновым).

В этот же Свирский монастырь поступил послушником офицер Димитрий Александрович Брянчанинов, когда отец Илари­й был уже ризничим. Здесь и завязалось их знакомство. Но так как старец Леонид спустя некоторое время ушел из Свирского монастыря сначала в Площанскую пустынь, а потом в Оптину Пустынь, то за старцем ушел из монастыря и Брянчанинов в Вологду.

Проживши до 1830 года в Свирском монастыре, и отец Илари­й поступил, по желанию своему, в Оптину Пустынь, где и находился до декабря месяца 1833 года. В это время ему было около сорока лет: роста он был довольно высокого, черноволосый, имел белое лицо и глаза приятные, держал себя весьма скромно и смиренно; с мирянами разговаривал неохотно, а

с женщинами и совсем не умел вести разговор. Он был человек воздержанный и глубоко проникнутый духом монашества; память имел обширную; много читал отеческих книг и сохранил в памяти немало рассказов, сведений и назидательных слов известных и богомудрых старцев и подвижников нашего отечественного монашества.

10 декабря 1833 года отец Иларию получил паспорт для проезда в Вологду, по случаю перемещения его в Лопотов монастырь, где тогда настоятельством отец Игнатий (Брянчанинов). Отца Илария провожали с благопожеланиями как игумен Моисей, так и отец Леонид и прочие старцы. 12 декабря он с одним послушником Петром (в будущем архимандритом Николо-Угрешского монастыря Пименом) выехал из обители. Однако, прибыв в Вологду 24 декабря, отца Игнатия они уже не застали в Лопотовом монастыре, так как он был уже переведен настоятелем в Сергиеву пустынь под Санкт-Петербургом. Но вскоре отец Иларию, благодаря ходатайству того же отца Игнатия, был назначен настоятелем Николаевского Угрешского монастыря Московской епархии.

После 18-летнего управления обителью игумен Иларию в возрасте 56 лет был по собственной просьбе уволен на покой. Так как он полагал начало и провел большую часть своей жизни в общежительных монастырях, то весьма несочувственно отзывался о штатных монастырях. Он неоднократно говорил, что общежитие — учреждение Божественное, а штатные монастыри — человеческое.

Во время управления Угрешской обителью отец Иларию всегда имел свои кельи затворенными, посто-

янно занимался чтением отеческих книг и преимущественно на славянском языке, а не в переводе, следуя в этом внушениям старца своего схимонаха Феодора, при котором он находился в Свирском монастыре.

В келейном своем уединении время он распределял так: к утрени и прочим службам он ходил всегда, служил в праздники, но не во все воскресные дни, и всегда без встречи. В трапезу по будням не ходил; кушанье готовил ему келейник, а поваров не было; по понедельникам в обители Угрешской, как и вообще в штатных монастырях, пост не соблюдался. Дрова для обогрева кельи приносил келейник, а печь он топил сам, если не был чем занят. Клал в печь дрова он всегда с молитвою, и ежели прилучалось в то время кому-нибудь быть у него в келье, он говорил ему: «Благослови, отче!», а если послушник был или даже его келейник — «Благослови, брате!» Без молитвы он не позволял ни себе и никому ни топить, ни закрывать печи, ни вообще делать какое-либо дело.

Так, однажды в зимнее время к игумену Иларию приехал строитель Екатерининской пустыни отец Мелхиседек. В то время как отец игумен сидел с отцом строителем в гостиной на диване, возле которого была печь с топкой из той же комнаты, послушник принес дрова и при постороннем посовестившись, по принятому обычаю, сотворить молитву, стал прямо в печь класть дрова. Тогда отец строитель, обратившись к нему, спросил его: «Давно ли ты, раб Божий, живешь в монастыре?» Он отвечал: «Недавно». Строитель снова спросил его: «А почему же у тебя так длинные волосы, коли ты здесь недавно?» Он тихим голосом отвечал: «А я начало полагал в Оптиной Пустыни, и жил там около

трех лет». — «Что же ты под старцем жил или нет?» — спросил опять отец строитель. «Под старцем», — ответил послушник. Наконец, отец строитель добавил: «Что же так у вас старцы учат, например, печь топить с молитвою, или без молитвы?» Тогда послушник стал просить прощения, а отец Иларию остался весьма доволен этим случаем вразумления келейника и благодарил за то отца Мелхиседека.

Когда же случалось, что у него обветшает белье, или чулки, или платье, то он всегда сам чинил, нимало не стесняясь. Во время его настоятельства на Угреше бывали случаи, когда расстраивалось печение просфор, тогда он, как бывший когда-то в Свирском монастыре просфорником, сам пек просфоры и научал, как их печь.

После Угрешской обители отец Иларию жил некоторое время в Пешношском монастыре, затем в Покровском монастыре и, наконец, поступил на жителство в Гефсиманский скит, где и провел 11 лет, до самой своей кончины. За несколько лет до своей кончины он постригся в схиму* с прежним именем своим Илии. За четыре дня до своей смерти он виделся с прежним своим келейником, сменившим его в настоятельстве Угрешской обителью, и сказал ему: «Я благодарю Господа, что я на покое, и хотя об этом тогда скорбел, но теперь скорблю о том, что скорбел». 9 июля 1863 года он скончался и был погребен в Тарбеевской пустыни.

Священномученик Никодим (Кононов)

* Схима — высшая, третья степень монашества. Великая схима есть совершенное отчуждение от мира для жизни во Христе. Исторически этот вид монашества происходит от пустынножительства и затворничества. Пострижение в схиму совершается торжественнее, чем в мантию, и сопровождается принятием нового имени. Обеты великой схимы, являясь обновлением обетов малой схимы, включают ещё полное отрицание мира и всего, что в мире.

Схиархимандрит Никодим (Демутье)

Николай Петрович Демутье родился в 1800 году в Санкт-Петербурге от родителей — природных дворян, и с самых юных лет начал образование в морском кадетском корпусе. Но и в этом юном возрасте сердце его искало себе утешения не в детских забавах и не в светских разнообразных развлечениях, но в чтении Священного Писания и назидательных книг и преимущественно житий святых. Жажда к чтению подобных книг с трудом была удовлетворяема, потому что в корпусе не давались для чтения подобные книги; но Божиим смотрением к этому юному избраннику присоединились еще два юных товарища с таким же благочестивым настроением, — и они нашли возможность приобрести Четвы-Минеи* и в свободное время занимались чтением их. Это благочестивое занятие для Николая Петровича не осталось без успеха, но в свое время принесло полезные плоды. Он несколько раз намеревался оставить корпусное учение и тайно удалиться в какое-нибудь уединенное место, но, по совету старших, оставался в корпусе до удобного случая.

По окончании учения на 18-м году он произведен был в чин офицера и чрез год командирован по делам службы из Петербурга в город Николаев. Здесь-то на пути он ощутил непреодолимое желание привести давнее намерение свое в исполнение: проезжая Херсонскую губернию, в одном городе остановился он в гостинице для ночлега и, помолясь усердно Господу Богу, с полным упованием на

* Четвы-Минеи, или Минеи-Четвы — сборники Житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования Церковью, предназначенные для чтения, а не для Богослужения Православной Церкви. В России известны Великие Четвы-Минеи Митрополита Московского Макария, Минеи Чудовские, Минеи иеромонаха Германа (Тулопова), священника Иоанна Милютина, наконец, самые известные, Минеи святителя Димитрия Ростовского (посл. четверть XVII – нач. XVIII в.).

Его святой Промысл, ночью оставил квартиру и всё, что при нем находилось, даже деньги и подорожную, и отправился в путь, совершенно ему незнакомый, водимый одною верою в Промысл Божий. А чтобы скрыть себя от поисков, он избирал дороги проселочные, лесистые и самые глухие и, припоминая подвиги древних подвижников, скитавшихся в пустынях, дошел до города Одессы, близ коего в то время строился Успенский Фонтанный монастырь. Тут юный подвижник, за отсутствием настоятеля, испросил благословение у казначея пожить. Послушания в строившемся монастыре были тяжелые и трудные; братия носили кирпичи и известку, возили песок и воду. Николай Петрович все это исполнял с величайшим усердием. Иноческие труды и подвиги ему были по сердцу; он считал себя счастливым человеком. Это было в октябре месяце. В монастыре келий было немного, потому что они еще строились, и потому для Николая Петровича кельей служил монастырский сад, койкою, тюфяком и подушкою — сырая земля, одеялом — шинель, которую он одну из всех своих вещей взял при выходе из гостиницы. Когда возвратился из Петербурга настоятель монастыря, казначей представил ему Николая Петровича как желающего поступить в их монастырь в число братства. Настоятель по обыкновенному порядку спросил его: кто он, откуда и какой имеет вид? Николай Петрович чистосердечно открыл ему все свои обстоятельства, и с какой целью и намерением явился он в монастырь. Настоятель, выслушав его объяснение, усмотрел в нем искреннее и нелицемерное желание иноческой жизни, но, к сожалению,

не мог принять его в монастырь и советовал ему возвратиться к своему посту и идти, как и прежде, дорогами нетрактовыми, а для изучения монастырской жизни заходить в близ находящиеся на пути обители. Этот отказ, как гром, поразил Николая Петровича: тяжело, слишком тяжело ему было расстаться с обителью, где он с радостью провел около двух месяцев, тем более что он питался мыслию, что теперь уже навсегда простился с миром и вступил в желанный путь. Он горько заплакал; но делать было нечего: приняв у доброго настоятеля и всей братии прощальное благословение, оставил обитель и отправился в обратный путь к Петербургу.

Держась совета настоятеля, он направил путь свой через Черниговскую губернию, и здесь, недалеко от монастыря, именуемого Покровским, не зная, что монастырь старообрядческий, вошел в церковь и, к удивлению, увидел в ней как монашеское одеяние, так и чиноположение и службы не такие, какие видел в других монастырях. Узнав от одного инока, что этот монастырь старообрядческий, Николай Петрович пришел в раздумье и, полагая, что и здесь по такому строгому уставу и чиноположению удобно можно спасти душу, решился просить игумена о принятии его в число братства. Игумен прежде всего спросил: «Чего ты желаешь от нас, брате?» — и, получив ответ: «Желаю спасти душу», — стал расспрашивать, кто он, и есть ли у него какой-нибудь вид. Так как у пришельца никакого вида не оказалось, то игумен поручил казначею на время взять его к себе в келью. Казначей охотно взял его, ласкал, поил чаем. Николай Петрович уже начал подражать расколь-

никам в молитве и изображать перстосложение по их обряду. Но Промысл Божий сохранил от заблуждения ревностного, но неопытного подвижника. В один вечер вдруг казначей поспешно взошел в свою келью, где находился и Николай Петрович, и сказал ему: «Скорей, скорей, брате, убирайся и уходи куда-нибудь: становой приехал сюда по какому-то следствию» — и выводил его заднею калиткою в лес.

Бедный изгнанник должен был вытерпеть много нужды и горя; не раз приходилось ему проводить ночь в лесу и подвергаться опасности от зверей. Зато здесь он ясно увидел, что ласка оставленных им старцев старообрядческих была ласка фальшивая, оказанная ему только для того, чтоб совратить его в заблуждение. Это обстоятельство сделало его более осторожным. Встречая на пути монастыри, он обыкновенно спрашивал, какой это монастырь — православный или старообрядческий, и если старообрядческий, то не заходил в него.

Прибыв в Площанскую Богородицкую пустынь (Орловской епархии), Николай Петрович увидел в ней как бы Небо на земле, но оставаться в ней мог не более восьми месяцев, потому что настоятель и опытные старцы советовали отправиться ему в Петербург и с повинною головою явиться куда следует. Он последовал их совету и, проходя Тверскую губернию, в одной деревне государственных имуществ был задержан волостным правлением как бродяга, не имеющий паспорта, и отправлен в окопах в Петербург. Туда доведено было до сведения Государя Императора Александра I, что пропавший без вести флотский офицер Демутье отыскался. Го-

сударю Императору угодно было видеть его лично и расспрашивать обо всем подробно. Удостоив его милостивейшего прощения, Государь приказал ему продолжать службу и исправностью своей должности загладить необдуманый свой поступок. Николай Петрович стал продолжать службу с примерно отличным поведением и дослужился до капитанского чина. В один жаркий день (а это было в Севастополе), после обеденного отдыха, он пожелал чего-нибудь холодного и по предложению слуги выпил два стакана холодного [так в тексте]. Чрез полчаса почувствовал в животе ужасную боль. Приглашенный врач нашел в нем в сильной степени воспаление печени и легких, и хоть скоро остановил болезнь, но здоровье Николая Петровича так было расстроено, что он должен был подать в отставку и для поправления здоровья переехать в Москву. Один хороший знакомый его предложил ему на летнее время переехать в его имение, бывшее недалеко от Сергиевой Лавры и от Хотькова монастыря. В этих обителях больной Николай Петрович находил единственное утешение и отраду, и тут же, при содействии Божией благодати, в душе его пробудилось прежнее желание иноческого жития. Лаврские старцы посоветовали ему побывать в Киеве и других монастырях, в числе коих напомнили ему и о Площанской пустыни. Этот старческий совет он принял за прямое указание перста Божия и, простившись с престарелой родительницей, которая в это время находилась в Москве и много и слезно просила его не оставлять ее до смерти, отправился в Киев. Здесь близ Лавры он нанял квартиру, чтоб удобнее и чаще бывать в Лавре при

божественных службах, и, прожив здесь около трех месяцев, увидел в Лавре трех иноков, пришедших из разных обителей на богомолье. Один из них был Площанской пустыни иеродиакон Макарий.

Площанская пустынь была близка сердцу Николая Петровича, и он убедительно просил иеродиакона Макария взять его с собою в пустынь. Тот согласился. Обрадованный Николай Петрович, купив себе нагольный полушубок, отправился с ним в путь. Бывший при нем слуга его умолял его со слезами, чтоб он дозволил ему проводить его до места. Николай Петрович не согласился на то и, отойдя от Киева с величайшим трудом верст 20, остановился на ночлег. Сюда нежданно для Николая Петровича явился тот же слуга, чтоб сделать последние услуги любимому господину своему, напоил его чаем, вытер его различными лекарственными мазями и утром со слезами простился с добрым господином. Николай Петрович, наградив, сколько мог, любимого слугу, отправился в дальнейший путь.

Прибыв в Площанскую пустынь, Николай Петрович с иеродиаконем Макарием тотчас пришел в келью старца иеромонаха Макария (Иванова), впоследствии знаменитого оптинского Старца. От души полюбил молодой подвижник опытного в духовной жизни Старца и отдал себя ему в совершенное повиновение и святое послушание. Отец Макарий поместил нового послушника подле своей кельи. Послушание его состояло в келейных послугах Старцу и канонаршестве. Голос у него был приятный, произношение ясное и отчетливое, и потому все были довольны его речистым и ясным ка-

нонаршеством, старцы-иноки каждый раз по окончании Богослужения благодарили его за утешение, которое он доставляет им чтением и пением в святом храме. Но враг рода человеческого не миновал своими кознями юного пришельца. По его внушению Николай Петрович задумал оставить обитель и Старца-руководителя и под предлогом богомолья стал проситься в Воронеж для поклонения новоявленному тогда чудотворцу Митрофану. Опытный старец отец Макарий и прочие иноки, предвидевшие тут вражье искушение, долго уговаривали его остаться в обители; но когда их убеждения остались безуспешны, они благословили его отправиться в Воронеж и даже дали ему лошадь и кучера, чтобы подвезти его до Орла. Николай Петрович, собрав все свои пожитки в дорожную котомку, не исключая и свидетельства об отставке, отправился в путь. Но не более 8 верст отъехал от монастыря — и настигло его горе. Лошадь без всякой причины к испугу бросилась в сторону, и, выбросив из саней седока и кучера, убежала. Кучер бросился за лошадью, а Николай Петрович должен был пешком тою же дорогою вернуться назад в монастырь, и он шел вечером и ночью, с слезным раскаянием припоминая отеческие советы старцев остаться в обители. К полуночи дошел до монастыря и переночевал в монастырской гостинице. На другой день утром оказалось, что кучер и лошадь с упряжью в монастыре; но котомки в санях не оказалось. Николай Петрович, видя в этом событии с ним явное наказание Божие заслушание и непокорность к старцам и за неблагонамеренную отлучку из обители, усердно испрашивал у старцев

себе прощения и много беспокоился об утрате выданного ему свидетельства об отставке. Добрые и истинно чадолюбивые о Господе старцы старались всячески успокоить и утешить его. Того же дня к вечеру явился в монастырь из близ находящейся к монастырю деревни крестьянин и объявил, что он на пути в лес поднял кожаную котомку, которую и представил в монастырь, не найдется ли в нем ее хозяин. Таким образом Николай Петрович получил все потерянное и усердно благодарил как Всемилосердного Господа, так и доброго, бескорыстного находчика. Теперь он с еще большим усердием стал проходить прежние свои послушания, чтобы загладить неблаговидный поступок свой. Но и враг не дремал. По его внушению чрез полгода у Николая Петровича опять появилась мысль оставить обитель и удалиться в Воронеж. Теперь старцы ему не противоречили и благословили его туда идти с благонадежным почтенным иеромонахом отцом Иоанникием.

Николай Петрович не замедлил отправиться с ним, воображая, что он навсегда простился как с обителью, так и со всею братиею. Но вышло не так. Отец Иоанникий по прибытии в Орел вскоре заболел, и, поправившись несколько в здоровье, возвратился в свою обитель. Заболел здесь же и Николай Петрович и во время болезни был в крайнем недоумении: в случае поправления здоровья возвратиться ли в Площанскую пустынь или исполнить давнишнее свое намерение — побывать в Воронеже. В этой борьбе с самим собою Всеблагий Господь не оставил раба Своего без указания. Николай Петрович в Орле остановился в доме знакомого ему купца Н. М. Не-

мытова, а потом перешел в дом родного брата отца Макария (Иванова). Однажды к Н. М. Немытову пришел известный по жизни богоугодный юродивый Василий Петрович Брагузин, который Николаю Петровичу был вовсе незнакомый и никогда его не видал. Этот-то юродивый тотчас по приходе в дом Немытова спросил: «А где площанский монах, отец Никодим?» Хозяин дома отвечал: «Я не знаю монаха Никодима». — «Как не знаешь, — возразил ему юродивый, — ну, что больной, который едет в Воронеж». Немытов хорошо знал прозорливость юродивого и поняв, в чем дело, сказал, где он квартирует. Василий Петрович поспешил в указанный ему дом, и первый вопрос его по приходе в дом был: «Где тут у вас больной площанский монах, отец Никодим?». Домохозяйева знали его прозорливость, но вдруг не могли догадаться, кого он спрашивает, и потому сказали: «У нас нет монаха отца Никодима; а проживает Николай Петрович из Площанской пустыни». — «Его-то мне и нужно», — заметил юродивый и, вошедши в комнату, где был Николай Петрович, сказал: «Здравствуй, отец Никодим!» — «Я не отец и не Никодим», — возразил ему Николай Петрович. «Да, — заметил ему юродивый, — теперь-то ты Николай Петрович, но будешь и отцом Никодимом».

Время было обеденное; юродивый сказал: «Я есть хочу; накрывайте стол». Накрыли. Когда сели за стол, юродивый стал приглашать к столу и Николая Петровича. Ему отвечали, что он по болезни кушает отдельно от них, в особой комнате. Но он настоятельно требовал, чтобы больной сел с ними за стол, — и больной исполнил его желание.

«Дай-ка мне винца», — сказал юродивый Николаю Петровичу. Хозяева приказали подать вина; но юродивый не хотел принесенного вина, а сказал Николаю Петровичу: «Дай-ка, брат, мне своего винца (а надо сказать, что у Николая Петровича, по совету доктора, куплена была бутылка виноградного вина, о которой и хозяева не знали; она стояла в его комнате за шкафом), дай-ка винца, которое поставлено у тебя за шкафом в бутылке». Удивленный этой прозорливостью, Николай Петрович принес бутылку и, ставя ее на стол, сказал: «Вот Василий Петрович вывел грех мой наружу», а он, улыбаясь, заметил: «Дай-ка выпьем за твое здоровье». А после обеда, при выходе из дома, сказал: «Ступай поскорее в Площанскую пустынь, иначе худо тебе будет». — «Так ты советуешь мне ехать в Площанскую пустынь?» — спросил его Николай Петрович. — «Да, да, — отвечал юродивый, — там ждут тебя». Николай Петрович немедленно туда отправился. Там действительно долгое время ждали его и даже собирались было отправить в Орел посла, узнать, где он и что с ним.

Таким образом, и вторично замышленное намерение Николая Петровича оставить Площанскую обитель, по воле Божией, не исполнилось. В обители он совершенно покорил волю свою воле Божией и водительству настоятеля и опытных в духовной жизни старцев. Прилагая труды к трудам и подвиги к подвигам, он для многих, особенно новоначальных послушников, служил примером. В церковь приходил прежде всех и выходил после всех; без молитвы Иисусовой в келью ни к кому не входил, при встрече

с старшими и младшими всегда снимал шапочку и делал низкий поклон; всегда избегал празднословия; одежду носил самую простую, постелью ему служила койка, покрытая сукном, подушкой — наволочка, набитая сеном.

Так провел в Площанской пустыни Николай Петрович несколько лет. Когда же в Петербурге скончался дед его, оставивший большой капитал, после того он на время должен был оставить пустыню: как единственного наследника его вызвали в Петербург. Привыкшему к тихой пустынной жизни не по сердцу была светская шумная жизнь в Петербурге, и потому он отправился в Сергиеву пустынь, находящуюся в 15 верстах от Петербурга, и просил настоятеля архимандрита, впоследствии епископа Игнатия (Брянчанинова)¹, позволить ему пробывать в монастыре до окончания дела по наследству. Отец архимандрит приказал спросить его: может ли он хорошо читать и петь? Николай Петрович по свойственному ему смирению не совсем лестно отозвался о своих способностях и потому получил отказ. С душевной скорбью он пошел в церковь к вечернему Богослужению. Там, неизвестно почему, на этот раз не оказалось канонарха, и потому иноки обратились с просьбою к Николаю Петровичу, не может ли он исполнить обязанность канонарха. Николай Петрович с полной готовностью согласился и высоким и приятным голосом воззвал: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!» Иноки очень довольны были новым канонархом и доложили о нем архимандриту.

¹ Свт. Игнатий (Брянчанинов). Память 30 апреля/13 мая.

Отец архимандрит пригласил его к себе, обласкал, расспросил его, кто он, зачем в Петербурге, и в заключение сказал: «Как же вам не грешно пред Богом скрывать ваш талант?» — и приказал подать Минею и позвать певчих. Когда Николай Петрович стал говорить стихиры, а певчие петь, приятный голос и правильное отчетливое произношение обратили на себя внимание отца архимандрита; он спросил: «Вы, вероятно, где-нибудь канонаршили?» Ответ: «В Площанской пустыни» — еще более заинтересовал отца архимандрита, потому что эта пустынь была ему очень известна и он всегда о ней отзывался с особенным уважением. Он просил Николая Петровича навсегда остаться в его обители, обещаясь в случае какой-нибудь надобности помогать ему по делам в Петербурге. Николай Петрович послушался совета доброго настоятеля и кротким и смиренным поведением своим скоро приобрел у настоятеля полное доверие, у братии любовь, у посетителей монастыря уважение. Здесь он исполнял обязанность сперва канонарха, а потом свечника.

* Великий монашеский образ — здесь: так условно, по отношению к рясофору, именуется мантийное монашество, или малая схима. Постриг в мантию сопровождается принесением обетов послушания, безбрачия, нестяжания, непрестанной молитвы, переменной имени; новопостриженный при этом вручается духовному руководителю. Одевание монаха состоит из хитона (подрясника), парамана, пояса, рясы, мантии, клобука, сандалий и четок.

Опытный и благорассудительный настоятель скоро усмотрел и оценил нового послушника и постриг его в малый монашеский образ, называемый «рясофор»; с сих пор новопостриженец стал часто размышлять о достоинстве и важности иноческого сана и упражняться в чтении Священного Писания, и особенно в чтении Добротолюбия, аввы Дорофея и Иоанна Лествичника.

Настоятель делал ему предложение принять великий монашеский образ*. Николай Петрович благодарил за отеческое внимание, но по смирению не

решился принять предложение и, продолжая жить в Сергиевской пустыни в должности свечника, старался здесь извлекать всюду нравственную пользу.

Получив известие о перемещении из Площанской в Оптину Пустынь старца отца Макария, пожелавшего войти в теснейшее общение с жившим там великим старцем отцом Леонидом, Николай Петрович и сам пожелал последовать за отцом Макарием и, помолившись усердно Господу Богу, объявил отцу архимандриту о своем желании переселиться в Оптину Пустынь. Отец архимандрит долго удерживал его, ибо знал его во всех отношениях с хорошей стороны, и едва-едва склонился на усердную просьбу его.

Николай Петрович, окончив дело свое по наследству, отказался от своего наследства, предоставив оное в полное распоряжение двоюродной сестре своей, и в 1836 году переместился в давно желанное место — Оптину Пустынь.

Спустя год по вступлении в Оптину Пустынь он должен был оставить ее — и вот почему. По случаю неурожая хлеба поднялась на хлеб большая дороговизна. В Оптиной Пустыни оказался такой недостаток в хлебе, что некоторые из братии, не определенные указом, должны были оставить обитель. Но любвеобильному настоятелю ее тяжело и горько было расстаться с ними. Для его любящего сердца все были близки и любезны, как дети. И вот он, чтобы восполнить недостатки обители, назначил новоопределившегося Николая Петровича идти за сбором. Николай Петрович, привыкший с детства к послушанию, испросил благословения и святых

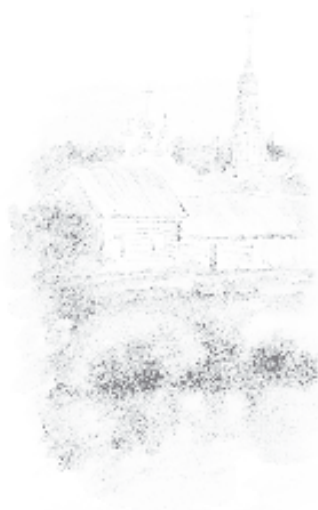

молитв у настоятеля и отправился из обители с прочими сборщиками в октябре месяце.

Между тем монастырская сумма до того оскудела, что отец игумен должен был почти каждый день посылать в город Козельск к купцам с просьбою, чтоб они дали в долг ржаной муки, которой каждый день выходило 12 пудов*, и для подспорья в хлебе велел ржаную муку мешать с картофельною. В этой крайней нужде Господь неожиданно обрадовал святую обитель чрез посланного отца Николая (так назывался здесь Николай Петрович). Именно: в половине ноября появился в воротах монастырских большой обоз с хлебом, и оказалось, что этот обоз прислан новым сборщиком, отцом Николаем. Игумен с братиею со слезами помолились о здравии раба Божия Николая и всех, участвовавших в благотворении, а чрез несколько времени он получил немалое количество денег, собранных отцом Николаем. Когда отец Николай возвратился в обитель, каждый из братий встретил его как посланника Божия, как величайшего благодетеля.

С этого времени он сделался первым и главным сборщиком, и при его трудах обитель уже не имела такой нужды. Отец игумен Моисей, как настоятель благоразумный, дальновидный и опытный, нашел отца Николая способным и к другим монастырским послушаниям, и потому послал его по делам монастырским в Москву и Петербург. И там, и здесь он приобрел близкое знакомство с благочестивыми и любящими благолепие храмов и святых обителей сановными людьми, которые немало сделали благотворений для святой обители.

* Пуд — русская мера массы (веса). По закону 1835 г. «О системе российских мер и весов» является мерой торгового веса: 1 пуд = 40 фунтам = 16,380 кг.

Отец Николай, прожив в Оптиной Пустыни пять лет, свyksя, или, лучше, сроднился с нею душою и сердцем. В добром настоятеле, отце игумене Моисее, он видел самого заботливого и нежного отца и благодетеля; в известных по строгой жизни старцах, отцах Леониде, Макарии и Антонии¹ — благонадежных руководителей и опытных наставников в духовной жизни. За то и они всегда видели в нем любезного и послушного во всем сына.

В 1840 году отец Николай, с разрешения Святейшего Синода, пострижен был в великий образ монашества с наречением имени Никодима. Так исполнилось предсказание юродивого Василия Петровича Брагузина, высказанное с лишком 10 лет тому назад. В 1842 году отец Никодим рукоположен был во иеродиакона и в том же году, чрез три месяца, — в иеромонаха, а через две недели назначен в Мещовский Георгиевский монастырь настоятелем и вскоре затем награжден набедренником* и определен членом Духовного правления.

Мещовский монастырь был в совершенном упадке, ибо в 1837 году он почти совершенно был разрушен бурей. Но отец Никодим имел самую твердую и непоколебимую веру в Промысл Всемогущего Господа и, проникнутый этою верою, не раз говорил братии: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*². И эти слова его не раз оправдавались самым делом. Вот на то один пример. Мещов-

* Набедренник — четырехугольный плат, подвешиваемый на ленте за два угла к поясу, носится во время Богослужения на правом бедре. С середины XIX в. является первой наградой для священника.

¹ Прп. Антоний (Путилов) († 1865), старец Оптинский. Память 7/20 августа.

² Мф. 6, 3.

ский Георгиевский монастырь как до поступления отца Никодима, так и при нем не покупал ржаного хлеба, потому что известные благотворители-помещики с давних пор присылали хлеб ежегодно, как бы оброк — всегда в одно время и в одном количестве. Так было и в 1845 году. Но так как в это время на монастырском содержании было до 30 работников, то хлебные запасы вскоре истощились, и келарь донес отцу Никодиму, что завтра нужно печь хлеба, а между тем муки и горсти нет. Отец Никодим велел келарю утром отправиться за мукою в город. Настало утро. Келарь только что хотел отправиться, вдруг видит, что в монастырь въехало несколько подвод с хлебом. Келарь получил от привезших хлеб и записку, в которой значилось, сколько и от кого прислано хлеба, и принес эту записку отцу Никодиму. Никодим не мог довольно надивиться милости Божией, явленной святой обители в такое тяжкое время, тем более что хлеб этот был прислан без всякой со стороны иноков просьбы, и со слезами благодарил Премилосердного Господа, Пречистую Матерь Его и покровителя святой обители, святого великомученика Георгия. А чтобы навсегда увековечить в обители память об этом событии, он установил, чтобы каждую неделю по субботам пред поздней Литургией соборно совершали акафист святому великомученику Георгию. И замечательно: накануне дня, в который назначено было в первый раз совершить акафист святому великомученику, в 9 часов вечера над храмом святого Георгия Победоносца появилось облако пурпурового цвета и видимо как бы досязало* до самого храма. Это явление продолжалось около получаса. И когда братия с

* Досяза́ть (ц.-слав., др.-рус.) — достигать.

удивлением смотрели на это облако, отец строитель заметил им: «Мне кажется, это светлое облако — знак благоволения святого великомученика Георгия к предлагаемому в честь его молебному пению». С этого времени обитель как в нравственном, так и в материальном отношении стала все более и более процветать, и число братства стало увеличиваться — так, в короткое время в обители вместо 17 иноков было до 50. И этим обитель была обязана по воле Промысла Господа, Его Пречистой Матери и святого угодника Георгия Победоносца благоразумному и деятельному управлению отца Никодима.

Строитель отец Никодим неизменно держался следующих правил. Во-первых, каждому вступающему в монастырь в число братии, кто бы он ни был, старался выяснить высокое значение иноческого звания и правила чиноположения монастырские, и как за соблюдение этих правил всегда награждал, так за нарушение взыскивал. Во-вторых, он всегда сам зорко наблюдал за каждым братом и строго требовал, чтобы иноки в церкви чтение и пение совершали благообразно, стояли чинно, скромно и безмолвно, крестное знамение изображали правильно, поклоны делали своевременно и в надлежащую меру. В-третьих, для соблюдения правильной келейной жизни он сделал распоряжение, чтобы каждый из молодых послушников помещался близ кельи старца, которому поручал иметь над ним надзор и руководство в монастырской жизни; а чтобы в кельях не было праздности, он назначал каждому, по мере сил и способностей, какое-нибудь занятие: одному, например, полууставное письмо, другому портняжни-

чество, третьему клеяние разных коробочек, четвертому плетение рыболовных сетей и т. п. Кроме того, раздавал из своей библиотеки для чтения книги, и чтобы чтение сопровождалось пользой, он каждого брата, возвращавшего книгу, обыкновенно спрашивал о содержании прочитанной книги. В-четвертых, он большое обращал внимание на пение, и для того часто делал спевки в своих покаях и требовал, чтобы каждый клиросный хорошо знал пение простое и нотное, и особенно требовал, чтобы воскресные догматики все клиросные знали наизусть. И пение при нем всегда было стройное. Умея хорошо отличать смиренных от гордых, кающихся от скрытных, он первым всегда оказывал отеческое снисхождение, а последних преследовал строгими выговорами и епитимиями. Вот один из многих на то примеров.

Один брат, посланный им в губернский город для монастырских закупок, на обратном пути, по случаю сильного холода, остановился в одной деревне, где зашел в дом согреть себя водкой. Это было вечером. Недобрые люди воспользовались слабостью брата и похитили его лошадь и все его закупки из саней. Бедный посланец, истерзанный совестью и страхом, явился в монастырь без всего, с одним чистосердечным сознанием в своей слабости, и с горькими слезами пал в ноги отцу строителю. Отец Никодим, выслушав его, поболел сердцем, однако ж не только не оштрафовал его, но с отеческою любовью успокаивал его, впоследствии даже постриг его в монашество, и сам немедленно отправился отыскивать пропажу и успел отыскать лошадь. Остальным воспользовались тунеядцы. Другой брат послан им был в г. К. на трой-

ке лошадей с кучером. Ему вздумалось побывать у родных, и потому он свернул с шоссейной дороги на проселочную, а так как чрез эту побывку у родных он потерял несколько времени, назначенного ему для исполнения поручения, то, чтоб незаметна была для отца настоятеля эта потеря, он неся на лошадях с такою быстротою, что две из них совершенно им были испорчены. Но по возвращении в обитель он старался скрыть свой поступок, убедив к тому же и кучера, и когда обман его был открыт, он не принес чистосердечного раскаяния, продолжая оправдывать себя чем мог, и за то удален из обители.

Забывая неусыпно о вверенном ему братстве, отец Никодим не оставлял без внимания и мирян. Особенно бедные из них всегда были близки к его любящему сердцу. Ему пришло на мысль в храмовые праздники обители устраивать для нищих общий стол. Среди монастыря устроены были временные столы для двухсот человек; стол для нищих состоял из трех блюд, и после стола каждому нищему даваемо было по 10 копеек. Подобными милостями нищие пользовались в храмовые праздники во все время управления его монастырем.

Благолепие храмов Божиих было также предметом всегдашних дум и неусыпных забот благочестивого настоятеля.

Такие неусыпные заботы об обители деятельного настоятеля не укрывались от взора Преосвященнейшего Григория, архиепископа Калужского, и потому, когда он получил прошение от удрученного болезнями Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена отца Антония, тоже Оптинского старца,

об увольнении его на покой, назначил на его место отца Никодима. Это было в 1853 году.

С душевной скорбью расстался отец Никодим с обителью, которою управлял около 10 лет. Памятна была святой обители и патриархальная простота его жизни. Он всегда делил с братиею общую трапезу, если только болезнь не удерживала его в келье; даже в случае легких недугов, когда не мог вкушать братской трапезы, он все-таки посещал трапезу, чтоб, по крайней мере, посидеть вместе с братиею, в чем он находил для себя душевное удовольствие и утешение. Только во дни тяжелой болезни он вкушал пищу дома, но и эта пища была самая простая, не изысканная. Если же кто во время его болезни по усердию присылал ему свежей рыбы, он никогда не пользовался ею один, а всегда делил ее со старцами и с немощнейшею братиею. Одежду любил носить самую простую. Одни благодетели подарили ему рясу на лисьем меху; но он не носил ее, а продал и деньги роздал бедным. В другое время те же благодетели подарили ему самовар накладного серебра. Но он только один раз приказал поставить его, чтобы, из угождения благодетелям, напиться из него чаю, и при этом долго смотрел на него с какою-то грустью и говорил своим келейникам: «Что мы за монахи, когда пьем чай для прихоти из такой роскошной посуды? И не послужит ли это на соблазн и преткновение мирянам?» И когда подарившие самовар благодетели прибыли к нему в монастырь, он упросил их взять подарок обратно, и они взяли, взамен же подарили ему рясу на беличьем меху, которую он и носил до конца своей жизни.

Что же касается до братии, — то он непременно требовал, чтобы никто из них не входил в церковь в одежде ветхой и неопрятной, равно требовал, чтоб никто не являлся на общее монастырское послушание в одежде новой, и потому сделал распоряжение, чтобы у каждого из братии непременно было по две одежды как зимних, так и летних.

Твердая и несомненная вера в Промысл Божий сопровождала отца Никодима из Мещовского монастыря в Николаевский Малоярославецкий и пребыла с ним до конца дней его. По прибытии в этот монастырь он часто говаривал: «Если Бог помог мне поддержать и поправить беднейший Мещовский монастырь, то, верую, поможет Он мне во всем и в этой обители». И по вере его Господь видимо помогал ему. Так, он хотел неоштукатуренный соборный великолепный храм, также зимний храм, колокольню и прочие монастырские здания оштукатурить и крыши окрасить. Но денег для этого недоставало. Отец Никодим, после усердной молитвы, написал письмо об упомянутых нуждах к знакомому ему петербургскому гражданину г[осподину] Целибееву, и этот благотворитель немедленно выслал по смете назначенную сумму. Потом нужно было отцу Никодиму выстроить, вместо совершенно ветхой, новую монастырскую мельницу. Опять недостаток в деньгах, и опять помощь Божия. К отцу Никодиму явился московский купец с предложением на монастырской земле устроить суконную фабрику с арендной платой в монастырь по 270 рублей в год. Условие заключено на 10 лет. Затем отец Никодим пожелал устроить при обители странноприимный дом* и

* Странноприимный дом — приют для малоимущих, бедных путников; богадельня, совмещенная с больницей.

* Мануфактур-советник — почетное звание в Российской империи с 1800 г., жаловалось в целях поощрения за успехи в развитии отечественной промышленности и благотворительность. Звание присваивалось купцам первой и второй гильдии, давало право на получение чина VIII класса по «Табели о рангах», на ношение дворянского мундира, шпаги, определение детей на государственную службу. Титуловался «Ваше Высокоблагородие».

высказал об этом желании знакомому мануфактур-советнику* П. М. А-ву. Мануфактур-советник П. М., всегда готовый к щедрым услугам в богоугодных делах, тронулся до слез беседою отца Никодима и, перекрестившись, сказал: «Сам Бог послал вас ко мне с таким благоугодным предложением. Я давно об этом думал, да не мог вместо себя поручить сие святое дело; и потому прошу вас: примите от меня нужный для сего капитал и возьмите на себя труд распорядиться им, как знаете, для устройства странноприимного дома». И странноприимный дом в одно лето был выстроен, в 1854 году освящен и назван: Павловский. Но этим не ограничилось благодеяние благочестивого страннолюбца: он положил в сохранную казну Московского Воспитательного дома капитал в 10 000 рублей серебром и в 3 000 рублей с тем, чтобы проценты с первого капитала употреблялись на пищу странникам, а проценты с последнего на ремонт странноприимного дома.

Наконец у отца Никодима возникло желание чем-нибудь ознаменовать место, где доблестные герои 1812 года на брани за веру и Отечество живот свой положили.

С разрешения Святейшего Синода и Высочайшего утверждения устроена была часовня на месте погребения героев 1812 года и испрошено было отцом Никодимом разрешение высшего начальства — совершать крестный ход к этой часовне из монастыря и всех градских церквей для торжественного поминовения Императора Александра I и убиенных православных воинов. Этот крестный ход при многочисленном стечении народа совершается ежегодно 12 октября.

Так благоуспешно исполнялись все благие желания и начинания отца Никодима, и все это он приписывал единственно милости Господа, Его Пречистой Матери и покровителя святой обители, святителя Николая Чудотворца, и потому поставил за правило: 1) в праздники в память святителя Николая 9 мая и 6 декабря кормить нищих монастырским обедом и оделять их деньгами; 2) каждую неделю совершать соборно молебствие с акафистом по четвергам святителю Николаю Чудотворцу, а по субботам — Корсунской Божией Матери.

Епархиальное начальство видело заслуги деятельного настоятеля и наградило его в 1857 году саном архимандрита, и потом орденом Святой Анны 3-й степени. Но эти почести не надмевали* смиренного мудрого отца Никодима. В отношении к старшей братии он держал себя не как начальник, а как старший брат; в отношении к архипастырю как послушнейший сын; в отношении к старцам, опытным в духовной жизни, и в особенности к великому старцу отцу Макарию, как покорный и преданный во всем ученик; в отношении к подчиненным себе как чадолюбивый отец и нежный друг. Мало того: он часто сам выметал пыль в своей келье и в странноприимном доме, всегда сам для себя ставил самовар, поставлял и убирал чайную посуду и нередко ходил в дубленом полушубке и в лаптях.

Среди занятий по управлению монастырем он часто думал об уединенной жизни, где бы мог, не развлекаясь служебными обязанностями, всецело посвятить себя на служение Господу Богу. К тому же и здоровье его стало все больше и больше слабеть. Это

* Надмевать — на-
полнять гордостью и
спесью, делать кого-либо
кичливым, высокомерным,
надменным.

побудило его просить себе у архипастыря увольнение на покой. Преосвященнейший Григорий желал, чтобы он еще продолжал управлять монастырем и присутствовать в Духовном правлении, где он был несколько лет первоприсутствующим, но, наконец, должен был уступить его просьбе, и в 1862 году отец Никодим был уволен от настоятельской должности, получив дозволение оставаться в том же монастыре до конца жизни.

Получив увольнение на покой, он стал деятельно готовить себя на вечный покой. Для этого он распределил дневные и ночные часы для молитвы и чтения Священного Писания и душеполезных книг и совершал молитвенное правило вечернее, утреннее и дневное по скитскому чиноположению в своей келье, оставляя свою келью только в воскресные и праздничные дни для слушания церковных служб и в храме, а иногда в будничные для поминовения родных и знакомых за Божественной литургией. Чувствуя постепенное ослабление сил и памятуя всегда о смерти, он за год до кончины велел сделать себе гроб и поставить его в своей келье; за полгода до смерти велел сделать надмогильный крест с изображением на нем распятого Спасителя, а месяца за три стал говорить: «Хорошо бы теперь вырыть для меня могилу, пока еще земля не замерзла, обложить ее досками, и потом доски засыпать землею», и назначил место для могилы. Так он готовился к смерти, хотя состояние его здоровья вовсе не внушало мысли о близости для него смертного часа.

25 января 1863 года, в день тезоименитства калужского архипастыря Преосвященнейшего Григория, отец архимандрит Никодим отправился в

церковь к Божественной литургии. По окончании Литургии, за отсутствием настоятеля монастыря, совершил молебствие о здравии Преосвященнейшего Владыки, и после молебствия почувствовал такую сильную головную боль, что по возвращении из церкви в келью тотчас же слег в постель. Сначала домашними средствами, потом лекарствами, предписанными врачом, думали восстановить здоровье, но ничего не помогло. Видно, час его пробил.

Чувствовал это набожный старец и усердно просил своего духовника, чтоб не упустили случая в последние часы его жизни постричь его в великую схиму и приобщить Святых Христовых Таин. И желание его было исполнено: за несколько дней до кончины он пострижен был в великую схиму самим настоятелем; принял таинство Елеосвящения; несколько раз во дни болезни удостоился принятия Святых Христовых Таин, удостоился этого же счастья за два часа до кончины, последовавшей 7 февраля 1864 года на 65-м году его жизни.

Тело его, по совершении надгробного отпевания по чину иноческому, предано земле в том же монастыре, на кладбище, им устроенном, в саду, на месте, им самим назначенном, близ часовни.

Священномученик Никодим (Кононов)

Схимонах Карп (Алексеев)

13 марта 1866 года скончался в Оптиной Пустыни замечательный подвижник, слепец отец Карп, из государственных крестьян* Калужской губернии,

* Государственные крестьяне — особая категория крестьян в XVIII – первой половине XIX в., была оформлена указами Петра I из остатков незакрепощенного земледельческого населения. Государственные крестьяне жили на казенных землях, пользовались отведенными наделами, были подчинены контролю государственных органов, считались лично свободными.

* Аршин (тюрк.) — мера длины в ряде стран, в России употребляется с сер. XVI в., равна 16 вершкам = 71,12 см.

Мосальского уезда, деревни Бараний Рог. В Оптину Пустынь поступил в 1832 году; первоначально был звонарем, потом более 20-ти лет до старости трудился в хлебне. В этом послушании он показал в себе необыкновенного подвижника. В трудах он никогда не уступал никакому молодому, здоровому человеку. Для жительства ему в хлебопекарне был отгорожен уголок аршина* в три, и потому, как неисходный жилец хлебни, он первый являлся к делу и последний отходил. А также, при всякой даже малейшей потребности приходивших, он готов был служить каждому. Сверх того, когда сотрудники его отходили по кельям, он отправлялся в амбар сеять муку, что исполнял один, а муки ежедневно выходило более 20-ти пудов. При этом помогал носить воду, дрова, муку из амбара в хлебопекарню. В свободное от этих занятий время разматывал пряжу для неводов. В этом же рукоделии и молитве проводил почти всю ночь. В церкви бывал неопустительно и отправлялся туда, как только позволяли ему труды по послушанию. Точность его и внимательность были столь велики, что всякий раз, как только проходил мимо храмов, он против входа каждого храма останавливался и клал положенное число поклонов. Проводя не только дни, но и почти все ночи без сна, он в церкви всегда почти боролся со сном, особенно под старость. Бдительность его была неимоверна: если кому из братии нужно было встать в самую глухую пору ночи, то обращались к отцу Карпу, и в час, в два, в три ли кто попросит разбудить его, — ложись и спи спокойно: в назначенный срок отец Карп тихо творит уже молитву и не отойдет, пока не разбудит.

Постоянное самовнимание и понуждение себя на все благое были отличительными чертами отца Карпа. Самоукорение как бы срослось с ним. Нравом он был кроток и молчалив; в обращении с братьею ласков, приветлив и любовен. Еще покойный старец отец Леонид любил его и говаривал о нем: «Карп слеп, но видит свет» — разумеется тот свет, который и зрячим недоступен.

Слепотой своею он не только не тяготился, но и дорожил ею как средством ко своему спасению, и с любовью нес этот крест, возложенный на него Господом. Валаамский игумен Варлаам, живший в Оптинском скиту на покое, однажды, испытывая его, сказал: «Отец Карп! Не хочешь ли поехать в Москву? Там есть искусные доктора; они бы сделали тебе операцию, и ты бы стал видеть». Отец Карп испугался этого предложения. «Что вы, что вы, Батюшка, — отвечал он, — я этого вовсе не хочу, я спасаюсь своею слепотой».

В последние годы своей жизни отец Карп стал очень изнемогать, уже не мог по-прежнему трудиться, но очень усерден был к службам Божиим и, желая быть постоянно в храме Божиим, просил отца настоятеля, чтобы для него устроена была келейка при входе в Казанскую церковь. Но исполнить его желание было неудобно. Почувствовав изнеможение сил, он келейно принял пострижение в схиму. В декабре 1865 года слег в постель, впрочем никакой болезни не чувствовал. Даже незадолго до самой смерти, когда братья его спрашивали: «Что у тебя болит, отец Карп?», он отвечал: «Ничего не болит». До последних минут своей жизни сохранил ясное

сознание. Благовременно был напутствован всеми христианскими таинствами и 13 марта 1866 года, в воскресенье пятой недели Великого поста, в час полудни мирно и тихо почил о Господе.

Замечательно, что старческое лицо отца Карпа, которое при жизни его было самое обыкновенное, по смерти стало так благообразно, чисто и светло, как у невинного младенца, и видимо сияло благодатию Божией, так что все братия удивлялись. На третий день его кончины никто не ощущал от тела его ни малейшего запаха. Так Господь по смерти его еще здесь прославил этого смиренного подвижника, который никогда не искал человеческой славы и всю жизнь свою провел в неизвестности.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Монах Андрей (Петровский)

Генерал-майор Андрей Андреевич Петровский, сын благочестивых родителей, дворян Харьковской губернии, родился в 1786 году. Мужество и благочестие — вот преимущественно черты, которыми украшалась замечательная жизнь его.

Военная служба его началась с 1804 года и продолжалась до 1840 года, когда он был уволен за слабостью здоровья в отставку. В течение этого времени он совершил 11 кампаний и был в 85 сражениях, если не более. Его бранные подвиги начались в 1805 году, и потом продолжались в 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 и 1831 годах. Пред вступле-

нием в бой он имел обычай прочитывать 90-й псалом святого царя Давида.

Несмотря на то, что жизнь его в 85 сражениях не раз подвергалась крайней опасности, храбрый герой не имел ни одной раны: твердая вера и пламенная молитва — вот крепкий щит, которым он отражал от себя вражьи стрелы!.. Неутомимые бранные подвиги значительно истощили здоровье его. Последнее служение свое Престолу и Отечеству он завершил в Новгороде, в звании директора Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. На занятие такого важного поста дали ему полное право его боевая жизнь, его испытанная честность, прямотушение, любовь к просвещению, строго нравственная жизнь. Но эта служба его была непродолжительна: он начал ее в 1837 году и окончил, по слабости здоровья, в 1840 году.

Отслужив с честью службу Царю, которому отдал лучшие дни своей жизни и непотраченные силы, господин Петровский поселился в имении своем, отстоящем от города Задонска в 10 верстах, и тут проводил мирно дни свои в кругу небольшого семейства своего, которое составляли две дочери его. Когда же дочери вступили в супружество, он после того не более двух лет оставался в имении своем. Но вопрос: какую избрать обитель? — занимал его и дни и ночи и занимал долго, пока не решен был для него сновидением. Ему представилось во сне, будто пришел к нему его родной племянник, Александр Антонович Петровский, и сказал: «Что вы затрудняетесь в выборе святой обители, в которой могли бы провести остаток дней ваших? На что вам лучше

Оптиной Пустыни? Поезжайте туда». Это сновидение он принял за указание свыше и, немедленно окончив распоряжение с своим имением, отправился в Оптину Пустынь, где и судил ему Господь в продолжение 9 лет потрудиться для спасения души своей в тесной монашеской келье, откуда он до самой кончины своей не выходил никуда, кроме храма Божия и келий настоятеля обители да опытных в духовной жизни старцев.

Кто внимательно следил за слабыми сторонами греховной природы человеческой, тот, без сомнения, замечал, что в человеке, которому выпал жребий занимать высокое положение в свете, легко могут проявляться и сознание этого положения, и ожидание себе почта от людей низшего ранга как должной себе дани. Ничего подобного не замечалось в почившем сановнике: генеральский чин не надмевал его нимало, титулом Превосходительства, за немногими исключениями, никто не величал его, да он и не желал этого; в обители иначе не называли его, как Андреем Андреевичем. Отношения его к настоятелю обители и старшей братии были самые почтительные; к низшей братии он всегда был необыкновенно внимателен, вежлив, предупредителен. Скромность его и смирение до того простиралось, что во всю девятилетнюю бытность его в святой обители никто не видал на нем ни одного ордена, которыми награжден он был Венценосцами русскими за неукоризненную и примерно отличную службу его во дни мира и войны, ни шитого золотом генеральского мундира. Простой, незатейливый костюм особого покроя, приноровленный к старческому возрасту и

хилому здоровью, — вот всё, чем можно было отличить его от одежды послушника монастырского. Жизнь монашеская до такой степени по душе была ему, что если бы не потрачены были им силы на долгой службе царской, он не отказался бы принять участие в общих монастырских послушаниях. Вне службы церковной никто не видал его праздным: находясь в келье своей, он постоянно чем-нибудь занимался. Любимое занятие его составляли: внимательное чтение слова Божия, также отеческих и других душеспасительных книг, молитва, богомыслие и переписывание изречений богомудрых отцов. Плодом таких занятий было то, что труженик этот приобрел впоследствии дар, который нелегко и не скоро достается, а именно дар слез. Келейник, входивший в его келью в то время, когда стоял он на молитве, заставал его в слезах. Да и вообще, стоило, бывало, только завести с ним речь о спасении и необходимости достигать этого блага, и слезы неудержимым потоком лились из глаз его. Никогда он не оставлял келейного правила молитвенного с поклонами. Основав неисходное пребывание свое во святой обители, он имел в виду улучшить себе *единое на потребу*¹. Сего искал он неутомимо, искал до гробовой доски; и оттого его ничто не могло удерживать в келье, когда слышен был звон церковного колокола, призывавший братию монастырскую на молитву. Когда же упадок сил препятствовал ему идти в храм Божий, тогда отводил его туда келейник, и во все время, пока совершалась служба Божия, он оставал-

¹ Ср.: Лк. 10, 42.

ся в храме. Продолжительная монастырская служба никогда не тяготила его; напротив, он находил в ней всегда отраду и утешение и благодарил Господа, указавшего ему одно из молитвенных мест, которое кратчайшим путем ведет скитальца дольного в обители горнии. Но, прожив в обители немалое время, он не торопился облещись в полный иноческий образ чрез пострижение в мантию. Как человеку старческих лет, успевшему уже ознакомиться с жизнью духовною и бытом иноческим, ему, конечно, более чем кому другому, известна была непререкаемая истина, что необдуманная поспешность нередко портит все дело, хотя оно предпринималось и с благою целью. Можно предполагать, что он отлагал пострижение в монашество с тем, чтобы наперед испытать себя: в силах ли будет поднять на рамена свои этот крест и идти с ним неуклонно в вечность? Он хорошо помнил, что возврат из-под этой крестной ноши, добровольно взятой на себя, невозможен уже, как свидетельствует о том само слово Божие.

Между тем силы его упали все больше и больше, так что болезненный старец и сам начинал уже ясно понимать, что смерть его недалеко. В этом он особенно убедился после того, как за шесть недель до смерти своей увидел он во сне родного сына своего, Алексея Андреевича, умершего лет десять тому назад, который ему сказал: «Пора вам, батюшка, отправиться ко мне: у меня очень хорошо». Готовясь к переходу в жизнь загробную, он за три недели до смерти пожелал принять ангельский образ чрез пострижение в мантию, и это желание его с любовью было исполнено. Надобно было видеть духовный восторг и непритворные

слезы генерала, а теперь монаха отца Андрея, когда совершился над ним трогательный обряд полного пострижения в мантию. От полноты чувств он не находил довольно слов, чтобы возблагодарить благого Владыку, Который вчинил его в число тех рабов Своих, которые оставили все земное и скоропреходящее для того, чтобы улучшить вечное, нескончаемое; и событие это считал самым высоким для себя счастьем. Слезы, орошавшие в это время его старческие глаза, были красноречивее слов.

Когда же враг человеческий, не оставляющий в покое и самых избранников Божиих, по временам наводил на болезненного старца разного рода смущения, отец Андрей всякий раз в подобных случаях просил келейника своего читать молитву: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» до конца, а потом всю келью кропить святою водою, и сила молитвы и действие освященной воды избавляли его от земной доуки силы вражией. Чувствуя близость смерти, отец Андрей заблаговременно очистил себя принесением покаяния во всех прегрешениях своих, вольных и невольных, а также удостоился Елеосвящения, и до самой смерти через сутки приобщался страшных Животворящих Христовых Таин. С таким благодатным напутствием и с живым упованием на Господа нашего Иисуса Христа он безбоязненно ожидал смертного часа. Предсмертные минуты его не были продолжительны: после канона на исход души из тела, дважды прочитанного самим настоятелем отцом игуменом Исаакием, он вздохнул несколько раз и тихо предал душу свою Богу 23 января 1867 года на 81-м году от рождения.

Вскоре после смерти отца Андрея келейнику его, послушнику Оптиной Пустыни Пахомию Данилову Тагинцеву, было такое сновидение. «14 февраля настоящего года, — говорил он, — в послеобеденное время прилег я на ложе свое для краткого отдохновения и вижу во сне, будто я нахожусь в каком-то обширном саду, дивная местность которого, благоухание от растущих там деревьев с листьями на ветвях, похожими на роскошные цветы, поражали взоры мои. Чудное пение красивых птиц, сидевших на деревьях, неизъяснимо улаждало слух мой. Далее мне представилось какое-то огромное и великолепное здание, возвышавшееся на открытой местности, среди сада наружный вид здания, стройность во всех частях его при богатой обстановке — выше всякого описания; внутренние стены дома, казалось мне, составлены были будто бы из ярко сияющей массы, подобной чистому и прозрачному хрусталу. В одной из трех обширных зал стоял штучный, превосходной работы стол с изображением на поверхности птиц; а несколько далее стояли люди, обращенные лицами к той стороне, где находилась божница со святыми иконами. Они одеты были в блестящие белые одежды, покроем своим похожие на подрясники иноческие; подпоясаны ремнями, тоже монашескими; в руках своих держали четки черные; не очень длинные, но кудреватые и красивые локоны волос опускались с голов и покоились по плечам их. Все они, вместе с бывшим посреди их неизвестным мне монахом в мантии и клобуке, общим хором, необыкновенно стройно пели Херувимскую песнь^{*}. В это время из

^{*}Херувимская песнь — торжественный гимн, сопровождающий Великий Вход и перенесение Святых Даров с жертвенника на Престол во время Божественной литургии Иоанна Златоуста или Василия Великого. Эта песнь, введенная в VI веке, заканчивается троекратным возгласием Херувимов «Аллилуиа» и образно представляет исход Христа Спасителя на добровольные страдания и смерть как величественное шествие Царя Славы в сопровождении Ангельских Воинств, что зримо соответствует изнесению Даров из северных дверей и торжественному их внесению в Царские врата.

крайней комнаты, находящейся на левой стороне, очень ясно слышен был мне голос отца Андрея, обращенный ко мне: „Видишь ли, брат Пахомий, какой милости сподобил меня Господь? Блажен тот человек, который держится Господа“. Голос этот был голос Андрея, самого же его в лицо не видел. С этим словом его я проснулся».

[Иеромонах Климент (Зедегольм)?]

Иеросхимонах Феодот (Кольцов)

Иеросхимонах Феодот, в мире Феодот Захарович Кольцов, поступил в Оптину Пустынь в 1834 году и вполне отдался руководству сначала иеросхимонаха Льва, а потом иеросхимонаха Макария. В 1841 году пострижен в монашество с именем Филарета и назначен сборщиком; потом рукоположен во иеродиакона, а в 1849 году во иеромонаха. Отличительные черты его были преданность Старцу и трудолюбие. Много лет ревностно проходил трудное послушание сборщика, от которого нисколько не изменилось монашеское его душевное устройство, что бывает редко; несмотря на это, опасаясь вреда душевного, могущего произойти от сообщения с миром, в 1851 году перешел в Гефсиманский скит, что при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Здесь, по благословению Преосвященного митрополита Филарета, полюбившего простодушного старца, пострижен в схиму в 1853 году и назначен

* Вержёние (камня) — мера длины, определяемая полетом камня средней величины.

** Почетные граждане — сословная группа городского населения Российской империи в XIX–XX вв., звание учреждено в 1832 г. Почетное гражданство разделялось на личное и потомственное. С причислением к данной сословной группе приобретались привилегии свободы от рекрутской повинности, подушного оклада, телесного наказания, права именоваться во всех актах почетным гражданином, а также быть избираемым на городские общественные должности. Обладание статусом почетного гражданина не являлось преимуществом на государственной службе.

духовником всего братства. Проживши лет семь в скиту, пожелал совершенного безмолвия и по благословению наместника Лавры архимандрита Антония удалился с другими двумя иеросхимонахами И. и А. в глубину леса, за 5 верст от Гефсиманского скита, где они построили себе кельи в расстоянии друг от друга на вержение* камня. Здесь отец Феодот вполне предался безмолвию и иноческим трудам, но недолго наслаждался желанным уединением — всего только два года.

Господу угодно было освятить это место для прославления имени Своего святого. Некто господин Королев, московский почетный гражданин**, возымел сильное желание построить на сем месте храм, и по благословению Преосвященного митрополита Филарета воздвигнут был храм двухэтажный каменный, во имя Святого Духа Параклита и святого Иоанна Предтечи. В малом времени собралось сюда человек до 30-ти; устроилось общежитие под ведением Лавры, пустынь названа Параклитовою; начальником ее назначен был старец отец Феодот. Прожив здесь года четыре, он пожелал опять возвратиться в Оптину Пустынь, дабы лечь в могилу с своими святыми старцами иеросхимонахами Львом и Макарием, и в 1863 году принят был с любовью оптинским настоятелем и братиею. Доживая в Оптиной Пустыни свой век, отец Феодот подавал братии назидательный пример своим усердием к молитве и к церковному Богослужению, своим смирением, простотою, искренностью и нестяжательностью. Почил мирною христианскою кончиною 8 марта 1873 года. Любовь некоторых духовных чад его и расположен-

ных к нему особ воздвигла ему памятник, внутри которого день и ночь теплится лампада пред образом Спасителя.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Токарев Иван Михайлович

В ночь на 8 декабря 1876 года скончался в новой монастырской больнице (второй покойник) курский мещанин Иван Михайлович; старичок лет 80-ти, служивший у Антимоновых¹ по торговой части, с поступления его 23 ноября в больницу страдавший глухотой, водянкой и одышкой, затруднявшей его дыхание. По сложенным всегда трем перстам правой его руки узнали от него, что он по наставлению родного (по отцу) деда своего, старца отца Серафима Саровского², проходит молитву Иисусову.

Он пользовался советами и наставлениями Старца, хаживал к отцу Серафиму в пустыньку. Однажды застал у него медведя, которого кормил Старец,

¹ Антимоновы — род курских купцов-миллионеров, к которому принадлежал и настоятель Оптиной Пустыни прп. Исаакий († 1894 г.).

² Подтверждение родства И. М. Токарева с семьей курских купцов Мошниных в документах Государственного архива Курской области не обнаружено («Труды Курской губернской ученой комиссии». Вып. 1. Курск, 1911. С. 86–89), но его знакомство с курскими купцами Антимоновыми, скорее всего хорошо знавшими родню своего знаменитого земляка прп. Серафима Саровского, может служить косвенным тому подтверждением.

и испугался такого неожиданного гостя. Старец сказал ему: «Не бойся, он ничего тебе не сделает, это мой послушник», и, погладивши медведя по хребту, сказал зверю: «Ну, ступай ты в свое место», — медведь удалился.

Дедушка отец Серафим так учил своего внука молитве Иисусовой: вместо четок, которые ему как мирянину не всегда удобно иметь при себе, то, чтобы приучить себя к молитвенной памяти, иметь всегда сложенными три перста правой руки и тем напоминать себе об Иисусовой молитве. Иван Михайлович так приобучил себя к этому, что впоследствии от навыка пальцы его как бы сами собой складывались и напоминали ему наставление дедушкино.

Бесам не нравилось такое занятие молитвой Ивана Михайловича, в особенности во время предсмертной его болезни, когда не мог он иметь сна и с сложенными перстами, сидя страдал от занятия духа. По ночам они беспокоили его разными представлениями, иногда являлись иностранцами, в соломённых шляпах, приглашали на ярмарку, толпились в его келье, стучали и показывались в окно и устрашали его разными скаредными рожами. При крестном же знамении, когда они уж очень надоедают ему и он осенит себя, они исчезали.

Перед смертью был он особорован и приобщен Святых Христовых Таин, а 10 декабря похоронили его на новом монастырском кладбище.

[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]

Послушник Елисей Кириллович Шувалов, пустынник

3 июня 1875 года исполнилось пятидесятилетие со дня вступления в Оптину Пустынь Елисея пустынника. Елисей Кириллович Шувалов родился в городе Богородицке Тульской губернии от дворовых людей господина Ломакина — Кирилла и Елены. Детей было у них 10 человек, но все померли, остались двое: старший сын Сергей (женатый и умерший 70-ти лет), да другой Елисей, живший у своего барина-холостяка камердинером. Барин любил Елисея за трезвую его жизнь и хорошее поведение и перед смертью отпустил его на волю.

На 23-м году Елисей возымел желание посвятить себя жизни монашеской, к которой еще за три года почувствовал сердечное влечение. С сим намерением и прибыл он в 1825 году прямо в Оптину Пустынь, во дни строительства отца Моисея (Путилова), который в то время только что вступил в управление обителью. Обитель была скудна и имела нужду в братии, которой тогда было не более 50-ти человек. А потому с любовью был принят Елисей настоятелем, в особенности когда он узнал, что Елисей трезвой жизни и от роду не употребляет вина.

Оптину Пустынь узнал Елисей и расположился к ней с того времени, как барин его, капитан, стоял с полком в Козельске, а он хаживал в Пустынь для богомолья, и она ему в то время понравилась.

Высказывал Елисей, что когда в последний раз прибыл он в Пустынь, подойдя для переправы к

реке, увидел на монастырском берегу, где стоит теперь у перевоза сторожка, большую грудку камней, но когда, по переезде реки, ступил на берег, тогда на том месте ничего не оказалось, и понял он, что это было только одно видение.

В то время обитель имела скудость не только в братии, но и во всём — как в постройках, так и в хозяйственном отношении. Не было еще тогда и должности казначейской, и братия находили нужным иметь казначея, и первым на эту должность был избран иеромонах Серапион, после него Варлаам из Скита, потом Гавриил, а его сменил отец Савва, ныне еще здравствующий.

Гостиница была тогда одна, и та маленькая, в самом низу, слева западных монастырских врат, где помещалась после книжная лавочка, — небольшая деревянная гостиничка, с флигелем, а сзади ее стояли две избы для простого народа.

По поступлении в обитель Елисей пробыл с год на послушании в хлебне, после того провел 7 лет в братской поварне, был сделан старшим поваром.

Потом назначались ему различные послушания: трудился он в просфорне, на рыбной ловле, был звонарем, будильщиком*, топил церковные печи, становился петь на клирос, сперва на левый, а потом с левого, за хороший его голос, перевели на правый — в соборные, голос имел он высокий, чистый и громкий бас. Около десяти лет ходил он на клирос (при уставщике Мефодии; в то время Мефодий был рясофорным, с именем Михаила). Впоследствии караулил он монастырские огороды.

* Будильщик — брат, несущий в монастыре послушание будить иноков на самые ранние ночные и утренние службы (полунощницу, утрению).

После того, с 1840 года, пробыл 15 лет на послушании на Сосенной, при часовне, в 7-ми верстах от обители. Там у него не было русской печи, была лежанка, в ней приготавливал он себе пищу на несколько дней, и то весьма изредка, более довольствовался одним сухоядением. С Сосенной перевели его караулить монастырский лес, в трех с половиной верстах от обители, где он пробыл около 10-ти лет.

Проживши столько лет в лесном уединении, старец Елисей сроднился с этою жизнью и даже любил ее. Нужно заметить, что во всё время пребывания его там никто не только из людей, но и из хищных лесных обитателей ни разу не потревожил его ничем. Рассказывал старец, что ему случалось не раз повстречаться с идущим поодаль медведем или волком, но они мирно проходили своей дорогой, не нарушая его спокойствия. И сбывались над ним слова Псалтири: *хранит Господь вся любящая Его*¹. И: *Господь защититель живота моего, от кого утрашуся*²? А от других, пернатых насельников, наполнивших лес, маленьких птичек, он пользовался даже любовью и расположением; они хорошо знали его и слетались на его зов, рассаживались ему на руки, на плечи, а некоторые поглупее³, из молодых, садились прямо на шапку, с полною уверенностью и доверием за свою безопасность, и клевали предлагаемый им корм. Справедливость рассказа подтверждается свидетелями, которым лично пришлось видеть это.

¹ Пс. 144, 20.

² Пс. 26, 1.

³ Выражение самого старца. — *Примеч. в рукописи.*

В январе 1874 года последовал с ним параличный удар, разбило ему левую руку и ногу, так что не мог он ими владеть. Очнувшись, подумал он, что это чьи-нибудь чужие члены или какого-либо мертвеца, и не в состоянии был подняться с места. О сем узнали на другой день от лесного сторожа и привезли его из лесу в монастырскую больницу, соборовали и приобщили.

Всю зиму Елисей пролежал в больнице. Долгое время не мог он приподняться с койки, поднимали и кормили его другие и растирали ему онемевшие члены. В больнице пробыл он до лета; с наступлением летних дней стал он понемногу поправляться здоровьем, и потом получил возможность выходить на воздух и в церковь, но в пораженных параличом членах все-таки осталась у него слабость.

Во время трудной болезни хотели постричь его в мантию, но он, несмотря на многие убеждения со стороны отца игумена и духовника, по глубокому смирению своему считая себя недостойным этого образа, уклонился от пострига.

Достигши глубокой старости, Елисей пользовался во все время, до самой болезни, хорошим здоровьем и крепостью сил и не имел в русых волосах своих седины. Чаю никогда не пил и лекарств никаких не употреблял, не имея в них нужды. Хаживал всегда пешком и не любил ездить. К праздникам приходил из лесу в обитель и, отслушавши церковную службу, после трапезы опять возвращался в свое уединение. Грамоты он не знал, сам не пожелал ее изучать, чтобы, как говорил он, меньше о себе думать. Четок в

руках он не имел, находя, что без них ему удобнее и лучше хранить молитвенную память.

26 апреля [1877 года], во вторник, посетил я больного отца Елисея, нашел его в слабом состоянии, но в благодушии духа, с которым он относился к своей болезни. На вопрос: как он себя чувствует? — отвечал: чувствует слабость, и пищи не может употреблять, с воскресенья ничего не ест, желудок не позволяет. Говорил, что он очень утешен тем, что Бог сподобил его собороваться и сообщиться Святых Таин.

На слова мои, что, быть может, теперь скоро кончатся все его страдания и Господь утешит его там за терпение, он сказал: «Слава Богу, Он и здесь утешал меня: даровал мне любить, восхвалять и прославлять Его! С Богом и здесь, и там, везде хорошо. С нами Бог, разумеете языцы, яко с нами Бог!» Говорил о желании своем, чтобы погребли его на новом кладбище, сбоку часовни, между церковью¹: «Я жил там, люблю эту часовню и мне нравится место». Просил я его, чтобы он помолился. — Сказал: «Я молюсь, и вы не забывайте меня, ходите на мою могилку, там я всегда буду духом с вами, и мне приятно будет, когда будете посещать мою могилку». Благодарил за посещение и спросил: «Куда теперь идете?» Я сказал: «В больницу», а думал немного пройтись, погода хороша. «Да, это очень приятно, простите!»

28 апреля², вечером, я был у отца Елисея, и он сказал мне, что вчера был очень слаб, и его всё кло-

¹ Часовня, где была погребена монахиня Евфросиния (Поливанова), находилась рядом с храмом в честь Всех Святых. См. наст. изд. С. 221.

² Так в тексте.

нило ко сну, и умер бы, если бы не помешали ему умереть: видел во сне отца игумена нашего, который приходил к нему в блестящем облачении.

Старец Елисей пустынник сообщился Святым Таин Христовых и в ночь на 28-е число [1877 года], в субботу тихо почил о Господе на 75-м году своей жизни, проживши в Оптиной 52 года. Пять месяцев пролежал в болезни.

Погребен 30 мая, в понедельник, после ранней обедни в монастыре, которую служил прежний казначей отец Савва. Отцом казначеем Флавианом было совершено отпевание послушника Елисея пустынника. Положили его согласно завещанию на кладбище Всех Святых, между церковью и часовней.¹

[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]

Иеросхимонах Александр (Стрыгин)

Иеросхимонах отец Александр родился в 1810 году и при крещении был наречен Александром. Родители его, Димитрий и Татьяна Стрыгины, жители города Козельска Калужской губернии, из рода казаков, были люди благочестивые, любили посещать храм Божий и совершать дела благотворительности.

¹ Летопись Иоанно-Предтеченского скита 1874–1882 гг. // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-366. Л. 138 об.–139.

Близкие отца Александра и знавшие его в отрочестве¹ рассказывали, что он был отроком весьма резвого характера: бывало, бегают по крышам, — того гляди, сломает себе голову; кто, бывало, делает проказы по городу? — мальчик Александр. Но этому резвому отроку Господь судил впоследствии быть уединенным затворником². Очень может быть, что благочестивое настроение отца и близость местожительства его к Оптиной Пустыни, славившейся многими своими подвижниками, оказали благотворное действие на духовное развитие отрока Александра. Известен, по крайней мере, следующий случай.

Когда отроку Александру исполнилось двенадцать лет, родитель его Димитрий в одно время отправился на богомолье в Оптину Пустынь, которая находится в трех верстах от Козельска. Там пришлось ему увидеть чин пострижения в монашество. Этот трогательный обряд сильно повлиял на него, и, умиленный им до глубины души, Димитрий подумал: «Что, если бы Господь сподобил хотя бы одного из моих сыновей³ послужить Богу в монашестве, и как бы я был рад, видя хотя бы одного сына своего монахом⁴». Придя из монастыря домой, он стал рассказывать домашним, что

¹ Родственница отца Александра, монахиня Калужского монастыря Илария. [Здесь и далее примечания автора.]

² Замечательно, что то же самое было в жизни Преосвященного Феофана Затворника: и он, подобно отцу Александру, отличался в детском возрасте большой резвостью (Душеполезное Чтение, 1894 . Кн. 11. Ст. «Сеня и Егорушка»).

³ У него было два сына.

⁴ Впоследствии Господь привел ему самому жить в Гефсиманском скиту девятнадцать лет, где он и скончался 24 апреля 1870 г. При кончине был пострижен в монашество и наречен Дионисием.

видел чин пострижения и слышал, как настоятель давал новопостриженному четки, говоря при этом: «Приими, брате, сей меч духовный и беспрестанно говори: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного“»¹. Услышав рассказ отца, отрок Александр начал часто повторять молитву Иисусову и находил в том большое утешение.

Нередко впоследствии отец Александр рассказывал об этом времени, прибавляя обыкновенно: «Такое в то время радостное я ощущал чувство!» Когда, бывало, юноша Александр пахал, то случалось, что от духовной радости он забывал всю тяжесть земледельческого труда. Так было до шестнадцатилетнего возраста, и едва ли будет ошибочным сказать, что в это именно время полагалось в душе отрока Александра прочное основание для подвига всей последующей жизни.

Но то было благодатное утешение от молитвенного подвига, которое вначале Господь ниспосылает всем без труда, чтобы дать почувствовать сладость подвига и привлечь к нему своего избранника. Данное без труда легко и теряется, как после говаривал и сам отец Александр: «Каждому необходимо самому потрудиться для приобретения сокровища, и тогда мы будем ценить его». Время юности, а также следующие годы и были для Александра временем подобного испытания, пока наконец он не поступил в Оптину Пустынь.

К обычным искушениям и соблазнам юношеского возраста присоединилось еще и то, что Алексан-

¹ Требник, чин пострижения монахов.

дру, по домашним обстоятельствам, пришлось поступить сидельцем в питейное заведение¹. Резвость и шалости детства сменились рассеянной и разгульной жизнью. Недаром знакомые из Козельска, видя Александра в церкви и узнав, что он поступил в монастырь (Александр до времени ходил в мирской одежде), смеялись и говорили между собой: «Ну, монах будет!» Они, зная его разгульную жизнь, не думали, что Александр может ужиться в монастыре. Однако терние житейских соблазнов и обольщений не могло совершенно заглушить ростков тех добрых семян, которые еще в детстве были заложены в душу отрока Александра. Вспоминая об этом времени, отец Александр так рассказывал о нем: «Тогда пустился я во вся злая. Был сидельцем, потом поверенным; женился, сын родился, с женою жил четыре года, потом овдовел, после этого уже вдовцом жил в миру еще два года. В эту пору, хотя и был обольщаем суетными прелестями мира сего, но все-таки часто вспоминал и вздыхал о Божией благодати от совершения молитвы Иисусовой, к которой привык в отроческом возрасте. В последнее время стала мне часто приходить мысль и о приближающейся загробной жизни, и о грехах, тяготевших на мне. Вот это-то душевное сознание заставило меня искать, пока еще время позволяло, спасительного убежища в каком-либо монастыре для всегдашнего покаяния и омовения слезами перед Господом всех мною содеянных прегрешений. Не замедлил Господь даровать

¹ Вероятно, бедность родителей понудила их отдать туда сына, тем более что содержателем заведения был дядя отца Александра.

мне место покаяния. Бывши в Оптиной Пустыни, я, по совету тамошнего старца отца Леонида, решился непременно поступить в оную обитель».

В 1838 году, на первой неделе Великого поста, Александр, двадцати семи лет от роду, был уже принят в обитель в число братии и стал жить в монастыре на послушании под руководством мудрого и опытного старца иеросхимонаха отца Леонида. Игуменом Оптиной Пустыни тогда был отец Моисей, который и принял Александра в число братии. На первый раз ему назначили послушание быть в поварне помощником повара, а потом и поваром; всего он пробыл на кухне три года. Из кухни его перевели в трапезную, и затем дали пономарское послушание.

Решение поступить в монастырь у Александра не явилось как бы внезапно: оно созревало постепенно и укреплялось различными житейскими опытами. Особенно важными из них были следующие два. О первом так передавал старец: «Когда я жил еще в миру и был уже вдовцом, то по должности поверенного ездил по разным городам, селам и деревням. Один раз, приехавши в некое село, я остановился на постоялом дворе; подкрепившись пищей и помолвившись Богу, я лег спать; вдруг слышу, что хозяйка постоялого двора начала меня соблазнять. Мужа ее в это время не было дома. Но помощь Божия сохранила меня от этого искушения. Хозяйка повторила свое требование, и опять меня Господь сохранил от соблазна.

Наутро мы с извозчиком отправились в дорогу; это было зимой, и стояли большие холода. Только

что мы выехали из села, как пошел маленький снежок, потом все сильнее и, наконец, он обратился в сильную вьюгу. Дорогу занесло, и мы сбились с пути и не знали, куда ехать. Одежда на мне была плохая, один барашковый тулуп, да и тот потертый. Тогда-то, видя, что смерть моя неминуема и что, если Господь не сохранит, то я должен замерзнуть, — каких тогда только не принес я Господу молитв и обещаний!¹

И Господь услышал меня и сохранил от напрасной и неминуемой смерти. После долгих и безуспешных стараний выбиться на дорогу мы с кучером разошлись в разные стороны, надеясь отыскать ее. Вдруг вижу вдали две тени; сначала я немного оробел, думая, что это звери какие, но, подошед поближе, я увидел, что это были два воза сена. Весьма обрадовался я сему и подозвал кучера. Он побежал с лошадей к сему, и мы тут обогрелись и переночевали, а утром отправились в путь. И думал я после, что потому только и избавил меня Господь от неминуемой гибели, что я в прошлую ночь при Его всесильной помощи победил грех сладострастия». Старец уподоблял сей случай примеру из жития Николая монаха (см.: Пролог. 24 декабря).

О другом случае старец рассказывал следующее: «Я взял уже благословение у своих родителей на поступление в монастырь. Это, как помню, было на Сырной неделе*. Для развлечения пошел я прогуляться по улицам своего города Козельска; дове-

* Сы́рная неделя —
Прощеное воскресенье.

¹ Очень может быть, что отец Александр особенно почувствовал в то время потребность покаянного подвига, какой удобно было проходить только в монастыре, или, может быть, даже думал о принятии монашества.

лось мне случайно увидеть кулачный бой; будучи до него большой охотник, при хорошей своей силе, я не утерпел и присоединился к дерущимся. По окончании драки, хотя и был немного помят, но вздумал с товарищами отправиться в трактир, откуда возвратился домой уже порядочно угостившись.

На другой день, т. е. в Чистый Понедельник, утром матушка моя начала меня будить, говоря, что уже время отправляться в монастырь. Я встал, надел тулуп и пошел, а голова болит и бока тоже. И тут-то я в сокрушении сердечном дорогой до обители вспоминал молитву Иисусову, которой занимался, когда еще был отроком; с этого времени опять, при помощи Божией, начал усердно продолжать ее».

Старец, вероятно, потому впоследствии нередко вспоминал об этом, что все подобные случаи научали его познавать свои немощи, или «увидеть себя», и, побуждая к покаянию, привели к оставлению суеты мирской жизни.

В монастыре Александр нашел полное успокоение своему духу. «Когда я был, — говорил он после, — на кухне в Оптиной Пустыни на послушании, то весьма утешался духом от молитвы Иисусовой: сидишь, бывало, на пороге кухни или кельи своей и беспрестанно творишь молитву, и от утешения и радости под собою земли не чувствуешь».

Было весьма важно то, что Александру в начале его пребывания в монастыре пришлось несколько времени жить под руководством мудрого наставника отца Леониды. Так, опытный Старец удержал его между прочим от намерения юродствовать. Когда отец Александр был послушником Оптиной Пустыни, у

него было сильное желание юродствовать, и ему даже снилось во сне, будто бы он ходит с палкой по улицам. И вот однажды приходит он к старцу отцу Леониду и просит у него благословения на этот подвиг. Старец же отвечает: «О, чадо, не твой это путь, и весьма мал этот полк» (т. е. юродствующих). «Действительно, — прибавлял отец Александр от себя, рассказывая об этом, — юродствующие сначала бывают по Бозе, но весьма редкие на сем пути устаивают».

Но недолго пришлось Александру жить под руководством наставника. 11 октября 1841 года последовала кончина его руководителя в монашеской жизни отца Леонида, достигшего уже преклонных лет (ему было семьдесят два года). Отец Александр весьма скорбел, что лишился доброго и мудрого своего наставника. Эта потеря была для него невосполнима. И впоследствии он нередко говорил своим ученикам, что ему было некому открывать помыслы, хотя и чувствовалась в этом потребность.

Прожив в Оптиной Пустыни по смерти отца Леонида еще несколько лет, а всего, начиная с поступления, пять с половиной лет, отец Александр, по предложению отца Антония, игумена Николо-Черноостровского монастыря¹, перешел в его монастырь в городе Малоярославце Калужской губернии. Здесь отец Александр прожил также пять с половиной лет и в это время принял постриг: сначала был рясофорным, а затем и манатийным монахом, при пострижении был наречен Агапитом.

¹ Отец Антоний был братом игумена Оптиной Пустыни отца Моисея.

Внутренняя жизнь его всё еще была по-прежнему тихой и невозмущаемой. «Когда я жил в Никольском монастыре в городе Малоярославце, — вспоминал отец Александр, — был там пономарем и трапезным, бывало иногда со мною так: сядешь с вечера на стульчик с молитвой и просидишь так до утра. Будильщик придет будить, я вскочу с радостью, возьму ключи и пойду в церковь; и в таких случаях наступающий день проходил всегда для меня радостно и весело. Заметив, что от сидения на стуле отекали ноги, я садился на пол. Когда я там жил, то средств у меня было очень мало. Доходов не было никаких, чаю получал всего одну осьмушку и полфунта сахара в месяц. Но, несмотря на это, я был покоен и за все благодарил Господа Бога».

Но тихое течение внутренней, сосредоточенной жизни снова было прервано и возмущено потоком жизни более шумной и рассеянной. В 1849 году отец Агапит, по совету своего товарища и побуждаемый нерасположением к нему братии, подал прошение о переходе в город Харьков, в Архиерейский дом, куда и был принят. Там же он был рукоположен во иеродиакона, а через год — во иеромонаха, и при этом был назначен на должность эконома при Архиерейском доме. Прожил он там немногим более двух лет. На этом новом месте, при полной свободе располагать собой и действовать по своей воле, при больших доходах и других соблазнах, отец Агапит незаметно начал было свыкаться с жизнью, которая была не чужда мирской суетности.

«И вот однажды, — рассказывал об этом впоследствии отец Александр, — я подумал: прежде, когда я

был послушником, у меня было одно только желание — спасти душу; а теперь что я делаю? — Лениость мною начала обладать. И этого я убоялся; думаю: в жизни погибну от нерадения о своем спасении. Вскоре после этого я подал прошение об отпуске на богомолье и, получивши разрешение, отправился. Слышал я тогда, что близ Троице-Сергиевой Лавры вновь устроился скит Гефсимания, весьма удобный для безмолвия. Отправившись туда, я по дороге заехал на свою родину, взял с собой своего родителя Димитрия и с ним поступил в число братства Гефсиманского скита».

Это было в 1851 году. Поступив в скит по благословению Высокопреосвященного митрополита Филарета, отец Агапит начал на свой счет строить там себе келью на пчельнике, по примеру Георгия, затворника Задонского, для того, чтобы проводить жизнь свою в безмолвии. Впрочем, и по вступлении в безмолвие отец Агапит наравне с прочей братией продолжал чреду священнослужения, так как ему пока не было разрешено вступить в совершенное безмолвие.

«Об отце Агапите, — писал Преосвященный Филарет отцу наместнику Антонию, — надобно вам и строителю знать, соответствует ли его расположение и проводимая жизнь доньше благонадежному вступлению в избираемый подвиг безмолвия. Если сие усмотрено, то Бог благословит начинание, с ограничением, вами предлагаемым. Если же находите, что еще требуется усмотрение, то возьмите на сие некоторое время; а ему послушание в сем вменится в начало подвига безмолвия». (Письма к отцу

наместнику Антонию. Ч. 3. Письмо № 838 от 14 декабря 1851 года.)

Действительно, вступление в безмолвие не прошло без искушений. «Когда я жил в скиту¹, — говорил о себе старец, — то у меня были такие скорби, что не знаю, как бы я мог ужиться здесь, если бы со мной родитель не жил: мне думалось, куда я пойду с дряхлым и больным старцем? Поэтому только и остался в скиту. Теперь я благодарю Господа Бога, что этим я удержал себя здесь. Теперь всё умирилось, всё прошло, и я с любовью рад обнять тех моих душевных благодетелей (т. е. через кого были скорби²) и душевно готов благодарить их за их душе моей полезное благодеяние».

Тем не менее, собственным желанием отца Агапита было удалиться в совершенное безмолвие. Но последнее всё еще не находил благовременным Преосвященный Филарет. «Для отца Агапита, — писал он отцу наместнику Антонию, — по моему мнению, хорошо настоящее его положение, в котором он и безмолвием питаться может, и, как член братства, в общее служение свою долю вносить, и тем очевиднее приобрета-

¹ И к устройению кельи отца Агапита побуждала, кроме собственного желания безмолвствовать, между прочим, эта же преклонность лет и болезненность родителя.

² Эти скорби происходили главным образом от нерасположения братии к отцу Агапиту. Многие из братии монастыря были выходцами из Молдавии и были вооружены против старчества, а отец Агапит пришел в Гефсиманский скит из Оптиной Пустыни, в которой, напротив, старчество тогда процветало. Случалось, например, между прочим, что к келье отца Агапита зимой не привозили дров или не делали в ней починок, когда они требовались, и т. п. под тем предлогом, что, если отец Агапит сам устроил себе келью, то сам и должен заботиться о ней.

ет право на общую о себе молитву. Я просил бы его побыть еще в настоящем положении. Есть служение Богу и в том, чтобы не сильно настоять на исполнении своего, впрочем, доброго, желания и благодушно внять тому, что предлагается с добрым намерением и любовью». (Письмо № 963 от 28 декабря 1853 года.)

В 1858 году некоторые из старцев скита перешли для большего безмолвия вглубь леса и поселились в пяти верстах от скита, близ местности, называемой Торбеевкой, а среди них и отец Агапит, как любитель уединения. Там старцы устроили себе часовню и кельи. Через несколько времени нашелся благодетель, некто Королев, московский купец. Он выстроил им церковь во имя Св. Духа Параклита, с приделом во имя св. Иоанна, Крестителя Господня.

На день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Гефсиманском скиту, в Успенской церкви, отец Агапит принял пострижение в великий ангельский образ — схиму и был снова наречен Александром. Постригал его и принимал от Евангелия наместник Троицкой Лавры архимандрит Антоний.

Через несколько времени отец Александр стал просить отца наместника о том, чтобы он благословил выстроить келью для его келейника. Отец наместник ничего ему на этот раз не ответил. Когда же отец Александр повторил свою просьбу, то отец Антоний сказал: «Отец Александр, прошу тебя, пожалуйста, перейди опять в скит, потому что в скиту осталась более молодежь, надо там поддерживать дух монашества». Отец Александр, повинуясь своему духовному отцу, в 1861 году перешел обратно в скит. В пустыни Параклита он прожил всего три года.

Многие из братии скита ходили к нему за советами или для того, чтобы найти утешение в своих скорбях, и те, которые имели к нему расположение, получали от его беседы облегчение и утешение, ибо старец был наставник мудрый¹. Но этим самым его обет безмолвия нарушился, а потому, желая со своей стороны исполнить сей обет, движимый Божиим призванием, он начал просить отца наместника Антония, чтобы тот благословил его удалиться в пещеры при Гефсиманском ските в затвор.

Отец Антоний доложил о сем Преосвященному митрополиту Филарету, который, благословив отца Александра испытывать себя, повелел ему три месяца никуда не выходить из кельи своей, с тем чтобы по окончании этого срока доложить Его Преосвященству, как отец Александр будет себя чувствовать. С послушанием и любовью исполнил отец Александр повеленное ему, и только тогда Преосвященный Филарет благословил его на полное затворничество, которое он и начал в 1862 году 23 ноября.

Очевидно, Преосвященный Филарет и отец наместник Антоний видели в желании отца Агапита вступить в затвор Божие призвание. Иначе они никогда не благословили бы его на затвор. Отец наместник, как известно, был старец мудрый, и сам Преосвященный Филарет нередко обращался к нему за советами или спрашивал его мнение. Кроме того, отец наместник постригал отца Агапита в схиму и потому хорошо знал его: отец Агапит был любимым

¹ Во время пребывания отца Агапита в пещерах митрополит Филарет благословил его принимать к себе и на исповедь.

его духовным сыном. И сам отец Агапит перед тем, как решиться на затвор, немало испытывал себя и обдумывал свое решение. Об этом свидетельствуют следующие его рассказы своим ученикам.

«Когда я был в Оптиной Пустыни, то там жил один иеромонах с острова Валаама, по имени Варлаам. Он нам рассказал следующее. Жил при нем на Валааме в пустыни один схимонах, а ученик его, рясофорный монах, жил в монастыре и носил ему оттуда пищу. И вот постигло этого ученика какое-то искушение, и настоятель снял с него рясофор. Очень оскорбился старец-схимонах, узнав, что ученика его так обесчестили, и сам пошел в монастырь защищать его. При этом он не надел приличного своему сану одеяния и пошел только в одном подряснике.

Братия в это время собиралась идти в трапезу обедать. Заметив старца, они говорили ему: „Что же вы не в клобуке, сейчас ведь придет отец игумен?“ Старец же в ответ на это стал выражать свое негодование. Доложили отцу игумену. Игумен, придя, подозвал старца и спросил, что ему нужно и почему он пришел без клобука. Старец в ответ продолжал выражать свое негодование по поводу того, что его ученика так оскорбили. Игумен, видя такое неуважение к власти, сейчас же велел эконому монастырскому отправить старца для смирения на кирпичный завод делать кирпичи, что и было исполнено. После сего случая оный старец пришел в такое смирение и послушание, что, бывало, как только увидит издали еще отца игумена, бежит к нему навстречу и благодарит его за благодеяние, которое тот оказал его душе, потому что он, живя в

безмолвии, не знал, какой мечтательности о себе и гордости предавался».

Тот же Варлаам передавал нам и такой случай:

«Один брат жил там же в нескольких верстах от монастыря в пустынной келье. Однажды, окончив свое вечернее правило и совсем раздевшись, он лег в постель и видит: входит к нему множество бесов, и начали его душить, и так сильно душили, что он едва переводил дух. Вдруг являются двое светоносных юношей и грозно кричат на бесов: „Ах вы, ненавистники рода христианского, как вы смеете душить сего раба Божия? Оставьте его“. Потом подходят к нему, освобождают его от бесов и говорят: „Пойдем отсюда в монастырь ваш, а то здесь они тебя совсем задушат“. Инок оный был так благодарен сим мнимым Ангелам, своим избавителям, что, не рассуждая, последовал за ними, как был, т. е. в одной рубашке и босой. А в это время стояла зима, и был сильный мороз. Глубокой ночью три версты шел он до монастыря и весь перемерз. Мнимые избавители повели его к монастырским воротам, а сами исчезли. Тут-то только увидел он, что был поруган: он страшно озяб, изнемог, чуть не замерз. Начал стучаться в монастырские ворота; покуда разбудили сторожа и достали ключи, наш инок остался чуть жив. Только два дня прожил он после этого случая и умер».

«Вот как опасно надо беречь себя от искушений врага, который всегда ищет нашей гибели», — прибавил от себя отец Александр.

Третий рассказ относится к тому времени, когда отец Агапит поселился уже в пещерах; тогда был у него один афонский иеросхимонах, который со-

общил отцу Агапиту о таком случае, бывшем на Афоне.

«В некоем малом афонском монастыре один новоначальный инок, вопреки совету старца, удалился в затвор и начал жить в уединении. И вот что с ним случилось: в одно время слышит он стук в дверь, спрашивает, — ему никто не отвечает. И так это случалось не один раз. Наконец стук этот ему надоел. Однажды от этого стука он так разгневался, что схватил топор, растворил дверь и погнался за бежавшим, по видимому, человеком. Гонялся он за ним по скалам и кустам, весь исцарапался о кусты и, наконец, упал со скалы в пропасть, а тот, за коим он гнался, сделался невидим. И как только рассказал этот бедный брат о своем несчастье некоторым, он умер. И таких примеров на Афоне много», — заключил афонец.

В пещерах в затворе отец Александр прожил с 23 ноября 1862 года до 9 марта 1865 года. Пещеры оставил он не по своей воле, но был вызван из затвора властью, так как, живя в сыром пещерном воздухе, он сильно захворал: у него открылась сильная грыжа, а затем ослабли зубы в деснах, сверх всего этого, еще опухли ноги. «Зубы — хотя все бери и тащи из десен без всякой боли», — говорил потом сам отец Александр.

Хотя старцу не хотелось выходить из затвора, но он был покорен воле Преосвященного Филарета и отца наместника Антония и по совету их перешел опять в скит, в свою прежнюю келью. Впоследствии отцу Александру хотели вручить начальство над киновией* (близ Гефсиманского скита), но он уклонился от этого поручения. Преосвященный Фила-

* Киновия — общежитие, форма монашеского жития, впервые учрежденная в IV в. прп. Пахомием Великим; управляется настоятелем совместно со штатом ответственных за соблюдение устава обители лиц. В России так назывались и исторически значимые небольшие обители, приписанные к большому монастырю. Здесь имеется в виду Боголюбивая, или Боголюбская, киновия около Гефсиманского скита в окрестностях Троице-Сергиевой Лавры, основанная в 1859 г. блаженным схимонахом Филиппом.

рет так писал по этому поводу наместнику Лавры отцу Антонию:

«Жаль мне, что дается отцу Александру занятие, которым уменьшится его безмолвие. Мирно ли принимает он сие поручение? Мир Господень с ним и в безмолвии, и в деле послушания и братолюбия». (Письмо № 1675 от 25 октября 1867 года.)

«Отца Александра лучше было бы спросить о начальстве над киновией предварительно, чтобы не писать определения о сем напрасно. Его отказ и после определения принять можно: но лучше бы не показывать примера, что можно отказываться от послушания определению собора». (Письмо № 1678 от 2 ноября 1867 года.)

Так как в скиту опять начали к отцу Александру приходить очень многие из братии за советом и этим нарушали его безмолвие, то он стал просить у отца наместника благословения на затвор. Отец наместник Антоний на этот раз благословил ему затвориться при церкви Воскресения Христова, что на кладбище в скиту. Когда отец Александр уже отдал келью для затвора, он в последний раз поехал на свою родину. Между прочим, он был у Преосвященного Калужского¹. Тот, заметив простоту отца Александра, предлагал ему настоятельство в одном монастыре, говоря, что любит простых. Но отец Александр ответил на это Преосвященному: «Я приготовил уже себе гроб» (келью для затвора).

В 1871 году 1 августа отец Александр, отслужив раннюю обедню в Успенском храме, перешел в эту

¹ Григорий (Миткевич) († 1881).

келью и затворился, и прожил в ней до самой своей блаженной кончины, последовавшей в 1878 году, февраля девятого дня. О своем последнем затворничестве сам старец так иногда рассказывал своим духовным детям:

«Когда я поступил в эту келью, то испытывал необыкновенное томление духа, сильно был борим помыслами, думая: неужели такая мука будет в будущей жизни? К тому же в келье моей было моли так много, как комаров в летнее время, но потом чрез несколько времени все это прошло, мысли успокоились, и моль пропала».

За семь месяцев до кончины отца Александра Бог послал ему испытание, дабы мог он искуситься, яко злато в горниле. По кончине отца Антония враги отца Александра предложили новому отцу наместнику, архимандриту Леониду, испытать затворника. Отец Леонид, еще не знавший близко отца Александра, приказал через игумена отца Анатолия сказать старцу, чтобы он выходил из своего затвора каждую субботу вместе с братией в церковь причащаться Святых Таин и в трапезу, и только пять дней в неделю дозволил ему безмолвствовать. Это было 9 июля 1877 года. Отец Александр принял все это с покорностью и любовью и начал, как было сказано ему, ходить в храм и исправлять указанное. Отец Леонид, сам ученик Оптинских старцев Леонида и Макария, оценил послушание отца Александра: «Вот это хорошо, — говорил он, — это показывает, что отец Александр — монах, достойный своего имени». О том, что он испытывал, получив новое распоряжение, отец Александр рассказывал так:

«Когда я вышел в первый раз в церковь ко всенощной (это было на 10 июля, на память святого Антония Печерского, всенощное бдение было в пещерах), то был весьма утешен духом, и даже не припомню в жизни моей, чтобы такое утешение со мной когда-нибудь случилось; слыша пение и чтение, я весьма услаждался духом; но, конечно, во мне произошел при этом как бы перелом, ибо лишиться вдруг мною любимого безмолвия было нелегко». После чтения Евангелия и канона отец Александр вошел в алтарь, дабы принять благословение от нового отца наместника. Тот, увидев отца Александра, поздоровался с ним, обнял его и благодарил за его послушание и обещал споспешествовать* его спасению.

* Споспешествовать
(церк.-слав., древнерусск.) —
содействовать, способство-
вать, помогать.

Таким образом, во исполнение повеления отца наместника затворник до самой своей кончины каждую субботу приобщался Святых Христовых Таин; в двенадцатые же праздники отец Александр с отцом наместником и отцом игуменом служили соборне, и, как было заметно, старец весьма утешался этим. «Если бы, — говаривал он близкому своему духовному сыну, — Господь сподобил меня пожить так лет пять, хорошо бы это было; чувствую для души моей пользу».

В конце декабря 1877 года отец Александр почувствовал себя не совсем здоровым: он простудился. Но лечиться старец не стал, как поступал и вообще всегда, так как имел большое упование на Господа и от Него чаял себе телесного и душевного здравия. Во время болезни к нему пришел один его духовный сын и спросил: «Как вы, Батюшка, себя теперь чувствуете?» Старец отвечал ему, что духом он по-

коен, хотя и чувствует в теле расслабление. Вскоре болезнь эта прошла. Отец Александр стал здоров; только, как и прежде, около года, он чувствовал, что нет уже в нем прежней телесной крепости.

День 28 января (1878 года) был суббота, и отец Александр, по обычаю своему, был у ранней обедни и принял Святые Тайны. После Литургии келейник принес ему небольшой кусочек соленой рыбы; поев и напившись чаю, старец почувствовал сильную жажду, так как по причине сухоядения желудок у него был постоянно тощий. Не дождавшись на этот раз келейника, который всегда приходил к нему около одиннадцати часов утра, чтобы принести обед, отец Александр сам пошел в трапезу за квасом; между тем квас только незадолго перед тем был принесен прямо из погреба и был очень холоден. Старец почерпнул в кружку холодного кваса и от сильной жажды выпил ее всю почти в один прием. В то же время он почувствовал боль в желудке, но, положившись по обыкновению на волю Божию, он и на этот раз не стал лечиться чем бы то ни было. Вскоре оказалось, что в желудке у него сделалось сильное воспаление, но отец Александр при всем том по силе перемогал себя.

2 февраля, в день Сретения Господня, старец опять ходил в церковь и на поздней Литургии общался Святых Таин, а после службы обедал с братией в трапезной. Третьего же числа он стал чувствовать себя хуже и едва уже ходил по келье, четвертого числа совсем слег в постель, пятого стал еще слабее. Третьего числа у отца Александра был его духовный сын, иеромонах Мелетий (скончав-

шийся в Троицкой Лавре 27 сентября 1882 года), пил с ним чай и слышал от старца сказанные в простоте сердечной слова: «Ах, отец Мелетий, много ко мне сегодня стучалось; но я сидел на постели, творя спокойно Иисусову молитву; как хорошо всегда иметь оную при себе; да еще кто почаще на себе крестное знамение полагает — очень хорошо; и чувствую я, что душа моя в отрадном чувстве находится...» И с таким смирением и упованием отец Александр рассказывал это, что, казалось, он как бы уже получил залог будущей вечной жизни при конце своей здешней, временной.

Пятого числа было воскресенье. В этот день у затворника был духовник и говорил ему: «Отец Александр, не желаешь ли еще приобщиться Святых Таин?» Старец отвечал духовнику: «Батюшка, слава Богу, меня Господь сподобил в четверг, второго числа, причаститься Святых Таин, и я думаю подождать еще до среды или четверга, а если и случится что особенное. Я чувствую себя, что духом я спокоен; прошу только о мне ваших святых молитв». Эти слова слышали три его духовных сына: иеросхимонах Иоанн, иеромонах Мелетий и келейник его, монах Герман, так как этот разговор был при них.

Шестого числа, в понедельник, отец Александр стал чувствовать еще большую слабость. Его пришел навестить отец игумен. При отце игумене старец собрал свои последние силы и вышел в приемную комнату; идти один он уже не мог, с одной стороны его поддерживал келейник, а другой рукой старец опирался на костыль. Отец игумен, соболезнуя ему, сказал: «Отец Александр, как ты ослабел; давно ли я

видел, как ты шел по монастырю молодцом!» Отец Александр отвечал на это: «Батюшка, человек — яко трава». Игумен: «Много ли тебе лет?» Отец Александр: «Шестьдесят осьмой год». Поговорили еще кое о чем, и отец игумен ушел.

Вечером этого же дня к старцу пришли трое его духовных чад и, заметив, что он стал уже забывать-ся, тотчас же дали знать отцу игумену и по его благословению начали совершать над отцом Александром таинство Елеосвящения. Седьмого числа утром ему стало как бы полегче, только с присутствующими он мало говорил, и к тому же язык у него начал ослабевать, но старец был в совершенной памяти, и было заметно, как усиленно он творил внутреннюю молитву.

7 февраля навестить больного старца пришел из пустыни Параклита настоятель отец Никандр и говорил ему: «Отец Александр, тебе еще рано умирать, надо еще пожить: ты человек еще не старый». Отец Александр ответил ему: «Да будет воля Господня, как Господу Богу будет угодно, так и сотворит со мной».

Часа в три пополудни (это было во вторник) все вышли из кельи, и старец остался с одним только келейником. Он начал молиться, стоя возле своей постели, а келейник с левой стороны сбоку поддерживал его. При этом келейнику было заметно, как уста старца шептали молитву и каким глубоким сердечным сокрушением весь он был проникнут.

Потом старец склонился на левую сторону, оперевшись на келейника. Тот сказал ему: «Батюшка, благословите посадить вас на постель, вам так удобнее будет». Отец Александр сел на постель, и, как

было заметно, в это самое время у него отнялась левая рука и левая нога. За сим он благословил своего келейника, лег на спину, закрыл глаза и тридцать шесть часов лежал в таком положении, и все это время крестился непрестанно. Только за несколько часов пред кончиной рука заметно ослабела, члены стали холодеть, отец Александр перестал креститься и мирно почил о Господе.

Кончина старца последовала в 2 часа 20 минут пополуночи (в это время в церкви шла полунощница* на день памяти святого мученика Никифора). Перед кончиной старца была трижды прочитана отходная. 10 февраля по нему была совершена заупокойная Литургия** собором, также и отпевание.

Погребено тело отца Александра на скитском кладбище, около церкви Воскресения Христова, и на могиле его духовными детьми был положен мраморный памятник-плита с надписью на одной стороне: *Здесь погребено тело раба Божия, иеросхимонаха о. Александра, скончавшагося 9 февраля 1878 года, на 68 году от рождения, жившаго в монастыре 40 лет, из них в затворе 10 лет, и на другой стороне: Постничеством работавшаго Тебе, Христе, и православием на земле, прослави, Спасе, на небесех!*

Отличительные черты внутренней жизни старца и его подвижничества вообще

Старец отец Александр всегда был в покаянном настроении духа. Внимание его постоянно было направлено к тому, чтобы «зреть свои прегрешения». Он говорил ученикам своим, что «увидеть себя» все-

* Полунощница — Богослужение, совершаемое перед утреней. Полунощница бывает вседневная, субботняя и воскресная. Полунощница символически изображает Гефсиманское моление Христа Спасителя, Его Второе пришествие и также немолчное славословие Ангелов.

** Литургия заупокойная — Литургия, совершаемая во дни поминовения усопших (родительские субботы) и содержащая заупокойные богослужебные молитвословия.

го важнее для человека. Потому-то, вероятно, отец Александр выписал из отеческих творений слова, глубоко проникнутые покаянным чувством, главным образом из книг великого учителя покаяния преподобного Ефрема Сирина. Эти выписки были найдены в келье отца Александра после его смерти.

По причине постоянного созерцания своих немощей старец всегда плакал и сокрушался о грехах. Находился ли он в келье, или вне ее, всегда на ланитах его были слезы, и часто он рукой отирал их с лица. Внимая самому себе, старец не был красноречив в беседе, мало говорил и подавал поучительный пример молчания и беспопечительности.

Он часто говаривал, что плохое молчание лучше хорошего разговора. А в особенности не любил он злословия, именно когда кто кого порицает и осуждает. Сам же отец Александр очень тщательно хранился от осуждения ближних. Когда кто-нибудь из его чад увлечется при нем осуждением, то он сейчас же старается заговорить про другое или скажет: «Перестанем-ка мы пересыпать из пустого в порожнее», или замолчит и тем прекратит беседу. Он на деле исполнял то, о чем просил Господа словами молитвы преподобного Ефрема Сирина: *Ей, Господи, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего.*

Ум старца постоянно был занят молитвой и обращен к Богу и горнему отечеству. Еще за двадцать два года до своей кончины он сделал себе гроб, который стоял у него в самой келье. Часто, взглянув на гроб, затворник плакал, помышляя о смерти. Впрочем, скорбь старца о грехах никогда не производила в душе его уныния. Напротив, он был исполнен

духовной радости, и потому-то для других лицо его всегда сияло радостью; всегда он был ко всем приветлив, и ласков, и сострадателен, был утешителем в скорбях.

Радость эта проистекала от занятия молитвой Иисусовой, которую старец совершал непрестанно. У него был в келье низенький стул, и отец Александр просиживал на нем по целым дням и ночам с молитвой Иисусовой на устах. Он так привык к молитве Иисусовой, что почти и дышал ею; даже во сне уста его шептали святыя слова, только разве когда ум его ослабевал, он позволял себе какое-нибудь малое рукоделие (например, перебирать или пилить дрова, находившиеся в коридоре), и то ненадолго; а как только ум его собирался, старец опять начинал творить молитву Иисусову.

Отца Александра однажды спросил его духовный сын: «Батюшка, когда вы обучались молитве Иисусовой, выбирали ли вы себе удобное место, например, стул или что-нибудь другое?» — «Да, — сказал старец, — тогда выбирал, а теперь везде мне хорошо, где ни сяду, везде получаю спокойствие моему духу; времени не вижу, оно течет так скоро, как будто бы летит, а прежде, когда только еще обучался молитве, мне казалось, что время идет весьма долго»¹.

Еще рассказывал келейник старца: «Бывало, пойдешь ко всеобщей и зайдешь к старцу, — он

¹ Были, между прочим, у старца в келье часы, которые очень стучали, и один из учеников спрашивал старца, не мешают ли часы ему заниматься молитвой Иисусовой. Старец отвечал: «Прежде очень мешали, и много я с ними нянчился: то из кельи вынесу, то опять внесу. А теперь даже вовсе не замечаю, как будто их у меня нет».

сядет при мне на стул. Уйдешь ко всенощной, а после службы опять зайдешь к старцу, а старец все сидит на том же месте с молитвой. Услышав шум, он поднимет голову и, увидев меня, как бы удивится и спросит: „Неужели всенощная отошла? Мне думалось, что я только что сел, а времени прошло уже четыре часа“».

Когда старцу приходилось быть в каком-нибудь собрании или служении, и что-нибудь случалось там, и все обращали внимание на это, он бывал настолько сосредоточен в себе и углублен в молитву, что ничего происходящего вокруг не замечал. Кто-нибудь после придет к нему и станет спрашивать: «Вы, батюшка, вероятно, заметили то или другое? Ведь это при вас было?» А он скажет, что ничего не заметил.

Однажды к отцу Александру пришел мирской человек и начал говорить различные мерзости и про себя, и про других. В то время у старца был его келейник. Он не вытерпел того, что пришлось ему слышать от рассказчика, и, не желая долее слушать, вышел. После келейник, придя к старцу, спросил его: «Батюшка, простите, я соблазнился, услышав слова, которые говорил вам тот мирянин. Я думал, и вам слушать это мерзостно?» Отец Александр отвечал: «Я не слыхал ни слова, — в это время ум старца был занят молитвой, — и ты хорошо сделал, что ушел. Не нужно бы совсем слушать с самого начала: немощные духом бегут от этого».

И подобных сему случаев было много. А иногда бывало так: старца о чем-либо спросят, а он не отвечает, потому что ум его занят молитвой, и услышит

только тогда, когда повторяют еще раз. При этом невольно вспоминается один святой, к которому в то время, как он был занят молитвой, пришел кто-то купить корзины. Святой до трех раз забывал ему отвечать и потом уже начал себе говорить: «Корзины, корзины», — чтобы не забыть снова.

Может быть, это услаждение от молитвы Иисусовой разумел старец, когда впоследствии рассказывал своим ученикам: «Знал я одного брата, — под именем „брат“ старец иногда подразумевал самого себя, — который, когда ему случалось вкушать мед, не чувствовал сладости его... Еще знал я брата, который, когда шел вместе с братией в трапезу, то плакал, что теряет утешение духовное через маммону, т. е. пищу».

Конечно, старец достиг такого навыка к молитве Иисусовой не без труда. «Знал я, — говорил он, опять подразумевая самого себя, — одного брата, который, когда нудил себя к молитве Иисусовой, то ему было так трудно, что он скорее был согласен камни ворочать, лишь бы не творить молитвы. Он сильно был смущаем мыслью, что, творя эту молитву, он погубит свой ум. Но, несмотря на это, брат возложил твердое упование на Бога и продолжал творить ее: „Помереть, да с Богом“, — говорил он себе. Скоро явилась брату тому помощь Божия, и как бы чешуя свалилась с глаз его. Тогда-то познал он другую жизнь, а вместе с нею — и самого себя. И сказал он тогда: „Благ и Милостив Господь Бог наш, сотворивый со мною милость сию“».

Поучительно было смотреть, как отец Александр принуждал себя к молитве во время своей тяжелой

болезни. От сильного внутреннего воспаления отец Александр только всё ворочался на одре своем, беспрестанно крестился, и сам благословлял свой одр, и ни разу не испустил ни стога, ни вздоха, ни слова ропота, но, подобно твердому адаманту, молча и мужественно переносил ниспосланную ему от Господа Бога болезнь.

Внимая постоянно себе и занимаясь молитвой Иисусовой, отец Александр в затворе мало читал книг. Духовные дети спрашивали его: «Батюшка, вы прежде читали ли книги?» Старец отвечал: «Прежде читал их много, а теперь — мало, потому что нашел полезнее заняться молитвой Иисусовой, теперь читаю изредка, когда ум ослабеваает». Однако он не отвергал пользы чтения хороших книг. Напротив, отец Александр говорил: «Человек стоит, а книги, как столбы, поддерживают его». Он советовал читать более жития святых отцов, книги Иоанна Лествичника и аввы Дорофея, «Семь слов» Макария Египетского, и вообще те книги, которые учат побеждать страсти.

Старец имел только следующие богослужебные и назидательные книги: Следованную Псалтирь, Евангелие, Апостол, Служебник чина Литургии, утрени и вечерни, Печерский патерик, творения святых Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, аввы Исаяи, «Семь слов» Макария Египетского, «Плач инока» — сочинение епископа Игнатия Брянчанинова, письма Георгия Затворника, жития святых в мелких книгах, творения Марка Подвижника, «Алфавит духовный» святителя Димитрия, Ростовского чудотворца, Требник, «Жизнеописание старца

* Октоих (от греч. «восьмигласник») — Богослужбная книга; в Русской Православной Церкви она содержит тексты изменяемых молитвословий восьми гласов для каждой недели восьминедельного круга: песнопения суточного круга вечерни, повечерия, утрени, Литургии на каждый день недели, а для воскресенья также малой вечерни и полунощницы.

** Минея месячная (Минея служебная) (греч. «месячный, одномосячный, длящийся месяц») — Богослужбная книга, содержащая службы святым Православной Церкви по датам их памяти на каждый день года. Обычно разделяется на 12 томов.

*** Молитва Иисусова заменяла ему всё остальное — здесь: редкая в Русской Православной Церкви практика замены служб суточного круга Иисусовой молитвой по четкам; традиционна для Афона и всего Православного Востока. В России в XIX в. ее сторонниками и делателями были святители Игнатий Кавказский и Феофан Затворник Вышенский, также прп. Серафим Саровский. Такое правило благословляется либо преуспевшим в молитвенном подвиге, либо, по Уставу Церкви, неграмотным, путешествующим и не имеющим возможности присутствовать на Богослужении.

Серафима Саровского с присовокуплением правил о молитве Иисусовой» — более же не имел никаких, Октоиха* и Минеи месячной** у него не было, хотя он к церковной службе и не ходил. Молитва Иисусова заменяла ему все остальное***.

Старец говаривал часто: «В древнее время многие подвижники и вовсе грамоты не знали, а Господу Богу угодили и просияли, яко светила на земли. Таковы: Павел Препростый, преподобный Памва, Пимен Великий и другие святые угодники Божии».

Однако, несмотря на то, что отец Александр мало читал книг, в последние годы своей жизни он признавался своим близким ученикам: «И я прежде нудил себя понимать смысл Священного Писания, но теперь, если стану читать псалмы или что другое, то умственному взору открываются великие премудрости Божии, сокрытые в Писании». Старец часто приводил места из жития святителя Нифонта, епископа Константинограда, память коего празднуется 23 декабря, а также из жития святого мученика Вонифатия, его память 19 декабря. Еще любил старец то место из жития святого Андрея, Христа ради юродивого, где повествуется, как святой Ангел предлагал три венца тому, кто будет бороться с эфиопом, и как святой Андрей боролся с эфиопом и зажал ему ногу.

Для занятия молитвой Иисусовой отец Александр считал необходимым уединение, по крайней мере лично для себя. Он говаривал близким своим духовным детям: «Когда я стал в последнее время выходить в трапезу обедать с братией, то, пришед-

ши после трапезы в келью, чувствовал, что не могу привести ум мой в настоящее молитвенное состояние, и это продолжалось до двух дней; происходило это от рассеяния ума на разные предметы... Вот что значит рассеянность, как вредит она нам». Поэтому-то он и решил спастись в затворе, чтобы молитва Иисусова не встречала себе помехи в рассеянии.

Живя в затворе, отец Александр не выходил из него для присутствия при церковном Богослужении даже в праздники двенадесятые и великих святых, хотя в эти дни отец Александр всегда приобщался Святых Таин, которые ему в келью приносил после Литургии иеромонах, в келье же он и исповедовался. Только в первый день Святой Пасхи отец Александр приходил в церковь, где христосовался с братией, приобщался Святых Таин за ранней обедней, затем снова уединялся в своей келье до следующего года.

К Святому Причащению отец Александр готовился всегда с великим благоговением, постом и молитвой. Пред служением он всю седмицу употреблял пищу по уставу сухоядения. В прочие же дни он, ни в чем не выделяя себя из братии, вкушал от обычной братской трапезы, по слову святого Иоанна Лествичника, во славу Божию все предлагаемое. Много лет он не пил чай, употреблял только горячую воду для того, чтобы размачивать сухари, и только за год до своей кончины, почувствовав телесную слабость, начал употреблять чай.

К посту он прибегал и во время болезней; вместо того, чтобы обращаться к врачам и лекарствам, он, твердо веруя в Господа, усугублял подвиги, напри-

мер, дня три не принимал пищи, удручая себя трудом и молитвенным бдением¹. В баню он никогда не ходил и только в келье иногда вымывал голову. Отличаясь нестяжательностью, он в Оптиной Пустыни никогда не запирали своих дверей, так как в его келье не было ничего лишнего.

В отношении к другим старец держал себя весьма просто. В речах и действиях его не было ничего поддельного и искусственного. Он не заботился о том, чтобы произвести на других хорошее впечатление своей внешностью или чтобы скрывать от других свои немощи и недостатки, выказывая всего себя как есть, ничем себя не приукрашивая. И учеников своих он учил не показывать свое мудрование или знание, но считать себя ниже всех не на словах только, но и на деле, учил быть смиренными в сердце. Когда некоторые из учеников старца говорили ему: «Батюшка, нынешнее время требует аккуратности», — т. е. прикрывать в присутствии других некоторые немощи или недостатки, — то старец отвечал: «Макарию Египетскому то же говорили ученики, и он на это сказал им: „Я этой простоте учился девятнадцать лет, могу ли я согласиться оставить ее?“»

Старец, напротив, любил скрывать свои добродетели смирennemудрием и самоукорением. Некоторые из приходящих к нему спрашивали его: «Как, батюшка, вы здесь живете?» — т. е. настолько утруждая себя подвигами. Он на это обыкновенно отвечал: «Что же мне не жить: кормят меня, как сви-

¹ Так было, например, в 1866 году, когда в скиту была эпидемическая горячка, и отец Александр заболел ею. Так же было и во время последней, предсмертной его болезни.

ню, которая поест, попьет, ляжет в углу и хрюкает, — так и я».

Старец всегда удалялся такой известности, которая, не принося пользы, могла питать только суетное тщеславие. Однажды приехали в скит какие-то иностранцы, пришли к келейнику отца Александра и объявили ему, что желают видеть старца и говорить с ним. Келейник отвечал им, что отец Александр никого не принимает. Тогда они сказали, что умеют говорить на многих языках и очень желают видеть старца. Келейник пошел к отцу Александру и передал всё, что они ему говорили. Старец улыбнулся, перекрестился и сказал: «А мы с тобой и на одном-то языке не умеем говорить, — Бог с ними, скажи, что не принимает».

Да и вообще известность многим тяготила его, и он, смиряя себя, часто говаривал со вздохом: «Горе тому, слава которого выше дел его». Или говаривал также: «Многие великие грешники, убийцы, разбойники и прочие грешники обратились ко Господу Богу, покаялись и спаслись; напротив, многие считавшиеся праведниками гибли, не имея духа смиренномудрия».

Но эта же простота и смиренная непритязательность старца были причиной того, что только немногие понимали его. Многим, напротив, простота его, хотя они и видели в нем что-то особенное, послужила камнем преткновения в подтверждение той истины, что *пророк в своем отечестве не имеет чести*¹. Однако свет духовной мудрости не мог укрыться

¹ Ин. 4; 44.

от очей любивших и искавших этот свет: поэтому к отцу Александру ходили весьма многие из братии как скита, так и Сергиевой Лавры, киновии Параклита и других обителей. Ходили даже и мирские люди.

Духовные дети отца Александра приходили к нему во всякое время. «Когда старец жил еще в пустыни Святого Духа, — рассказывали они, — пойдешь, бывало, к нему из скита после вечерни и вечернего правила, часов в девять, придешь, сотворишь молитву. Старец ответит: „Аминь“. Войдешь — старец иногда скажет в шутиливом тоне: „Что вы, бродяги этикие, шатаетесь?“ — или что-нибудь другое, сообразно с душевным настроением. Часто случалось, что старец сам поставит самовар и скажет: „Ну-ка, я вас отогрею чайком“, — и что только есть в келье: ягоды ли какие или булки — все предложит (редко случалось, чтобы старец один вкушал чай)». И вот чада его духовные идут от него утешенные и успокоенные, торопятся в скит попасть к двум часам, к заутрене.

Умел старец не только утешить, но и мудро смирить. Например, рассказывал об отце Александре его духовный сын, лаврский иеромонах Мелетий: «Когда я был еще послушником, пришел однажды к старцу в пустынь Святого Духа вечером и к тому же один, поговорил о чем было нужно, затем отправляюсь обратно в скит. Старец и спрашивает меня: „Ты один пришел?“ Я отвечаю: „Один“. Старец дал мне палку, говоря: „Вот теперь не тщеславься, а иди с этой палкой и будешь не один“».

Вообще отец Александр очень часто воздействовал на своих духовных чад полуюродствуя или поступая в шутиливом тоне. Особенно когда ученики

были удручаемы скорбями или мрачными помыслами, он при входе их в келью к нему, бывало, крикнет на них или даже кого рукой слегка ударит и этим развеселит их и успокоит. Да и бывали скорби большие у них только тогда, когда они редко приходили к старцу.

Один ученик как-то пришел к старцу и рассказал ему о своей скорби, причиняемой тем, что он немалое время был сильно волнуем разными помыслами. Выслушав, старец слегка ударил его по голове рукой и сказал: «Успокойся». С этого времени мир и покой водворились в душе и мыслях этого ученика.

Затем отец иеромонах Мелетий рассказывал: «Когда я пришел в скит и спрашивал у некоторых из братии, какого бы мне найти построже старца, чтобы он руководил мной в духовной жизни, то мне указали на одного строгого старца-малоросса отца Софония, и я ему во всем покорился. Но потом по неразумию своему я не всё стал открывать ему: утаивал от него свои подвиги и различные мысли. От этого начал приходить в смущение и расстройство. Еще немного, и мог бы совсем повредиться. Тогда я обратился к своему товарищу по послушанию отцу Феодору (скончался в 1897 году 15 июня). Тот предложил мне обратиться к своему старцу отцу Александру, который жил тогда в пустыни Святого Параклита. К нему оба мы и отправились. Старец принял нас очень ласково, утешил и разрешил все недоумения. С тех пор я всей душой расположился к отцу Александру и питал к нему великую любовь, так что без

его благословения ничего не делал». И таких примеров влияния старца на своих учеников можно было бы представить очень много.

А иногда, несмотря на свою простоту, старец умел нравственно влиять не только на своих учеников, простых, малообразованных людей, но и на людей светских. В 1874 году зимой пришел в скит один офицер из донских казаков и сказал келейнику, что желает видеть отца Александра. Келейник на это ответил, что старец решительно никого не принимает. Тогда офицер сказал: «Скажите отцу Александру, что если он меня не примет, то я непременно лишу себя жизни: или утоплюсь, или удавлюсь». Услышав такие слова, келейник ужаснулся, пошел и доложил старцу, передав всё, что говорил ему офицер, слово в слово. На это отец Александр сказал: «Должно быть, очень нужно ему. Пусть войдет сюда».

Когда келейник пригласил офицера к старцу, а сам пошел к себе в келью, то, проходя мимо того места, где стоял офицер, заметил на снегу следующие слова: «Святой Сергей, помоги мне». Это было написано три раза, очевидно, тростью, которая была в руках офицера. После, когда офицер ушел от отца Александра, келейник передал старцу о написанных на снегу словах. Отец Александр сказал: «Он уже шесть лет борим был, но, благодарение Господу, пошел от нас спокоен». Чем именно был борим этот человек, старец не открыл.

Всякому старец искренно сочувствовал, со скорбями сам скорбел, с радующимися радовался. Он был для всех всем, чтобы спасти по крайней мере

некоторых¹. К ученикам и всем знавшим его старец был всегда приветлив и никогда никого не порицал, но ко всем относился с любовью и немощи других переносил с великим долготерпением и сострадательностью. То же самое и ученикам заповедал. Между учениками при нем водворялась любовь, мир и согласие. Они говорили: «О, если бы и в будущей жизни сподобил нас Господь жить так блаженно и любовно».

Так, когда во время гонения на старца запрещено было к нему ходить, и некоторые ученики оставили его и перешли к другим старцам, а затем, не найдя духовного спокойствия, снова возвратились к отцу Александру, то он принимал их с кротостью и любовью, не напominив и не укорив ни единым словом за их непостоянство. Говаривал он только после по поводу этих переходов: «И святых апостолов оставляли их ученики, как то пишет апостол Павел: *Димас оставил меня... и пошел в Солунь*²».

Старец был весьма сострадателен не только к ученикам, но и ко всем приходившим к нему. Глядя на бедных, он плакал и делился с ними последним, что у него было. Бывало, некоторые говорили ему: «Зачем, батюшка, вы им даете?» А он скажет: «Где им взять? Теперь зима, надо за квартиру заплатить, поесть, одеться, а мы здесь живем в тепле». Однако людей мирских, как видно, например, из вышеприведенного случая с иностранцами, отец Александр принимал с разбором, бесед праздных,

¹ 1 Кор. 9, 22.

² 2 Тим. 4, 10.

не служивших в назидание или на пользу души, удалялся.

Но удивительно, что при всей кротости и смирении сердца отца Александра, как сказано, некоторые из братии питали к нему сильное нерасположение и различными клеветами возбуждали против него недовольствие монастырских властей. Правда, по рассказам родных, в отрочестве и затем в совершенных годах он имел характер резкий и настойчивый (он и сам признавался в этом) и трудно ему было переломить себя. Но при помощи Божией он вполне успел в этом и усвоил себе всю глубину смирения и кротости, так что к нему особенно приложимы слова святого Иоанна Лествичника: «Не те получают венцы победы, которые от природы смиренны и кротки, но те, которые трудом эти добродетели приобрели»¹.

Все клеветы и притеснения отец Александр переносил с необыкновенной кротостью и благодарением, называя враждебных к нему людей своими благодетелями. Всякое распоряжение начальства, внушенное нерасположением к нему, исполнял с полной готовностью, хотя бы то было очень тяжело ему. Так это было, например, когда отец игумен велел ему выходить из затвора.

Однако, когда требовала необходимость, отец Александр отличался решительностью и пылкой ревностью по Боге. В начале шестидесятых годов на скитской ферме поселилась одна личность дворянского происхождения. Будучи исхудалой, как скелет, эта личность называла себя умершим человеком. И

¹ Слово 24, 24.

вот этот человек начал сеять в скитской братии плевелы — семена свободомыслия. Многие в скиту повредились, и даже из числа старших. Отец Александр, услышав это и узнав от некоторых из братии о действиях этого человека, увидел, что это учение от *духа лестча*¹. Тогда, вооружившись усердной к Богу молитвой, отец Александр взял однажды свою палку, пошел на ферму и прогнал означенную личность, чем спас от искушения многих из братии. В скиту многие потом благодарили старца, а некоторые, вследствие недостатка духовного рассуждения поверившие соблазнителю, вооружились против отца Александра насмешками, завистью и ненавистью. Но старец переносил всё с великой кротостью и терпением.

Схиигумен Герман (Гомзин)

Схиеродиакон Филарет (Беляев)

Скончался преподобно и праведно иеродиакон Филарет², при жизни с необыкновенной любовью несший послушание в больнице, но немало страдав-

¹ 1 Ин. 4, 6.

² 29 декабря 1885 года. Почил о Господе с христианским напутствием иеродиакон Филарет (в схиме) после кратковременной болезни воспаления в легких. В мире именовался Филипп Беляев, 44 лет поступил в Скит <...> и был келейником скитоначальника отца Илариона, после смерти коего перешел в обитель и был до самой смерти смотрителем больницы. Отличался добросердечием и сострадательностью к больным, коих любил лечить. Духовник иеромонах Амвросий. [Скончался] мирной христианской кончиной. Погребен соборно. Похоронен между Введенским и Казанским соборами // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. Л. 234.

ший от клеветы человеческой. Отец Савватий его очень любил и горевал, что лишился в нем сердечного себе друга. И вот занездоровилось как-то отцу Савватию; прилег он на скамеечке у себя в келье, заснул и видит такой сон: вошел он будто бы в святые ворота неизвестного ему монастыря, а в монастыре том три храма. Захотелось ему осмотреть этот монастырь. Сначала он направился в тот из храмов, который был от него направо, подошел к нему да у входа остановился, боясь войти туда, и стал прислушиваться. Вдруг слышит, что внутри храма кто-то разговаривает. Сотворил отец Савватий молитву; ему ответили: аминь! Он вошел, но очутился не в храме, как предполагал, судя по внешности, а в какой-то келье, в которой сидели три молодых монаха в подрясниках и шапочках наподобие афонских, каждый за маленьким столом с письменными принадлежностями. Комната имела вид канцелярии.

Монахи разговаривали о том, какую пользу приносит усопшим поминовение, при этом они вспоминали некоторые места из Священного Писания, из святых отцов, поминали они в разговоре и слово святого Григория Двоеслова и других.

— Какой это монастырь? — спросил отец Савватий.

Ему ответили:

— Симонов.

— Что же это за храм направо стоит? — продолжал он спрашивать. — И почему около него такая зелень и деревья в цвету, тогда как везде зима?

(Отец Савватий сон свой видел в ночь с 29-го на 30 января 1886 года).

— А в этом храме, — отвечают ему, — приносится Бескровная Жертва за души новопреставленных. Милосердием Божиим усопшие получают от поминовения великую пользу: грешникам прощаются грехи их, а праведники получают большую благодать. — Такое рассуждение молодых монахов очень понравилось отцу Савватию, и он сказал им:

— Вот у нас недавно умер очень хороший и близкий мне человек...

— Это вы про отца Филарета говорите? — спросили они его.

— Да, про него.

— А не хотите ли вы его видеть?

Сердце отца Савватия так и замерло от радости.

— Да, я бы желал! — сказал он робко. Тогда тот из монахов, который казался постарше, сказал младшему:

— Доложите, что желают видеть отца Филарета.

Тот пошел и, возвратившись очень скоро, позвал отца Савватия следовать за ним. Ввел он его в соседнюю комнату, внутри которой находилась лестница, с которой как раз в это время сходил юноша лет семнадцати, в светлом стихаре*.

— Вам отца Филарета? — спросил он отца Савватия. — Пожалуйста за мной!

Они пошли вверх по очень крутой лестнице, и отец Савватий, несмотря на свою обычную боль в ноге, которой он страдал издавна, не чувствовал ни боли и ни малейшей усталости и шел, как будто по воздуху.

Долго поднимались они, пока не достигли опять какого-то храма огромных размеров, с не-

* Стихáрь — священная одежда: прямая, длинная, с широкими рукавами; богослужбное облачение священно- и церковнослужителей.

обыкновенно высоким куполом. Храм был круглый, и в нем иконостаса не было. Под куполом были видны лики святых, расположенные группами, как будто на облаках. Между ними отец Савватий рассмотрел лик мучеников, лик святителей, преподобных и других святых, от века благоугодивших Господу... Внизу под ними был виден ряд икон, а наверху, несмотря на отсутствие окон, изливался откуда-то необычайный свет. Отец Савватий остановился в немом восхищении перед этим дивным светом и видит, что все изображения святых внезапно ожили, начали двигаться и беседовать между собою.

Это крайне поразило отца Савватия.

— Вы отца Филарета ищите? — спросил его кто-то из них. — Его еще здесь нет. Ему готовится место с праведниками и юродивыми.

Тогда отец Савватий, обратясь к своему спутнику, шепотом спросил его:

— Разве он лишен монашества?

— Не лишен, а еще повышен, — отвечал он.

Пошли они дальше и, повернувшись направо, вошли уже в настоящий храм, которому тот храм служил как бы преддверием. Оба храма эти были соединены аркою. Боковых приделов там не было. Везде горели лампады. Кругом храма шли хоры.

Отец Савватий стал глядеть на иконостас, но, заметив, что проводник его смотрит кверху в противоположную сторону, быстро повернулся и, взглянув туда же, увидел на хорах отца Филарета.

— Филарет, ты ли это? — воскликнул он.

— Я, — ответил, кланяясь ему, отец Филарет.

Лицо у отца Филарета было очень веселое; одет в светлый стихарь, перекрещенный орарем*. Стоит, опершись обеими руками на перила хор, и, держа в руках бумажный свиток, ласково смотрит на отца Савватия.

— Можно ли мне с тобой повидаться? — спросил отец Савватий.

— Можно! — сказал, улыбаясь, отец Филарет. Стал искать отец Савватий лестницу, чтобы подняться на хоры, но лестницы не оказалось. И говорит он отцу Филарету:

— Где ж к тебе войти?

— Входи, — ответил отец Филарет, — я помогу тебе.

Думая, что он ему подаст веревку, отец Савватий спросил его: «Почему же здесь нет лестницы? Как же ты-то взошел сюда?»

— Меня вознесли сюда, — ответил отец Филарет, — клеветы человеческие. Прежде я стоял там же, где и ты теперь стоишь.

И лицо отца Филарета из веселого вдруг сделалось печальным.

И только отец Савватий успел помыслить в сердце своем: «Филарет, ты был при жизни так милостив к клеветникам твоим!» — а уже отец Филарет в ответ на эту мысль говорит:

— Я всегда сожалел и прежде о тех, которые клеветают, а теперь и еще более того жалею о них. Теперь я на опыте узнал, что клевета на брата вменяется клеветнику в тот же самый грех, в котором он оклеветал брата. В этом же грехе он и осудится, если только не покается.

* Орарь — важная часть диаконского и иподиаконского облачения, в виде длинной ленты из ткани. Исторически ведет происхождение от полотенца-убруса, которым в ветхозаветной Церкви давали знак к возгласам, а также от полотенца-лентия, которым Спаситель отер ноги учеников (см.: Ин. 13, 5). Орарь носится на левом плече поверх стихаря, а перед Святым Причащением одевается диаконом крестообразно. В качестве награды диакону дается особой формы двойной орарь. Символически орарь означает крылья ангелов, исполняющих волю Божию; Крестную ношу Христа и благое бремя служения Ему; Ветхий и Новый Заветы, нераздельные во Христе; благодать сугубого служения Богу и людям.

И опять подумал отец Савватий: Филарет, у тебя столько было любви к ближнему! И на эту мысль опять Филарет ответил ему:

— Только здесь и можно узнать, какое великое воздаяние бывает от Господа за любовь и милость к ближнему. Вам, сущим еще на земле, и понять этого невозможно!

— Хорошо ли тебе? — хотел было спросить его отец Савватий. А тот молча уже развернул свиток, который держал в руках, и отец Савватий прочел написанное там большими блестящими буквами:

Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их¹.

При конце каждой строчки божественных слов этих стояло по золотой, ярко сиявшей звездочке.

Тут как будто на хорах отворилась дверь, и отца Филарета кто-то позвал, и он, поклонившись, удалился...

Сергей Александрович Нилус

Иеросхимонах Флавиан (Маленков)

В начале восьмидесятых годов XVIII столетия жили в городе Орле шесть братьев, дети Матвея и Степаниды Маленковых. Все они торговали рыбой с Дону, воском, медом, волошскими орехами и подобной мелочью. Жили они порознь, особыми семьями, но торговля была сначала общая. Третий из

¹ Прем. 5, 15.

шести братьев — родитель отца Флавиана Матвей Матвеевич — родился 17 февраля 1792 года.

Супруга Матвея Матвеевича, Прасковья Александровна, была из семейства Александра Ивановича и Мавры Ивановны Дьяконовых. Кроме детей, умиравших в раннем возрасте, у Матвея Матвеевича было три сына: Николай, Иван и Феодосий Матвеевичи и две дочери Любовь и Глафира.

Младший сын Матвея Матвеевича — Феодосий Матвеевич родился 24 марта 1823 года. «Моя матушка Прасковья Александровна, — вспоминал отец Флавиан, — была благочестивая и богобоязненная женщина; вставала рано и подолгу молилась, потом всех нас, бывало, разбудит и заставит тоже молиться. Держала нас строго, не допускала с нашей стороны никаких шуток, шалостей и грубых, неприличных слов».

«Когда скончалась моя матушка, — рассказывал отец Флавиан, — мне было лет 9–10, и я ходил в школу. Вскоре батюшка мой Матвей Матвеевич получил место управляющего у Абазы и у Нарышкина, и мне пришлось быть с ним у Нарышкина на винном заводе, а также побывать и в Харькове».

Оставшись по отъезде в Оптину Пустынь Матвея Матвеевича почти ребенком, Феодосий Матвеевич жил в семействе своего брата Николая. По примеру благочестивых родителей и сестры-монахини он вел себя скромно и трудолюбиво: ходил часто на церковные службы и в школу. Войдя несколько в силы, занимался в рыбных лавках. Невестка, жена его брата, очень недолго любила Феодосия Матвеевича.

Сознавая, что он и в родном доме чужой, Феодосий Матвеевич находил для себя утешение у стар-

шей сестры своей монахини Любви, которая в то время находилась в Орловском монастыре. Он поверял сестре своей разные скорби и, успокоенный советами и любовью сестры, возвращался домой на новые скорби и неприятности.

Феодосию нередко случалось бывать у старцев отцов Леонида и Макария. Жизнь монахов понравилась ему, и он высказал свое желание поступить в Оптину Пустынь отцу Леониду.

Отец Леонид удерживал пока стремление Феодосия к монашеству и говаривал ему: «Погоди еще». Однажды он дал Феодосию кусок яблоневого дерева и сказал: «Вот возьми себе домой, сделай из него ложку и перешли ко мне. Если сделаешь хорошую, то значит можно тебе поступить в монахи». Усердно принялся за свою работу Феодосий в свободное от обычных занятий время, сидя в своем мезонине, не зная приемов и не имея нужных для работы инструментов; одним ножичком выдалбливал и обдeldывал данный ему старцем отрубок в ложку. Наконец, после долгих трудов, вышла ложка на радость Феодосия, но радость его была непродолжительна. Возвратясь однажды домой, он не нашел в мезонине свою ложку. В его отсутствие невестка нашла ее, взяла, и когда он просил ее отдать ему назад, то она при нем сломала ложку и растоптала ногой. О своем горе Феодосий сообщил отцу Леониду, который утешил его, дав ему новый кусок дерева. Феодосий снова принялся за работу и успешно окончил ее, выточив довольно недурную ложку.

В 1839 году Феодосий Матвеевич, шестнадцати лет, ходил в Киев, попутно заходил в Софрониеву и Глинскую пустынь.

Феодосий Матвеевич был при отце Леониде в Оптиной четыре раза, хаживал туда обыкновенно к Пасхе. В последний раз он был у отца Льва в год его кончины, в 1841 году. Феодосий вместо года пробыл дома три и поступил в Оптину Пустынь уже 7 марта 1844 года.

Приехав в Оптину Пустынь во вторник на 4-й неделе Великого поста, 7 марта 1844 года, Феодосий Матвеевич поместился сначала у отца, который был тогда гостинником*, и пробыл у него около месяца; 16 апреля, в Фомино воскресенье, был помещен в Скит.

В Скиту Феодосий Матвеевич провел сначала 8 месяцев, с 16 апреля 1844 года по 1 января 1845 года, в хлебне и квасоварне.

Затем Феодосий Матвеевич прожил 15 лет, с 1 января 1845 года до кончины старца отца Макария, в церкви. Сначала определен был указом от 18 августа 1849 года в братство, а 29 августа 1850 года посвящен в стихарь и показан состоящим при пономарне и при ризнице. В 1852 году по указу от 22 февраля накрыт рясофором**. 29 апреля 1855 года пострижен в мантию с наречением имени Флавиана.

Отец Феодосий жил в церкви, но как очень старательный, послушливый и способный он был часто употребляем как для личных услуг старцу отцу Макарию, так и на разные другие труды и занятия. Он сначала помогал отцу Илариону¹ по скитскому

* Гостинник — монах, заведующий гостиницей обители и наблюдающий за порядком в ней.

** Накрыт рясофором — то же самое, что «пострижен в рясофор». Удостоен права ношения иноческой рясы, клобука и четок. Постриженный мог называться иноком, рясофорным послушником или рясофорным монахом (как в Оптиной Пустыни в XIX — начале XX в). При постриге дается обет послушания и может быть изменено имя. Рясофор является первоначальной ступенью иночества, «начаток святого Ангельского образа» и «обручение монашества».

¹ Прп. Иларион (Пономарев) († 1873), старец Оптинский. Память 18 сентября / 1 октября.

хозяйству, а впоследствии, не оставляя пономарского послушания, постоянно почти пребывал в келье старца отца Макария и отца Илариона для услуг.

В 1855 году отец Флавиан сопровождал старца отца Макария, ездившего по приглашению в Одигитриеву Зосимову пустынь Московской губернии на освящение храма, которое совершал преосвященный Филарет Московский.

14 июля 1858 года Преосвященный Григорий Калужский при освящении церкви в селе Курыничи рукоположил отца Флавиана в иеродиакона.

При последних днях жизни старца отца Макария отец Флавиан находился постоянно при больном, который на его руках и испустил последний вздох свой, назначив отцу Флавиану после себя относиться к отцу Илариону. По кончине отца Макария отец Флавиан оставил должность пономаря и ризничего и перешел из церкви на жительство в скитский корпус.

Новый настоятель отец Исаакий, по соглашению со старцами, предложил занять место казначея иеродиакону отцу Флавиану, имевшему тогда от роду 40 лет. 29 августа 1862 года отец Флавиан был рукоположен во иеромонаха, а указом от 23 октября 1862 года ему было разрешено, впредь до усмотрения, исправлять должность казначея.

Пред масленой неделей, в феврале 1863 года, отец Флавиан перешел из Скита в монастырь, а 23 июля 1865 года утвержден в должности казначея. В этом же (1865) году против Казанской церкви стал строиться новый двухэтажный корпус.

19 июня 1866 года отец Флавиан награжден на-
бедренником, а 15 апреля 1878 года пожалован на-
персным крестом от Святейшего Синода.

Еще в 1864 году, при устройении в скитской церкви
Макарьевского придела и часовни на могиле отца Ма-
кария в монастыре, отец Флавиан был ближайшим со-
трудником отца Илариона, неся на себе, по указаниям
Старца, трудовую часть и надзор за постройками.

По кончине старца отца Макария в Оптиной Пу-
стыни постоянно по два раза в год совершаемо было
его поминовение: 7 сентября, в день его кончины, и
19 января, в день его Ангела, преподобного Макария
Египетского. Старец отец Иларион был усердней-
шим ревнителем этих поминовений, стараясь о под-
держании их чрез изыскание и доставление нужных
для того средств. По кончине отца Илариона заботу о
продолжении таких поминовений своего старца отца
Макария взял на себя отец казначей Флавиан. Но он
с такой же любовью и усердием заботился до самой
своей смерти и о совершенно таком же поминовении
и другого старца, отца Илариона, совершавшемся
18 сентября, в день кончины его, и 21 октября, в день
его Ангела, преподобного Илариона Великого.

Что же касается до надмогильного памятника, то
тотчас же по кончине старца отца Илариона отец
казначей Флавиан озаботился постановкой на до-
рогой могиле памятника в виде чугунной часовни
такой же формы и рисунка, какая стояла на могиле
старца отца Макария.

Отец Флавиан был всем знавшим его известен не
только как хороший хозяин-казначей, но и как стро-
гий инок.

Кроме точного и неослабного исполнения обще-монашеских и в обители принятых правил относительно поста, своей богослужебной чреды церковных и келейных правил, им были усвоены некоторые другие обычаи.

Всегда отличался искренним смирением. Примером сего смирения может служить следующий случай. Накануне его кончины братия приходила проститься с ним. Смотрители дач и хуторов находились под его непосредственным наблюдением. Один из них обратился к отходившему с следующими словами: «Аще обрящещи благодать у Бога, не забудь меня, или помолись обо мне». Отец Флавиан строго сказал ему: «Отец Иерофей! Мы с тобой за все время, что служили, кажется, еще ни разу не поссорились, но смотри как бы нам не поссориться теперь. Твои слова не идут ко мне, потому что я грешник».

30 декабря 1889 года, в субботу, отец казначей Флавиан, готовясь к служению на воскресенье 31 декабря, ходил в Скит на исповедь и потом, стоя на бдении, по обычаю своему, в алтаре, сильно озяб. В воскресенье, 31-го, он с большим трудом отслужил Литургию в больничной церкви Илариона Великого и, возвратясь в келью, не мог кушать чай. В понедельник, 1 января 1890 года, он был особорован отцом архимандритом и другими иеромонахами; 2, 4, 6 и 7 января утром принимал у себя в келье Святые Тайны, а во время вечерни, 7 января, принял от отца архимандрита пострижение в схиму с сохранением имени Флавиана.

С половины января болезнь из острой затянулась в хроническую.

С вечера 21 мая уже не вставал и без того ослабевший по болезни отец Флавиан и не принимал, не глотал пищи, кроме нескольких чайных ложек молока и воды со льдом в день. За четыре дня перед кончиной он ежедневно принимал поутру Святые Тайны и, наконец, в среду, 30 мая, приняв в половине первого часа утра Святые Тайны, батюшка в 3 часа утра тихо отошел в полной памяти и сознании ко Господу.

Через год с небольшим по кончине отца Флавиана усердием давно его знавшей и уважавшей его высокую духовную личность Екатерины Васильевны Иловайской, бывшей духовной дочери отца Илариона, на могилке его был воздвигнут прекрасный памятник из серого мрамора.

Священномученик Никодим (Кононов)

Архимандрит Леонид (Кавелин)

В жизни бывают иногда случайные, неожиданные встречи, оставляющие глубокий и неизгладимый след в будущем. Нередко там, где ожидаешь прочных и неизменных отношений, неизвестно как и почему они порываются, и то, что было когда-то близко и дорого, становится далеким и чуждым. Иногда даже замечается рознь там, где могла быть близость. Бывает и наоборот: нечаянно на жизненном пути встречаются люди, с которыми, казалось бы, нет ничего общего, нет связи с прошлым, и вы сходитесь с этими людьми, при-

обретая их расположение и доброжелательность, вы к ним чувствуете влечение; обращаясь за нравственною поддержкою и получая ее, вы согреты их сочувствием, строй мыслей их и занятий вам становится дорог. Тогда захочется узнать ближе таких людей и разобраться, сколько иногда, среди кажущейся угловатости их приемов и видимости строптивости нрава, скрывается в тайниках души глубокого христианского чувства любви и смирения, сколько теплоты и приветливости, а также твердости перед испытаниями и превратностями жизни.

К числу таких людей принадлежал наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Леонид.

В год кончины отца моего (1871 год) он впервые откликнулся и помянул его. Мне особенно дорого было это слово участия в то время, когда предстояла упорная и неблагоприятная борьба, когда чувство особенно нуждалось в отклике.

В то время неутомимый изыскатель нашей православной старины занят был собиранием сведений для описания монастыря Тихвинской Божией Матери в селе Борисовке, где жили его сестры, удалившиеся от мира.

Мы вступили в переписку. По возможности старался я помочь ему дополнительными сведениями и содействовал изданию. Оно и появилось отдельною книжкою. Архимандрит Леонид помянул моего отца, которого лично не знал, но о котором слышал многое, и с того дня сношения наши уже не прекращались.

Назначенный настоятелем Воскресенского монастыря, именуемого Новый Иерусалим, паломник Старого Иерусалима почувствовал себя в обстановке, благоприятной к дальнейшим его трудам и изысканиям; но кабинетные занятия нисколько не мешали ему соблюдать внешнее благоустройство и благочиние вверенной его попечению обители. Здесь не место говорить о том, что он сделал для монастыря, какое сумел приобрести себе положение в уезде, как поднял значение обители, оживил и направил братию к труду и к сознанию своего долга. Архимандрит Леонид ожидает еще биографии. Он заслужил ее вполне своими многочисленными трудами, своею деятельностью на Востоке, своим исключительным положением и значением среди далеко не сочувственной ему среды. Человек глубоких и чистых убеждений, человек призвания, он высоко держал знамя монашества и не мирился с известным низменным практическим направлением, причинившим столько зла святому делу, в силу известных начал воспитания или черствости мелкого себялюбия. Он первый готов был преклониться перед представителями нашего духовенства как черного, так и белого, когда видел в них истинных борцов духа и ревностных служителей алтаря. Но он никогда не мог примириться с какими-либо узкими интересами, не допуская простора и беспристрастия. Борьба с этою силою была крестом всей его жизни, или вернее — одним из его крестов.

Архимандрит Леонид, в мире Лев Кавелин, принадлежал к даровитой калужской дворянской семье.

В молодости он служил в Волынском полку, где был полковым казначеем. С юных лет сошелся он с семьей графов Гудовичей, дружба его с этою семьею не прекращалась и впредь до кончины графа Василия Васильевича, столь дорогого и мне по воспоминаниям молодости. Мне неизвестно, каким путем совершился переход его на новую жизнь, как усовершенствовался строй его мыслей и под какими влияниями создался тот человек, которого я уже застал. Во всяком случае, одним из сильных к тому двигателей служила калужская Оптина Пустынь, где жили те известные старцы, которые имели такое благотворное влияние на души многих обуреваемых* в житейском тревожном море.

* Обуреваемый —
возмущаемый, волнуемый
будто бурей чувств или
помыслов.

Он постригся и жил в Оптиной, где прошел трудный искуc действительного монашества, подвига по убеждению, а не по иным соображениям, ныне иногда проявляемым людьми его же круга, но с побуждениями честолюбивыми.

На него обратил прозорливое внимание Московский митрополит Филарет.

Деятельность отца Леонида на Востоке, в Константинополе и в Иерусалиме, заслуживает описания. Пребывание его на берегах Босфора и моря Средиземного, конечно, еще более способствовало развитию его умственных сил и направления, которого он был живым и горячим поборником. Но и на этом поприще ему предстояла долгая и непрерывная борьба.

Относительным отдыхом было пребывание в Новом Иерусалиме, где я и застал его уже старцем, но полным жизни и огня.

С виду несколько согбенный и уже далеко не крепкий телом, он производил впечатление уже тем, что не похож был на других. Он мало обращал внимания на себя, не принадлежал к числу выхоленных архимандритов; его седые волосы падали в беспорядке, его седая борода не отличалась признаками забот об ее безукоризненности, но в голубых выразительных глазах искрился светлый ум и в изгибах рта чувствовалась ироническая складка. Он был горяч и вспыльчив, непреклонен и непримирим с житейскою пошлостью. Сила воли чувствовалась во всем его проявлении, воли крепкой, привычной к военному дисциплинарному строю. Духом он горел, *Господеви работал неустанно*¹ и личным своим примером служил образцом непомерного трудолюбия. Россия, родина, родное Православие, исторические судьбы нашего прошлого, нужды и потребности Церкви, ее значение, ее задачи в настоящем, обновленное монашество и весь строй современного освященного Собора, его положение и отношения к светской власти, высшее церковное управление, иерархи и предстоящая им деятельность — все эти живые вопросы служили предметом его непрерывных дум и забот, его кипучей ревности и вызывали его на горячую борьбу с невежеством, с равнодушием и с отрицанием.

XVII век изучил он преимущественно перед другими, и личность Никона его особенно привлекала.

Помню посещение Воскресенского монастыря, когда мне впервые пришлось испытать истинно русское его гостеприимство и насладиться его умной и

¹ Ср.: Рим. 12, 1.

содержательной беседой. Он водил меня по обители патриарха Никона и служил живым дополнением всему, что представлялось взорам. Ризница, древне-хранилище и библиотека, приведенные им в порядок, видимо его особенно занимали. Воспоминаниями о Старом Иерусалиме оживлялось его пребывание в Новом, его рассказы и сравнения были выразительны и метки. Можно было его заслушаться.

В 1877 году он был переведен на ответственный пост наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Отселе начинается новое для него испытание на новом поприще, на котором ему суждено было принять расстроенное наследие и очистить Лавру от всего, что нанесено было злоупотреблениями последних лет безначалия, бороться со всем, что сплотилось против него как против человека неподкупного и не примиряющегося с тем, что было противно его совести.

Борьба была нелегкая и неравная. Поддержки ни с какой стороны он не чувствовал. Против него было узкое соперничество непримиримого кружка, против него были и представители власти — одни по равнодушию, другие по сознанию, что архимандрит Леонид не может сделаться человекоугодником, что нрав его непреклонен и самостоятельность его вне сомнений. Против него отчасти вооружилась и братия, не желавшая стеснений, но всего более вооружилась против него та сила, которая исстари неизменно являлась одною из самых грозных. То была сила женщин. Могли с нею успешно бороться архимандрит Леонид?

Женский хор поднял дружный вопль, на все голоса разносились сплетни и рассказы о причудах

отца Леонида, о невозможном его характере, о небрежении к интересам Лавры, о запущении служб и о новых порядках, им вводимых, колеблющих основы прежнего благополучия времен болезни архимандрита Антония и столь известных «со товарищи». Все еще вздыхали о «père Antoine» и не примирялись с «грубым» его преемником, доступ к которому был прегражден.

Пока были на московской кафедре люди с именами Филарета, Иннокентия, Макария, можно было еще ожидать ясного понимания положения. При новых же условиях трудно было бороться, неоткуда было ожидать поддержки и сочувствия, но архимандрит Леонид не унывал.

Прежде всего ему удалось заставить многих оценить его с непоказной стороны. Влияние его проникало постепенно и порядок водворялся.

Правда, у отца Леонида был крупный недостаток. Сам он служил невыразительно; отчасти его слепота, отчасти слабость ног мешали ему принимать постоянное участие в обиходе монастырских служб. Думаю, что тому мешала и некоторая прирожденная ему неловкость: он слишком мало был показным человеком, чтобы производить впечатление внешними приемами, но это во всяком случае был недостаток для наместника Лавры, и враги его им пользовались. Он слишком был преисполнен внутреннего содержания, его мысли слишком скоплялись, не находя покоя среди ежедневных дразг и уколов его самолюбию. Ему приходилось сильно бороться с собою, а для такой борьбы нужен был покой и уединение. В тишине своей кельи, среди

отвлекавших его любимых занятий, он находил ту необходимую бодрость и свежесть духа, которые были ему нужны для продолжения своего тайного подвига. Это было делом характера, а с ним он не всегда справлялся и сознавал за собою эту слабость. И он уходил в свое уединение и исцелялся безмолвием от прилива обуревавших его впечатлений и чувств.

Не забуду я одного посещения. Отец Леонид жил тогда в скиту. Я нашел его в мрачном и удрученном состоянии. Здоровье его сильно пошатнулось. Его видимо томил какой-то нестерпимый нравственный гнет. Он безучастно отвечал и, казалось, на всё махнул рукой. Я вышел от него в грустном настроении, и мне казалось, что я его больше не увижу. Вскоре узнал я, что он уехал на Кавказ и поселился на берегу любимого им моря в Ново-Афонском монастыре. Я был уверен, что он больше не вернется в Лавру и тем исполнит желание многих. Мне неизвестно, что довело его до такого состояния, — неизвестно и то, как он уцелел и сохранил свое положение. Только вернулся он с юга обновленным и бодрым.

Плодом его кавказского пребывания была книга: описание Ново-Афонского монастыря Симона Кананита.

С новыми силами принялся отец Леонид за свою деятельность. Общество древней письменности, одно время им оставленное ради болезни, вновь ощутило его присутствие целым рядом статей, и дорогое для меня общение с отцом Леонидом возобновилось еще живее.

Время это как раз совпало с моим предводительством в Москве и с пятилетним пребыванием моим в Первопрестольной. В это трудное для меня время я опять испытал на себе благотворное влияние его сочувствия. Дворянские интересы не могли быть чужды ему, но он всегда скорбел, когда дворянство уклонялось от старого пути и забывало, под влиянием чуждых нам идеалов, свое действительное значение в смысле русском. В это время я особенно мог оценить всю силу его отзывчивости, и поездки мои в Лавру, кроме обычного богомолья, с детства для меня обязательного и дорогого, заключали в себе еще особый интерес в беседах с архимандритом Леонидом. Не любил он никакой официальнойности. Посидит, бывало, несколько минут в гостиной и поведет в свой уютный уголок рядом с его кельей и столовой. Уголок этот предназначен им был для бесед с светскими посетителями, с которыми желал говорить свободно и откровенно. То была узенькая, небольшая комната с диваном и несколькими креслами...

Памятны мне грустные дни похорон двоюродной сестры, графини Варвары Алексеевны Мусиной-Пушкиной и позднее — ее мужа графа Владимира Ивановича и графа Василия Васильевича Гудовича. Каждый раз отец Леонид принимал самое близкое участие; провожая умерших, он приютил около себя и живых. Владимир Иванович поселился в Посаде и сделался его ежедневным собеседником, после него и сын его нашел гостеприимный кров у Лавры преподобного Сергия. Тогда можно было видеть, насколько отец Леонид чужд был исключительности.

Каждый раз он предлагал обильную трапезу, на которой бывали и дамы, и к тем, которых уважал, он относился с обычною ему приветливостью. В этом гостеприимстве Лавры он видел унаследованное предание времен древних.

Однажды прибыл в Лавру военною прогулкою Казачий полк. Отец Леонид угостил обедом всех офицеров. Вообще он сохранил живое сочувствие к военным людям и любил вспоминать о своей полковой службе. С Волынским полком не прерывал он связи и всегда радовался встрече со старыми товарищами.

При нем расширилось гостеприимство Лавры и относительно богомольцев и бедного люда. Мы имели утешение говеть в Лавре и встретить там Светлый праздник. Во всю жизнь не забыть этого чудного, глубоко отрадного впечатления.

Отец Леонид ревниво оберегал неприкосновенность своей кельи и в ней никого не принимал. Во всё время нашего знакомства только раз провел он в свой рабочий кабинет, который был и его спальней. Книгами и рукописями обложенные, столы наполняли эту комнату, а над кроватью его висел вид Св. Афонской Горы, столь ему близкой и сочувственной. Лазурная поверхность моря успокаивала взор и переносила мысли в тот благодатный край, воспоминаниями о котором он жил. Всем своим существом он принадлежал Востоку, олицетворяемому Палестиной, и он, подобно дочерям Иерусалима, готов был скорбеть и плакать, *внегда помянути ему Сиона*¹.

¹ Ср.: Пс. 136, 1.

Понятно, что он мог дорожить неприкосновенностью своей кельи, своей домашней святыни. В душе своей он был поэтом и любил истинную поэзию. Как умилялся он, бывало, стихами князя П. А. Вяземского о Св. земле:

Край святой Палестины,
Край чудес искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внешний мир, мир подспудный.
Всё, что было, что есть, —
Всё — поэзии чудной
Благодатная весть!¹

Не раз бывал я у него с Н. П. Барсуковым, всегда умевшим навести разговор на дорогие ему интересы. В откровенной беседе в обычной комнате для гостей, или же за скромною трапезой втроем или вчетвером, отец Леонид оживлялся, и беседа его была поучительна и в высшей степени оригинальна. Он был очень остроумен, и можно было его заслушаться. Сам отличаясь необыкновенною воздержанностью в пище и в питье, он охотно угощал своих гостей, и время проходило незаметно в его беседе, среди воспоминаний прошлого, в обмене мыслей по вопросам общего интереса, в сетованиях о недостатках настоящего, в рассуждениях о том, как врачевать угрожающий общественный

¹ Путешествие на Восток кн. П. А. Вяземского 1849–1850 гг. С. 37. — *Примеч. авт.*

недуг и где находить живительную силу для борьбы. Источником воды живой для него была наша древняя письменность, ради которой он не щадил своих сил, выражаясь его же словами, и в *единонадесятый час его жизни*¹.

Мне суждено было исполнить одно из его последних желаний — содействовать изданию его драгоценной книги «Святая Русь», и я счастлив, что удалось мне осуществить его желание.

Поучителен будет список его трудов, и собрание их обязательно. Посмертным внушительным памятником их будет служить его «Описание рукописей Поречской библиотеки графа А. С. Уварова».

При нем возведены в сан архимандритов коренной лаврский монах отец Афанасий, а также отец Аарон «Сладкопевец», которому он дал возможность издать сборник церковных песнопений. Он поддержал почтенного отца Товия, всеми уважаемого некогда архидиакона митрополита Филарета, он же дал возможность отцу Никону развить свою деятельность.

При нем духовником Лавры был строгий и внушительный отец Авраамий, а благочинным — вечно деятельный и неутомимый отец Никодим. С одним не мирился отец Леонид — с положением Академии, находящейся в стенах Лавры.

Не всегда и не всякая ученость призвана воодушевлять, бывает и «мертвая», подобная холодной проповеди — *медь звенящая и кимвал бряцающий*²,

¹ Ср.: Мф. 20, 9.

² Ср.: 1 Кор. 13, 1.

потому что лишена того великого и бесценного дара, от которого *весь закон и пророцы висят*¹: дара любви.

Отец Леонид болел недолго. Старый его недуг осилил его на 70-м году жизни. Он тихо почил, выразив желание быть похороненным под открытым небом.

Я был на свежей его могиле, над ней возвышался деревянный крест с надписями, им самим указанными. Теперь вместо деревянного креста поставлен мраморный.

Но отец Леонид не нуждается в вещественных памятниках, и его памятник нерукотворный; он живет в сердцах людей, его знавших и помнящих, он будет жить и для отдаленнейшего потомства в многочисленных его трудах, им предпринятых из единой горячей любви к родине. Подобный *человеку домовиту, иже излагает от богатства своего новая и ветхая*², он, отходя от нас, с чистою совестью мог бы повторить невозбранно слова богодухновенного старца: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром*³. Пожелаем, чтобы благой пример его воодушевил других таких же убежденных горячих и бескорыстных деятелей на том же благом и великом поприще изучения прошлого той земли, которая и доныне именуется «Святая Русь»!

Бережно сохраняю дорогие для меня письма архимандрита Леонида, из коих прилагаю при сем не-

¹ Мф. 22, 40.

² Ср.: Мф. 13, 52.

³ Лк. 2, 29.

сколько выписок. Для тех, кто знал его, достаточно и этих строк, чтобы оживить в памяти светлый его образ. Перечитывая их, мне кажется, что вижу перед собою отца Леонида и слышу его голос...

Время еще слишком близко, чтобы не делать сокращений... Предлагаемые строки имеют преимущественное отношение к Императорскому Обществу любителей древней письменности, которому он особенно сочувствовал, называя членов его «ветхозловцами».

Первые письма его относятся к 1871 году; с тех пор сношения с ним не прерывались до конца.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев

* * *

12 июля 1890

В ответ на ваш вопрос имею честь сообщить вам мою беседу о сем с блаженной памяти митрополитом Филаретом в 40-х годах.

Видя жалкое состояние многих знатных (исторических) монастырей, именуемых «штатными», в сравнении с пустынными общежительными и не зная тогда еще о причинах сего, я по ревности и любви к монашеству позволил себе, беседуя с митрополитом Филаретом, выразить мысль, что не худо было бы все монастыри обратить в общежительные.

Выслушав мою реплику в пользу пустынных монастырей молча, Святитель спросил: «Вот ты, кажется, любишь и знаешь Историю, а что говорит летописец о монастырях на первых страницах летописи?»

Я: «Летописец пишет: „Мнози монастыри от царь и от бояр и от богатства многа поставлены,

но не суть таци, кацы те, кои поставлены пощением, слезами“».

Митрополит Филарет: «Вот видишь, что при начале у нас монашеской жизни монастыри уже были двух типов. — Потом, помолчав, спросил: — А каких лет ты пошел в монастырь?»

Я: «30 лет от роду».

Митрополит Филарет: «Вот видишь ли, будучи в цвете сил и здоровья, ты, решившись оставить мир, убежал не в Лавру, а прямо в лес, в пустынь. Ну, а если бы ты пошел в монастырь не 30-ти лет, а в старости, испытанный скорбями и начавши болеть телесно, то ручаюсь, что ты скорее бы пошел в Лавру, чем в пустынь... Нет, я с тобою не согласен, и нахожу, что у нас, по обстоятельствам, нужно сохранить оба типа монастырей».

И вот теперь, узнав многое, о чем тогда не имел сведений, я совершенно сознательно могу подтвердить мнение приснопамятного Святителя. Дело вовсе не в разделении монастырей на штатные и общежительные. Разделение это существует и на Афоне.

Со времени реформы монастырей 1764 года так называемые «знатные» (исторические) монастыри «сословное» духовенство оставило, разумеется, за собою и с тех пор (и доселе) стало мало-помалу, вольно и невольно (по силе обстоятельства), обращать их в богадельни для приюта людей, которых деть было некуда, каковы например: вдовы священнослужители (это теперь, слава Богу, прекратилось), исключенные за неспособность из духовных училищ (об устройстве каковых юношей духовенство забо-

тится гораздо более дворян). Вот почему *знатные* (исторические) монастыри позапропастились, порасстроились, а некоторые и совсем заглохли. Они едва дышат, будучи обременены разными поборами, устройством при них всевозможных приютов и т. д., чем окончательно парализуется возможность воскресить в них иноческую жизнь. Было бы проще и откровеннее «переименовать большинство таковых монастырей в богадельни духовного ведомства». Кому же в нынешнем *нищенском* их состоянии заботиться о поддержании в них исторических памятников? Историю ведь делают люди, а не консисторские указы.

Да и можно ль винить за небрежение к историческим памятникам современное монашество, зная, например, что настоятель Псково-Печерского монастыря *жалеет* их, а его Владыка обзывает это сожаление (до дела еще далеко) пустяками. Нет, Ваше Сиятельство, не в том дело, штатный ли монастырь или общежительный, а чтобы те, кто «владычествует» над монастырями, вообще были поменее пропитаны духом касты, менее обожали токмо *своих*, считая иноков из других сословий *париями*, стараясь вверенные им монастыри подчинить не токмо влиянию, но и попросту управлению своих «передних». Но все сие дело времени, разом переустроено быть не может; желательно одно, чтобы любящие благолепие и церковность *знали*, в чем дело, а если будут *знать*, то один из таковых, когда Господь позовет его во власть, будет знать, в чем дело, и не даст себя «обмануть», как это случилось с графом Толстым, который, подчи-

нясь влиянию лжелиберала В., пошел по пути, им указанному... Но не попустил сего благий Господь и исправит скоро всё, что они наколобродили в свое управление, — много надобно труда, и начать дело надобно с Академии.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов)

6 мая сего [1915] года в 10 часов утра скончался блаженной памяти священноархимандрит Боровского преподобного Пафнутия монастыря Калужской епархии Венедикт, 68 лет от рождения. Кончина его была кончиною праведника. Все время болезни (воспаление легких) покойный был на ногах и управлял монастырем. Во время болезни соборовался и причащался многократно Святых Христовых Таин. 26 апреля он, по своему желанию, был пострижен тайно в схиму и 6 мая, в 7 часов утра, за три часа до мирной кончины, почивший старец в добром состоянии приобщился Святых Христовых Таин.

Покойный происходил из духовного звания; в миру был сельским священником. Мистически настроенный, он с детства стремился в монастырь, но из-за послушания матери женился и поступил в священники. Но Господу угодно было, чтобы избранный был иноком. У молодого священника умирает жена, и он приснопамятным старцем иеросхимонахом Амвросием призывается, чрез странника, в тихую Оптину Пустынь, где становится любимым

учеником старца Амвросия и его секретарем. Покойный отец Венедикт был человек дивной духовной красоты. Смирение его было очень велико, но главными его добродетелями были доброта, отзывчивость к чужому горю, любовь ко всем окружающим. Поистине он был нищих кормитель и иностранных питатель.

Чин погребения почившего совершал 9 мая настоятель Оптиной Пустыни священноархимандрит Исаакий в сослужении 15-ти священников и двух иеродиаконов. На погребении присутствовало очень много молящихся, которые пришли помолиться у гроба старца об упокоении его души и отдать ему последний долг. Мир праху твоему, священносхиархимандрите Венедикте! Вечная твоя память! Помолись там, у престола Божия, за нас грешных, осиротелых твоих духовных чад.

Иеродиакон Вениамин (Глебов)

Варвара Васильевна Былим-Колосовская

Варвара Васильевна Былим-Колосовская родилась 1821 года августа 2 дня; скончалась 1836 года августа 21 дня...

Окончив, по общепринятому обыкновению, курс воспитания в одном из столичных пансионов, Колосовская возвращается в дом своих родителей; вместе с матерью посещает она благолепную обитель Оптину. Уединенное положение Пустыни, замечательный порядок иноческой жизни, стройный чин

церковного Богослужения — всё это вместе сильно подействовало на пылкое, еще не охлажденное светскими удовольствиями сердце девушки. Она делится своими впечатлениями с матерью, оканчивая разговор простосердечными словами: «Ах! Как бы я желала иметь в монастыре келью!» Потом, проезжая через Козельск, она видит похороны одной девицы-горожанки. По местному обычаю, гроб покойницы несли ее подружки в белых платьях с распущенными волосами. Колосовская при встрече с этой погребальной процессией со вздохом сказала: «Как бы я желала, чтобы и меня так же похоронили!»

Дочь полковника, прекрасная, и притом богатая невеста, в цвете юности помышляет о смерти и пленяется мыслию келейного уединения!..

Но кто знает сокровенная сердца человеческого? Ей! точно Дух Божий, вездесущий и всевидящий. Предчувствия могут опровергать те, которые никогда не заглядывали в собственное сердце.

Вскоре после этих двух случаев Колосовская снова едет с матерью же в обитель Оптину, к обедне. В Козельске, при спуске с крутого берега на живой (плавучий) мост через Жиздру, лошади понесли, коляска опрокинулась в реку; и девицу хотя спустя только несколько минут вытащили из воды, но она была уже мертвою. Так исполнились вдруг оба ее желания: она получила вечную келью в благолепной обители Оптиной, и девицы несли ее гроб.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Монахиня Евфросиния (Поливанова)

29 сентября [1859 года] утром в 5-м часу скончалась девица Екатерина Александровна Поливанова, жившая на гостинице в Оптиной Пустыни года 3. За месяц или более до кончины пострижена в мантию и наречена Евфросинией. От роду ей 30 лет¹.

Девица из высшего светского круга, Екатерина Александровна П[оливанова] еще с молодых лет почувствовала в себе призвание от Господа к духовной жизни и взирала на всё земное как на временное пустое зрелище. Но, не находя поддержки такому своему душевному настроению, как бы поневоле принимала участие в жизни и обычаях того общества, среди которого возросла, и провела немало лет в Петербурге в обычной светской рассеянности и в шуме празднующих, как о ней впоследствии выразился отец Антоний. Познакомившись со Старцем, она с горячей верой предалась духовному его руководству, под влиянием которого добрые ее природные качества получили надлежащее направление. Божие призвание к благочестивой жизни сильнее заговорило и превозмогло над кратковременным увлечением мирской суетой, и вскоре в ней созрела решимость удалиться от света и приблизиться к Богу уединением и воздержанием, строгим хранением целомудрия и молитвой. Родственные связи не позволяли Екатерине Александровне совершенно оставить мир, но она и среди

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-361. Л. 455 об., 456.

мирской суеты проводила благочестивую жизнь и находила себе духовное утешение в посещениях Оптиной Пустыни, где проживала в гостинице. Вкратце можно о ней сказать: каков был Старец, такова была и ученица. Усердие к молитве и к церковной службе имела примерное. Прежде, когда жила в Петербурге, она ранее 10 часов не вставала, теперь же она в час пополуночи всегда уже была одетой, и как ударяли в колокол к утрени, она спешила в церковь, чтобы прежде начала поспеть на молитву. И вообще благовест, призывающий к какой бы то ни было церковной службе, заставлял ее всегда готовой идти в храм или уже на пути. Духовное же ее расположение к Старцу росло, как она сама выражалась, не по дням, а по часам, и, наконец, достигла она такого блаженного состояния, что сделалась истоя послушницей отца игумена Антония: помнила только церковь Божию и Старца. Внимая единственно себе и душевному своему спасению, заботилась об одном — чтобы исполнить все его заповеди и ни в чем их не нарушить, остальное всё как будто для нее не существовало.

Обучая ее послушанию, отец Антоний иногда отсекал некоторые и, по-видимому, благие желания ее. Так, величайшим утешением для Е. А. было видеть Старца и беседовать с ним, а отец Антоний в одно время, в бытность ее в Оптиной, благословил ей приходить к нему только однажды в неделю, в другие же дни ей было дозволено принимать благословение в церкви и только. Это было самое тяжелое и чувствительное испытание для Екатерины Александровны. Иногда она не могла удержать себя и ис-

кала случая приходить к Старцу и в другие дни, но сама сознавалась, что тогда лишалась спокойствия и на нее нападала мучительная тоскливость и скука. Когда же в точности исполняла заповедь Старца, тогда ощущала в душе своей усадительную тишину и спокойствие. Такова сила послушания!

Святые отцы называют отсечение своей воли кратчайшим путем ко спасению, и многие делатели блаженного послушания, как преподобный Досифей, в короткое время достигнув высокой меры духовного возраста, совершали свое земное течение. Так и Е. А., не более 4 лет имея духовного отношения к отцу игумену Антонию, скончалась 30-ти лет, и блаженная, необыкновенная ее кончина показала всем, в какое короткое время и в какое высокое преуспеяние человек приходит евангельским путем послушания своему духовному отцу.

Предлагаем здесь выписки из писем отца Антония, в которых он описывает последние дни и назидательную кончину Е. А.

«С весны и всё лето Е. А. как свечка горела, и каждый день таяла, т. е. оскудевала в силах. Любимый разговор ее был всегда о переходе в вечность. Ежедневно готовилась к смерти своей, как некая невеста к брачному венцу, со светлым лицом и радостным сердцем. 27 июля¹ была особорована святым елеем, и после того через каждые два дня приобщалась

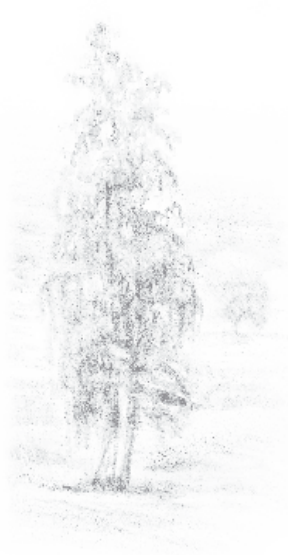
¹ За месяц до кончины [так в тексте], несмотря на свою болезнь, Е. А. пожелала, чтобы таинство Елеосвящения совершенно было над ней в церкви. Тогда же келейно приняла пострижение в монашеский образ. — *Примеч. авт.*

Святых Христовых Таин, или даже через день, а последнюю неделю ежедневно. Со дня особорования ее, ежедневно ее под руки водили ко мне, потом на стуле носили, а потом уже я ежедневно ходил к ней в гостиницу по два и по три раза в день.

После облачения Е. А. в ангельский образ, поздравляя с оным, я спрашивал ее при посещениях: „Како, сестро, имя твое во ангельском чине?“ Она отвечала: „Многогрешная монахиня Евфросиния“.

Я вторично ее спрошу: „Что же означает новое имя твое?“ И она ответит мне: „Веселие и радость“. И я ей на это скажу: „Дай тебе, Господи, вечное веселие и радость со святыми в Небесном Царствии“. И она с радостным лицом благодарила меня всегда: „Ах, как я вам много благодарна за святое имя сие!“ Каковое во-прошение, по ее желанию, ежедневно повторялось до кончины ее. Со дня особорования святым елеем она была как бы переродившеюся, ко всем дышало сердце ее любовью, всех жалела, у всех прощения испрашивала и лично и заочно, со всеми сделалась дружна, и до самой кончины своей находилась в молитвенном настроении души, ни на минуту не выпуская из рук четок. В последнюю неделю ее жизни я спросил ее, как она молится. Она ответила мне: „Вот так: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Пресвятая Богородице, Царица Небесная, Матушка моя, возьми меня к себе! Святой Архангел Михаил, святой Архангел Гавриил, святой Архангел Рафаил, возьмите душу мою! Святителю Николае, великий угодник Божий, сохрани душу мою!“

Подобным сему образом и других многих святых призывала она в молитве своей на помощь при

исходе души, каковая истинно детская молитва ее чувствительна была для меня. Прежде кончины всё свое раздавала, говоря: „Как я в мир сей родилась, ничего не имея, так и от мира отходя, желаю, чтобы ничего не было у меня“. А раздавши всё, с радостью говорила: „Вот и я теперь ничего у себя не имею, кроме единой надежды на спасение Божие!..“ Она искренно желала всё свое оставить мне, но я, чтобы не опечалить ее, согласился на немногое, и то употребил на поминовение ее души.

За две недели до кончины был уже у нее и гроб приготовлен, а за два дня до смерти просила меня, чтобы ее живую вынести в церковь, чтобы там ей умереть, но я отказался это сделать.

Отходной канон раз восемь или десять был читан над нею, а его окончание дочитывала она сама, и говорила: „Возлюбленные отцы мои, и братья и сестры, и все знаемые! Помяните мою любовь и дружбу, и молитесь Христа всех Бога милостиву быти ко мне в час кончины моей и по кончине“. Между тем она ежедневно исповедовалась и у всех мысленно прощения просила, и я каждый вечер окроплял ее святой богоявленской водой и прощался с нею.

Скончалась она на праздник Усекновения главы честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, после бдения в самую полночь в первом часу¹.

¹ Отцу игумену Антонию сначала было несколько прискорбно, что Е. А. скончалась ночью, а не днем. Но когда он об этом объяснил отцу архимандриту Моисею, тот его успокоил и утешил словами: «Ну что же? сказано: *се Жених грядет в полунощи*». — *Примеч. авт.*

За полчаса до кончины попросила засветить свечи у всех образов в гостинной кельи своей и начала радоваться, говоря: „Как теперь весело на моей душе, будто праздник какой!“ Потом вскоре почувствовала внутренние спазмы, которые и прекратили ее дыхание.

Три дня во гробе была похожа не на умершую, а на спящую деву, нисколько не изменившуюся в лице, только что не говорящую, и когда я, прочитавши над ней разрешительную молитву, стал ее влагать ей в руки, то заметил их мягкими, а не окостенелыми. Истинно дивен Бог не тобою во Святых своих, но дивен Он и в наши времена среди нас недостойных и грешных!.. Благоговей к блаженно скончавшейся, хотя и много я о ней написал, но всего высказать о последних днях ее нелегко.

Теперь я посещаю ее ежедневно, и бываю у нее по часу и более, любясь на ее усыпальницу, которая несравненно лучше той кельи, в которой она у нас жила¹. Ибо имеет два больших светлых окна, и украшена многими иконами, а перед гробом ее на стене изображено положение во гроб Спасителя, т. е. плащаница, перед которой и лампада горит неугасимая, и я молюсь о ней, когда с радостью, а когда с печалью. Даровал бы и мне Господь Бог кончину христианскую,

¹ Над склепом монахини Евфросинии (Поливановой) вскоре после ее кончины вблизи храма в честь Всех Святых была построена деревянная часовня в византийском стиле, как об этом пишет архимандрит Леонид (Кавелин). Часовня, храм, как и многие другие постройки монастыря, были разрушены в богоборческое время, исчезли все памятники, на кладбище Всех Святых в советский период стояли даже дачные постройки с огородами, но склеп благочестивой монахини, несмотря ни на что, сохранился невредимым, что иначе как чудом и не назовешь. Склеп и фундамент часовни обнаружены в сентябре 2004 г.

непостыдную, и сколько-нибудь похожую на блаженную кончину благочестивой монахини Евфросинии». Вот как поведал сам отец Антоний о кончине достойной своей ученицы, кончине, свидетельствовавшей о блаженной загробной ее участи.

Таковы были труды отца игумена Антония о духовном окормлении и спасении ближних, и таковы плоды этих трудов в тех, кто неуклонно следовал его наставлениям!

«Е. А. молится за всех нас, — так писал отец игумен Антоний спустя год после ее кончины родной ее сестре, — ибо *жива душа ее*. Некоторые из числа братьев наших, а также и из посторонних лиц видали сестрицу вашу во сне в приятном виде. И я на светлый день Пасхи видел ее во сне, как наяву, во святом храме во время службы, в необыкновенной одежде златотканой, с распущенными власами, с золотым кадилом в руках, кадящую всех. Кадило с фимиамом означает молитвы, приносимые ею ко Господу за всех¹. Вот какова ныне ваша возлюбленная Катенька, которая и о нашем спасении молится ныне Богу!»

Иеромонах Климент (Зедегольм)

Духовное завещание от дворянской девицы Екатерины Александровны Поливановой²

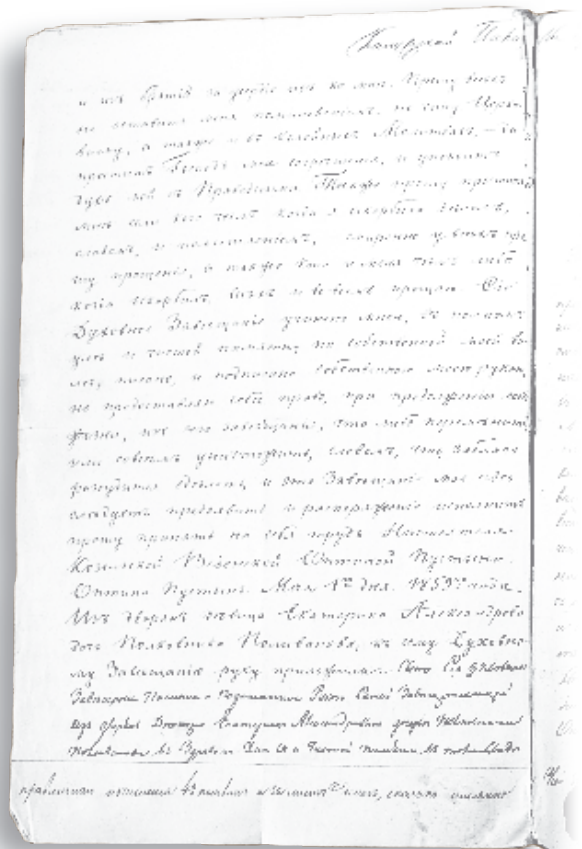
Во Имя Пресвятой, Животворящей, Единосущной и Нераздельной Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

¹ Ср.: Откр. 5, 8.

² ГАКО. Ф. 903. Оп. 2. Д. 17. Л. 2–5.

Я, нижеименованная из дворян девица Екатерина Александрова дочь полковника Поливанова, удостоилась в продолжение жизни моей от Премилосердного Господа моего особенных благ, пользовавшись милостями Его, что призвана Им в святую обитель Оптиной Пустыни не по каким-либо обстоятельствам от кого-нибудь, или призывом, но по собственному своему произволению и убеждению; ибо на всё земное как на зрелище непостоянное и пустое всегда взидала я с душевным прискорбием, и с молодых еще лет ни к чему не желала быть связанною, и в этом, замечала я, призыв был мне Самого Господа, Который хранил сию тайну сердца моего до известного Ему времени, за что приношу Ему невыразимую благодарность мою за всё неизреченное Его ко мне грешной, недостойной Милосердие. По воле, Господи, Твоей Ты мне даровал Старца духовного отца игумена Антония, которому вручил мою душу, и я с того времени с детскою к нему любовью святыми молитвами его, с непрерывным моим желанием и стремлением быть руководимой им ко Господу моему, и смиренно прошу его помолиться о мне недостойной, и попросить Господа, чтоб Он по велицей милости Своей даровал мне кончину христианскую и спасение грешной душе моей, и сподобил меня предстать на страшном и праведном суде Его, и быть тогда неосужденной, и удостоиться десного предстояния с избранными Его. — Чувствуя в настоящее время расстроенное, слабое здоровье свое и зная, сколь часто бывает непродолжительна и безвестна кончина нашей жизни, я заблагорассудила учинить распоряжение, которое

Духовное завещание
от дворянской девицы
Екатерины Александров-
ны Поливановой. ГАКО.
Ф. 903. Оп. 2.. Ед. хр. 17.
Л. 4 об.

по смерти моей долженствует иметь действительную сему важность Духовного завещания, и потому поставляю следующее: В настоящее время имею я капитал в небольшом количестве, и именно в осьми тысячах рублей серебром, которые положены мною Императорского Московского Опекунского Совета — в Сохранную Казну, и имею на оную сумму билеты, и получаю проценты, которые и употребляю на ежегодное содержание свое. А по смерти моей

весь означенный по билетам капитал с причитающимися процентами доверяю получить из Сохранной Казны отцу игумену Антонию или кому от него поручено будет, поелику он постоянно находится в болезненном состоянии, а в случае и его кончины до получения — отчего сохрани Господи! — доверяю получить капитал с процентами настоятелю Оптиной Пустыни — который в то время будет, и употребить сумму оную на нижеследующее: 1) На гроб для меня и на принадлежности к оному пятьдесят рублей серебром. 2) На покров триста рублей серебром. 3) На свечи и ладан при погребении, и на панихиды, отправляемые по мне, сто рублей серебром. 4) На общую трапезу для монастырской и скитской братии единовременно сто рублей серебром. 5) На нищую братию в день погребения и в прочие дни при поминаниях о мне сто рублей серебром. 6) На вечное поминание о мне недостойной в Святую обитель Оптиной Пустыни тысячу рублей серебром. 7) В Скит при Оптиной Пустыни — триста рублей серебром. 8) В Зосимову пустынь, где старшая сестра моя жительствоует, на поминание триста рублей серебром. 9) На приличный памятник на могилу мою двести рублей серебром. 10) На непредвиденные расходы по усмотрению отца игумена Антония пятьдесят рублей серебром. 11) Отцу игумену Антонию собственно на его нужды — на лечение и лекарства, или куда ему угодно употребить на Богоугодное, пятьсот рублей серебром, в случае смерти его употребить оные на поминание души его. После сего завещаю я: 12) На устройство новой церкви во имя Всех Святых на новом кладбище при

Оптиной Пустыни пять тысяч рублей серебром, с покорнейшею просьбою — если возможно — и мое бы тело недостойное во оном Святом храме предать погребению. А если храм сей устроен будет прежде моей кончины, то помянутую сумму пять тысяч рублей серебром употребить на внутреннее благоуукрашение онаго Святого храма, или внести в Сохранную Казну на вечное время на поминовение родителей моих Александра и Александры и сродницы моей девицы Екатерины, а со оными купно и меня недостойную девицу Екатерину прошу помянуть. Образов я тут не имею при себе в окладах, а какие есть, и полученные мною в благословение от Старцев, все оные завещаю отцу игумену Антонию, также крест с мощами ему, и всякая при мне мелочь из книг, посуды, серебра, словом, всё поступить должно в пользу сей обители под распоряжением отца игумена Антония. Мое желание такое, как при рождении в мир без всякого была я имущества, так и по отшествии из оного желаю, чтобы не по смерти моей, а еще при жизни, ощущая крайнюю слабость, всё оное имущество, кроме нужных к покрытию и погребению тела моего вещей, перенесено было из кельи моей по моему назначению, дабы после никому не трудиться в изыскании и описании моего имения и чтобы никто не имел за него ответственности. Родным же моим ни во что из оного имущества моего не вступаться, да я уверена, что они и не войдут ни во что, довольствуясь тем, чем Бог их благословил. Мое желание умереть в присутствии отца игумена Антония, и потому когда угодно будет Господу разлучить душу

мою от тела, прошу Ему дать знать, дабы прочел Он отходную надо мной, и чтоб совершил Он все христианские напутствования, которыми прошу и молю Господа да сподобит меня ими. Погребением также и отпеванием, предаванием земле грешного моего тела поручаю себя, и прошу совершить всё оное отцу игумену Антонию, т. е. похоронить меня в помянутом новом храме, если можно, или там, где благословит, и укажет он мне место, и прошу всё это выполнить. Прошу отца игумена Антония передать мою искреннюю благодарность отцу архимандриту за его все милости и внимание ко мне, которые да помянет Ему Господь. А его как духовного моего благодетеля, отца и Старца, от всей глубины души моей благодарю за любовь по Бозе искреннюю и отеческое попечение о спасении души моей, и всех святых старцев Оптиной Пустыни, и Скита благодарю за оказанное мне внимание, и из братий за усердие их ко мне. Прошу всех не оставить меня поминовением по чину церковному, а также и в келейных молитвах, — да простит Господь мои согрешения, и упокоит дух мой с праведными. Также прошу простить мне, если кого чем когда я оскорбила делом, словом и помышлением, — смиренно у всех прошу прощения, а также кто и меня чем-либо когда оскорбил, всех и во всем прощаю. Сие Духовное завещание учинено мною, в полном уме и чистой памяти, по собственной моей воле, писано и подписано собственною моею рукою, но предоставляю себе право, при продолжении моей жизни, из сего завещания что-либо переменить или совсем уничтожить, словом, что заблагорассудится сде-

лать, и это завещание мое где следует предъявить и распоряжение исполнить прошу принять на себя труд настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

Оптина Пустынь. Мая 1 дня 1859 года. Из дворян девица Екатерина Александрова дочь Полковника Поливанова, к сему Духовному завещанию руку приложила. Сие Духовное завещание, писанное и подписанное рукою самой завещательницы из дворян девицею Екатериною Александровною дочерью полковника Поливанова, в здравом уме ее и чистой памяти, в том свидетельствует и подписал генерал-майор и Кавалер Андрей Андреевич Петровский. В том же самом свидетельствую и подписуюсь надворный советник Федор Захаров сын Ключарев. Что сие Духовное завещание писанное и подписанное рукою самой завещательницы, из дворян девицею Екатериною Александровною дочерью Полковника Поливанова, в полном уме ее и совершенной памяти, в том свидетельствую и подписуюсь духовник ее Оптиной Пустыни иеромонах Пафнутий мая 1 дня 1859 года.

Вера и Любовь Ключаревы

Жизнь этих отроковиц была неразрывно связана с преподобным Амвросием Оптинским и основанием Казанской женской общины в Шамордине. Скончались и погребены они в некрополе Оптиной Пустыни, рядом с монахиней Амвросией (Ключаревой), схимо-

нахом Феодором (Ключаревым) и другими благочестивыми родственниками.

У Ключаревой¹ был единственный сын, который в свое время был женат. Первая жена его, родивши двух дочек-близнят, сама вскоре скончалась. Отец их женился на другой, а эти полусироты остались на попечении своей бабушки и жили вместе с ней. Крестным отцом их, по желанию Ключаревой, был старец Амвросий, который о них чрезвычайно заботился. В будущее обеспечение этих своих внучек мать Амвросия, по благословению Старца, и решила оставить за собой купленное им имение. Теперь она — вдова, и была полновластною распорядительницею всего своего богатого имущества...

В первое же лето покупки имения², т. е. в 1872 году, старец Амвросий приехал навестить Ключареву и посмотреть местность. Тут же он благословил ей построить новый корпус для себя и для сестер- послушниц (бывших ее крепостных), число которых при монахине Амвросии было немаленькое; а вместе с тем проговорил: «У нас здесь будет монастырь». Но какими судьбами могло это случиться? Законные на-

¹ В монашеском постриге получила имя — Амвросия.

² Это первое приобретение монахини Амвросии (Ключаревой), на земле которого и в котором впоследствии была устроена Казанская Шамординская пустынь. Из жития старца Амвросия известно, что он сказал ей: «Вот, мать, жребий выпадает тебе взять это имение для себя. Будешь жить там, как на даче, со своими внучками, а мы будем ездить к тебе в гости». За год до продажи прежнему хозяину (Калыгину) было особое видение — ему представлялась в его имении церковь в облаках. — *Примеч. авт.*

следницы купленного имения, внучки монахини Амвросии, теперь были еще малютки, которым впереди улыбалась долголетняя и, вероятнее всего, супружеская жизнь. Так можно было думать по-человечески, так и думала бабушка этих малюток.

Между тем по благословению старца Амвросия и по его указанию и плану на другой же год после покупки сего имения (1873 г.) Ключарева начала строить здесь новый деревянный большой одноэтажный, на высоком каменном фундаменте дом. В этом доме заранее определялась келья и для приема дорогого гостя батюшки отца Амвросия, в случае его приезда. А приезжал он сюда со своим келейником (теперешним старцем иеромонахом Иосифом) в каждое лето один раз и гостил здесь сначала суток по двое и по трое, а впоследствии и по неделе. Старец, без сомнения, и тогда вполне был уверен, что здесь будет святая обитель, а потому особенно интересовался этим местом. Пойдет, бывало, ходить и все осматривает, но вдруг остановится на каком-либо месте и велит вымерить его длину и ширину и поставить колышки. Вероятно, уже тогда он обдумывал и назначал, какие где должны быть постройки. Но вот новый дом Ключаревой был готов. Замечательно, что в нем большой зал, по указанию Старца, занимал восточную часть, а кельи для ее внучек приходились на север, несмотря на то, что такое расположение самой Ключаревой и не нравилось. Не раз после Батюшка вспоминал, как монахиня Амвросия (Ключарева) скорбела, что его план не согласен был с ее желанием. «Она строила детям дом, — говаривал он, — а нам нужна церковь!»

В приготовленный таким образом дом Ключарева поместила на жительство своих внучек, а с ними вместе и сестер-послушниц (бывших ее крепостных), которые ей долго служили. Многие из них живы до сих пор и называются «ключаревскими». К этим женщинам по времени стали присоединяться их родственницы, даже и молодые, искавшие тишины и молитвы, потому что благочестивое настроение монахини Амвросии (Ключаревой) отражалось на всем, что было к ней близко. В новом имении и тогда уже текла жизнь, близкая к монашеской. Сама же Ключарева продолжала жить по-прежнему на гостинном дворе при Оптиной Пустыни, впрочем так, что со своими внучками она почти была неразлучна: то сама подолгу гостила в имении, то их брала к себе.

Она всячески со своей стороны заботилась о том, чтобы дать им хорошее светское воспитание. Для сего, когда дети стали вырастать, она просила у Старца благословения приискать для них французку, для лучшего обучения их французскому языку, и вместе с тем одевать их получше. Но, к великому огорчению Ключаревой, Старец ей в этом отказал. Ключарева в этом разе не понимала Старца, силилась заставить себя исполнять его советы, но это было для нее очень тяжело, и она много страдала.

А девочки уже подвижничали. Свое воздержание они довели до того, что отказывались от мяса и ели его только по убеждению Батюшки. Они часто молились, очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали их порядок, что сами

служили всенощные с иерейскими возгласами. Когда бабушка, по этому случаю, выражала за них Старцу опасения, он говорил: «Пусть молятся — они слабого здоровья». Но бабушка не понимала того, что он хотел этим выразить. А другим Старец прямо говорил: «Ничего, они знают, что готовятся туда...»

Раз приехала в Оптину посетить Старца близкая его духовная дочь госпожа А. А. Шишкова. Зашла она, кстати, и к Ключаревой. Последняя с печалью рассказывала своей посетительнице, что Батюшка не благословляет ей взять к внукам своим французенку. «Вы знаете, — говорила монахиня Амвросия, — можно ли в нашем кругу не знать иностранных языков? Ведь дети будут возвращаться в свете; да и советует одевать их проще. Вы нынче будете у Батюшки, — попросите у него благословения приискать мне иностранку к детям. И о платьицах спросите».

«Прихожу я к Батюшке, — так передавала госпожа Шишкова, — и, между прочим, говорю ему: „Теперь я живу в Москве, и мне бы было очень легко и удобно приискать иностранку к внукам госпожи Ключаревой; я бы с радостью исполнила это поручение, — не благословите ли?“ Тут же и о платьях упомянула. Но Батюшка мне ответил так: „Нет, ты этого не делай; детям не надо французенки. Я к ним поместил отличную благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли, дети жить не будут, а на место их в имении будут за них молитвенницы. Ты только этого не говори матери Амвросии“. Чтобы утешить Ключа-

реву, я ей сказала, что Батюшка приказал немного повременить. Но о всем слышанном тут же рассказала мужу моему». Между тем Ключарева, в заботах о временной будущности своих внучек, вследствие благословения и настойчивых советов старца Амвросия поблизости к калыгинскому имению приобрела для них же еще дачу — Руднево, а затем и еще две дачи — Преображенское и Акатово, сама, впрочем, не понимая настоящей цели Старца, — к чему это он советовал ей со всех сторон новой дачи прикупать леса, — точно предстояло строить целый город. Определила она также для малюток небольшую часть своего капитала, впрочем с условием, чтобы, в случае неожиданной кончины ее внучек, в калыгинском имении, близ деревни Шамордино, устроена была женская община; а прочие три приобретенные ею дачи и с капиталом послужили к устройению этой общины. Вероятно, эта обмолвка была сделана ею по совету Старца, провидевшего близкую кончину детей.

Хорошо было жить сестрам-послушницам на новом месте. Об одном только они скучали и много скорбели, что церковь была далеко от них, в селе. И вот мать Амвросия, желая удовлетворить этой их насущной потребности, по благословению Старца стала хлопотать о разрешении выстроить домовую церковь. В 1881 году на это разрешение уже и последовало было согласие владыки Григория. Но тут случились непредвидимые обстоятельства. Всем русским памятно несчастное 1 марта 1881 года. Царь державный был убит. Это возмутительное событие, по замечанию

многих наблюдательных калужан, так повлияло на преданного всею душой Царю и Отечеству престарелого владыку Григория, что он, не успевши оформить дело о домовой Шамординской церкви, заболел смертельною болезнью и 13 марта того же года скончался. В это же время заболела и сама монахиня Амвросия (Ключарева), проболела все лето и в августе 23 числа также скончалась. Недаром Старец говорил пред тем: «Куйте железо, пока горячо». Таким образом, когда новый владыка Преосвященный Владимир 1 августа в первый раз приехал посетить Оптину, о домовой церкви в новом имении Ключаревой уже и речи не могло быть. По праву наследства, по завещанию покойницы, хозяйками вновь приобретенных Ключаревою имений, с небольшим капиталом, теперь остались две маленькие ее внучки, которым было по десятому году. Они со своими нянями и сестрами-послушницами продолжали по-прежнему жить в означенном новом доме. Распорядительницею по дому и хозяйству, по благословению старца Амвросия, теперь сделалась на некоторое время одна из самых приближенных к покойной Ключаревой старушка монахиня Алимпия.

Прошло после сего еще с год времени. Девочки по-прежнему жили в простоте. Тихие и кроткие, они нежно любили одна другую и никогда не разлучались. Никогда не шалили, одевались просто, любили выслушивать долгие монастырские Богослужения, любили тихую уединенную жизнь иноческую; временем делали прогулки со своими добрыми и благочестивыми нянями, которые теперь

заменяли им родную мать, и не столько занимались науками, сколько готовились к будущей жизни. Огонек любви Божией все ярче и ярче разгорался в сердцах Батюшкиных крестниц¹. Им жить оставалось немного, но они не боялись смерти. Не раз они говорили своим няням: «Мы не хотим жить дольше 12-ти лет; что хорошего в этой жизни». Думается, что о своей близкой кончине они предупреждены были Старцем и чрез духовные наставления заранее подготовлены были к сему. Между тем такая жизнь девочек не понравилась их родителю, проживавшему со своею второю женой в Калуге и, кстати заметим, не имевшему от нее детей. Он вознамерился взять их к себе и определить в пансион. Им руководила в этом деле, главным образом, та же мысль, которая смущала и его мать, покойницу Ключареву: детям придется вращаться в свете, потому и необходимо дать им светское воспитание. Старец Амвросий, которому молодой Ключарев объяснил свое желание, не противоречил сему. По его благословению и содействию девочки опреде-

¹ Для характеристики одной из этих девочек, Любви, приведем следующий рассказ ее няни, ныне живущей в богадельне Шамординского монастыря, 80-летней старушки Александры: «Когда Любе было еще четыре года, однажды, на Страстной неделе, в среду, когда в монастыре еще не отошла Литургия Преждеосвященных Даров (жили мы тогда при Оптиной Пустыни), захотелось мне попить кофейку (а обычно мы до окончания Литургии ничего не ели и не пили чаю). Стала я варить себе кофе, приготовила чашку. Люба сидит и смотрит, ничего не говорит. Сварила я кофе, стала наливать, а Люба вдруг и говорит: „Нянечка, а ведь грех“. Так у меня и руки опустились.» // Четвериков С., протоиерей. Описание жизни блаженных памяти Оптинского Старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества. Паломник, 1998. С. 285–286.

лены были в Орловский пансион, где начальницею в то время была некая сердобольная благочестивая и преданная старцу Амвросию особа госпожа Чибисова. Проучившись зиму, они должны были на летние каникулы выбыть из пансиона. Отец намеревался взять их к себе, чтобы начать знакомить их со светской жизнью, и уже нанял для них дачу. Но всё это не по сердцу было благочестиво настроенным малюткам, и они всей душой рвались в Оптину под крылышко своего крестного батюшки отца Амвросия, которого любили безграничною любовью. И всеблагий Господь внял их детским сердечным желанием и так устроил, что они, с дозволения своего же родителя, предварительно приехали в Оптину повидаться с Батюшкой. Это было весною 1883 года. Но, прибывши в Оптину, девочки 31 мая вдруг обе заболели дифтеритом, — сначала одна, а потом другая, — и чтобы не заражались более одна от другой постигшею их болезнью, были разъединены, — одна лежала в одной комнате, другая в другой. Обе напутствуемы были исповедью и причастием Святых Христовых Таин и, видимо, приближались к концу. Пока были в силах, часто писали к Батюшке записочки, в которых просили его святых молитв и благословения. 4 июня сначала скончалась Вера. Ходившие за обеими больными сестры-послушницы не сказали об этом оставшейся в живых Любви из опасения, как бы не обеспокоить ее и тем не ускорить часа ее смерти. Но бывшая в дремоте больная, вдруг очнувшись, спросила сидевшую подле нее сестру: «Вера умерла?» Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила:

Вера и Любовь Ключаревы

«Как жива? Мне сейчас няня сказала, что умерла». А няни тут вовсе не было. И так она осталась при своем убеждении. 8 июня и Любовь отрешилась от здешней многоскорбной жизни, соединившись со своею дорогою Верою; дабы как родились они вместе и росли, так вместе и предстать пред Лице возлюбившего их Небесного Жениха. За семь лет говорил Старец госпоже Шишковой о кончине этих детей.

Архимандрит Агапит (Беловидов)

Часть вторая

**ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО
В РОСЛАВЛЬСКИХ
ЛЕСАХ**

Родные отшельники,
пустынники и святые дали
прекрасные примеры безбоязненного отношения
к смерти и разумного, созерцательного
наслаждения жизнью и достигли того,
к чему человечество всеми силами своего ума
и воли стремилось, нередко падая и поворачиваясь
в отчаяние на ложном пути.

И. И. Орловский

Пустынничество в Рославльских лесах

 давних времен вся пограничная полоса Московского государства, в бассейне притоков Оки и Десны, была покрыта густыми лесами. Они носили общее название Брынских лесов — от реки Брыни, притока Жиздры, протекающей по Мещовскому и Жиздринскому уездам, где и до сих пор существуют села с именем Брынъ. Брынские леса заходили и в Смоленскую и Орловскую губернии, где назывались уже лесами Рославльскими и Брянскими. О величии этих лесов можно судить и теперь еще по сохранившимся остаткам их в Рославльском уезде (леса Суходольского), Ельнинском (Горбунова), Жиздринском и Брянском (Мальцева). В старину же они были почти непроходимы.

Брынские леса в полном их объеме издавна служили любимым местом для всех, кто имел какие-нибудь причины скрываться от людей. Здесь жили знаменитые разбойники, предания о которых живут у местных жителей и до сих пор (таков, например, Кудеяр). Они селились в лесу, на берегах реки, в глубоких лесных падах, где-нибудь поблизости от торгового Брянского или Калужского тракта, и разбивали купеческие обозы с товарами, а иногда нападали и на царские обозы с казной и военными припасами. Весь Придесненский край хранит множество преданий и легенд о разбойничьих притонах, о зарытых в них кладах. Дорога из Калуги на Рославль, по выражению крестьян, «вся усыпана золотом», так как на ней учинялись разбои и зарыты были разбойничьи клады.

Да и в других местах Придесненского края много рассказов о разбойниках. Летописи здешних сел обыкновенно начинаются рассказами о разбойниках, которые нападали на поселившихся здесь монахов и пустынников.

Эти монахи составляли другой элемент населения нашего края, не менее древний, чем разбойники. По крайней мере, основание многих сел этого края, существовавших уже в XVI веке, приписывается местными преданиями монахам. Предания эти построены по одному и тому же образцу, например: в старину жили в здешних лесах четыре монаха: Данила, Яким, Савва и Кузьма. У каждого была своя келья с иконами, вроде часовенки. Приходят разбойники, сжигают ту или иную келью; в пепле пожарища монах находит икону, сохранившуюся невредимой от огня. На могилах монахов впослед-

ствии построены церкви, вокруг образовались села, носящие имена монахов: Даниловичи, Якимовичи, Савеево и Кузьминичи.

Но больше всего развитию пустынничества содействовало отношение правительства к монастырям и усиление крепостного права в конце XVIII и начале XIX века. Русский народ всегда был склонен к созерцательному иноческому житию, что доказывалось процветанием монастырской жизни в древней Руси, обилием монастырей и материальных пожертвований в их пользу. Между тем, уже со времен Петра I отношение правительства к монастырям изменилось. Указом 1703 года Петр запретил строить новые монастыри. Поддавшись протестантским взглядам Феофана Прокоповича, он видел в монахах только бездельников и обращал монастыри в богадельни и инвалидные дома. По смерти Петра на Руси началась продолжительная эпоха господства немцев, и протестантское отношение к монастырям выразилось в самых резких формах. Бирон указом 1734 года запретил постригать в монахи кого бы то ни было, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат. Петр III подготовил отобрание в казну церковных и монастырских имуществ, но не успел сделать этого, так как был лишен престола своей женой, Екатериной. Последняя в своем манифесте о восшествии на престол хотя и поставила в вину своему предшественнику его намерение отобрать церковные имущества, тем не менее через два года после сего, в 1764 году, сама привела это намерение в исполнение.

Прежде всего, монастырские крестьяне вместо освобождения от рабства, выставлявшегося в чис-

ле побуждений к секуляризации, были розданы отдельным лицам за различного рода услуги. Раздавали крестьян тысячами и десятками тысяч в царствование и Екатерины, и Павла, и Александра. Обращено было в рабство и население Малороссии; и его постигла участь церковных крестьян, т. е. и оно было роздано частным лицам. Жестокое обращение помещиков с крестьянами вызвало многочисленные жалобы со стороны крестьян. Тогда Екатерина указом 22 августа 1767 года вовсе запретила крестьянам жаловаться на помещиков под страхом ссылки в каторжные работы. Еще раньше, в 1765 году, помещикам было предоставлено право ссылать своих крестьян в Сибирь без указания мотивов. Таким образом, крестьяне стали полной собственностью помещиков, которые получили безапелляционную власть над их имуществом и личностью. Началось повальное бегство крестьян. Беглецы скрывались по лесам и трущобам, поступали в монастыри. Правительство старалось как можно сильнее стеснить поступление в монахи, обставляя его всевозможными формальностями. Итак, с одной стороны, вследствие закрытия монастырей самим монахам некуда было деваться, с другой — в монастырские ворота стучались тысячи мирских людей, убежавших от насилия помещиков. И вот начинается массовое выселение тех и других за границу. В Молдавии и Валахии, на Афоне поселились тысячи русских выходцев, не имеющих *здесь пребывающего града*¹, спасения взыскующих. Рядом с монахом здесь был и беглый крестьянин, и попович, скрывшийся от «разбора»

¹ Ср.: Евр. 13, 14.

поповских детей, и благочестивый купеческий сын или мещанин, не могший на родине поступить в монастырь за обилием формальностей и разных требований к неопиту монашества.

Из этих-то российских выходцев, разыскивавшихся на родине по публикациям Святейшего Синода и гражданских учреждений, образовалось в Молдавии братство, объединившееся вокруг полтавского уроженца, архимандрита Паисия Величковского¹, имя которого незабвенно в истории монашества. По смерти старца Паисия в 1794 году многие из учеников его вернулись в Россию. Эти ученики расселились по русским обителям и собрали вокруг себя любителей созерцательной жизни, вместе с ними возобновили и восстановили многие русские обители и вдохнули в русское монашество новую жизнь. Они устраивали и общежительные монастыри и ввели в них новое для того времени учреждение — старчество, принесшее благотворные плоды. Они же поддерживали и пустынничество для тех людей, которые не удовлетворялись монастырской жизнью и искали уединения и тяжелых подвигов.

Главным местом деятельности этих иноков сделался Придесненский край, т. е. смежные уезды трех губерний — Смоленской, Калужской и Орловской. Подвигами их прославились такие монастыри, как Оптина Пустынь, Площанская, Белобережская и другие. В окружающих эти монастыри лесах возникли маленькие пустыньки и отдельные кельи, где, как огоньки среди ночной темноты, засияли свои-

¹ Прп. Паисий Величковский († 1794). Память 15/28 ноября.

ми трудами отшельники, распространяя свет веры и благочестия.

Хотя таких отшельников немало жило в Брянских и Жиздринских лесах, но особенно возлюбили они леса Рославльские, и здесь в течение почти 70-ти лет находился центр пустынножительства. Несомненно, этому благоприятствовала и удаленность местности от городов (Рославль — в 45 верстах, Ельня — в 85 верстах), и обилие густых лесов, остававшихся нетронутыми до самого последнего времени вследствие обхода этой местности железными дорогами, и красота местоположения на берегах Десны, среди холмов, разделяемых оврагами с текущими по ним лесными речками, и редкое патриархальное население, в среде которого сохранилось еще в чистоте родовое начало в виде больших родственных общин в 40–70 членов под управлением отца, а чаще старухи-матери.

Но, пожалуй, главной причиной следует считать гостеприимство здешних помещиков, приглашавших к себе пустынников. Господа Лесли, Шупинский и особенно Броневские давали пустынникам и приют, и защиту. Шупинский даже сам пробовал жить в лесной келье. Из других благотворителей назовем М. А. Кулешова, владельца сельца Кулешова Буда, Петра Михайловича Лесли, Е. А. Лышакову, Топтыгиных, княжну Сонцеву и др. В их владениях образовались «пустыни», где отшельники жили или в уединенных кельях, далеко разбросанных по лесу, или группами в 6–10 человек вместе. Центром этих пустыней была пустынь Кулешова Буда в «Монашеском рву» возле деревни Буда Трояновского прихода, а с 1823 года — вновь образовавшегося Якимовичского прихода.

Подвижническая жизнь иноков сделалась известной не только в ближайшей округе, но и далеко за пределами Смоленской губернии. Многие иерархи и настоятели монастырей обращались в Рославльские леса за нужными им людьми, например, для устройства скитов, монастырей и для улучшения монастырской жизни. Таким образом, рославльские пустыни сделались как бы рассадниками истинно монашеского духа в России.

В начале XVII века пустынничество уже существовало в Рославльских лесах, хотя имен пустынников того времени не сохранилось. Известно только, что в соседних с Рославльскими Брянских лесах в это время жили пустынники — инок **Серапион** (1717–1721 годы), **Феодор** Санаксарский (около 1747 года), иеромонах Площанский **Иоасаф** (около 1730-х годов) и другие. Под именем Брянских лесов в XVIII веке известны были и Рославльские леса, так как южная часть Рославльского уезда до 1778 года относилась к Брянскому уезду Орловской губернии и только в этом году причислена была к Смоленской епархии. Притом же из жизни рославльских пустынников известно, что они, будучи выходцами из монастырей Орловской и Курской епархий, переходили из одной пустыни в другую, из Брянских лесов переселялись в Рославльские и обратно. Нет ничего удивительного, что и упомянутые иноки проживали в рославльских пустынях. Не считая их, мы приведем здесь хотя бы краткие сведения лишь о тех пустынниках, о которых достоверно известно, что они жили в Рославльских лесах, главным образом в пустыни Кулешова Буда. Таких лиц за последнюю

половину XVIII и первую XIX века насчитывается до 40 человек, а именно:

Монах Варнава, из военных; сначала с учеником своим Иларионом жил в лесу близ села Боцкина Брянского уезда, в имении господина М. И. Похвиснева. После 1775 года, тяготясь наплывом к соседним отшельникам народа, он переселился за 100 верст от Боцкина и, вероятно, в Рославльские леса. По крайней мере, в консисторском деле 1798 года о монахе Иосифе говорится, что этот монах пострижен был в пустыни Кулешова Буда, в часовне, Варнавою, называвшим себя иеромонахом Площанской пустыни. В жизнеописании игумена Антония (оптинского отца Моисея брат) и сей Варнава положительно упоминается в числе пустынножителей Рославльских лесов. Впоследствии отец Варнава возвратился в свою келью возле села Боцкина. В одну ночь на его келью напали разбойники и избили отшельника так, что он через 10 дней от ран скончался. Могила его ныне запахана, но по временам священник села Боцкина служит на ней панихиды. Иконы из кельи Варнавы украшают теперь притвор Боцкинской церкви.

Иларион, ученик Варнавы, после смерти своего учителя переселился в село Богданово Рославльского уезда, на реке Десне, и жил там сначала в лесу, а потом под кровом благочестивого крестьянина Купреенкова. Вследствие притеснений со стороны богдановского помещика он переправился на другой берег Десны, в село Заболотье Ельнинского уезда, и некоторое время жил в 4 верстах от села в Крутицком лесу, возле деревни Крутицы. Наконец, по убеждению своего духовника, заболотского священника

отца Луки, приютился в его доме, где и умер около 1821 года. На могиле его и теперь стоит голубец*, к которому приходят крестьяне помянуть покойного старца молитвой.

Иосиф, ученик Варнавы, в мире Иван Исакиев, сын диакона села Хмелиты Вяземского уезда. По смерти отца года три жил в качестве пономаря при Вяземском Предтеченском монастыре; отсюда по негодованию на него от монастырской братии самопроизвольно отлучился в пустынь Кулешова Буда, в которой иеромонахом Варнавою пострижен в часовне по надлежащему монашескому образу и назван Иосифом. Через год пошел отсюда без письменного вида в Соловецкую обитель для поклонения святыням, где пробыл один год с разрешения архимандрита Иеронима. По вступлении на его место архимандрита Герасима был оттуда выслан и прожил год в Киево-Михайловском монастыре, откуда возвратился в Кулешову Буду, в пустынь. Когда в феврале 1798 года разнесся слух о предстоящем истреблении пустыни, братия ее в количестве человек десяти разбежалась. Иосиф направился из пустыни снова в Соловецкий монастырь, чтобы поступить туда в число братии. Но пред Новгородом его арестовали за бесписьменность и отвели в нижний земский суд в Новгород. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Схимонах **Афанасий Афонский**, из сенатских секретарей (мирское имя его — Андрей Николаевич). Оставив мир, он странствовал по Святой Афонской Горе и в Молдавии, долго жил в обители старца Паисия, от которого поручен был в назидание старцу Софронию, преемнику отца Паисия по настоятельству в

* Голубец, гóлбец — от *golf* (древнесканд.) — надгробие, могильный памятник в виде сруба или домовины; здесь — надмогильный крест под небольшой двускатной кровлей.

Нямецкой пустыни. По просьбе митрополита Петербургского Гавриила старец Паисий послал Афанасия в Петербург с книгой «Добротолюбие» в греческом подлиннике и в своем переводе ее на славяно-русский язык. Перевод этот, по поручению митрополита Гавриила, был рассматриваем знающими греческий язык учителями Александро-Невской Академии в 1791 и 1792 годах. В затруднительных случаях, когда нужно было заменить какое-либо выражение или оборот более ясным и общепонятным, митрополит советовал ученым переводчикам обращаться к опытным старцам, в том числе и к старцу Афанасию. «Они, — говорил митрополит, — хотя и не знают греческого языка так, как вы, но лучше вас знают из опыта духовные истины, не постигаемые одним только книжным учением, и потому правильное вас могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге». «Добротолюбие» было издано в 1793 году. Вероятно, после этого Афанасий поселился в Рославльских лесах. В летописи отца Льва он упоминается здесь наряду с другими пустынножителями. В 1805 году видим отца Афанасия уже в Свенском монастыре. Здесь он получил от старца Софрония «Житие» и некоторые писания старца Паисия, которые в 1847 году были изданы в Москве отцом Макарием и Киреевским при содействии Шевырева. Скончался отец Афанасий в Свенском монастыре в 1811 году.

Иеродиакон **Анастасий**, ученик знаменитого старца Василия Кишкина. Старец Василий долго жил на Афонской Горе и в Молдавии и сам был учеником отца Паисия Величковского. Впоследствии он был строителем Белобережской пустыни и окон-

чил дни свои в Площанской пустыни в 1831 году. Он был духовный старец, отличавшийся целомудрием, смирением, терпением и любовью к оскорблявшим его. Иеродиакон Анастасий был из первых его учеников и замечательный подвижник. Он жил сначала в Свенском монастыре, а потом в Рославльской пустыни, где и скончался.

Иеродиакон и схимонах **Мелхиседек**, постриженник Белобережской пустыни. Он скитался из одной пустыни в другую, жил некоторое время и в Рославльских лесах. Скончался он в 1840 году в Жиздринских лесах, в 12-ти верстах от села Мокрого, в имении С. И. Мальцева. Могила его находится в лесу, недалеко от границы Смоленской губернии и от Белокопытовского женского монастыря.

Арсений Старший, пустынный. По словам отца Моисея¹, он то трудился в послушаниях в Свенской обители, то удалялся на безмолвие в Рославльские леса. В 1808 году отец Моисей видел его в Свенском монастыре среди других подвижников, собравшихся здесь под покровительством казначея отца Серафима, мужа духовной жизни. Скончался Арсений в 1822 году в двух верстах от села Рекович Брянского уезда, близ урочища «Монахи», в имении князей Мещерских.

Адриан, в схиме Алексей. Многие помещики избирали отца Адриана своим духовником. Местные священники, по зависти, обратились с доносом сначала к светскому начальству, а потом к Смоленскому

¹ Прп. Моисей (Путилов) Оптинский (†1862). Память 16/29 июня.

епископу Парфению. Старец был вынужден покинуть пустыню и поступил в Петербургскую епархию, под покровительство монахолюбивого митрополита Гавриила. После десятилетнего управления Коневской обителью отец Адриан сложил с себя начальство и в 1800 году перешел в Московский Симонов монастырь, где еще в 1772 году был пострижен в монашество и посвящен во иеромонаха. Отец Адриан скончался в 1812 году.

Иона, ученик Адриана, полагал начало в Плотинской пустыни вместе с отцом Адрианом, с которым сблизился там и навсегда остался его другом, сподвижником и верным учеником. Он всюду следовал за своим учителем, куда он ни переходил, так что совместная жизнь их, начавшаяся в Плотинской пустыни, продолжалась в Брянских и Рославльских лесах и в Коневской обители и окончилась в Московском Симоновом монастыре. Здесь отец Иона в сане иеромонаха, приняв схиму, скончался в 1821 году и погребен рядом со своим старцем.

Василиск¹, с благословения отца Адриана, отправился в сибирские пределы и здесь подвизался 24 года. Он умер в глубокой старости 29 декабря 1824 года и погребен в Туринском Николаевском монастыре.

Архимандрит **Геннадий**, бывший настоятель Псковской Никандровой пустыни. По Высочайшему повелению он был определен на жительство в Белобережскую пустынь, но, имея духовное общение с рославльскими пустынножителями и особенно пи-

¹ Прп. Василиск Сибирский (†1824). Память 29 декабря/11 января.

тая великую любовь и веру к старцу Василиску, он с келейным учеником своим Авраамием 26 февраля 1814 года удалился из Белых Берегов на пустынножительство к рославльским пустынножителям, о которых издавна знал, будучи сам брянским уроженцем (из духовного звания). Дорого обошлось отцу Геннадию это стремление к высшей духовной жизни. Власти Белобережской пустыни донесли Орловскому епархиальному начальству, что «архимандрит Геннадий бежал с имуществом из пустыни, желая явиться в Святейший Синод лично» и прочее. А Преосвященный Досифей, епископ Орловский, донес Святейшему Синоду, что «архимандрит Геннадий, живя в Белобережской пустыни, приводит в расстройство братию, давая им советы и наставления к неповиновению настоятелю, не ходит в церковь, монастырского послушания не исправляет и занимается письмами к разным лицам». Прожив в Якимовичской пустыни девять лет, архимандрит Геннадий смиренно явился в Орловскую консисторию, изъявил раскаяние в своей отлучке и обещал проводить жизнь во всяком послушании и отсечении своей воли до самого конца жизни. После этого он был переведен на жительство в Площанскую пустынь, но и там не нашел себе покоя. Епископ Орловский Гавриил донес в 1823 году Святейшему Синоду, что «архимандрита Геннадия невозможно держать в монастырях Орловской епархии», и просил Синод перевести его в другую епархию. Святейшим Синодом было предписано «поместить отца Геннадия в какой-либо монастырь, не требуя его, архимандрита, согласия». Вследствие этого отец Геннадий был определен в Свенский монастырь, а о поведении

его велено доносить ежемесячно для представления Святейшему Синоду. В Свенской обители страдалец Геннадий принят был дружелюбно настоятелем, игуменом Амвросием. Ежемесячные донесения о нем от настоятеля епархиальному начальству были постоянно одобрительные, и труженик отдохнул здесь душою и телом после стольких треволнений, всегда вспоминаемая о Рославльской пустыне, о безмолвной жизни пустынников и глубоко сожалея о постигшем в этот год гонении и преследовании всех рославльских пустынножителей. Он умер 7 февраля 1826 года, на 61-м году жизни, погребен в Свенской обители. Отцу архимандриту Геннадию принадлежит заслуга освящения и увековечения места подвигов рославльских пустынников устройством в пустыне храма, вокруг которого образовался Якимовичский приход. Он внушил помещику Ст. Фомичу Повало-Швыйковскому устроить храм за 11 верст от его дома, возле «Монашеского рва». Постройка начата была в 1815–1816 годах без всяких средств. В 1817 году Швыйковский умер, завещав душеприказчику своему, г. Гильдельшанцу, продолжать постройку. Несмотря на происки дальних родственников Швыйковского, храм, при содействии и советах отца Геннадия, был окончен Гильдельшанцем и в 1823 году был открыт Якимовичский приход.

Старец **Авраамий**, келейный ученик архимандрита Геннадия. О нем известно только, что он, как доносили начальству белобережские власти, «бежал в Якимовичскую пустыню с архимандритом Геннадием 26 февраля 1814 года». После возвращения отца Геннадия в Белые Берега отец Авраамий не покинул пустынного своего приюта и пребывал в Якимович-

ских лесах до 1824 года, когда вместе с другими пустынниками был взят Рославльским земским судом под стражу и, пробыв в тюрьме целый год, был выпущен на свободу. О жизни Авраамия в пустыне известно по преданию, что когда он встречался где-либо с женским полом, то всегда падал ниц на землю. Своею строгою жизнью он приводил в удивление сожительствовавшую с ним братию, а за свои вдохновенные и утешительные беседы с народом он получил прозвание «уст Божиих». «Каков был учитель, отец Геннадий, таков был и ученик его, старец Авраамий», — замечает автор описания Свенской обители. Имя старца Авраамия встречается в поминальницах крестьян Даниловичского и Якимовичского приходов. Это дает основание предполагать, что старец Авраамий Якимовичских лесов и схимонах Авраамий Жиздринских лесов — одна и та же личность. Последний имел большое значение в устройстве Белокопытовского монастыря, находящегося в 10 верстах от Даниловичского прихода. Основательница этого монастыря, вдова подполковника Александра Евгеньевна Белокопытова, была дочерью вяземского помещика Якушкина и воспитывалась в доме своего дяди Богдана Михайловича Лыкошина в селе Ахтырских Бельского уезда. Выйдя в 1836 году замуж за 60-летнего мосальского помещика Белокопытова, она через 5 лет овдовела. В это время в 7 верстах от ее сельца Петропавловского жил в лесу пустынник, схимонах Авраамий, столетний старец, уважаемый народом. Александра Евгеньевна также веровала в праведность этого старца и обращалась к нему за советами. Однажды, будучи в ее доме, старец неожи-

данно указал в зале место, «где будет алтарь, где клиросы» церкви того монастыря, который выстроит хозяйка. Слова его исполнились. Сначала в усадьбе Белокопытовой под руководством отца Авраамия основалась община в 1868 году, превращенная в 1892 году в монастырь.

Зосима¹, в миру Захарий Васильевич Верховский, ученик Адриана, основавший впоследствии Одигитриевскую общину близ Москвы.

Никита, уроженец города Орла. С детства он любил странствовать по святым местам; юношей же удалился из родительского дома и поселился в 2-х верстах от Белобережской пустыни, на четверть версты влево от дороги в Карачев. На пригорке стояла его келья, а у подошвы был вырыт им колодец. Питался он хлебом, который мимо ходящие богомольцы клали ему в корзинку, повешенную на придорожном дереве. Лес был глухой, и нередко звери бродили вокруг кельи пустынника. Комары кусали его тело до крови, причиняя страшные мучения. Но Никита все терпел безропотно. От Бога был дан ему дар слез, и он всегда плакал о своих грехах и чужих. Однажды в марте постигла его болезнь, заставившая его лежать без движения. Наступил канун Благовещения. Никита, лежа на одре и услышав благовест ко всенощной, попробовал пропеть тропарь праздника, но от слабости и потери голоса не мог. Горькими слезами залился старец, сокрушаясь, что не может достойно встретить праздник. И вот вдруг келья его озарилась светом, и Никита увидал пред

¹ Прп. Зосима Верховский († 1833). Память 24 октября/6 ноября.

собой Богоматерь, окруженную Ангелами. Богоматерь благословила старца, и в неземном восторге он слабым голосом запел тропарь Благовещению. Ангелы присоединились к его пению, и скромная келья огласилась хвалебною песнью небожителей. Исчезло видение, но Никита долго находился под впечатлением его. Вскоре он выздоровел и пошел в Белобережскую пустынь. Возвратясь оттуда, он увидел на месте своей кельи один пепел: какой-то злой человек сжег ее в отсутствие старца. Отец Никита сел на пригорок и горько заплакал... Потом он переселился в обитель и со смирением исполнял здесь все работы, служа всем братьям не жалея сил. Однажды во время молитвы в церкви он упал на пол от истощения. Прослышав о рославльских пустынножителях, он переселился к ним и жил здесь в келье на южной стороне «Монашеского рва», возле села Якимовичи, в лесу Александры Афанасьевны Броневской, усердной покровительницы пустынножителей, которые в большом числе жили на ее земле (она умерла в 1853 году, имея более 80 лет от роду). Здесь Никита прожил около 10 лет и снова перешел в Белобережскую обитель. Но перед смертью, в 1792 году, он захотел вернуться в свою пустыньку. По его просьбе один из рославльских отшельников, старец Досифей, нанял крестьянскую лошадь и по первозимью 1792 года приехал к Никите в Белые Берега, где нашел Никиту тяжело больным. Досифей просил его обождать до лета, но старец стремился в свою пустынь. Получив благословение настоятеля Иринарха, Досифей уложил Никиту на дровни, прикрыл его рогожею и соломой и повез больного за 200 верст, в Рославль-

ские леса. Здесь Никита прожил не более полугода и умер 29 марта 1793 года. Омыв его тело, Досифей положил его в пчелиный улей, призвал священника из села Лугов и соседних пустынников, живших у реки Болдачевки, и похоронил его во рву, возле его кельи. Так как во рву всегда стояла вода, то Досифей через 7 лет по какому-то откровению откопал гроб Никиты, чтобы перенести его повыше. Гроб оказался цел, а тело и одежда Никиты нетленны, только липовый ходачок на одной ноге, сплетенный не самим старцем, а его учеником, превратился в прах. При открытии был священник села Лугов, отец Иоанн, и ближайшие пустынники. Один из последних, по имени Арсений, хотел поменяться с Никитой четками, но, несмотря на все усилия, не мог их вынуть из руки старца. Отца Никиту из улья переложили в новый гроб и, отслужив панихиду, погребли на полугоре, на северной окраине рва. При погребении был больной монах, страдавший желудком; он выпил из гроба воды и исцелел. Лет через 15 (после кончины) отца Никиту снова открывали и нашли тело его нетленным. На могиле его лежали два камня; один очень большой. Пустынники приходили сюда на Пасху и пели на могиле Пасхальный канон. Старец же Досифей до конца жизни чтит память отца Никиты и всегда поминал его на Пасху.

Иаков, упоминаемый, по свидетельству отца Климента (Зедергольма), в числе знаменитых отшельников рославльских вместе с отцом Никитой. От рославльских старожилов сохранилась память о том, что он был болящим и что ему однажды явилась Царица Небесная. Но кто он был и когда подвизался, неизвестно.

Селевкий, бывший гвардейский офицер, исключенный Императором Павлом за то, что отрезал одной девице косу за ее неверность. Он жил в лесу Бронеvских, а похоронен в 7 верстах от усадьбы Бронеvских, в лесу г. Безбородко.

Досифей, друг и ученик отца Никиты, происходил из города Карачева Орловской губернии, из однодворцев* Драгунской слободы. Сначала он жил в Площанской пустыни, где и пострижен был в монашество. Поселился в Рославльских лесах еще при отце Адриане (около 1784–1785 годов) и прожил здесь более 40 лет вместе со старцами Варнавою, Никитою, Иаковом, Василиском, Зосимою, Адрианом, Афанасием Степановым, Афанасием Афонским, Арсением и другими. Между сожителями своими он отличался особенною простотою и младенческим незлобием. Келья его, судя по некоторым данным, находилась на краю «Монашеского рва», где была и келья отца Никиты. Несмотря на то, что ему пришлось пострадать от полиции и просидеть три года в остроге, он не хотел расставаться со своей пустыней, и когда его сожители, отцы Моисей и Антоний¹, в 1821 году переселились в Оптинский скит, он остался на своем месте.

«Однажды, — рассказывал отец Моисей, — узнали пустынники, что готовится им напасть — рославльский исправник вздумал проведать богатых купцов. Что делать? Бежать некуда. Решились остаться на месте и предаться Промыслу Божию. И что же? Исправ-

* Однодворцы — потомки служилых людей, охранявших южные границы Российской империи в XVII–XVIII вв. За службу получали землю, распределение которой проводилось по подворному, а не по подушному принципу.

¹ Прп. Антоний (Путилов) Оптинский (†1865). Память 7/20 августа.

ник целый день проездил около них и не мог найти их кельи, хотя с разных сторон весьма близко подъезжал к ним». Вместо отца Моисея исправник отыскал отца Досифея и товарища его, которых и взял под стражу. Товарища Досифеева, имевшего исправный паспорт, вскоре отпустили. (Очевидно, и исправный паспорт не охранял от ареста, хотя и временного.) И у отца Досифея было вечное увольнение, но оно от ветхости на стигах разорвалось. Старец залепил его водой и мукой, а тараканы обточили бумагу. Его посадили в острог, где продержали 3 года. Сначала отец Досифей терпеливо переносил постигшую его участь, а потом стал малодушествовать и подумал: «Неужели мои грехи так велики, что я должен сидеть и слушать речи воров и разбойников?» Тогда явился ему во сне некий муж седовласый и сказал ему: «Посиди здесь еще. Тебе выстроены каменные палаты, но они еще не оштукатурены, а вот как ты здесь посидишь, они совсем готовы будут». Возрадовался отец Досифей и готов был до смерти своей оставаться в остроге. Вскоре узнал о нем Преосвященный Смоленский, написал губернатору, и отец Досифей был выпущен на свободу.

Замечательно, что исправник искал отца Моисея и нашел отца Досифея 31 декабря, а в Новый год он проиграл все свое состояние до нитки. Не прошло и суток, как постигло его наказание Божье. Не напрасно сказано: *Не прикасайтесь помазанныкам Моим и во пророцех Моих не лукавните*¹.

Выпущенный из острога в октябре 1827 года, Досифей прибыл в Оптинский скит, где радостно и

¹ Пс. 104, 15.

честно был принят своими бывшими собратями и настоятелем Пустыни, отцом Моисеем. Отец Досифей поселился в Скиту, где и скончался 22 декабря 1828 года в глубокой старости.

За несколько времени до кончины его был такой случай. Помещица Крапивенского уезда госпожа Воейкова, еще молодая женщина, заболела горячкой, и родные собрались у ее постели в ожидании ее кончины. Вдруг она, поговоривши с кем-то тихо, сама встала с постели и спросила: «Где же монах, который сейчас приходил сюда?» Пока родные уверяли ее, что это ей показалось, больная чувствовала все большее облегчение и рассказала, что виденный ею монах говорил ей следующее: «Чего же ты лежишь? Вставай да приезжай в Оптину Пустынь служить молебен, а я на твое место лягу — так Бог велел!» В несколько дней после того больная выздоровела совершенно и тотчас поехала с мужем в Оптину Пустынь. Выйдя из экипажа, они пошли по тропинке, ведущей к Скиту. Братия скитская уже спала, один только отец Досифей прохаживался за воротами и встретил приезжих. С прямодушным приветствием ввел он их в Скит и показывал его внутреннее расположение. Госпожа Воейкова была поражена этой встречей: с благоговейной радостью смотрела она на старца и тихо сказала мужу: «Этот монах видом и простотою разительно походит на явившегося мне в болезни». Вскоре после этого события отец Досифей скончался в твердом уповании своего спасения.

Иеросхимонах **Афанасий**, в мире Александр Степанов, сын дьячка из города Калуги. Когда отец его поступил в приказные, Александр, имея 25 лет

от роду, пожелал принять монашество и поступил в Пешношский монастырь Московской губернии. Отсюда он в числе 12 братьев послан был настоятелем Макарием для восстановления пустынной обители Оптиной и в 1796 году принял в ней пострижение. В 1802 году он был рукоположен во иеромонаха и назначен духовником оптинской братии. Горю желанием безмолвной жизни, он собрался было на Афон и уже получил увольнение, но вместо Афона оказался, неизвестно почему, в Белобережской пустыни. Немного прожил он здесь; услышав о рославльских пустынножителях, он тотчас же, не сказавшись никому, ушел в Рославльские леса. Через четыре года он вернулся в Белые Берега и просил Орловское епархиальное начальство простить его за самовольную отлучку «в Москву» (под этим именем он скрыл свое пустынножительство) и перевести его в Свенский монастырь. Преосвященный Орловский Досифей приказал: «Определить иеромонаха Афанасия в Свенский монастырь, с запрещением священнослужения, в труды монастырские впредь до усмотрения». Тяжело было рабу Христову нести крест свой в обители под запрещением. Поэтому, дождавшись весны, в апреле месяце 1807 года старец опять удалился в Якимовичские леса и пробыл здесь в уединенном подвижничестве десять лет. В 1816 году отец Афанасий возвратился в Свенскую обитель. По донесении об этом Орловскому епархиальному начальству указом от 23 ноября того же года отцу Афанасию дозволено было жить в Свенском монастыре, а настоятелю предписано рапортовать о поведении старца каждые три меся-

ца. Но, вкусив духовной сладости пустынничества, отец Афанасий уже не мог долго оставаться в обители. 27 июля 1817 года свенский игумен снова донес Преосвященному, что «иеромонах Афанасий 13 июля паки из монастыря самовольно отлучился и куда неизвестно». На деле оказалось, что отец Афанасий снова удалился в Якимовичские леса и на этот раз прожил здесь восемь с половиной лет. Келья его находилась, как он сам после указывал, на земле помещика Григория Григ[орьевича] Ковалева. Это указание, вероятно, относится к последним годам пребывания отца Афанасия в Якимовичских лесах. Раньше келья его (по крайней мере, с 1811 по 1821 год) находилась в даче Броневского, «верстах в 5 от сельца Якимовского, на берегу лесной речки Болдачевки, в 1½ верстах от впадения в нее речки Фроловки». Около 20 лет прожил отец Афанасий в

пустыне, руководству младших своих собратий. По отзыву знавших его, это был старец простой нравом, но духовно мудрый по жизни; он пребывал в совершенной беспопечительности обо всем житейском, хранил духовное трезвение и имел дарование «умной молитвы». От всегдашнего молитвенного состояния лице его было румяно, так что не знавшие его могли подумать, что он употребляет хмельные напитки. В свободное время старец со своими учениками переписывал святоотеческие переводы отца Паисия, которые он принес с собою в пустыню, вероятно, еще из Белобережской обители.

Все пустынники уважали старца Афанасия. Преосвященный Калужский Филарет (Амфитеатов), услышав о его душевных качествах и подвигах духовных, с искренним радушием приглашал его к себе для устройства при Оптиной Пустыни скита, предлагая все условия и удобства для жизни безмолвной, соглашался на все его желания и даже выражал радость быть с ним в духовном общении и собеседовании. Сожители отца Афанасия приняли приглашение епископа и переселились в Оптину; отец же Афанасий, привыкнув к своей любезной пустыни и, вероятно, опасаясь, что во вновь устрояемом Оптинском скиту трудно будет сохранить безмолвие и уединение, остался на своем месте. Это было в 1821 году. Недолго после этого продолжалось его безмолвное житие в Рославльских лесах. В 1825 году началось решительное гонение на пустынножителей. И отец Афанасий вместе с другими был взят по указу Рославльского земского суда и из лесу отвезен прямо в острог. На допросе

в суде он рассказал про всю свою жизнь, прибавив, что, «получая от свенского игумена Амвросия каждый год на свободное прожить билеты, он жил по лесам в разных местах, преимущественно же в Рославльском уезде, в имении г. Ковалева». При этом он представил и просроченный паспорт от Свенского монастыря. Рославльский земский суд, при отношении от 18 октября 1825 года, препроводил старца в Свенский монастырь, куда он и прибыл (конечно, по этапу) в феврале 1826 года. Свое показание суду старец дополнил здесь другим показанием, в мае 1826 года игумену Амвросию данным, «что у него, Афанасия, вещей никаких не было в пустыне, кроме необходимой нужной одежды и обуви, и что в даче помещика Храповицкого кельи и пребывания не имел».

Игумен Амвросий искренно обрадовался возвращению старца, пустынничеству которого он сам содействовал, и с сердечною болью выслушивал рассказ о его заключениях. Но необходимо было донести епархиальному начальству о прибытии отца Афанасия и объяснить его долговременную отлучку, чтобы смягчить наказание несчастного старца. 18 февраля 1826 года отец Амвросий в присутствии старшей братии учинил допрос старцу, и отец Афанасий показал следующее. «В июле месяце 1818 года он, иеромонах Афанасий, отлучился из монастыря скрытным образом в безмолвные леса для единого только уединения, долговременным пребыванием в коих еще с самого поступления своего из мира с намерением принять монашество приобрел было пользу и утешение душе и сердцу

своему; что и по пострижении в монашество, всегда и необоримо влекло его в оные места; и считая такое влечение душеспасительным, он и забыл о том, что такую скрытную отлучкою из монастыря навлечет на себя по законам должное воздаяние. Находясь в пустынных лесах в продолжение всего времени отлучки из монастыря и по самый день явки в оный, не сделал ничего противозаконного, в чем свидетельствуюсь Господом Богом и именем Его прошу у начальства милостивого прощения, в чаянии коего и предаю себя в полную волю властей, с упованием, что начальство, при старости его, иеромонаха Афанасия, лет и слабости уже здоровья, не отринет сопричислить его и паки под кров обители Свенской». Игумен Амвросий с братиею, донося Преосвященному Орловскому Гавриилу о возвращении старца в обитель и представляя показание его, просил, чтобы архи-

пастырь благоволил позволить отцу Афанасию жить в Свенском монастыре «по тому уважению, что этот старец успокаивал их и успокаивает своим примерно добрым поведением и старческими душеполезными наставлениями».

Преосвященный Гавриил требовал старца-беглеца к себе лично для объяснений и, удовлетворившись его старческой исповедью о душеспасительном странствовании его по лесным пустыням, возвратил его в Свенскую обитель. Здесь отец Афанасий после того прожил неисходно в глубоком смирении около 19 лет и был для многих светильником, во тьме светящим. Преосвященный разрешил ему священнослужение, но, в сознании своего недостойнства, старец священнодействовал нечасто, только ради принятия Святых Таин во спасение души. Трудился по силе и в послушании монастырском продавал свечи. Имел чад духовных, пользовавшихся его наставлениями; кротость его была так велика, что походила иногда на нежную детскую наивность, и он переносил всё с таким бесстрастным вниманием и незлобием, которых можно достигнуть только истинным сознанием своего ничтожества и равноангельским смирением.

Моисей и Антоний, Оптинские. Здесь же приведем характеристику отца Моисея, сделанную игуменом Антонием (Бочковым): «Поистине это был Моисей нашего времени, приведший многих в землю обетованную. Вместо поучений он являл собой пример, как хранить уста... Никто не видел его в гневе, всегда он был ровен и верен самому себе. Игумен Моисей, святолепный старец, премудрый, опытный.

40 лет стоять на одном месте, терпеливо вынося все бури, от врага наносимые, и держать твердо кормило своего корабля — это дело, превосходящее силы человеческие, и в 40 лет собрать и содержать около себя, в своей ограде, столько избранников Божиих — это есть свидетельство собственного избрания... К Оптиной Пустыни проложились дороги, и к ней влеклись монашеские сердца... Слово отца Моисея было сладко, встреча его радовала, приветствие его было драгоценно, так как всегда оно было обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа ни перед кем не оставалась в долгу».

Подобно отцу Моисею, отец Антоний был истинным подвижником, мудрым, книжным и благочестивым человеком. Но по характеру он был мягче отца Моисея и благодуще. Отличительные его качества были — смирение, послушание, ласковое, любовное отношение к людям, растворявшееся шуткой даже в то время, когда он терпел невыносимые мучения от болезни ног.

Иларий, в мире назывался Иваном. Иван и Савватий жили вместе с отцом Антонием на реке Болдачевке. Вместе с ним и отцом Моисеем они перешли и в Оптинский скит в 1821 году.

Савватий, в мире Савва. Савватий впоследствии не разлучался с отцом Антонием, будучи предан ему всей душой. С ним он переехал в Малоярославецкий монастырь в качестве келейника; вел его хозяйство и все время ухаживал за тяжело больным отцом Антонием. «Не много найдется Савватиев по верности и преданности», — писал игумен Антоний (Бочков) по смерти отца Антония.

Феофан, в мире казак Федор Талунин, уроженец Владимирской губернии, бывший до 1791 года на службе Черноморского Казачьего войска куреня Воскресенского. Выйдя в отставку, он перешел в Молдавию, где у старца Паисия в Нямецком монастыре три года проходил послушание. По кончине отца Паисия возвратился в Россию и принят был (указом 1800 года) в число братства Оптиной Пустыни, а в следующем году пострижен в монашество. «В крайнем нестяжании и кротости духа он с горячею ревностью проходил деятельную добродетель поста, молитвы и поклонов. В продолжение первой и последней седмицы Великого поста не вкушал ничего, в прочие посты вкушал пищу на третий день. Ревность к подвигам постничества побудила его с верою вступить в великую меру вышеестественного поста». Феофан нередко приходил из Оптиной Пустыни в Рославльские леса к Афанасию и Моисею. В 1819 году, при посещении Оптиной Пустыни отцами Моисеем и Антонием, он сказал им, что придет к ним на весь Великий пост. «Добро пожаловать, милости просим», — сказали пустынники. «Придя к нам в пустыню пред началом Великого поста (1819 года), он объявил мне, что намерен провести всю святую Четыредесятницу без пищи: „Я верую, — говорил он, — что не умру от поста“. — „Буди по вере твоей“, — отвечал ему, не смея ни отклонять его от намерения, ни утверждать. Отец Феофан поместился у пустынников и, принеся с собою написанный на полотне образ Распятия Господня, пред которым совершал свое молитвенное правило, положил не употреблять пищи и не ложиться спать. Сверх обычной келейной службы, исправ-

лял келейное правило, и правило его было большое — до 800 поклонов. Он во время сего правила, чтобы не упасть от изнеможения, надевал особые нарукавники, привязанные шнурами к крючьям, на которых висела на стене икона, и так простаивал на молитве целые ночи. Сверх того, сам топил печку, помогал другим петь и постоянно виден был бодрым. Во весь пост он не вкусил ничего и только однажды в неделю испивал воды, смешанной с уксусом, от сухости во рту. В одно время, заметив его в истощении, я сказал ему: „Отче, ты очень изнурил себя“. Феофан отвечал на это: „Нет! Христос Спаситель излил всю Свою кровь до последней капли, а во мне еще много найдется крови“. Выдержав с Божией помощью сей подвиг неослабно, он приобщился Святых Христовых Таин. Впоследствии он ревновал снова на тот же подвиг, но от простуды заболел жестоким кашлем и, постоянно оскудевая в телесных силах, отошел ко Господу 15 июня того же 1819 года». За несколько минут до кончины отец Моисей спросил его: «Покойна ли твоя душа? Не страшит ли чего в часе смертном?» Он отвечал: «Я с радостью желаю разрешиться от сей жизни». И тут же стал кончаться; занес руку для крестного знамения и предал дух свой Богу. Погребен в пустыне.

Отец Антоний, на руках которого умер старец Феофан, рассказывал, что он забыл испросить у него молитву перед его смертью. В 40-й день по смерти почивший явился ему во сне. «Батюшка, — сказал отец Антоний, — я хотел было попросить вас помолиться обо мне, когда будете пред престолом Божиим, да не попросил». Отец Феофан отвечал: «Я и так за тебя молюсь Богу. Василий Великий гово-

рит: „Кто за других молится, за себя молится“». По словам отца Антония, этот старец при жизни имел столь сияющее благодатию лице, что недоставало духу смотреть ему прямо в глаза, а разве украдкой, когда взглянешь со стороны. Могила старца на краю оврага у речки Фроловки.

Арсений, в мире Алексей Никитин Кириллов, орловский посадский житель. Получив в 1795 году от Орловского начальства увольнение из Общества для поступления в один из российских монастырей, он отправился на Афон после трехлетнего послушничества в Коренной пустыни. В 1797 году в Афонском скиту святого пророка Илии он был пострижен в монахи с именем Арсения. Постригал иеромонах Макарий, а восприемником был старец Василий (первый впоследствии жил в Молчанской пустыни Курской губернии, а второй был строителем Белобережской пустыни, а потом жил в Рыхловском монастыре, умер же в 1831 году в Площанской пустыни). Василий (Кишкин) был благородного происхождения, отличался целомудрием, смирением и незлобием. Его ученики также отличались духовными дарованиями. Вместе с ним Арсений прожил на Афоне один год и отправился в Молдавию, а отсюда в 1800 году прибыл в Коренную пустынь, где прожил два года. Затем перешел со старцем Василием в Белобережскую пустынь, где прожил при старце Василии, сделанном строителем (игуменом), четыре года. В 1804 году Арсений перешел в Рославльские леса «для уединения» и поселился здесь в даче Михаила Андреева Кулешова, возле деревни Буда, Трояновского прихода (ныне Якимовичского). Здесь в уединенной

келье он прожил три года и в 1807 году отправился в Москву для получения паспорта до Иерусалима. В Москве ему удалось выхлопотать только надпись на паспорте для свободного прохода до пограничной губернии, с чем он и вернулся в Кулешову Буду, где прожил еще около трех лет. Потом жил в соседней лесной даче Александры Афанасьевны Броневской, с ее позволения, два года. Отсюда перешел в дачу помещика Петра Михайловича Лесли, где жил в лесу, на уединении, в особо выстроенной келье возле деревни Сырокоренья Даниловичского прихода. 1812 год заставил его удалиться из пустыни в Площанскую пустынь, где он прожил месяца два, столько же в Курской Софрониевской пустыни и в Киеве. Из Киева по окончании войны он тем же путем вернулся в Сырокоренье и с дозволения г. Лесли прожил в келье около десяти лет. В 1817 году для явки паспорта Арсений ходил в Ельню, где получил от нижнего земского суда, как видно из надписи на его паспорте, дозволение на свободное проживание «в даче сельца Сырокоренья». Живя здесь, отец Арсений приходил и в пустынь Броневских, к отцу Моисею. Около 1823 года отец Арсений оставил Леслевскую пустынь и поселился на берегу Десны, возле деревни Острова Даниловичского прихода, в даче Елены Алексеевны Лышаковой, урожденной Челищевой. В 1824 году по доносу прапорщика Лышакова его поймала полиция и посадила в Смоленский острог, откуда он выпущен по личному письму к генерал-губернатору Хованскому епископа Калужского Филарета. Отец Арсений провел большую часть своей жизни в лесах, а умер в Белобережской пустыни в 1844 году.

Тимофей — карачевский мещанин, **Петр** — московский, **Афанасий** — борисоглебский и **Максим** — путивльский мещанин, — все четверо были учениками отца Арсения, жили с ним в лесу Лышаковой в Байгорах.

Феофилакт подвизался на крутом обрывистом берегу Десны. Старец Арсений на допросе в 1824 году показал, что он года два назад познакомился с иеромонахом Оптиной Пустыни Феофилактом в доме А. А. Броневской, в Рославльском уезде; от Лышаковой же слышал, что о Феофилакте были поиски. В 1824 году Феофилакт находился уже в Боровском Пафнутиевом монастыре. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Дорофей называется обыкновенно последним рославльским пустынником, хотя это не совсем верно; точнее сказать, отец Дорофей был последним представителем той дружной семьи пустынников, которая в конце XVIII и начале XIX века населяла Рославльские леса, составляя своеобразную духовную общину, хранившую аскетические заветы старца Паисия, стремившуюся к достижению и религиозно-просветительских задач, влияя в этом отношении на духовное развитие своих членов-простоцев, что придавало этой общине особенно возвышенный привлекательный характер. С переходом в Оптину Пустынь отцов Моисея и Антония, с разорением в 1825 году Якимовичских скитов Рославльские леса запустели, и если впоследствии и поселялись в них отшельники, то лишь случайно и в одиночку. Кстати подоспело освобождение крестьян, умаление помещичьих владений и истребление лесов, этих приютов безмолвия. Отец

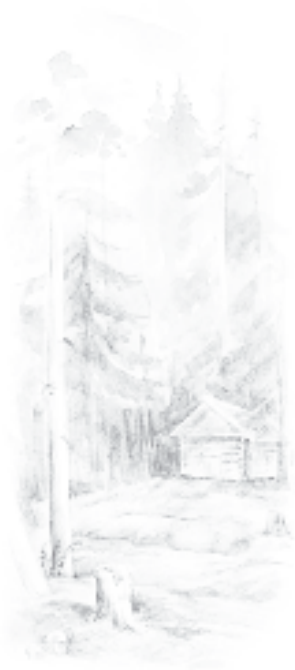
Дорофей был последний хранитель прежних традиций рославльского пустынножительства, которые он не передал никому: современные пустыnnики не были его учениками. И вообще, после отца Дорофея в Рославльских лесах не жило выдающихся, всеми бесспорно почитаемых отшельников. Время их здесь миновало. Отец Дорофей был родом из Карачева; мирское имя его неизвестно. В метрических книгах села Савеева он записан монахом Белобережской пустыни. Прибыв в Рославльские леса, он жил у отца Досифея, был его послушником и келейным учеником. В 1811 году он жил уже в особой келье, в версте от кельи отца Досифея. После 1812 года он поселился в 50-ти саженьях от кельи отца Афанасия и Моисея, на реке Болдачевке, и проводил жизнь совместную с этими старцами. В 1821 году он с отцом Афанасием остался в пустыне и не перешел в Оптинский скит по приглашению епископа Филарета. Во время воздвигнутого на пустынножителей гонения в 1825 году отец Дорофей вместе с другими старцами был взят Рославльским земским судом и посажен в острог. По освобождении от уз некоторые старцы разошлись по разным монастырям, другие были высланы по этапу на родину, один отец Дорофей вернулся в пустыню. Но так как в Якимовичских лесах теперь уже нельзя было проживать, то он поселился верстах в 15-ти от Якимович, в лесу помещика Михаила Ивановича Брейера, в полуверсте от его дома, недалеко от реки Десны. Брейер, бывший впоследствии рославльским исправником, и особенно его мать, вдова Анастасия Ивановна, весьма уважали отца Дорофея и дали ему у себя приют. Здесь отец Дорофей своими руками

выстроил себе келью, устроил небольшой огородец и продолжал пустынножительство до конца жизни. Кормился он приношениями знакомых почитателей. Когда еще не потерял зрение, занимался разным рукоделием, особенно изготовлением деревянных ложек, которые делал весьма искусно. Ложек у него был большой запас, и, ослепнув, он раздавал их на память своим знакомым и почитателям, которых у него было немало. Из Москвы и других отдаленных местностей к нему приезжали многие за благословением и словом утешения. Преосвященный Смоленский Антоний (племянник монахолюбивого митрополита Киевского Филарета, «дитя его сердца»), прибыв на кафедру и услышав об отце Дорофее, нарочито при обзоре епархии заехал в его келью, чтобы познакомиться с ним. Старожилы рассказывают, что при свидании и епископ, и отшельник долго препирались, прося друг у друга благословения. Наконец, Преосвященный согласился на прямолинейные доводы старца и первый благословил его, после чего уже и отец Дорофей решился благословить епископа. Рассказывают еще, что вскоре по открытии Московско-Варшавского шоссе, проведенного чрез Якимовичские леса, один вновь посвященный епископ (по имени Иоанн) проезжал из Москвы к месту своего служения. На станции Софийской, из окон которой по одну сторону шоссе Кулешова Буда и Чепеницы, а по другую — Зимницы, епископ услышал об отце Дорофее и пожелал навестить всеми уважаемого пустытника. Он представился слепому старцу как простой монах, но отец Дорофей сразу же назвал его сан и подошел под благословение. Изумленный епископ просил у старца

прощения, что намеревался искусить его, скрыв свой настоящий сан. Соседний богатый и знатный помещик Сергей Николаевич Шупинский также почитал отца Дорофея. Отец Дорофей относился к своему соседу со своей обычной прямоотой и благодарил Господа за потерю зрения.

Умер старец 13 сентября 1865 года, 85 лет от роду, проживал в Рославльских лесах более 60 лет. Многие приезжие из Москвы и других городов застали его уже в гробу. При погребении у Шупинского с Брейером возник спор, на чьей земле похоронить старца. Шупинский телеграммой испросил у Преосвященного Антония разрешение погребсти старца в своей усадьбе, возле своего домового храма. Приехавший на погребение рославльский игумен Анфим по распоряжению епископа облек умершего в схиму. Хоронил старца отец Анфим с 10-ю священниками из соседних сел. От кельи до храма прах его сопровождало множество народа всякого звания и состояния. Могила старца находится возле церкви сельца Никольского и украшена богатым памятником, сооруженным усердием Шупинского. Лес же, где старец жил, теперь весь вырублен, и только место бывшей кельи его отмечено оградой с простым деревянным крестом посредине. И сюда, и на могилу отца Дорофея приходят богомольцы; а имя старца записано во всех поминальницах соседних прихожан. Старец этот, более 30-ти лет будучи слепцом, знал весьма хорошо Священное Писание, писания святых отцов и обладал житейской мудростью. К нему весьма многие притекали за советами и наставлениями в духовной жизни и наслаждались

его мудрыми беседами. Он умел дать совет и наставление всякому просящему его. Беседа его была глубоко назидательна и сладка. Строгость своих суждений и взглядов на жизнь и поведение христианина он растворял упованием на бесконечное милосердие Божие; употреблял иногда и шутки, и остроты, но в назидание слушающим и беседующим. Отец Дорофей был характера весьма скромного и уживчивого, был благодушен и внимателен ко всем, со всеми держался просто и с одинаковой прямою и откровенностью, не различая богатых и бедных, знатных и убогих.

Наконец старожилы рассказывают, что близ усадьбы Броневских жил юродивый (имени его не помнят), бывший почтовый чиновник, исключенный из службы за украденную у него казенную сумму. Он жил на горе; с горы катался по снегу; ночи проводил на кладбище; собирал кошек, которые его царапали, и прочее. Жизнь его подобна была жизни Христа ради юродивых, прославляемых Святой Церковью. Где скончался, неизвестно.

К числу рославльских же пустынников отец Климент (Зедергольм) относит, и, вероятно, не без основания, следующих лиц, подвизавшихся в Брянских лесах: старца **Арсения** Афонского. С учеником своим Георгием он перешел в Псковский Никандров монастырь, где и умер в 20-х годах XIX века, предварительно постригши Георгия в монашество с именем Герасима. Похоронив своего наставника, **Герасим** один подвизался в посте и молитве, а в 1823 году перешел в Соловецкий монастырь и умер там в 1848 году 108-ми лет от роду. В лесах возле села Лютны Брянского уезда в числе других пустынно-

жителей подвизался старец **Софроний**. В 30-х годах пустынножители переселились отсюда вместе со старцем неизвестно куда.

Нельзя думать, чтобы рославльское пустынножительство ограничивалось только упомянутыми подвижниками. В Рославльских лесах в разное время в разных местах старцы жили и в одиночку, и группами. Из них сохранились имена лишь тех, которые впоследствии занимали важные посты в благоустроенных обителях или прославились высокими иноческими подвигами и христианской мудростью. Прочие же, работавшие Господу втайне, остались ведомы Единому Сердцеведцу Богу. Но и сохранившихся сведений о рославльских пустынножителях, об их полной лишений жизни и высоких молитвенных подвигах достаточно, чтобы признать вполне справедливыми названия, которые давали Рославльским лесам современники и составители жизнеописания старцев — названия русской Палестины и Фиваиды.

О жизни, занятиях и трудах пустынножителей в уединении Рославльских лесов мы узнаём, главным образом, из рассказов отцов Моисея и Антония Оптинских, записанных их учениками. По словам их, отец Антоний и в преклонных летах, достигши высокой меры духовного возраста, с особенною отрадою любил вспоминать и рассказывать о Рославльских лесах; при этих воспоминаниях лицо Старца как-то особенно сияло и воодушевлялось. Никогда, говорил он, не было ему так хорошо, так отрадно, как в пустыне. И отец Моисей в письмах к близким не раз говорил, что жизнь в пустыне весьма приятна, так как только здесь,

в этом пристанище тихого уединения, можно обрести покой и удовольствие душевное. Обремененный впоследствии трудами настоятельства, он со слезами вспоминал о пустыне, и все беды и напасти, испытанные там, казались ему ничтожными по сравнению с настоятельскими заботами и скорбями. «Орлом в обновленной юности¹ казался он тогда нам, — рассказывает очевидец, — так благотельно действовало на него воспоминание о понесенных в пустыне подвигах самоотвержения и послушания».

«Когда я пришел в Рославльские леса, — рассказывал отец Моисей, — тамошние пустынники жили в трех кельях; в одной иеросхимонах Афанасий; от него в версте отец Досифей, а в версте от него отец Дорофей, который впоследствии переселился ближе к нам, поставив себе келью от нашей саженьях в пятидесяти. Поселясь с отцом Афанасием (старшим из пустынножителей), я построил для него и для себя новую келью; это был первый опыт моего зодчества. Келья имела шесть аршин в квадрате, с крыльцом под навесом. Прихожая в два аршина длины и два ширины, далее квадратная комната в четыре аршина в длину и ширину, ибо от нее была отгорожена перегородкой спальня, шириною так же, как и прихожая, в два аршина; между прихожей и спальней, в углу, находилась печка, которой нагревалась вся келья».

«Место, в котором мы жили, принадлежало к дачам рославльского помещика Демьяна Михайловича Броневского. Сельцо его Якимовское находилось от нас верстах в пяти; а верстах в тридцати было

¹ Ср.: Пс. 102, 5.

другое сельцо Межево, владельцы которого, Топтыгины, были нашими благотворителями, особенно мать этого семейства, урожденная княжна Сонцева, старлица благочестивой жизни».

«Под самую нашу келью протекала лесная речка Болдачевка, а в полутора верстах впадала в нее речка Фроловка. На берегу ее был колодезь; в этой речке важивалась и рыбка. Бывало, перегородим ее сежею и неретки ставим. Однажды, как помню, на праздник Богоявления, освятивши в речке воду, мы пропели тропарь Святого Богоявления: „Во Иордане крещающуся Тебе, Господи“ — и, вынув неретки, нашли в них шесть налимов, которые и приняли как Божий дар на праздник».

Чтобы понять это чувство пустынников, нужно помнить, что они вели жизнь самую скудную. Питались они изо дня в день, из года в год чем Бог послал. Отец Антоний рассказывал, что в лесу они жили, не имея ничего. А смолоду жили они в семье роскошно. «Бывало, еще спишь, а мать уже зовет: „Вставай, уже завтрак готов“, и пойдут одно за другим разные удовольствия». А тут, в пустыне, питались одними огородными овощами, или, лучше сказать, одною репою, потому что другого ничего на их огородах и не росло. Редко когда кто из помещиков пришлет хлеба; его уже берегли, как просфору, чтобы и крошка не пропала. Однажды, рассказывал Старец, им пришлось встретить Пасху до того скудно, что у них ничего не было. Но они не упали духом. Отпели утреню; с иконами, какие у них были, обошли крестным ходом вокруг кельи, воспевая радостное: «Христос Воскресе», утешаясь и радуясь душою о Господе. Когда же пришел час

трапезы, то отец Моисей в похлебку из той же репы влил несколько маслица из лампадки и благословил разговляться. Но этим Господь хотел испытать их терпение, потому что на другой день от соседнего помещика была прислана им провизия.

Летом пустынники собирали грибы, ягоды и усердствовали благодетелям, а от них получали печеный хлеб, крупу, а иногда и бутылочку масла для приправы пустынной трапезы. А когда случится недостаток, питались и сухоядением, дорожа более всего духовной свободой и безмолвием. Рыбу, рассказывал отец Антоний, они позволяли себе вкушать только в великие праздники, и даже с маслом предлагалась трапеза изредка. Но при их многотрудной жизни и сухой хлеб был сладок и вкусен; вкушали они его с великою благодарностью ко Господу, как дар Божий, и с такою бережностью, как *антидорец*; а всё, что посылалось им сверх сухого хлеба, они принимали как великую милость Божию. Однажды крестьянин, проезжавший лес, оставил пустынникам мешок с горохом. Они приняли это малое приношение с такою благодарностью ко Господу, как бы от Его руки. Кто жил всегда в довольстве и никогда не знал лишений, тому не понять этого. В великие праздничные дни пустынники иногда подкрепляли изможденные многолетними подвигами силы своим чаем или, за неимением его, какою-нибудь другою травкою; а молодому Александру (отцу Антонию), как новонаначальному, в первое время и в этом был отказ. Впоследствии ему позволялось иногда после угощения старцев допивать жидкий спитой чай, почти что одну горячую воду, и по благословению

* Лянсин — сорт цветочного чая.

старца он пивал это, по его словам, с большим вкусом, чем другие пьют лянсин*.

На чай старцы смотрели как на роскошь и употребляли его как лекарство, для поддержания сил. Отец Моисей писал в пустыню братии: «Чаяк за немощь употребляйте в субботу и воскресенье, а во вторник и в четверг, если кто изволит, — травку». Но, вероятно, находя это запрещение слишком тяжелым для собратий, выросших в купеческих семьях «на чаю», он в следующем письме писал иначе: «Я писал к вам об употреблении чая в определенное время; но теперь рассуждаю и советую употреблять без ограничения, как нужда потребует, или желание, или посторонний случай». Отец Антоний, однако, не воспользовался этим разрешением. В своем дневнике он однажды записал: «Пивши горячую воду, почувствовал себя весьма много схожим с горьким пьяницею. О, дабы избавил меня Господь от употребления сея, за молитвы отца моего» (т. е. отца Моисея). Таким образом, естественная скудость питания увеличивалась еще от добровольного воздержания и умеренности в пище старцев.

** Крашенинный (подрясник) — сделанный из крашенины — крашеного домотканого полотна.

Не менее, чем пища, скудна была и одежда пустынников. Когда брат отца Моисея, Александр, остался на житье в пустыне, старцы облекли его в послушническое платье — короткий крашенинный** подрясник («синетину»), весь в пятнах и заплатах, и этот подрясник показался ему «драгоценнее царской порфиры». Такие же подрясники носили и старцы; только в торжественные случаи и в праздники они надевали мантию из того же простого материала. На ногах носили лапти собственного рукоделия, а на го-

лове — монашеские колпачки или теплые крестьянские шапки. Кожаный монашеский пояс и на руках четки, сделанные иногда собственноручно из простой веревки, дополняли одеяние пустынника. День пустынники проводили следующим порядком. Ровно в полночь младший из братии, исполнявший обязанности будильщика, обходил ближайшие кельи и, произнося молитву Иисусову, будил старцев на молитву. Будильщиком был обыкновенно отец Антоний, брат отца Моисея. В большой (4-аршинной) комнате, уставленной образами, старцы отправляли полунощницу и утреню, причем вычитывали всю церковную службу по богослужебным книгам без малейшего опущения. Еще в детстве Александр (отец Антоний) хорошо знал Церковный Устав, теперь же, вследствие ежедневной практики, так в этом усовершенствовался и сделался таким хорошим уставщиком, что впоследствии не имел себе равного.

После утрени через час служили соборный акафист Богоматери*, после акафиста часа через два — часы с изобразительными**. Затем следовал поздний и скудный обед, приготовленный руками того же Александра. После обеда кто-нибудь из старцев предлагал братии беседу, например, о послушании, о хранении молчания и прочее. Часов в пять служили вечерню, как положено по Уставу. За скудным ужином читалось житие дневного святого, а после ужина — снова беседа или учение из сборников аскетических писаний. Впрочем, некоторые старцы не принимали пищи вечером.

Перед отходом ко сну каждый пустынник для себя читал молитвенное келейное правило со мно-

* Соборный акафист Богоматери — совершаемое собором иноков, накануне субботнего дня, чтение и пение Акафиста Пресвятой Богородице (в отличие от келейного его прочтения).

** Часы с изобразительными — Богослужение 1, 3, 6 и 9 часов дня по византийскому времени. Часы с изобразительными бывают трипсаломные — вседневные, великопостные и Царские и Пасхальные. Апостолы освящали молитвой часы: 1-й, когда Господь Иисус был осужден; 3-й, когда Святой Дух сошел на апостолов; 6-й час — Распятия Спасителя, 9-й час — Его смерти. Изобразительны, или обедница — последование, восполняющее в некоторые дни отсутствие Литургии.

жеством земных поклонов. Все это: и общее молитвословие, заменявшее церковную службу, и келейное правило — совершалось с великим усердием. Можно сказать, что почти весь день пустынники простаивали на молитве, оставляя ее лишь для исполнения различных работ и послушаний.

И зимой мало было покоя. Нужно было дрова рубить и таскать их по глубокому снегу к келье; ловить в реке рыбу и для этого просекать проруби, ставить нерета и прочее. Так как старцы все необходимое для своей жизни изготавливали сами, то работы всегда было вдоволь: исправить келью, починить одежду, сплести лапти, набрать на зиму про запас грибов, малины. Всё это было нужно, и всё это наполняло свободные часы между продолжительными службами. А затем оставались еще «занятия душевные».

Под этим именем отец Моисей разумел, конечно, чтение книг и переписывание их, что составляло самый любимый труд его и брата его Антония. Книг у них в пустыне, как видно, было немало: часть была привезена с собой при вступлении в Пустынь, часть приобретена после, во время поездок из Рославльских лесов на богомолье в Киев и Москву. По крайней мере, отец Моисей из Пустыни посылал книги своему брату даже в Москву. Оба брата были страстные любители чтения аскетического, назидательного и исторического характера. В годы настоятельства в Оптиной Пустыни отец Моисей собрал и передал монастырю громадную библиотеку в 5000 книг, а отец Александр — в 2000 книг. Читали они с благоговением, вникая в каждую мысль, отмечая особенно выдающиеся места, чтобы выписать их в особую тетрадь.

У старца Афанасия было много рукописных переводов святоотеческих книг, сделанных Паисием Величковским. Выписывая из них разные места, братия за время пребывания в Рославльских лесах составили несколько рукописных сборников, где в последовательном порядке изложены правила христианской жизни, особенно монашеской. Один отец Антоний передал в оптинскую библиотеку до 60 рукописных книг и тетрадей, где большею частью им самим переписаны жития святых, редкие службы и молитвы, которых в печати не найти, акафисты и т. п. Старцы писали свои сборники полуставом, четко, красиво; а некоторые статьи даже уставом. Из благоговения к отеческим книгам они читали их и писали стоя, и это — после продолжительного стояния на молитве! Как относились они к переписке книг, как следили за правильностью и точностью переписываемого, видно из письма отца Моисея из Москвы в пустыню к брату (15 декабря 1820 года): «Книгу преподобного Нила я отсюда не послал, потому что заметил в ней неверность по правописанию. Устава с скорописной (книги) не пиши до меня, а только настоящую книгу списывай».

Кроме этой работы, у старцев было еще другое письменное занятие. Отец Моисей, любя молчание и углубляясь постоянно внутрь себя, записывал иногда свои действия, мысли и намерения на особых листках. Отец Антоний имел даже влечение к писательству. В пустыне он вел дневник своей внутренней жизни, а будучи игуменом, начал даже писать свою автобиографию.

Наконец, не чуждались старцы и переписки со своими родными (отцы Моисей с Антонием), уважаемыми подвижниками и благотворителями. При таких занятиях, молитве и труде, жизнь их была весьма содержательна и чужда уныния и скуки, так что можно понять, почему впоследствии, при воспоминании о ней, лица их озарялись юношеским одушевлением.

Среди трудовых будней праздники были для старцев днями отдыха и братского общения. В воскресенье и праздничные дни в келью отца Афанасия приходили ближайшие старцы, отец Досифей и отец Дорофей, а иногда кто-либо и из других рославльских пустынников, живших в дальнем расстоянии. Отправив вместе службу, старцы вместе обедали и подкрепляли свои силы чаем или какою-нибудь травкою, беседовали о христианской жизни и читали из какой-нибудь святоотеческой книги. Во время беседы говорили только старшие, а младшие должны были молча слушать. На Рождество, на Пасху и другие нарочитые праздники приходил из ближайшего села Лугов старец-священник и приобщал их запасными Дарами. Отшельники же одиночки ходили причащаться в ближайшие села — Даниловичи, Троянову слободу и другие. С особенною радостью встречали пустынники Пасху. С имеющимися у них образами совершали они крестный ход вокруг своей кельи, и тогда густая тьма весенней ночи озарялась трепещущим светом их восковых свечек, и в угрюмом лесу далеко разносились торжественные и радостные звуки пасхальных песнопений. Отец Антоний имел хороший слух и приятный голос. Впоследствии в Оптином скиту

он устроил пение, умилившее всех: тихое, стройное и вместе величественное, оно выражало кротость, смирение и молитвенное благоговение, которыми проникнут был участвовавший в нем и руководивший им скитоначальник отец Антоний. Самое служение его в церкви отличалось красотой, кротостью и величием в каждом движении, в каждом слове и возгласе, так что ему не находили подобного. Несомненно, что все эти качества воспитаны были у отца Антония в пустынном уединении Рославльских лесов продолжительною молитвенною практикою.

К числу отшельнических праздников в Рославльских лесах нужно отнести и пострижение в монахи, или «облечение в ангельский чин» кого-нибудь из братьев. Это пострижение называлось келейным, т. е. тайным, неофициальным, так как совершалось не по синодальному указу, а по личному благоусмотрению старца, которому всегда ясно видна была мера духовного возраста новоначального брата. Официально же это пострижение не признавалось. Отец Моисей келейно пострижен был старцем Афанасием в первые же годы своей жизни в пустыне, но только в 1822 году, через 12 лет, епископ Филарет исхлопотал ему от Синода официальное разрешение на пострижение и ношение мантии; до того же времени он официально числился не как монах Моисей, а как московский купец Тимофей Путилов, хотя епископ Филарет лично и признавал его келейный постриг*. Для самих же пустынников главное составлял этот келейный постриг, и они желали его, как дара небесного. На пострижение сходились из лесу старцы-отшельники и совершали обряд строго по чину.

* Келейный постриг — монашеский постриг с благословения настоятеля монастыря или старцев, совершаемый в келье и еще не закрепленный документами Святейшего Синода.

Отец Антоний был пострижен старцем Афанасием 2 февраля (на Сретенье) 1821 года, после 4-летнего тяжелого искуса. Восприемником его от Евангелия был брат отец Моисей. Впоследствии отец Антоний с удовольствием вспоминал, как радостен был первый день его монашеского тезоименитства, 17 января 1821 года, проведенный в безмолвии, посреди непроходимой пустыни, в молитве и во всеощном бдении. «Воистину, — говорил он, — Пасху Господню в то время чувствовала в себе самой душа моя». По его словам, он целый год после пострига сохранял в сердце особенное ощущение благодати Божией, воспринятой в чине пострижения.

В чем же состояло подвижничество старцев? Известно о некоторых внешних подвигах благочестия их: труде и молитве (отцы Моисей и Антоний по 18 часов проводили стоя, отчего впоследствии страдали ногами), поклонах (келейное правило отца Феофана с 800 поклонами), о посте и воздержании от пищи (40-дневный пост отца Феофана) и т. п. Были среди отшельников простецы, которые главное внимание свое обращали на эти подвиги, что не мешало, однако, им возрастать духовно; но большинство пустынников, воспитанных на святоотеческих писаниях, прошедших школу отца Паисия лично или чрез посредство его учеников, стремились больше к духовному самоусовершенствованию. Борьба со страстями душевными и телесными, последование Евангельским заповедям и советам, полное отрешение от прелести мира, самоуглубление, или «обращение ума внутрь», внимательность к каждой своей мысли, к каждому слову, смирение и неосуждение

других, любовь ко всем и строгость к себе самому, чистота чувств и мыслей и как средства для этого — отрешение от своей воли, безусловное послушание старцу и молчание — вот задачи, которые ставили себе для достижения высоты духовного совершенства отшельники. И они, несмотря на трудность этого пути, достигали его при посредстве неимоверного напряжения своей воли.

Откуда отшельники брали силу воли для точного выполнения своих обетов? Как это ни странно на первый взгляд, но истина в том, что они вырабатывали в себе твердость при помощи полного отречения от своей воли и всецелого послушания старцу. Новоначальный инок должен был открывать старцу всякую свою самую малую мысль и без его благословения и совета ничего не делать. Как строго исполнялось это правило, видим на примере отца Антония, который был поручен руководству отца Моисея. Как младший из братии отец Антоний должен был исполнять самые трудные работы. На его обязанности лежало будить старцев в полночь к заутрене, рубить дрова, топить печи, обрабатывать огород, ловить рыбу и т. п. Старец отец Моисей, к которому Антоний чувствовал и страх, и горячую любовь, обходился с ним весьма строго. Проспит ли Александр и других не вовремя разбудит к полунощнице, по окончании службы его, как нерадивого будильщика, ставили на поклоны; в другом ли чем провинится, опять на поклоны. Сначала он исполнял эти епитимии* с понуждением и трудом, потом так привык к ним, что даже порою и сучал, если долго не услышит обычного: «Ну, брат, становись на покло-

* Епитимия (греч. «наказание») — нравственно-исправительная мера Церкви в отношении кающегося грешника; врачевание духовное; исполнение исповедовавшимся, по назначению духовного отца (обычно священника, реже инок-старца, не имеющего священства) тех или иных дел благочестия, противоположных содеянным грехам. Правила применения епитимии находятся в общецерковных канонических сборниках.

ны!» Скоро он достиг того, что исполнение тяжелых послушаний стало ему в сладость. А отец Моисей, как опытный Старец, старался еще более усилить их тягость, согласно учению Иоанна Лествичника, что «наставник должен подавать подвижнику как можно больше случаев к приобретению венцов, какие он, по его замечанию, может заслуживать перенесением досад, бесчестий и унижений»¹. «В начале поступления моего в пустыню, — рассказывал отец Антоний, — я имел характер самый пренесносный, и Старец мой чего-чего не употреблял, чтобы смирить мою жестоковыйность. Но ничто так не смирило моего окаянства, как ежегодное по несколько раз в течение шести лет очищение отхожих мест. А в дополнение к сему нередко посылаем был по проезжим дорогам собирать для удобрения огородов конский и скотский помет. Вначале святое послушание это было для меня не без горя и не без слез».

Трудность тесного и прискорбного пути монашеского вознаграждалась и услаждалась для Александра и благодатными духовными утешениями. Однажды в темную осеннюю ночь отец Моисей будит юного подвижника: «Встань-ка, брат, надо посмотреть, нет ли рыбки в неретах?» А река была не близко. Со словами: «Благословите, Батюшка!» смиренный послушник встает и отправляется в глухой дремучий лес. Осенняя дождливая полночь, шум деревьев, крик сов — все это сначала наводило на него страх и смущало его, но послушание превозмогло. Ободрившись, он понудил себя идти вперед, уповая, что молитвами

¹ Слово 4, 27.

Старца будет огражден от всего неприязненного. С молитвою на устах он пошел почти ощупью или по памяти, дошел до назначенного места; в неретах, конечно, ничего не нашел и пошел обратно в келью. Но уже вместо страха он чувствовал в сердце великую отраду — и вдруг стало пред ним светлеть все более и более; темная ночь обратилась как бы в ясный день; потом через несколько времени опять потемнело; но сердце Александра исполнилось такой неизъяснимой радости, какую редко и редкий человек испытывает на земле. В духовном восторге возвратился он к Старцу, рассказал ему о виденном и всю ночь не мог заснуть: ему казалось, что он в раю, — так радовалась душа его! В другой раз, на Святую Пасху, когда пропели светлую утреню и часы, послали его одного прогуляться в лесу — и он в лесном безмолвии в этот знаменательный день ощущал такое сладостное утешение и духовный восторг, что как будто пребывал на небе, а не на земле.

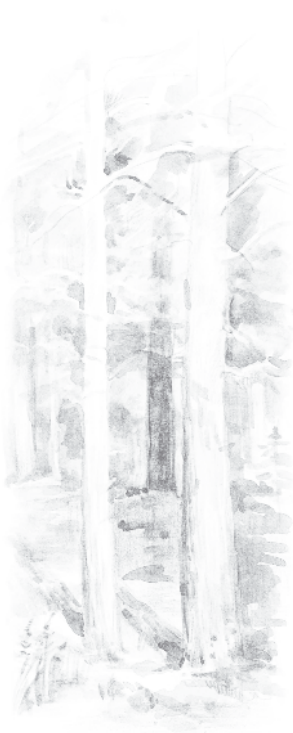
Вообще, понуждая себя к послушанию и отсечению своей воли, Александр чувствовал в душе отраду и спокойствие, но достиг он этого не вдруг, а после упорной борьбы с собою. Он строго следил за каждым своим шагом, заставляя себя во всем подчинять свою волю Старцу. Решил он сделать себе выписки из чина пострижения, чтобы всегда проверять себя, — и прежде всего просит на это благословения Старца. Вздумал писать келейные записки для лучшего самонаблюдения, — опять с благословения Старца. Однажды без его благословения он сделал себе из веревки четки, но, увидев свою ошибку, бросил их в огонь, «яко дело бесовское». На Рождество Христово

Старец разрешил ему употребить «воды горячей», а он, «по действию бесовскому», вздумал от нее воздержаться, вопреки обету послушания; и от этого чувствовал сильное уныние. И помысл его, укоривши его за составление своего разума, сказал: «Хотя бы тебе Батюшка благословил мяса наесться или еще какую скверну употребить, то гораздо для тебя лучше бы и полезнее было твоего самочинного воздержания».

Строгое послушание соединялось у Александра со смирением молчания. Однажды в его новоначание случилось, что в келье отца Афанасия собрались старцы, и он, слушая их, увлекся и произнес несколько слов; но сейчас же опомнился и, устыдившись своего дерзновения, покраснел и замолчал, вспомнив наставления Старца своего, который говорил однажды: «Между собою храните молчание; кроме нужного ничего постороннего не говорите, да будет чист ум ваш в молитвах. Укоряйте себя мысленно и унижайте и худшими всех имейте, и Бог призрит на смирение ваше и покроет от всех искушений». Александр так и поступал. Однажды он проявил в чем-то недогадливость. Это повергло его в уныние, и он записал в дневнике: «Увидел я, что тогда только я нахожусь в истинном о себе мнении, когда худую о себе имею мысль, а когда добрую, то в прелести бываю». В сердечном сокрушении просил он Старца, чтобы тот «за всякую погрешность чем ни на есть его наказывал». Однажды Старец не допустил его до Святого Причащения «за бесстыдную гордость и лукавство в исповедании грехов». «Исповедавшись пред ним чистосердечно со смирением, я чаял, — пишет отец Антоний, — себе жестокого наказания, и сбылись на мне святого Да-

вида слова: *Накажет мя праведник милостию*¹. Ибо весьма кротко и с соболезнованием обо мне выговоры мне он делал, и в заключение велел написать в сердце ко всегдашнему памятованию следующие 8 пунктов: 1) отвержение своего разума и воли иметь, 2) при встрече с каждым лицом поставлять себя худшим в каком бы то месте ни было, 3) память смерти вкоренять в сердце глубже, 4) самоукорение, 5) смиренную молитву всегда иметь, 6) укоризну, аще случится от кого, принимать как врачевство душевное, с радостью; 7) что сказано будет, в точности выполнять, 8) аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки погрешить, исповедовать то чистосердечно, как есть, без лукавства. И я Батюшку со слезами просил, чтобы от Бога испросил мне паче всего ко хранению самое последнее, т. е. чистосердечное исповедание, ибо я оного почти во всю жизнь мою никогда не имел. А епитимию за грехи мои, какую ему Господь откроет, обещал по времени на меня наложить к уцеломудрению моему и удовлетворению правде Божией».

Привычка постоянно наблюдать за собою, обсуждать каждый свой шаг, сдерживать свои порывы, подчиняя свою волю воле старца, вырабатывала в пустынниках и чистоту душевную, и ясность, и определенность в мыслях, и такую силу воли и выдержку характера, что им не были страшны никакие испытания. Из безмолвного уединения Рославльских лесов являлись миру такие цельные закаленные личности, как отец Моисей и отец Антоний, пред нравственным величием которых благоговейно пре-

¹ Пс. 140, 5.

клонялись и бедные, и богатые, простые и знатные и высокообразованные люди. Все это было следствием тяжелой борьбы, вынесенной ими со злом физической и нравственной природы. Какие только напасти, какие искушения постигали их в пустыне! Холод и голод пустынноики переносили добровольно. Хищные звери бродили вокруг их келий, разбойники нападали на них, бури завывали над головою — но пустынноики всё переносили с надеждой на Бога. Вот как рассказывал об этих напастях отец Моисей: «Волки постоянно были около нас в продолжение целой зимы; но мы уже привыкли к их вою, как бы к вою ветра; а медведи иногда обижали нас, расхищая наши огороды. Мы их видели весьма близко и часто слышали, как они ломали по лесу деревья, но никогда они нас не трогали, и мы жили с ними в мире. И от разбойников помиловал нас Бог, хотя и часто слышали, что они бродят у нас в околоте. Впрочем, нас нелегко было найти, да и нечем было им у нас поживиться. Однажды только, Божиим попусцием, случилось искушение; как теперь помню, это было 14 ноября, поздно вечером. Старец мой, отец Афанасий, отдыхал, а я переписывал Святцы, так как письмо по уставу было обычным моим занятием. И только что начал писать молитву к Божией Матери: „Под Твое благоутробие прибегаем, Богородице, моления наша не презри во обстояниях“, кто-то постучался в дверь, — то были разбойники. Они, обобравши келью бывшего в отлучке отца Дорофея, пришли втроем к нам. Не снимая крючка, я стал спрашивать: „Кто там?“ — „Да вот работники в лесу заблудились; нет ли вблизи селения?“ И так во-

прос за вопросом. Я со свечой в руках полуотворил дверь и увидел неизвестного человека, он продолжал разговор со мною, сняв шапку. „Ты говоришь: мы, а где же другие?“ — спросил я. В это время из-за крыльца показался его товарищ в шапке, на которого первый тотчас прикрикнул: „Сними шапку-то!“ А издали приближался и третий с рогатиною. Старец, услышав длившийся разговор, взглянул за дверь и в то же время получил тяжелый удар в бок по руке со словами: „Его-то нам и надобно!“ Заслонив собою старца, я силился припереть наружную дверь, но подпорка попала между дверью и стеною, и нас бы, конечно, убили, если бы, по счастью, не случился на тот раз в нашей келье молодой здоровый крестьянин, который принес нам пищу из селения и остался за ночным временем. Проснувшись на шум, он схватил топор и еще со сна закричал: „Много ли их тут? Всех перебью!“ Разбойники, подумав, что нас много в келье, разбежались, оставив старца еле жива, и долго болел он от полученного удара. Мать Божия, видимо, спасла нас. Кроме же сего случая, других в продолжение десяти лет нашего пустынножительства, благодаря Богу, не было. Но страшнее разбойников бывали для нас порывистые бури, ломавшие вековые деревья и грозившие задавить нас. Однажды обрушилось огромное дерево подле самой нашей кельи с таким треском, что я уже думал: вот настала последняя минута! — но и тут помиловал нас Господь — оно лишь ветвями задело крышу. Но страшен и самый рев бури в вековом бору, когда она ходит по нему и, как трости, ломает то, что росло целые столетия».

Как ни страшны были бури в лесу, как ни жутко было прислушиваться к их реву, но еще страшнее были для пустынников бури, поднимавшиеся в их душе, особенно у новоначальных, при мысли о трудностях пустынножительства. Отец Антоний рассказывал, что в первый год иночества нападала на него тяжкая тоска, и он многократно мысленно соглашался возвратиться вспять. «Но удерживало меня от сего, — говорил он впоследствии, — Христово слово: *Никтоже, возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии*¹. Ибо крайне не хотелось погибнуть, а потому и решился лучше страдать с людьми Божиими, нежели жить в селениях грешнических² и утешаться всеми видами удовольствий мирских». Однажды тоска до такой степени усилилась и пустынножительство показалось ему столь трудным и неудобноносимым, что, взяв котомку, задумал было бежать; но, отойдя недалеко, воротился и снова принялся за предлежавший ему подвиг. «В другой раз, — рассказывал отец Антоний, — исполняя в качестве послушания одну черную работу, вспомнил я свое прежнее житие и поколебался в мыслях. „Сверстники мои, — подумал я, — считают капиталы, а я вот чем должен заниматься!“ Но скоро зазрел себя, стал скорбеть, что осмелился мысленно пороптать на своего Старца; со стыдом исповедал свой помысл и, по приличном наставлении получив прощение, принял оное как от Самого Господа и с великою радостью продолжал

¹ Лк. 9, 62.

² Ср.: Евр. 11, 25; Пс. 83, 11.

понуждать себя в терпении — переносить труды пустынной жизни».

«Так-то, — заключал он свой рассказ, — без смирения в духе спастись и невозможно! А смирению от одних слов научиться нельзя; потребна практика, чтобы кто трепал нас и мял и выколачивал кострику, без чего и в Царствие Божие попасть трудно, которое многими скорбьми¹ приобретается».

Приведенные слова весьма метко рисуют личность отца Антония, насколько вообще в речи отображается духовный облик человека. По словам знавших его, отец Антоний отличался даром сладкоречия: слово его всегда растворено было духовной солью; любвеобильная и назидательная речь его не чужда была добродушной и мягкой шутки. Это уже свидетельствует, что пустынное уединение не вытравило у него, как и у других пустынников, человеческих чувств и светлого взгляда на жизнь и не превратило их в суровых, мрачных мизантропов. Старцы любили и благословляли жизнь, данную Богом; любили природу и всякое создание Божие; больше всего любили человека, созданного по образу и подобию Божию, и отношения их к людям запечатлены были ласковою приветливостью, участием и услужливостью. Они полюбили уединение, так как привыкли к нему. После пяти лет, проведенных в лесной глуши, и 18 лет скитского уединения маленький уездный городок Малоярославец показался отцу Антонию «великою шумною столицею». Но они никогда не избегали сердечного общения с людьми.

¹ Ср.: Деян. 14, 22.

Да и в своей пустыне они не жили строго замкнутою жизнью. Мы видели, что они сходились по праздникам на общую молитву или на беседу. В случае болезни брата все отшельники молились за него. Смерть больного или пострижение новонаначального также собирали в одну семью пустынников. Для обсуждения общих дел (при нашествии французов и перед отъездом в Оптинский скит) они собираются на общий совет. Они исповедуют друг другу грехи свои, помогают один другому, грамотные обучают неграмотных чтению и письму. И с внешним миром у них не прерывалось общение. Из ближайших селений к ним заходили крестьяне, приносили пищу. Отец Моисей выезжал однажды в Москву и там посещал духовных и светских своих знакомых. В 1812 году он, убегая от французов, побывал в Свенске и в Белых Берегах, а в 1816 году вместе с братом Александром ездили на богомолье в Киев, где гостили в одно время с Государем Александром Благословенным. На обратном пути посетили Софрониеву пустынь, Глинскую и Площанскую, где видались со старцами благочестивой жизни. В 1819 году ездили с братом в Оптину Пустынь «на одной лошадке» и познакомились с тамошними старцами. В силу возложенного на него послушания отец Моисей, по благословению своего старца, отца Афанасия, должен был от времени до времени посещать семейства помещиков-благотворителей и вести с ними частую переписку, хотя это послушание было особенно тягостно для него, ибо лишало его пустынного безмолвия. Из пустыни же он писал не раз брату своему Александру в Москву и другим лицам. Письма свои он пересылал

через некоего иеродиакона Смарагда, по-видимому, монаха Рославльского Спасского монастыря. При его посредстве, через почту же, он посылал брату книги и получал его письма и т. д. В этом и особенность рославльских пустынников, что, удаляясь от излишнего обращения с людьми, они не удалялись от любви к ближнему. Отец Антоний в старости рассказывал: «Живя в Рославльских лесах, бывало, встретишь человека и как Ангелу Божию ему обрадуешься, а ныне как ни хорошо мне, а того уж нет... уже нет!» — прибавит Старец и вздохнет.

Такова была жизнь старцев в пустыне, и недаром они впоследствии вспоминали о ней с просветленными лицами. Эта жизнь способствовала их нравственному самовоспитанию и совершенству и сделала их светильниками миру, которых согревающий свет привлекал к ним со всех сторон людские сердца. И по смерти их память их живет, как *память праведных с похвалами*¹!

Иван Иванович Орловский

¹ Прит. 10, 7.

Часть третья

**ИЗ «ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ
О СКОНЧАВШИХСЯ
И ПОГРЕБЕННЫХ...»**

Земная жизнь — мгновенное
обманчивое сновидение.

И радости и скорби, наслаждения и огорчения,
счастье и несчастье, успехи и разочарования, смех и
слезы, здоровье и болезни — все пройдет,
как мимолетный призрак, как мечта.

Души наши вступят в вечность.

Какова будет она для нас?

Усвоимся Богу в течение земной жизни,
чтобы быть с Ним и по смерти.

Архиепископ Григорий (Ставицкий)

*Из «Памятной записки
о скончавшихся и погребенных в Богохра-
нительной обители Козельской Введенской
Оптиной Пустыни и в Ските святого
Иоанна Предтечи, находящемся при оной»*

1768

Март 27. Скончался строитель сей Опти-
ной Пустыни иеромонах Никанор. Определен в
строители 18 ноября 1765 года указом Крутицкой
Духовной консистории* по резолюции Преосвя-
щеннейшего Амвросия, архиепископа Крутицкого
и Можайского, из иеромонахов Боровского Паф-
нутиева монастыря. В Оптиной настоятелем был

* Духовная консис-
то́рия — с 1744 г. при-
сутственное место при
епархиальном архиерее,
находилась в ведении Св.
Синода. По «Уставу» 1841 г.
через Духовную консисто-
рию под непосредственным
начальством епархиального
архиерея производились
управление и суд в епар-
хии. Консistorскому суду
подлежали лица духовного
и светского звания.

до смерти два года и три месяца. Место погребения его неизвестно.

1775

Январь <...>. Скончался настоятель сей Оптиной Пустыни игумен Аристарх, поступивший в Оптину настоятелем, по указу Преосвященного Сильвестра, епископа Крутицкого и Можайского, 3 декабря 1770 года. Вместе с тем, повелено ему быть главным управителем дел в Козельском Духовном правлении*. Родом происходил из духовного звания, пострижен в монашество из вдовых диаконов в 1749 году во Владимирском Спасском Златовратском монастыре. Будучи иеродиаконем, находился сперва во Владимирском Архиерейском доме по 1751 год, потом занимал должность писца и казначея в Цареконстантиновом и Боголюбовом монастырях с 1751 по 1759 год, а с 1759 по 1761 год находился во Владимирском Семинарском Богородицком монастыре и в бывшей Семинарской конторе присутствующим. По посвящении же во иеромонаха с 1761 года определен казначеем во Владимирский Архиерейский дом. 29 октября 1762 года произведен во игумена в Боголюбов монастырь с исправлением прежней казначейской должности по 1764 год, а с 1765 по 1766 год состоял присутствующим во Владимирской Духовной консистории. В 1767 году по разным немощам устранен от управления Боголюбовым монастырем и определен в Цареконстантинов монастырь

* Духовное правление — с XVIII и до сер. XIX в. учреждалось указом Святейшего Синода в уездном городе епархии, подчинялось Духовной консистории епархии и состояло из духовных членов и канцелярии; в обязанности правления входили контроль за исполнением распоряжений епархиального начальства, сбор церковных документов и др.

на иеромонашескую порцию*, где и оставался до назначения его настоятелем в Оптину Пустынь, т. е. до 1770 года. В сей Оптинской обители он (игумен Аристарх) старанием своим привел к окончанию устройство иконостасов: как в настоящей Введения Пресвятой Богородицы церкви, так равно и в приделе великомученика Феодора Стратилата, и по дозволению епископа указом освятил оные с братиею: Введенский алтарь — 21 июня, а святого великомученика — 29 июня 1771 года. Дотоле же был один только придел освященный — во имя преподобного Пафнутия. Сверх того, пришедшее в ветхость монастырское строение по возможности поддержал поправкою и перестройкою, и неусыпным попечением о поддержке и устройстве сделал услугу для обители сей сколько мог и успел, и тем удержал святое место сие от конечного запустения. Преставился о Господе на 59-м году от рождения. Погребен в сей обители в паперти соборной Введенской церкви, что с южной стороны. В 1835 году паперть сия вошла внутрь придела во имя святителя Николая Чудотворца, а самое место погребения сего достойного особой памяти мужа находится близ иконостаса, где храмовый образ и образ Владимирской Богоматери, к правому клиросу.

*Порция иеромонашеская — содержание, жалованье, выделявшееся на проживание иеромонаха в штатной обители, согласно Положению о «монастырских штатах» (т. е. обеспечении монастырей жалованьем взамен конфискованной в 1764 г. собственности).

1815

Апрель 30. Пополудни в 4 часа скончался схимонах Иоанникий на 55-м году от роду. В Оптину

#222.

Памятная записка

о скончавшихся и погребённых в

в Божественной Обители

Козельской Введенской Оптиной Пустыни

и в Ските СВ. Иоанна Предтечи,

находящихся при оной.

составлена из Архивных монастырских книг,

в 1845 году.

«А кто эти голубки, как поживёт и
не узнит смерти? ...
По блаженнейшему утешению о Понедельнике,
и! поживёт от прудовь оземь ...»

На время не приняты следующие
Оптинской Пустыни, писанные неизвестно
Первым: сведения о существовании при Би-
блии в 1629 году том и иже том, в
козельской писанной книге, но

Рукопись «Памятная записка о скончавшихся и погребённых в Божохранимой обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските святого Иоанна Предтечи, находящемся при оной». ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. Л. 1.

поступил из пономарей Жиздринского уезда, села Толстошеева в 1802 году, пострижен в мантию 29 марта 1806 года, а в схиму 1810 года в апреле месяце. В послушании трудился при пасеке, бывшей в монастырском лесу (при сей пасеке уединенная келья послужила первым основанием уединенной жизни: ибо на сем самом месте в 1819 году¹ построен ныне существующий Скит и даже доселе соблюдена в целости попечением настоятеля та самая деревянная келья², в которой жил схимонах Иоанний).

В иноческих подвигах преуспевал, в особенности: послушанием, тихостью и кротостью, с блаженною простотою и незлобием. Имел нелицемерную любовь к настоятелю и ко всей о Христе братии. К церкви Божией притекал первый и исходил последний, по добром подвиге о спасении души своей почил о Господе блаженно с напутствием всех потребных для вечной жизни Таинств. Тело погребено 2 мая в воскресный день. Многие из окрестных жителей, в особенности города Козельска, память его доселе почитают служением на могиле панихид о упокоении души его. Для сего также нередко приезжают в обитель его дети: один сын, кафедральный протоиерей в Рязани, прочие в Калужской епархии в числе заслуженного духо-

¹ Основанием Иоанно-Предтеченского скита считается 1821 год, когда прп. Моисей (Путилов) и игумен Даниил представили свт. Филарету (Амфитеатрову), епископу Калужскому, план постройки Скита и получили в ответ положительную резолюцию Святителя.

² В годы гонений XX века келья отца Иоанникия была разрушена.

венства. Погребен в паперти Введенского собора с северной стороны при входе в церковную северную дверь по правую руку.

В 1835 году паперть оная вошла внутрь придела преподобного Пафнутия, а место, где погребен, ныне находится близ арки, возле стены, разделяющей придел и палатку. Над местом устроен на стене написанный в киоте крест с предстоящими Богоматерью и святым апостолом Иоанном Богословом. Пред иконою сею лампада серебряная и позолоченная.

1827

Апрель 29. Скончался иеросхимонах Пимен на 64-м году от роду. В Оптину поступил в 1809 году из белевских мещан, отец его был духовного звания (родной брат Феодот — в городе Козельске священником). Пострижен в 1821 году 27 февраля, в послушаниях был: при пчельне, у погребного, а потом иеромонахом в чередном служении и духовником. Имел особенную веру к святому великомученику Георгию Победоносцу и просил погребсти тело его возле алтаря придела святого Георгия. По смерти погребен по его желанию возле того алтаря с левой стороны.

Декабрь 4. Скончался общий духовник иеромонах Ферапонт на 65-м году от роду. Из вдовых священников, поступил в Оптину в 1809 году, а пострижен в 1813 году 23 декабря.

1829

Август 29. Скончался иеромонах Феодосий на 73-м году от роду. Из московских купцов. В Оптину переместился из Архангелогородского монастыря Архангельской епархии иеромонахом в декабре 1810 года. Был общим духовником.

1833

Май 18. В четверток скончалась на скотном дворе пребывавшая вдова, Санкт-Петербургская купчиха Мелания Ивановна Грузинова — мать монаха Макария живописца. Усердием ее выстроена деревянная гостиница, сделаны пристройки к скотному двору, так[же] усердствовала на обитель вечный билет. Кроме того, благим нравом и щедростью подражала преподобной Мелании Римляныне. Поболела более полугода, почил о Господе с миром; при погребении тело ее покрыто было покровом, принесенным из Иерусалима, который удостоен прикосновения Гроба Господня с изображением воскового креста от Благодатного огня.

[Погребена] за алтарем преподобного Пафнутия.¹

Улья 20. Скончался монах Иларион на 79-м году от роду. В Оптину поступил в 1810 году, пострижен в 1813 году, послушание его было запи-

¹ После открытия Оптиной Пустыни в 1987 году алтарь был освящен в честь прп. Амвросия, старца Оптинского.

совать в синодик и счетная часть. Пред смертью страдал шесть недель от параличного удара, половина всего тела и языка омертвела. По пострижении принуждаем был о принятии священного сана, но по смирению своему отказался. Погребен по левую сторону соборного храма.

1834

Февраль 25. Скончался рясофорный монах Доримедонт Иванович Соловьев на 56-м году от роду. В Оптину поступил в 1831 году из вольноотпущенных [крестьян]. Послушание его гостинником, пред смертью болел с неделю и терпел при исходе души страхование. Погребен на левой стороне [Введенского] собора.

1835

Июль 27. Погребено тело козельского мещанина Петра Васильевича Брюзгина, лет 50-ти. В молодых летах жил в монастыре, но впоследствии, обратившись в мир, терпел нищету. Погребен возле Введенского собора на левой стороне.

<...>¹ Скончался новоначальный послушник Иван, из болховских мещан. Он вздумал возвратиться в Болхов, пошел по большой Белевской дороге, за-

¹ Запись помещена между 27 июля и 4 августа.

брел в лес и Божиим промыслом пришел нечаянно к Оптинской обители. Вскоре от простуды заболел гнилою горячкою и скончался по-христиански. Погребен на левой стороне Введенского собора.

1836

Август 17. Скончался общий духовник иеромонах Иларий на 63-м году от роду. В Оптину поступил в 1804 году, из гжатских мещан. Пострижен 30 марта 1807 года, духовником [назначен] в 1827 году¹. Был малогласен*, рыбы употреблять в пищу никогда не мог. Погребен возле собора по левую сторону.

* Малогласен (или малогласный) — здесь: обладал слабым, тихим голосом.

Август 18. Во время поздней Литургии скончался монах Мисаил, на 87-м году от роду. В Оптину поступил, отслужив Царю 25 лет воином, в 1804 году, а пострижен 23 декабря 1813 года. Ослабевал постепенно от старости, при исходе души быстро смотрел вверх с удивлением, казалось, как бы внимал какому суду, и тихо испустил дух. Тело его, т. е. лицо, сделалось бело и приятно. Достопамятен простотою, трудолюбием, усердием к экономии по обители. Платье носил всегда многоскрепленное белыми нитками, четки в руках его были — нитка с узелками. Не книжный. Он сделал обители вечный вклад в 375 рублей ассигнациями. Погребен на левой стороне соборного Введенского храма на общем братском кладбище.

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 194.

* Вахмистр — с 1711 г. в русской армии воинское звание унтер-офицерского состава кавалерии и конной артиллерии, а также в Отдельном корпусе жандармерии до 1917 г.

** Дворовые люди — здесь: крепостные люди, принадлежавшие помещику и жившие совместно в барском доме или на дворе в отдельной «людской» избе на содержании помещика для оказания личных услуг или выполнения каких-либо специальных работ.

Август 24. Скончался рясофорный монах Дмитрий Егоров, горбатый, на 59-м году от роду. Из приказных, сын вахмистра*, находился в Симферополе с родителями. В Оптину поступил в 1818 году, послушание его было привратником и будильщиком, нравом простосердечный и любовный ко всякому. Перед смертью поболел недели три и тихо отошел в вечный покой.

Декабрь 27. Скончался рясофорный монах Петр Степанов Янов, на 61-м году от роду, из дворовых** графа Орлова. В Оптиной с 1827 года, занимался живописью, трудился при расписании стен в скитской церкви, в братской трапезе и в алтаре Введенской церкви. Начинал литографию на камне. До крайности углублялся в свое занятие, забывая даже опрятность вокруг себя. Поболел недели две, скончался по-христиански тихо. Погребен на левой стороне соборного Введенского храма на общем братском кладбище.

1837

Март 21. Скончался рясофорный монах Аггей (Алексей Степанов), глухонемой, на 48-м году от роду, из козельских мещан. В Оптиной с малолетства, шил сапоги и звонил в колокола превосходно. Прислуживал при посещении Оптиной архиереем. Простудился на колокольне после бани, заболел горячкою, сделалась необыкновенная опухоль в гла-

зах, через неделю скончался. Погребен на общем братском кладбище.

Ноябрь 17. Скончался рясофорный монах Матвей Безпортыкин, неопределенно живущий*, лет 60-ти, отставной подпрапорщик, а в офицеры не произведен за нескромную фамилию. В Скит поступил до 1824 года, был пономарем, потом при часовне на Сосенной, а оттуда [переведен] в обитель в 1835 году. В 1837 году, вышедши из столярни, оступился и скатился по лестнице со второго этажа, расшибся и дней через 10 скончался по-христиански. Погребен на общем братском кладбище.

* Неопределенно живущий — неприукаженный, т. е. живущий не в числе братии монастыря.

1838

Август 4. Скончался рясофорный монах Василий Петров Соловьев, на 75-м году от роду, из одоевских мещан. Хром ногою, мрежи вез** и жил года два в келье пустынника в лесу монастырском. В Оптиной с 1824 года. Погребен на общем братском кладбище.

** Мрежи вез — вязал рыболовные сети. Вязать означает плести сеть из особой пряжи, закрепляя каждую ячейку особым узлом.

1839

Март 29. В среду Светлой седмицы скончался неопределенный Александр Фадеич Моковнев, отставной канцелярист из города Тулы. Больной ногами от рождения, исцелился в Воронеже у мощей святителя Митрофана. В Оптину прибыл в 1836 году. Занятия его: оклеивал искусно картины,

* Обер-офицерский сын (обер-офицерские дети) — социальная группа лично свободного населения Российской империи XVIII — первой половины XIX в., дети военных и гражданских служащих, рожденные до получения их отцами чинов, дающих право на потомственное дворянство.

иконы, делал футляры, порядочно рисовал тушью. С осени 1838 года открылась чахотка, постепенно ослабевал и скончался блаженно, лет 30-ти от роду. Обер-офицерский сын*, на службе был в губернской канцелярии. Погребен на общем братском кладбище.

Август 2. Скончался живший в Оптиной с 1833 года отставной подпоручик Алексей Андреевич Севергин, лет 80-ти старец, кавалер и получал пенсion, из коего уделял часть на обитель для содержания себя. Был в послушническом виде, украшен сединою. Погребен за алтарем преподобного Пафнутия¹.

*Август [5]*². Скончался неопределенно живущий рясофорный монах Макарий, вяземский купец Макар Осипов Бoryшев, престарелых лет. В Оптиной с 1837 года, по силе своей трудился в послушании, на чреде чтения Псалтири. Кроткого нрава и правдивого. Внес в пользу Оптиной Пустыни в сохранение казну 2 000 рублей ассигнациями. Поболел недели три; при смерти необыкновенно скоро заговорил молитву Иисусову и на вопрос о сем послушнику сказал: «Приседят бесы», указуя рукою к ногам своим. Почил о Господе тихо. Погребен на общем братском кладбище.

¹ Придел соборного храма во имя Введения Пресвятой Богородицы во храм.

² Дата не указана. Запись помещена после 5 августа // ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-350. Л. 26 об.

1840

Май 12. В воскресенье во время трапезования братии скончался казначей иеромонах Варлаам, на 73-м году от роду. Пострижен в монашество в Хутынском монастыре в 1797 году, с 1806 года находился в Соловецком монастыре наместником. Из одного переходил: в 1810 году в Московский Симонов монастырь, в 1824 году в Белобережскую пустынь, из одной в 1830 году в Скит при Оптиной, в 1833 определен казначеем. Пред смертью страдал внутренним жаром несколько недель, постепенно ослабевал и скончался тихо. Происходил из брянских мещан, видом благообразен, украшен сединою, брадатый, малорослый. В 1831 году он внес на вечное время в сохранение казну 800 рублей ассигнациями в пользу Скита. Погребен на общем братском кладбище по левую сторону собора.

1841

Май 16. Скончалась на гостинице женщина Ксения, пришедшая для богомолья за семь дней до смерти своей из дома своего Перемышльского уезда деревни Куратской, крестьянка помещика Нехторова, преклонных лет, больная.

Май 17. Погребено тело крестьянского сына Бориса, Чернского уезда сельца Горбачевка помещицы Корсак-Кулаженковой, который с давних лет лежал в болезни, и по особенному побужде-

нию стал усиленно просить отца своего, крестьянина Леонтия, чтобы свозил его в Оптиный монастырь, будто бы он там выздоровеет. Отец повез больного, который, не достигши Оптиной одной версты, скончался тихо, лет 19-ти от роду. Лицо у покойника при погребении весьма бело было и приятно. Погребен возле Казанской церкви на южной стороне.

Июнь 16. Погребено тело рясофорного монаха Алексея Ивановича Желябужского, жившего в Оптиной с 1836 года, но скончавшегося в имении своем Болховского уезда в селе <...>, на 71-м году от роду, куда отправился за неделю только до смерти навестить детей и престарелую супругу свою. Там нечаянно заболел и 11 июня почил о Господе.

Последние годы он совершенно посвятил на благотворительные дела: в Оптиной сей обители коштом его сооружен и украшен придел во имя святителя Христова Николая Чудотворца¹, многие иконы украшены венцами, выстроен корпус келий деревянный — половину которого он занимал. Довольно помогал и деньгами, не забывал и бедных в отдаленных местах. За всем тем, еще до вступления в Оптину, разделил своим детям имение (коих у него осталось пять сыновей, кроме шести дочерей) по 100 душ с землею. Погребен возле алтаря святителя Николая Чудотворца. В 1843 году над могилою воздвигнут памятник чугунного литья в Ельце, с решеткою, хорошей фигуры.

¹ Придел собора в честь Введения Пресвятой Богородицы во храм.

Июль 4. Скончался рясофорный иерей Илья Васильев на 72-м году от роду. Поступил сначала в Скит в 1832 году в октябре, потом в 1839 году, по желанию и усердию его быть всегда в службе Божией, перешел в обитель. Вид имел благообразный, украшенный длинною седою бородою, росту высокого, телом сухощав от воздержной жизни. Трудолюбив и экономен. Бывши приходским священником Медынского уезда в селе Костине, уважаем был всеми прихожанами и, за расходом на свое семейство, он в разное время по своему усердию положил в пользу Оптиной Пустыни в Калужский Приказ 1000 рублей ассигнациями в 3-х билетах на вечное время. От старости голос у него крайне охрип, телом постепенно ослабевал и скончался по-христиански. Погребен на общем братском кладбище.

Август 30. Скончалась на монастырской гостинице подполковница графиня Александра Ильинична фон дер Остен-Сакен¹ на 44-м году от роду. Она приехала на гостиницу в июне сего 1841 [года] нездоровая и постепенно ослабевала; во все сие время находилась при ней родственница, вдовая графиня Елисавета Александровна Толстая, чернская помещица. Пред смертью, по прочтении духовником отходной, она тихо говорила с поспешностью невидимому духу: «Руку, руку, пустите руку», — и скончалась тихо. При погребении второго сентября довольно было родных ее,

¹ Воспитательница Л. Н. Толстого. — *Примеч. в рукописи.*

малолетние племянники графы Толстые, генерал Ергольский и прочие.

Погребена возле алтаря Введения Богоматери. Памятник каменный под мрамор с решеткою.

1842

Июнь 12. Скончался послушник Иоанн Максимов Большаков — из мещан города Богородицка Тульской губернии, на 27-м году от роду. В Оптиной с 1837 года трудился в просфорне, доброго нрава. Более года постепенно ослабевал от простудной болезни и блаженно окончил жизнь чахоткою. Погребен на общем братском кладбище.

Ноябрь 1. Скончалась на гостинице монахиня Макария — урожденная фамилии господ Быковских; средних лет; она проездом из имения родного брата Быковского в Борисовскую девичью пустынь остановилась в Оптиной на гостинице по болезни своей в <пропуск в тексте> месяце 1842 года, в которой, от чахотки ослабевая, скончалась в твердой памяти по-христиански. Пред смертью распорядилась имевшимся при ней достоянием на святые обители. Погребена за алтарем преподобного Пафнутия.

Декабрь 31. Скончался казначей иеромонах Гавриил в 9 часов утра, на 62-м году от роду. За три дня пред смертью заболел от простуды и не более как за 4 часа удостоился приобщения Святых Таин. Он пострижен в 1807 году в Брянской Белобереж-

ской пустыни, из карачевских мещан. Иеромонахом — с 1809 года. Переходил в обители: в Карачевский Одрин, в Валаамский, из сего в Скит при сей Оптиной в 1823 году, в 1830 году из Скита в обитель. [С 1836 года был духовником обители¹], а в 1840 году утвержден казначеем. Росту был высокого, сухощав, украшен сединою, но слаб здоровьем. Погребен на левой стороне соборного храма. В 1846 году положена доска чугунная с надписью.

1844

Январь 11. Скончалась на скотном дворе престарелая трудница Дарья. По усердию своему трудилась смотрением за телятами, страдала несколько лет болезнью — рак на носу, от коего гниения был дурной запах, — она и находилась в особой избе одна, терпела благодушно; но по смерти никакого запаха не было слышно и удостоилась христианской кончины.

Погребена возле Казанской церкви на южной стороне.

Январь 30. Погребено тело перемышльской помещицы поручицы Елисаветы Алексеевны Хлюстиной, скончавшейся 25 января в имени своем в сельце Кожемякино. При жизни своей всегда благодетельствовала в Оптину Пустынь и прочим обителям, а в доме своем упокоевала всех странных*,

* Странные — здесь: странники, паломники.

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 324.

особенно монастырских, поэтому и именовали ее «монашеская мать». Она в престарелых летах удостоилась христианской мирной кончины, оставила детям в подражание добродетели и благочестие. Родилась 1756 года августа 16 дня. Погребена за алтарем святителя Николая Чудотворца. В 1846 году поставлен памятник чугунный, литой на заводе, а золочен по местам оного в Оптиной Пустыни.

Март 28. Во вторник Светлой седмицы в два часа пополуночи, в самый благовест к заутрене, скончался из наемных рабочих отставной фейерверкер Николай Степанович Фадеев. Поболел лихорадкою недели три, но все время ходил на ногах и пред кончиною выходил из избы на свежий воздух, пришедши сел, облокотился на стол и в таком положении испустил дух, тихо, без страданий. Нрава был простого, откровенного, имел намерение поступить в монашеское звание. Родной брат его прапорщик Александр Степанович Фадеев [служит] сельским заседателем в Козельском земском суде. Погребен возле Казанской церкви на южной стороне.

Май 25. Скончался иеромонах Арсений во время ранней Литургии, на 47-м году от роду. Из духовного звания, в Оптину прислан был из Новоспасского монастыря по указу в 1836 году до усмотрения, по случаю поданного им прошения на флот, но по слабости его здоровья [ему было] отказано. После сего он подавал прошения и к митрополитам, и к епископам о принятии его в те епархии и не один раз сам ходил с паспортами, но по Промыслу Божию

отказывали ему и сам паки возвращался в Оптину. Он пострижен в Боровском Пафнутиевом монастыре, обучался в семинарии, примерную способность имел говорить проповеди и ясно читать во время службы Божией. В пятое воскресенье Святого поста сего 1844 года служил Литургию, начало своей седмицы, и по Литургии заболел лихорадкою, потом открылась водяная и чахотка, 24 числа особоровался и приобщился Святых Таин, а 25 [числа] скончался тихо в памяти, даже за минуту сидел с духовником своим и говорил, что ему полегче стало. Погребен на общем братском кладбище.

Апрель 17. Во вторник Светлой седмицы в 10-м часу во время Литургии скончался монах Андрей препростый* (неопределенно живший в рясофоре), на 90-м году от роду. Из экономических крестьян** Тверской губернии, Торжковского уезда, села Симео-на Столпника, там был ктиторм*** в церкви, грамоте не учился. В Оптину пришел в 1833 году, всё время находился в послушании при Сосенской часовне, а к каждому праздничному дню приходил в обитель. С наступления сего 1845 года по старости стал ослабевать в силах и просил отца игумена уволить его из часовни в обитель. Отец игумен согласился, но сказал ему: «Приучи прежде к своему послушанию другого вместо себя, а к Светлому Воскресению возьмем тебя совсем». Отец Андрей в простоте сердца повиновался, и помещен был к нему в часовню тоже престаре-

* Препростый — человек самый простой, весьма простосердечный и простодушный, незлобивый и не гордый.

** Экономические крестьяне — часть государственных крестьян, образовавшаяся по Указу 1764 г. о передаче различных категорий крестьян, принадлежавших Церкви, в управление Коллегией экономики духовных имений.

*** Ктиторм (или донаторм) — первоначально заказчик, основатель, строитель (организатор, покровитель строительства) храма или монастыря. В России в XIX в. ктиторм называли или старосту храма, или человека, которому доверяли распоряжаться средствами, собранными на строительство и на благоуукрашение храма.

лый Косма препростый, поступивший в 1844 году, из рославльских дворян. К Вербному воскресенью отец Андрей по благословению отца игумена переведен из часовни в обитель. От радости забывал свою старость отец Андрей, в церкви, с простотою и незлобием подходя к монахам, говорил: «Батюшки! — я совсем теперь приехал». На Страстной неделе ходил в церковь, в Святой Четверток вместе с братиею приобщался Святых Христовых Таин, а в Великий Пяток не мог уже выходить из кельи, крайне ослабевал в силах. В Светлый Понедельник во время вечерни особорован Елеосвящением и приобщился Святых Таин в свежей памяти, а поутру во вторник скончался блаженно за беспрекословное свое послушание, в простоте и незлобии совершаемое им. 18-го по Литургии отправлено погребение отцом игуменом с четырьмя иеромонахами и иеродиаконном. Похоронен на общем братском кладбище.

Май 5. Погребено тело генеральши Александры Федоровны Тиньковой, скончавшейся 28 апреля в имении своем Мосальского уезда, на 81-м году от роду. По желанию покойной погребена в Оптиной епископом Николаем Калужским, который для сего со свитою своею прибыл в Оптину 4 мая и встречал возле монастыря привезенное в 8-м часу пополудни тело покойной, с подобающей церемонией. Пятого числа по Литургии Преосвященный произнес приличное слово, и погребение окончилось в 2 часа пополудни. Из покрова [погребального] к 40-му дню сделаны парчовые риза, стихарь и епитрахиль. — Урожденная Грибоедова.

Погребена за алтарем святителя Николая Чудотворца. 8 сентября 1847 [года] поставлен на могиле памятник чугунный, лит на заводе, а покрашен и позолочен в Оптиной Пустыни монахом Пименом; совершенно окончен и поставлен 11 октября 1847 года.

Сентябрь 13. Скончался послушник Алексей Иванов, отпущенный на волю 12 июня 1822 года с землею, Лихвинского уезда из сельца Вырска, помещиком Николаем Николаевичем Лавровым. В Оптиной жил с 1827 года и приписан в козельское мещанство. Все время находился в послушании при монастырской рыбной ловле, трудился в простоте сердца. Грамоте не учен. В ночи под 1 августа сего 1845 года на рыбной ловле в казенной засеке против села Полошкова послан был со старшим рабочим, монахом Афанасием на дуб, огребать найденных пчел, и с дуба послушник Алексей, оступившись, упал. За поясом на спине был у него топор, он переломил у себя на спине кость, вышиб челюсть левую и зубы. Нижняя половина тела по самый желудок омертвела совершенно, так что в продолжение двух с половиною месяцев его страданий сделались на бедрах и на седалище три раны, в которые служивший ему послушник Иона всовывал около кости за тело руку для вымывания и вытирания гноя, но больной не чувствовал ничего. Сначала более месяца лечил костоправ, но ничем не помог. Больной укреплялся духом только приобщением Святых Таин, соборовался Елеосвящением и укорял себя во грехах. Питался жидкостью, и ту с трудом и болезнью пропу-

скал в рот. Верхняя половина тела хотя и была жива, но истощилась так, что все составы видны были под кожей. Лежал неподвижно — живой мертвец. За 8 дней до кончины не мог принимать даже и воды. 12 числа пополудни в крайнем изнеможении приобщен Святых Таин, после сего в полуночи вдруг с восторгом тихо прошептал Ионе: «Смотри-ка, брат! — вон пришли три Ангела, — какие хорошие! Ах, как мне весело и радостно, что они пришли-то!» Но Иона не мог видеть их. Потом чрез несколько минут, подозвавши Иону, обхватил руками и в восторге тихо шептал: «Смотри-ка! Смотри, брат! Вон — идут два митрополита!» — «Как их звать?» — спросил Иона. «Не знаю, брат, как звать-то их!» — отвечал с удивлением. 13-го от ранней Литургии еще удостоился приобщения Святых Таин и был в отрадном духе, а пополудни в третьем часу как уснул — скончался в надежде милости Божией. 15 числа в понедельник погребен по правую сторону Введенской церкви к Трапезному корпусу. Он среднего роста, светлорусый, от роду имел около 40 лет.

1846

Январь 31. В четверток погребено принесенное из города Козельска тело козельской купеческой сестры девицы Гликерии Степановны Тарасовой, престарелых лет. Старушка была благочестивая и всегда больная. Покров парчовый.

[Погребена] возле собора Введенского с правой стороны, близ западной церковной стены Трапезной.

Февраль 7. В ночи, в 12 часов, скончался находящийся в послушании Иулиан Захаров Лебедев, около 80 лет от роду, вдовый. Прежде у господина своего, козельского помещика Николая Михайловича Челищева, управлял имением с редкою доверчивостью, добросовестно. Он с семейством откупился на волю, дети его живут в Козельске, а сей старец по своему желанию поступил в Оптину. По силе своей читал Псалтирь по очереди с другими и с редким усердием при всякой церковной службе. Во время лета 1845 года Иулиан от старости лет ослабевал в силах, а с сентября и не мог уже выходить из кельи. Он нередко исповедовался и приобщался Святых Таин. Сего Небесного напутствия удостоился за пять часов до смерти своей и преставился в надежде милосердия Божия. Погребен 8 числа возле Трапезного корпуса по правую сторону. Среднего роста, мужественного вида, брада большая, украшен сединою.

Февраль 20. Погребено тело козельской госпожи, дворянки девицы Ольги Ивановны Чичериной, престарелых лет, скончалась в городе Козельске в болезни. Благочестивой жизни была и усердствовала к обители сей.

Март 11. Погребено тело княжны Екатерины, дочери Каллисты Александровны, по второму мужу полковницы Кавериной. Княжна скончалась в имении от Оптиной за 50 верст, на 12-м году от роду, привезено тело во время вечерни 10 числа. Похоронена возле алтаря Казанской церкви.

Май 3. Скончалась на деревянной гостинице странница Медынского уезда Карамышевой волости Аксинья Лазарева дочь Трофимова. Она с товарищами шла в Киев, на дороге заболела; товарищи послали ее с <...> в сию Пустынь, она же, дошедши до моста, что на Железенке, ослабела, в это время с гостиницы госпожа Каллиста Александровна Каверина с детьми, шедши для прогулки, увидела сию больную и довела на гостиницу. <...> числа <...>, которая по исповеди приобщена была Святых Таин, а сего 3 числа поутру в 5-м часу скончалась мирно в болезни. Объявила, что вещи ее имеются под сохранением у священника Филиппа Васильева и у диакона Малоюрославецкого уезда села Сетани Алексея Тимофеева. Погребена по христианскому обряду, в похоронах усердствовала и госпожа Каверина. С правой стороны Казанской церкви против алтаря Воздвиженского.

Май 14. Во вторник, утром в 7-м часу во время ранней Литургии, скончался рясофорный монах Борис Егоров, на 87-м году от рождения. В Оптиной находился по своему столярному мастерству еще при игумене Авраамии, а 26 апреля 1827 года, получив от госпожи своей, вдовы флота капитан-лейтенантши Мировии Семеновны Паниной, отпускную, определился в братство и продолжал трудиться столяром для обители за святое послушание, а с 1836 года по старости жил уже в больничных кельях и читал по очереди Псалтирь. Стал много забываться. К церкви всегда усерден был. С первых чисел сего мая более ослабевал, а 9 числа совершенно слег, исповедался и приобщился Святых Таин, 11 числа особорован,

четверо суток лежал в беспамятстве, закрывши глаза, пред смертью открыл один глаз, испустил слезу, потом тихо почил о Господе. Накануне удостоился приобщения. Росту был среднего, мужественного вида, сединою украшенный. Нрава кроткого и молчаливого. Погребен на общем братском кладбище близ Трапезного корпуса.

Июнь 21. Скончалась на деревянной гостинице крестьянская женка Мещовского уезда села Фроловского, господ Ртищевых бывшая, Марья Прокопиева Кастырева, от роду имела около 40 лет. Больна была с Светлой недели; просила мужа своего крестьянина Бориса Федотова Костерева, по тайному влечению сердца ее, отвезти ее в Оптину Пустынь, который едва согласился и привез 13 сего июня, ее оставивши, уехал не сказавшись. Больная Мария по силе своей готовилась, исповедалась и удостоилась причащения Святых Таин за два дня до смерти, а 21-го числа поутру скончалась тихо. Тело ее погребено 22-го числа по христианскому обряду, на правой стороне Казанской церкви неподалеку алтаря Воздвиженского.

Август 31. Погребено тело, принесенное из города Козельска, скончавшейся 29 числа козельской купеческой жены Екатерины Васильевны Кастюриной, урожденной Брюзгиной, престарелых лет. При жизни своей усердствовала на вечное время билеты сохр. казны: первый 1838 года 23 ноября в 1000 рублей ассигнациями на Скит, а второй — [датированный] 1842 годом 25 мая числом в 200 рублей серебром на обитель Оптину и таблицы рода ее для

поминовения. Погребена возле северной паперти Введенского собора рядом с памятником брата ее Дмитрия Васильевича Брюзгина. В 1847 году 6 мая поставлен на могиле памятник каменный.

Октябрь 26. В субботу утром оказался в своей келье мертвым послушник Адриан Николаев сын Николаев, 46 лет от роду, из орловских мещан. Определен в число послушников сего 1846 года указом от 25 июля, а в Оптину пришел из мирского жития в 183<...>. Послушание его было: записывал в синодик имена для поминовения, подаваемые от простонародья, подавал желающим богомольцам просфоры (за деньги) в начале Литургии для вынимания на проскомидии частиц; собирал от братии белье, отдавал оное прачкам мыть и паки оное раздавал братии вымытое, а при этом в зимнее время топил в церкви печи с помощью другого послушника, столяра. Ревностный и аккуратный в своих послушаниях и встанливый* к началу службы Божией, даже просил общего будильщика не ходить к нему для возбуждения к заутрене, сам бо, говорил он, возбуждаюсь и слышу прежде нежели начнут благовест. Вина никогда не пил, да и в пище был воздержан; росту среднего, здорового и сильного сложения, росту 2 аршин 6 вершков**.

* Встанливый — рано встающий, вообще — тщательный, усердный, ревностный.

** Вершок — самая маленькая русская мера длины. Название происходит от слова «верх» и обозначает меру, равную длине фаланги указательного пальца. По закону 1835 г. «О системе российских мер и весов» равен 4,44 см.

Ноябрь 2. В субботу пополудни в 6 часов скончалась на монастырской деревянной гостинице старушка, госпожа Матрена Алексеевна Соколова, урожденная Богатырева, брат ее майор Козьма Алексеевич Богатырев, старичок, скончался еще в

1844 году, а она при жизни его с 1841 года пребывала по собственному желанию для богомолья в монастырской гостинице. Имела редкое усердие к церкви Божией. Нынешним летом постепенно ослабевала в силах, а с сентября — слегла в постель. В продолжение болезни неоднократно исповедовалась и приобщалась Святых Таин, коего приобщения удостоилась и в самый день смерти своей за 8 часов, а за 2 часа особорована Елеосвящением и в 6 часов преставилась о Господе с миром. Погребена 4 числа по Литургии поздней, соборно, за алтарем преподобного Пафнутия.

Ноябрь 3. В воскресенье во время всеобщего бдения, пополуночи в 2 часа усмотрен возбуждающим послушником в келье мертвый глухонемой послушник Иоанн, который, осиротевши в юности от родителей, одержим был сильным падучим припадком. Он находился в Оптиной с 183<...> года по ходатайству козельского соборного священника Иоанна Семенова Михочева. Сей глухонемой Иоанн росту высокого, тучного и не <нрзб.>лаго сложения, лыс, брада окладистая до персей, рыжевата, мало рябоват, лет около 50-ти от роду. В послушании занимался починкою братских сапог, а иногда в хлебопекарне помогал и бывал с братиею на общих послушаниях. Накануне своей смерти, т. е. 2 ноября, бывши за ужином с братиею в трапезе, показывал знаками о болезни в голове своей и груди, а в 9 часов вечера живший в соседстве с ним послушник слышал (как и прежде слыхивал) стук в келье глухонемого, происшед-

ший при падучей его болезни, но сей припадок был с ним уже смертельный. Его нашли лежащего на полу в его келье. Погребен по христианскому обряду 4 ноября за алтарем преподобного Пафнутия. Он происходил родом из духовного звания, родной брат сего глухонемого был частным приставом в Козельске, скончался и погребен в 183<...> в сей обители.

Ноябрь 15. В пятницу пополудни в 6-м часу принесено из Калуги тело козельской помещицы, коллежской советницы, (полковницы), вдовы Елисаветы Ивановны Былим-Колосовской, скончавшейся в Калуге 11 числа сего ноября на 65-м году от роду. Там же в Калуге 12 числа в <...> отпевал погребение Преосвященный Николай, епископ Калужский, и с разрешения начальства перенесено тело ее в Оптину Пустынь. Три сына окружали и сопровождали одр умершей матери (все трое военные: старший — Николай Васильевич в отставке с 1838 года поручиком, а двое младших, Димитрий и Симеон, находятся на службе по флоту и в сие время оба были в отпуске при больной матери). 16 числа по соборней поздней Литургии и панихиде погребено тело госпожи Елисаветы близ алтаря Введения Пресвятой Богородицы вместе с дочерью ее, погребенною тут же в 1838 году, так что дочь в середине, мать с правой, а отец с левой стороны дочери положены. Госпожа Елисавета Ивановна Колосовская прихожанка была Козельского уезда села Хозец, а скончалась в Калуге в приходе Калужской Георгиевской что за лавками церкви.

В 1847 году 30 сентября поставлен памятник каменный наподобие мраморного.

Декабрь 14. В субботу пополудни в 2 часа скончалась на скотном дворе трудница Марья Ивановна, около ста лет жила от рождения, малоросла и горбата. Крестьянка госпожи Веры Глебовны Луниной, урожденной Образцовой. С дозволения госпожи старица сия трудилась для обители на скотном дворе более 20-ти лет постоянно. Три или четыре года назад по старости ослабела силами и зрением, жила уже на покое, нередко, а особенно в посты, даже и весь последний пост, исповедовалась и приобщалась Святых Таин в церкви на Литургии, — и по напутствии Святыми Тайнами почил о Господе в мире. Тело ее погребено 16 числа по Литургии поздней на южной стороне Казанского собора, против алтаря Воздвижения близ старой каменной ограды.

1848

Январь 11. В ночи под 12-е скончался на конном дворе в рабочей избе отставной квартирмейстер (моряк) Елисей Александров сын Мосин, около 50-ти лет от роду. Находился несколько лет по найму в Оптиной на перевозе чрез реку под монастырем, за трезвость и верность любим был всеми. В свободные часы выпрашивал священные книги и читал. Пред смертью поболел более недели, исповедался и приобщился Святых Таин и скончался тихо, по-христиански. Тело его погребено 13 числа по Ли-

тургии ранней за Казанскою церковью на южной стороне, против алтаря Воздвиженского, близ старой каменной ограды. Жена его в имении госпожи Паниной Лихвинской округи деревни Глушневой Наталья Андреева получила от Пустыни 14 января паспорт покойного и свидетельство о смерти.

Июнь 3. В четверток пополудни в 7-м часу скончался престарелый иеродиакон Митрофан, от роду по ведомостям ему 96, а по его словам — 115 лет было. В Оптину Пустынь поступил прошлого 1847 года 8 июня из Болховского Троицкого Оптина монастыря по прошению; а начально поступил он в Площанскую пустынь Орловской епархии из болховских мещан, при знаменитом в добродетелях площадском игумене Серапионе 13-ти лет от роду; проживши в Площанской 4 года, переходил: в Свенский монастырь, из оного в Воскресенский (Новый Иерусалим) монастырь, из сего в Московский Донской монастырь, где и пострижен в монашество в 1795 году и рукоположен во иеродиакона архиепископом Иоанном, бывшим Экзархом Грузии, который в Донском жил на покое. Из Донского переместился в собор 12-ти Апостолов, в коем отправлял служение за двух иеродиаконов и получал двойной оклад жалованья. В 1812 году обижен был в Москве французами лишением всего, даже одежды. В 1830 году переместился в Болховский Оптин монастырь, в коем с самого поступления, по старости лет и слабости сил, служения и послушаний не исправлял и должностей, а в апреле 1847 года отправился в Москву с намерением остаться в числе

больничных Донского монастыря, но попавшись к старым своим знакомым, московским купцам Р. и Ч., которые, обманно взявши у него три ломбардных билета, каждый в 1000 рублей ассигнациями с процентами, выпроводили из Москвы, обещаясь выслать к нему по уведомлению, и получили по оным капиталы. Огорченный старец иеродиакон Митрофан в крайней своей дряхлости и слабости зрения принят был по убедительной его просьбе в Оптиной Пустыни и упокоен всем потребным, но крайне болезновал об обмане его издавна знакомыми людьми, которые воспользовались его доверием и слабостью сил, лишили собственности, трудами приобретенной и сохраняемой на нужды в старости, о чем подробно описывал в прошении к московскому обер-полицмейстеру, прося о розыскании; но виновные совершенно отrekliсь; почему и предал сие воле Божией. За неделю до кончины покойный стал крайне ослабевать и уже из кельи не выходил. Исповедался и приобщился Святых Христовых Таин, 30 мая особорован Елеосвящением, во время коего сидел в мантии; а третьего июня пополудни пожелал еще приобщиться Святых Таин, и по причащении не более как чрез полтора часа тихо испустил дух в руке Божии. На лице покойного видно было спокойствие — как сон. Пятого числа погребение было отправлено по Литургии поздней отцом игуменом Моисеем соборно; место погребения между Введенским собором и Трапезным корпусом. Сей старец оставил в пользу Оптиной на поминовение его души полученные при жизни его по двум ломбардным билетам 2000 рублей с процентами.

Июль 6. Во вторник, пополудни в 7-м часу, скончался послушник Михаил Степанов 19 лет от роду. В Оптину поступил в июле 1846 года, из перемышльских мещан; отец его был [из] фабрики Полотняной на Серене. Сей юноша с отроческих лет возлюбил кротость, чрез долгое время едва мог он преклонить родителя своего уволить в монастырь, а получивши соизволение, он с горячею любовью предался в сей обители святому послушанию. Кротость и невинная стыдливость его отличали от других сверстников. Он пел на клиросе альтом, усердие его к церкви было примерное. С наступлением июля он чувствовал головную боль и скуку, не зная сам причину тому, 6 числа утром, вошедши в келью иеромонаха Паисия (при коем жил), не сказав ни слова, горько заплакал и на вопрос отца Паисия сказал: «Ох, как мне темно». Пока иеромонах Паисий призвал лекаря, живущего в обители, у Михаила обнаружилась сильная болезнь холера — понос, рвота, судороги изнуряли до крайности больного. Употребили все известные пособия, а при том в 12-м часу полудня исповедался и приобщился Святых Таин, в 6-м часу осoboрован Елеосвящением, а по осoboровании не более чем чрез четверть часа тихо скончался. По Литургии поздней 7 числа отправлено погребение, по благословению отца игумена — монашеское, соборно, во уважение благой ревности ко святому послушанию и кротости нрава покойного. Так угодно было Всеведущему и Премилосердому Господу Богу принять невинную жертву от обители сей чрез свирепствующую повсеместно повальную болезнь холеру. При погребении собор был полон. Предстоящие братия

сожалели о разлучении с сим юношею добрым, а вместе и утешали себя мысленно при теплых слезах, что он, по словам премудрого Соломона, *преставлен бысть, восхищен бысть; да не злоба изменит разум его, или лесть прельстит душу его — угодна бо бе Богу непорочная душа его*¹.

Удель 9. В пяток, утром в 6 часов, скончался рясофорный монах Савватий (по ведомости — послушник Семен Иван[ов] Кривченков), на 60-м году от роду. Прежде жил в Глинской пустыни, а оттуда поступил в Оптину в 1826 году, и более 22 лет, до самой смерти, послушание его было хлебопекарем. Происходил из экономических крестьян Козельского уезда Калужской губернии, определен в Оптину в 1827 году, грамоте не учен. Высокого роста, волосы и борода черные, худощав, крепкого сложения. В июне 1848 года стал ослабевать в силах, а за неделю до смерти не выходил уже из кельи. Неоднократно исповедовался и приобщался Святых Христовых Таин и особорован Елеосвящением, и предал дух свой Господу тихо и мирно, как и в жизни — был невздорлив, уступчив всякому. 10 [числа] по Литургии отправлено погребение монашеское. Погребен на общем братском кладбище, в промежутке Введенского собора и Трапезы.

Удель 9. Погребено принесенное 8 числа к вечеру из города Козельска тело жившей в Козельске Болховской <...> Евдокии <...>.

¹ Прем. 4, 10–11, 14.

Она при жизни во время болезни своей просила погребсти тело ее в Оптиной Пустыни и назначила из малого достояния своего вкладу на поминовение души. Так и исполнилось христианское ее желание.

Похоронена за алтарем Введенского собора.

Июль 27. Утром, во вторник, скончался в Малоярославецком Николаевском Черноострожском монастыре оптинский иеродиакон Иерофей на 44-м году от роду. Сначала поступил из орловских мещан в Брянскую Белобережскую пустынь, там года три проходил послушания неопределенно; в 1831 году поступил в Оптину Пустынь — проходил послушание в братской поварне, огородником и погребным. В 183<...> году пострижен в малый образ и переведен в Скит, и с того времени отправляем был в Орловскую [губернию] и другие окрестные места для испрашивания на обитель хлеба, которого поступало в Оптину чрез него большое количество по 1848 год. Пострижен в монашество 11 августа 1840 года, а в иеродиакона рукоположен 24 августа 1846 года и переведен из Скита в обитель, в обители служил чреду. Келейное рукоделие: искусно делал ложки деревянные. Росту был высокого, волосы на голове русые и длинные, а брада кратка, рыжевата. 9 июля сего 1848 года отправился из Оптиной в Малоярославецкий монастырь за послушание, по потребности там для помощи в иеродиаконском служении. По приезде заболел там 11 числа холерою, которая перешла в горячку, и скончался 27 июля в добром исповедании, со всеми напутствиями в продолжение его болезни. Погребен [в Малоярославецком монастыре] того ж 27 числа попо-

лудни из опасения повальной болезни холеры. После смерти иеродиакона Иерофея остался вечный билет в пользу Оптиной Пустыни в 500 рублей ассигнациями, положенные им, Иваном Петровым Ивановым, еще в звании послушника в 1836 году.

Сентябрь 24. Пяток. Во время поздней Литургии скончался послушник Андрей Ипатов на 69-м году от роду. Он отпущен был на волю дочерью полковника Василия Ивановича Чичерена, девицей Марьею и Варварою в феврале 1809 года Козельского уезда из села Березичь (в отпускной надписи означено ему 20 лет в 1810 году 23 сентября). Прежде занимался он столярным мастерством в Оптиной Пустыни по найму, а в 1832 году по желанию его определен указом в число братства и до самой предсмертной болезни трудился для обители столярным мастерством. Он был росту среднего, мало рябоват, худощав, рус, брада кратка с просединою, холост, прост нравом и жизнью; не любил лакомой пищи, чаю никогда не пил. За три дня пред смертью своею заболел в виде горячки, но признаков оной было мало, с сутки лежал недвижим, без языка, и по напутствии тихо скончался. 25-го по Литургии поздней погребен на общем братском кладбище между Введенским собором и Трапезным корпусом.

1849

Март 6. В воскресенье третье Святого Великого поста в 12-м часу к полуночи скончался монах

* Рухлядный — брат, отвечающий в монастыре за рухлядную (совр. рухольная) — место, где хранятся и чинятся одежда и обувь насельников монастыря.

Дорофей на 40-м году от роду. Из болховских купеческих детей, а торговлею занимался в городе Ливнах приказчиком в лавке купчихи Адамовой. В Оптину поступил в 1837 году, определен в братство 11 августа 1838 и накрыт рясофором. Проходил разные послушания, а с 1841 года — рухлядным*. Малограмотен и прост нравом, высокого роста, полнокровен, волосы рыжеватые на бrade краткой. Страдал от простуды, еще в мирской жизни полученной, которая постепенно усиливалась на голову и грудь, с 1847 открылся кашель и перешел в чахотку; пособия лекарств не имели успеха; постепенно ослабевал, но все еще ходил, хотя с трудом. В ноябре 1848 года получено разрешение постричь его с прочими в мантию. 30 ноября пострижен он в скитской церкви, по слабости его здоровья, утром во время поздней в обители Литургии, отцом игуменом Моисеем соборно и наречен вместо прежнего его именованья — Димитрия Васильева Тихонова — Дорофеем. По пострижении уволен был от послушания в крайней его слабости и с первых чисел декабря слег совершенно в постель. В продолжение болезни неоднократно приобщался Святых Таин и особорован; в день кончины за 17 часов приобщен и скончался тихо, как уснул. 8 числа погребен отцом игуменом Моисеем соборно. Погребен на общем братском кладбище с северной стороны Введенского собора.

Июль 21. В четверток, в ночи под пяток, в 12-м часу скончался монах Мелетий, на 57-м году от роду, а в Оптину Пустынь поступил из орловских мещан, по имени Матвей Матвеев Маленков, вдовый — в

1838 году. В братство определен 7 октября 1840 года, накрыт рясофором в 1839 году [Указ на рясофор от 16 сентября 1942 года¹], а в мантию пострижен 5 декабря 1848 года. Жил в Скиту с декабря 1839 года по 1841-й.

Послушание исправлял: огородное и садовое, а в последние годы ездил для сбора на обитель к Черноморию. С 1847 года он почувствовал грудную боль, а в продолжение 1848 года кашель, который усилился, и по пострижении обнаружилась чахотка. Постепенно ослабевал, только укреплялся неоднократным приобщением Святых Таин; за три дня до смерти и пищи не употреблял, в день кончины почувствовал хуже и приобщен был за 10 часов до смерти Святых Таин. До последней минуты был в свежей памяти. Тихо испустил дух в руке Божии при сыне своем скитском послушнике Феодосии². 22 числа по Литургии поздней отправлено погребение отцом игуменом Моисеем соборно. Росту был среднего, благообразен, мало плешив, брада темно-русая с проседью. Погребен на общем братском кладбище с северной стороны Введенского собора.

Декабрь 28. Скончался в среду пополудни в 5 часов рясофорный иерей Димитрий Степанов в обители, на <...> [76-м³] году от роду. Иерей Дими-

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 497.

² Феодосий Маленков, впоследствии иеросхимонах Флавиан, казначей Оптиной Пустыни. // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1128; Ед. хр. 2. Л. 30; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 64; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1666. Л. 75 об.-76; о нем также см. наст. издание. С. 190.

³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 487.

трий был священник Козельского уезда в селе Юрьеве, из одного по увлечению раскольниками находился под покровительством их в Рыльске Курской губернии. Овдовевши, скрылся от раскольников и явился в свое место, принял от епископа Калужского епитимию и запрещение. В 1829 году по прошению его определен в братство сей Пустыни. В сентябре того ж 1829 года по представлению настоятеля разрешено ему священнослужение, а в октябре того ж года по разрешению Владыки пострижен в малый образ монашества. Исправлял священнослужение и духовническую должность. Пред смертью поболел месяца два, удостоился святых напутствий и почил в надежде на милосердие Божие. Погребен в общем братском месте в промежутке¹ Введенского собора и Трапезы братской.

Декабрь 31. В субботу утром в 10 часов принесено тело из Козельска умершей в <...> ч[асов] вдовы мещанки Ирины Петровой дочери Поповой. По кончине сына своего она не находила для себя утешения на земле, дом свой с усадебным местом поручила законною доверенностью продать по смерти ее и вырученные деньги внести в Оптину Пустынь за погребение тела ее с сыном и на поминовение душ их; что и исполнено в точности козельским мещанином Семеном Ив[ановым] Антоновым.

Похоронена в промежутке Введенского и Казанского собора посредине, возле сына ее Димитрия, погребенного в 1845 году.

¹ Так в тексте.

Январь 17. Вторник. Пополудни в 8 часов скончался в послушании Антоний Ларионов сын Ларионов — из жандармов отставной унтер-офицер 53 лет, в отставке с 1845 года, в Оптину поступил в 1848 году 17 июля. Послушание его было обходить и смотреть монастырский лес, и при братской бане. Верный и усердный в трудах, смиренно благодарил Господа, что удостоился жить в святой обители. Произношение слов имел хрипкое, по болезни ему давно случившееся. Пред смертью поболел недели две, удостоился особорования и приобщения Святых Таин и почил от трудов своих тихо и мирно. Погребен в общем братском месте в промежутке Введенского собора и Трапезы братской.

Июль 21. В пятницу пополудни в 3 часа скончался в сей Пустыни мценский мещанин Иван Дмитриев Бобров на 73-м году от роду. В Пустынь сию прибыл в феврале 1848 года к сыну своему послушнику Ивану Боброву и остался при нем на жительстве, оставив супругу свою второго брака. По крайней слабости сил телесных не мог он ничем заниматься, ходил только к службе Божией, но высокими добродетелями, кротостью и смирением украсил себя паче трудящихся. Пред смертью за месяц постепенно ослабевал силами без болезни, удостоился особорования и неоднократного приобщения Святых Таин и тихо отошел в вечность с надеждою на милосердие Божие.

Погребен в братском кладбище возле Введенского собора с северной стороны.

Сентябрь 23. В субботу, утром в 9-м часу скончался послушник Андрей Ларионов Овечкин на 38-м году от роду. В Оптиной с февраля 1849 года по паспортам, из казенных крестьян Тульской губернии, Чернского уезда, Слободской волости деревни Медвежьей, вдовый. Послушание имел при погребничем*. Кроткого и простого нрава. С апреля 1850 года заболел лихорадкою, которая окончилась водяною, пособия лекарств не помогли. Удостоился особорования и неоднократного Святого Приобщения, отошел ко Господу тихо. Погребен 24 числа в братском кладбище.

* Погребничий — брат, отвечающий в монастыре за овощной погреб: получал овощи от огородников и выдавал их в требуемом количестве для трапезы.

1851

Март 15. В четверг, пополуночи в половине 4-го часа, в начале утрени скончался монах Порфирий Григоров, на 45-м году от роду. До пострижения имя его было Петр Александрович, из отставных, конной артиллерии подпоручик. Родом происходил из елецких столбовых дворян Орловской губернии, воспитывался во Втором кадетском корпусе; находился на службе в 23-й конно-батарейной роте с апреля 1825 года, а с первого мая 1827 года состоял бригадным адъютантом при конно-артиллерийской бригаде 2-й драгунской дивизии. В 1830 году выбыл в отставку. Супружеством не обязывался, но, убедившись в непостоянности мира суеты, удалился

в Задонский Богородицкий монастырь под руководство в духовной монашеской жизни затворника Георгия Алексеевича Машурина в 1832 году, а имение свое, находившееся в разных губерниях до 200 душ, подарил двум сестрам родным (Кутузовой и Игнатьевой), некоторых же отпустил на волю. (От родителей отец Порфирий с меньшим братом и четырьмя сестрами осиротели в малолетстве и находились под опекою дяди). Из Задонского монастыря, от народного шума, стекавшегося к почивающим мощам святителя Тихона, отец Порфирий с совета Затворника поступил в Скит сей Оптиной Пустыни 1 июня 1834 года, под руководство старца иеросхимонаха Льва; а в 1837 году, по воле Калужского архипастыря, из Скита перешел в обитель. В 1836 году пострижен в малый образ монашества (рясофор), но от пострижения в мантию отказывался, сознавая себя не приготовленным еще к понесению [жизни] по иноческим [правилам]. Наконец, решился, и пострижен в мантию 25 июля 1850 года¹ в скитской церкви пред Литургией отцом игуменом Моисеем и наречен Порфирием; от Евангелия поручен старцу иеромонаху Амвросию, в Скиту. С 1837 года отец Порфирий занимался собранием рукописей и изданием в печать, при жизни успел отпечатать письма задонского затворника Георгия Машурина с жизнеописанием три раза: в 183<...>, 184<...> и 1850 году. Жизнеописания: схимонаха Феодора, старца и настоятеля Санаксарской обители Феодора Ушако-

¹ В формулярных списках дата пострига 22 июля 1850 года // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 548.

ва, Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и прочие назидательные для монашествующих статьи. Для этого отец Порфирий отправлялся в Москву в 1837, 1838, 1840, 1845 и 1849 годах <...>. Проживал по несколько месяцев в Москве и Сергиевской Лавре; удостоился архипастырского личного благоволения Московского митрополита Филарета, наместника Лавры архимандрита Антония, Академии профессора и цензора Федора Александровича Голубинского и других многих особ, духовных и светских. Также за предоставление во Второй кадетский корпус (где он воспитывался) изданных им книг Затворника 10 экземпляров объявлена отцу Порфирию указом чрез Калужскую Духовную консисторию Высочайшая благодарность. Заслужил уважение у многих духовных и светских особ. Щедростью и веселым характером умел привязывать к себе всякого. Росту отец Порфирий был небольшого, волосы темно-русые, брада кратка, благообразен. Во всякое время готов был всякому делать помощь в нужных делах ходатайством или другим способом.

Настал март 1851 года, последнее время его жизни. С пятого числа отец Порфирий почувствовал от холодного питья боль в горле, но по обыкновению пренебрег, надеясь на свою крепость преодолеть без лечения. Чрез это в пять дней болезнь [перешла] в сильную горячку, кашель — катар, так что козельский лекарь, близкий друг отца Порфирия Иван Львович Плетнер, в последние пять дней истощил все достоинства искусства своего в пособии, но не мог, и после горько плакал, не ожидая, чтоб могла случиться смерть отцу Порфирию, которую

[тот] предчувствовал и даже положительно говорил, что напрасны старания господина Плетнера, «мне должно, — говорил отец Порфирий, — умереть в этой болезни между 14 и 17 числами». Это повторял он до смерти своей в совершенной памяти. 12 числа по исповеди приобщился Святых Таин, 13-го осoboровался и паки приобщился Святых Таин, прощался искренно со всеми, 14-го тоже прощался и говорил, что завтра умрет (из слов отца Порфирия и некоторых обстоятельств замечательно было, что ему было извещение в болезни о близкой смерти; но как было — неизвестно), потребовал присланную того ж 14 числа от затворника Илариона из Лебедяни рубашку и, надев на себя 15 числа, пополуночи в 3-м часу, в чистой памяти приобщился Святых Христовых Таин. Говорил свободно, но чувствовал сильное изнеможение от боли, и чрез несколько минут по приобщении Святых Таин, во время чтения отходной, тихо скончался. В 3 часа троекратный удар в большой колокол возвестил братии об отшествии отца Порфирия в вечность. Никому не поверилось. 17-го в субботу по Литургии поздней отец игумен Моисей соборно совершил погребение тела против Введенского собора северной паперти. Так отец Порфирий Григоров мало пожил, но много претерпел на свою долю горестей: в юности чрез лишение родителей, в возрасте чрез разные непостоянные обстоятельства, и после сего уснул сном непробудным до последней трубы Архангела! Вечная память!

Май 15. Во вторник, пополуночи в 1-м часу, скончался послушник Варсонофий Филиппов Власов,

на 22-м году от роду. Пришел в Оптину в августе 1849 года с отпускною от господина своего львовского помещика полковника Ивана Михайловича Артакова. Проходил послушание смиренно. С марта 1850 года заболел, и впоследствии обнаружилась чахотка. Между тем при девятой ревизии в 1850 году приписан в козельское мещанство. При наступлении 1851 года к весне обнаружилась у Варсонофия горловая чахотка, постепенно изнемогал телом, укреплялся лишь духом чрез неоднократное приобщение Святых Таин, и переносил болезнь со смирением и благодарением Бога за устроение святым Промыслом жить ему в святой обители. 14 числа к вечеру по собственному желанию удостоился Святого Причащения и чрез четыре часа тихо почил о Господе. 16-го по Литургии отправлено погребение. Похоронен в общем братском кладбище близ Трапезного корпуса.

Август 28. Вторник. Утром, в половине 8-го часа, во время ранней Литургии скончался рясофорный монах Георгий Петров Крутицкий на 66-м году от роду. Из белгородских мещан поступил в Оптину, вдовый, в 1835 году. Послушание его было сначала по экономии при конном дворе, а потом при булочной пекарне. Пострижен в малый образ монашества. Свойства был доброго, миролюбив ко всем, воздержан; росту среднего, рус, брада кратка с сединою. С праздника Успения Богоматери 15 числа заболел [чем-то] в роде лихорадки и постепенно ослабевал в продолжение 13 дней. Особорован и по чистосердечной исповеди удостоился несколько раз приобщения Святых Таин в совершенной памяти,

но пищи не мог употреблять. В последние два дня часто засыпал крепко и покойно, а 28 числа утром тихо почил о Господе. 29-го по Литургии отправлено погребение тела соборно, по случаю праздника¹ при погребении много было прибывших богомольцев. Погребен близ Трапезного храма² против северной паперти Введенского собора.

Сентябрь 18. Пополудни в 8 часов привезено тело графини Елисаветы Александровны Толстой, вдовы, чернской помещицы, которая, бывши в гостях у родного брата своего козельского помещика Дмитрия Александровича Ергольского, скончалась 14-го под 15-е число сего сентября на <...> году от роду. 19-го по Литургии погребено тело против алтаря Введенского собора. При погребении были: сын покойной, граф Валериан Петрович Толстой, брат Димитрий Александрович Ергольский и другие. Покойная графиня Елисавета по усердию своему ежегодно посещала Оптину Пустынь в посты для говения и приобщения Святых Таин, благотворила обители хлебом.

¹ 29 августа / 11 сентября. Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

² В 1822–1827 годах на средства Анны Ртищевой был построен новый каменный корпус для братской трапезной, на втором этаже которого благотворительница завещала устроить храм. Это пожелание было выполнено в 1858 году, после постройки новой братской трапезной. Церковь была освящена во имя прп. Марии Египетской и св. прав. Анны. В 1883–1885 годах церковь подверглась капитальной перестройке, после чего был освящен еще один престол в честь св. Александра Невского и свт. Амвросия Медиоланского. В документах середины XIX в. в течение некоторого времени церковь прп. Марии Египетской иногда именовалась Трапезной.

Октябрь 29. В понедельник, пополудни в 6-м часу, скончался в образе послушника Антоний Федоров Вайгель, отставной коллежский секретарь, на 35-м году от роду. Рожден 28 ноября 1816 года и крещен в римско-католическом исповедании, наречен Антон Франц. Из дворян. Кончил курс в Императорской Академии художеств. Служил в Тобольске и Перми архитектором и губернским инженером. Женат на дворянке православного исповедания. Промыслом Божиим прибыл он в сию Оптину Пустынь <...> сентября 1850 года, занимался для обители чертежами строения; а между тем по поданному к Калужскому епископу прошению присоединен 10 декабря 1850 года к Православной Греко-Российской Церкви в козельском Успенском соборе протоиереем. Кроме архитектурских занятий бывал и на общих послушаниях с братиею, а 5 октября по своему желанию облачился в послушническое платье с смиренным расположением к монастырской жизни. 25 числа вечером нечаянно по тесноте кельи загорелась на нем рубашка; от ожогов тела, в особенности — живота, последовал антонов огонь. Больной в продолжение четырех суток страдал тяжко. Он не действовал телом, его поворачивали на простынях, но говорил свободно со смиренным духом христианина. Особоровался и по чистосердечной исповеди удостоился причащения Святых Таин 26-го, 28-го, а 29 числа, смиренно покоряясь Промыслу Божию, уснул тихо навеки. Погребен 30 числа по христианскому долгу близ Трапезного каменного корпуса в общем братском кладбище. Отец покойного мосальский помещик,

надворный советник, католик, мачеха Варвара Васильевна — православного исповедания.

Ноябрь 25. Воскресенье. Пополудни в 5 часов скончался послушник из отставных солдат Андрей Яковлев Калашников на 76-м году от роду, в отставке с 1839 года, а в Оптину Пустынь поступил в 1845 году по собственному желанию; трудился в послушании при часовне Сосенской. Поболел более года, начально — лихорадкою; удостоился Святого напутствия и особорования; скончался тихо — во время чтения отходной. Родом из курских мещан, вдов, сын его, до службы рожденный, [живет] в Дмитровске Орловской губернии, Николай Андр[еев]. Погребен 27 числа близ Трапезного корпуса в братском кладбище.

1852

Апрель 14. Понедельник. Пополудни в 5 часов скончался послушник Павел Борисов сын Савенков, 35 лет от роду, из щигровских мещан. В Оптиной Пустыни сей с 1844 года, сначала по паспортам, а в 1850 году получил увольнительное свидетельство, утвержденное Курской Казенной палатой <...> мая 1851 года. Трудился в разных послушаниях, а в особенности сапожным мастерством. Кроткого и миролюбивого нрава, он страдал от юности припадком, который ежемесячно случался с ним по одному или два раза, с февраля сего 1852 года заболел простудю, кашлем, который усилился до крайности.

В продолжение болезни еженедельно приобщался Святых Христовых Таин, которых удостоился и 13 числа, и соборован Елеосвящением. До последней минуты был в памяти совершенной, говорил и даже сидел, и тихо, как уснул, скончался. 16-го по ранней Литургии погребен против угла юго-восточного Трапезного корпуса, в братском кладбище.

Апрель 24. Пополудни в 6 с половиной часов скончался рясофорный монах Василий Петров, маститый старец; от роду имел, по словам его, более 105 лет, а по увольнительному свидетельству его значится до 82 лет. Росту был высокого, вида мужественного, волосы на голове густые, черные с проседью, борода окладиста, широка, седая вся, лицом бледный.

Из жителей великороссийского сословия города Аккермана, уволен в монастырь в 1826 году. Был во Иерусалиме, жил в Афонской Горе и в разных российских монастырях, также и в сей Оптиной Пустыни с 1830 года неопределенно. По крепости тела своего нес тяжелые труды. В последние годы жизни несколько раз поражаем был параличным ударом, но кровопускание восставляло его с ослаблением сил; до смерти трудился — вез мрежи и читал по чреде Псалтирь. К службе Божией всегда был усерден и в последний день был у ранней Литургии, ходил, говорил, а пополудни случился с ним параличный удар; успели исповедать, приобщить Святых Таин и особоровать; в 6 с половиной часов тихо скончался. Погребен 25 числа по Литургии в общем братском кладбище между Введенским собором и Трапезным корпусом.

1854

Июль 30. В пяток пополудни в 6 часов привезено тело умершей вдовы Нестеровой Елисаветы Андреевны, московской мещанки. Выехавши из Москвы на прежнее жительство в село Брынь-Фабрики, с тем чтобы к 11 августа прибыть в Оптину править годовую память по супруге своему Федоте Тимофеевиче Нестерове (скончался 11 августа 1853 года и погребен здесь), на дороге заболела и остановилась в селе Юрьеве Козельского уезда, в 25-ти верстах от Оптиной, 25 числа сего июля исповедалась и приобщилась Святых Таин, а на другой день 26 числа скончалась, 29-го там же отпето над телом погребение и с дозволения начальника Калужской губернии перевезено 30-го, а 31 июля по Литургии поздней предано земле возле супруга ее за алтарем святого великомученика Георгия Победоносца. Тело сопровождали близкие, родные. Детей у покойных не было.

Август 4. Среда. Пополудни в 5 часов скончался престарелый рясофорный монах Симеон Петров Сокольников на 80-м году от роду. Из болховских мещан, вдов, поступил в Оптину в 184<...> году, определен в послушники в 1846 году, накрыт рясофором и [в 1847 году¹] по старости исключен за штат, послушание читать по чреде Псалтирь по усопшим. Кроткого и братолюбного нрава, украшен сединами, среднего роста. Постепенно ослабе-

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 625.

вал силами, но ходил на ногах до самой кончины своей. Исповедался, приобщился Святых Таин и во время соборования его Елеосвящением в Больничной церкви¹ сидел в совершенной памяти. В последний день пред кончиною, выпивши питья немного, сказал: «Теперь довольно, слава Богу!» и после этих слов тихо скончался, как уснул, без всяких предсмертных приключений. Тело погребено 5 числа по Литургии поздней. При погребении множество было из Болхова богомольцев, пришедших по обыкновению для говения. У покойного родной брат был архимандрит Мелхиседек, разных орден кавалер, настоятель Московского Симонова монастыря и в Новом Иерусалиме, [который] там и скончался в 1853 году 6 января.

Погребен на братском кладбище между Введенским собором и Трапезою.

* Скончаться на церковной епитимии — умереть во время срока отлучения от приобщения Святых Христовых Таин за серьезные провинности, отбывавшегося раньше при монастырях, с допущением до Причастия в предсмертной болезни и при кончине.

Август 9. Понедельник. Пополудни в <...> часов скончался на церковной епитимии*, в монастырской рабочей избе государственный крестьянин Матвей Аввакумов, Жиздринского уезда Зимницкой волости села Запрудного, 60 лет от роду. По указу консистории прислан в Оптину Пустынь 3 марта 1854 года для исполнения из числа двух с половиной годов полгода епитимии за неумышленное убийство жены своей. (3 года содержался в смиренном доме). 21 июля выпросился в дом свой за одеждою и обувью, на возвратном пути заболел тяжело. Исповедан и удостоен причащения Святых Таин,

¹ Храм в честь Владимирской иконы Божией Матери.

прибыл 7-го в Оптину и паки удостоился Святого Напутствия, а 9 числа скончался, 10-го погребен. Росту был высокого, с рыжеватою бородою, плешив, нрава кроткого, молчалив и трудолюбив.

Похоронен за Казанским собором на южной стороне.

Сентябрь 4. Суббота. Пополудни в два часа скончалась в монастырской гостинице госпожа из дворян девица Ирина Андриановна Кавелина, престарелая, около 90 лет от роду. Покойная прежде жила в собственном имении Козельского уезда в селе Бурнашеве в 10 верстах от Оптиной Пустыни. Великое усердие имела к обители сей. Потом продала свое имение Воронцову Андрею Фомичу, внесла сумму в Оптину Пустынь с тем, чтобы жить ей до смерти в монастырской гостинице, пользоваться комнатою и пищею из монастырской трапезы. Так прожила <...> лет тихо и мирно, не упускала ни одной церковной службы. С зимнего времени сего 1854 года терпела болезни с неразлучными при том скорбями, не имея собственной прислуги. Ослабевала телом, но укреплялась духом чрез неоднократное по исповеди приобщение Святых Таин и особорована. Удостоилась Святого Приобщения и в самый день кончины своей. Со всеми прощалась и говорила до последней минуты. Сложила крестообразно руки свои и испустила дух свой тихо, как жила тихо и мирно, уснула сном до трубы Архангела! 6 числа по Литургии совершено соборно погребение тела покойной за алтарем преподобного Пафнутия придела. Вечная память деве-старице!!!

Январь 11. Вторник. Пополудни в 8-м часу скончался в сей Пустыни лишенный священства Василий Никифоров Страхов, 76-ти лет от роду. Прежде был приходским священником Калужской епархии, был судим и отрешен от места в 1832 году в причетническую должность в село Заборово, но в это время бежал и более 20-ти лет проживал у раскольников в посаде Воронке Черниговской губернии. В 1851 году в феврале взят был секретно и препровожден в Калужскую епархию и указом Святейшего Синода лишен священства. По желанию его присоединен 16 мая к Святой Православной Церкви в Калужском кафедральном соборе и на основании Высочайшего повеления, в 1849 году состоявшегося, прислан в Оптину Пустынь на год для восчувствования вины* своей при духовном увещании**. По старости ослабевал постепенно и [жил] безысходно в келье, неоднократно по исповеди удостоивался приобщения Святых Христовых Таин и особорован и в надежде милосердия Божия скончался тихо. Погребен на братском кладбище на северной стороне Введенского собора.

Из принадлежащей ему суммы, приобретенной у раскольников, пожертвовал 300 рублей серебром на пристройку больничной церкви и просил поминать по душе его. Росту покойный Страхов был среднего, мужественного вида, сединою украшен, брада широкая благолепная, <...> дети его в разных местах.

Февраль 26. Суббота. Пополудни в 5 часов принесено в Оптину Пустынь тело умершей в сельце

* Восчувствование вины — глубокое осознание виновности с раскаянием и готовностью к исправлению.

** Увещание (духовное) — наставительное поучение духовного характера; здесь: продолжительное повторение духовным лицом наставлений, побуждающих виноватого против веры или нравственности к покаянию, т. е. перемене строя мыслей и образа жизни.

Кожемякине Перемышльского уезда из дворян девицы Анны Алексеевны Астаповой, скончалась 23 сего февраля в доме покойной родной сестры своей помещицы Елисаветы Алексеевны Хлюстиной¹.

Старица Анна (в пострижении тайном монахиня Афанасия) около 90 лет от роду, роста весьма малого и всегда согбенна, худа лицом. Тихого, кроткого нрава, находясь во всю жизнь свою в доме старшей сестры своей, вдовы Елисаветы Алексеевны Хлюстиной, предана была душою на принятие странников, монашествующих. Уважаема от всех за богоугодную свою жизнь и замечательна [тем], что никто из домашних не мог видеть ее праздною, но всегда или на молитве, или за рукоделием. Калужский епископ Николай однажды проездом побывал в доме Хлюстиной. Погребена за алтарем придела святителя Николая Чудотворца под памятником сестры ее Елисаветы Хлюстиной.

Апрель 16. Суббота. Под воскресенье на 17-е в полночи скончался послушник Димитрий Григорьев Татаринов, на 27-м году от роду, а в Оптину поступил в декабре 1848 года из вольноотпущенных Тульской губернии Чернского уезда из дворян девицы Марии Федоровны Беклемишевой. В 1850 году приписан по 9 ревизии в козельские мещане. Искусный был живописец и пел на клиросе басом. Среднего роста, светло-русый, худощав, близорук и раскос глазами. По неисповедимым судьбам Божиим последовал с

¹ Елисавета Александровна [так в документе] Хлюстина скончалась 25 января 1843 года // ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 52 об.

ним несчастный случай: 13 сего апреля покойный Димитрий с некоторыми из братии, набравши грибов, называемых сморчки, изготовили и поужинали: в тот же вечер у них, которые ели, была рвота, но у Димитрия сильнее других, к сожалению, он таил, надеялся, что пройдет, и, когда уже чрез три дня [болезнь] усилилась до крайности, призванный доктор господин Нейман признал его безнадежным. Пред всенощною 16 числа исповедан, но при непрерывном (побуждении) рвоты невозможно было приобщить Святых Таин. К 11-му часу больной почувствовал дремоту, служащий ему брат оставил его уснуть, но чрез час нашел его без дыхания с закрытыми глазами, как спящего. Так окончились предсмертные страдания доброго юноши. Вечная память! 19 числа по Литургии по христианскому долгу погребено его тело близ Трапезного корпуса на братском кладбище против юго-восточного угла. Труды по живописному искусству в соборах сей обители и прочих местах останутся надолго памятными в признательных сердцах братии о Христе.

Июнь 18. Суббота. Пополудни в 11-м часу скончался монах Захария, на [32-м]¹ году от роду. В мантию пострижен в 185[4]² году, а в Оптину поступил в 183<...> году вместе с родителем своим Федотом Захаров[ым] Кольцовым (ныне иеромонах Филарет, в схиме Феодот³), из казенных крестьян Тульской

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 297.

² Там же. Л. 611.

³ См. наст. изд. С. 139.

губернии и уезда. Монах Захария, от крещения Иаков, с поступления поручен ризничему иеродиакону Палладию: навык переплету книг, хороший был помощник пономарю и ризницу никто лучше его не знал. За кротость и тихость нрава всеми любим был. По увольнению определен указом 18[48]¹ года, рясофором накрыт в 18[52]² году. Погребен на братском кладбище против северных дверей Введенского собора.

Июнь 28. Вторник. В 12-м часу дня скончался престарелый послушник Иоанн Алексеев, из козельских мещан, поступил в Оптину до 1812 года. По нраву и образу его полоумный, и потому все именовали его Иванушко-дурачок. От роду имел около 70 лет. Проходил различные послушания: в хлебне, поварне и другие тяжелые, а в последние годы шил в рухлядной исподнее белье для братии и балахоны. Имел тенористый голос, борода небольшая с сединами, на голове волосы русые и никогда не причесаны. Назад тому лет 20 оглох после болезни горячки. Лето и зиму всегда носил на себе платье тяжелое, по несколько подрясников, и сверху натянувши постоянно свиту, даже и в знойные дни не изменял этого своего обычая. За неделю до смерти почувствовал ослабление в теле, а в день кончины в 7-м часу утра соседнему брату сказал: «Позови-ка ко мне батьку духовника». Исповедался, приобщился Святых Таин, а чрез четыре часа скончался тихо. На

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 634.

² Там же. Л. 655.

братском кладбище погребен по Литургии <...> при стечении многих богомольцев.

Сентябрь 3. Суббота. Утром в пять часов скончался послушник Зиновий Лаврентьев, вдов, 60-ти лет от роду, из государственных крестьян Московской губернии Дмитровского уезда, Синьковской волости, Зверковского общества деревни Лучинской, а в Оптину Пустынь поступил в 1854 году в мае месяце. Трудился в послушаниях: в кухне братской, при погребничем и при рухлядной. Заболел с 23-го прошлого августа простудой, исповедался, удостоен Причащения и особорован в полной памяти. Ослабевал по старости, а третьего сего сентября скончался тихо, в добром уповании на милосердие Господа. Среднего был роста, темно-русый, крепкого сложения, подвижник трезвости. Любил состязаться от Писания в доказательство к обличению раскольников; в этом он прежде упражнялся, живши у одного московского купца — ревнителя по Православию. Погребен на братском кладбище — на северо-восточной стороне Введенского собора.

1856

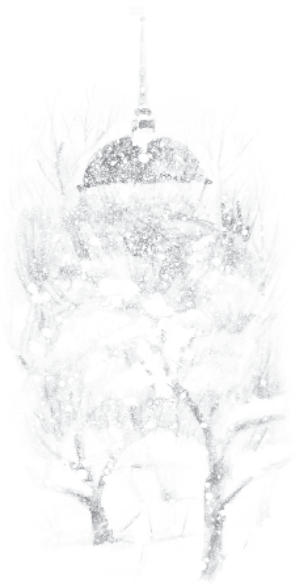
Январь 6. Пятник. Праздник Богоявления Господня. Во время всенощного бдения скончался монах Астион (прежнее имя Алексей Иван[ов] Голосов), из брянских мещан. В Оптину Пустынь поступил послушником в 1832 году, рясофором накрыт в 1836 году, в мантию пострижен в 1843 году.

Проходил послушания: в братской поварне, служение за больными, бельевщиком*, пономарем, находился с год времени в послушании при калужской Крестовой церкви по воле Преосвященного Николая. По возвращении в Оптину занимался в переплетной книгами, писал хорошо полууставом; кроме сего послушание его было, когда кто из братии скончается, то он тело покойника одевал по чиноположению и приготавливал к погребению. Писал синодики церковные. Нрава был простого, открытого, высокого роста, волосы русы с проседью, брада краткая, но, к сожалению, случались с ним припадки с малолетства ежемесячно. В последний год усилились: удушье, кашель, приливы крови к голове и груди. Постепенно ослабевал и подкреплялся приобщением по исповеди.

* Бельёвщик — брат, отвечающий в монастыре за стирку, хранение и выдачу, по необходимости, белья.

Январь 28. Суббота. В 11 часов утра привезено тело отроковицы Марии, дочери отставного поручика Николая Александровича Щоголева, из Малоархангельского уезда Орловской губернии. На провоз тела предъявлен открытый лист от г. Министра Внутренних Дел Сергея Степановича Ланского, данный 25 октября 1855 года за № 2584. Погребено 31 января по Литургии поздней под Трапезною церковью в выходе к левой стене против погребенного тела госпожи Анны Сергеевны Ртищевой.

Отроковица Мария скончалась в 1855 году <...> числа и тело было погребено тогда же в <...> ч[асов]. Малоарх., но господин Щоголев испросил дозволения перевезти тело в сию Оптину Пустынь с намерением остаться в Оптиной на всегдашнее жительство,

так как и супруга его скончалась в 185<...> году, а сам в болезненном состоянии от сильного ревматизма в обеих ногах, случившегося на военной службе при сопровождении в 18<...> году, чрез Варшаву в Санкт-Петербург, Высоконареченной невесты Государя Цесаревича, ныне Императрицы Марии Александровны.

Март 25. Воскресенье. Пополудни в 5 часов принесено в Оптину тело девицы Евгении, дочери козельского помещика Бриммера Александра Адольфовича и Варвары Оттовны. Скончалась 23 марта пополудни в 7 часов 19-ти¹ лет от роду. Несколько лет страдала изнеможением, а впоследствии обнаружилась чахотка, постепенно ослабевала. В продолжение болезни устаивалась, и за два часа до кончины удостоилась, приобщения Святых Таин и особоования Елеосвящением в совершенной памяти. Тихо скончалась в надежде блаженной участи в вечности.

При жизни примерное усердие имела к обители и службе Божией, родители более всех детей любили ее за кроткий нрав. 27 числа по Литургии поздней тело отпето и погребено в промежутке Введенского и Казанского соборов против боковой паперти.

Май 10. Четверток. В 10 часов утра принесено тело умершей Надежды, двух с половиною лет, — до-

¹ На памяtnике девице была надпись: «Во цвете юных лет перешедшую отсюда, Господи, прими дух мой с миром». Отец ее, Александр Адольфович Бриммер, скончался 29 мая 1864 года и похоронен рядом с дочерью // ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 71–71 об.

чери козельского помещика и уездного судьи Николая Васильевича Былим-Колосовского. По Литургии поздней отпето тело и погребено близ алтаря Введенского, возле их рода¹.

Заболела 7 мая внезапно параличом, отнялись рука и нога, и в те же сутки 8 числа скончалась. Огорченные родители отправили погребальное учреждение этой малютки изобильным столом для гостей и милостынею нищим.

Июнь 9. Суббота. Пополудни в 5-м часу скончалась в монастырской деревянной гостинице вдова полковника Ромодановского², Елисавета Александровна, около 70-ти лет от роду, польского происхождения, из католичества присоединилась пред выходом своим в замужество, девицею, — к Православной Греко-Российской Церкви. Супруг ее убит на войне, а она получала пенсион. В последних числах мая она отправилась из Белева к родным своим в Калугу, но извозчик против желания ее привез в монастырскую гостиницу и оставил больную и без прислуги. 8 июня она собралась было выехать, но к вечеру попросила исповедаться и удостоена приобщения Святых Христовых Таин, 9 числа в 12-м часу дня особорована, а пополудни в 5-м часу скончалась, 11 числа по Литургии ранней тело отпето и погребено близ Казанской церкви на южной стороне. Письменных докумен-

¹ На некрополе Оптиной Пустыни погребено не менее девяти членов семьи Былим-Колосовских.

² Помета карандашом: исправлено на Романовичева.

тов при покойной никаких не оказалось. Вечная память страннице земной!

Август 13. Понедельник. Утром в 6 часов скончался монах Симон (Сергий Егоров Лахтионов), на 40-м году от роду. Поступил в Оптину из государственных крестьян Курской губернии Фатежского уезда Нижнереутской волости деревни Лахтионовой в 1834 году, в послушники определен указом от 31 декабря 1846 года, рясофором накрыт в 1847 году, в мантию пострижен 30 апреля 1855 года. С поступления в обитель сию проходил различные монастырские послушания: в братской поварне, хлебопекарне, трапезным, на рыбной ловле, гостинником, ездил за сбором на обитель хлеба от благодетелей, пел на клиросе басом и хорошо читал при церковной Божией службе. Росту был среднего, волосы на голове и довольно обширной бороде рыжеватые («Желтым» называли его для различия с одноименным¹). Замечательное в нем было стремление к лучшей жизни <...>. С первого августа заболел он, образовалась горячка, в 9-й день перелом был, облегчение [в болезни], но в 12-й [стало] хуже и тяжелее; особорован пополудни в 12 часов. Удостоился приобщения Святых Таин в продолжение этой болезни два раза, а утром 13 числа тихо скончался в надежде милосердия Божия. 14 числа по Литургии поздней совершено отпевание и погребение тела на северной стороне Введенского собора в общем брат-

¹ С именем Сергий в Оптиной Пустыни в указанный период в списке братии числилось двое послушников — Лахтионов и Голев // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 634, 638.

ском кладбище. Вечная память потрудившемуся в обители святой!!!

Родитель его, престарелый старец рясофорный монах Георгий, находящийся в обители сей с 1844 года, проводил до могилы с горькими слезами сына, от которого надеялся успокоения и погребения самому по смерти. Но судьбы Божии неведомы.

Октябрь 20. В субботу, пополуночи в <...> часов скончался в монастырской Болотской мельнице наемный из козельских мещан Симеон <...>, лет 50-ти от роду. 12 октября, шедши из бани, простудился, образовалась горячка и в 9-й день умер с христианским напутствием в совершенной памяти. За минуту пред смертью позвал живущих с ним при мельнице и сказал: «Ну, братцы, простите меня, я больше не увижусь с вами», и испустил дух тихо. Осталось у него семейство в Козельске. Погребен на новом кладбище за южною оградю.

1857

Февраль 20. Среда, первая седмица Великого поста. В 7 часов утра скончался монах Петр (Васильев, из московских мещан), на 46-м году от роду. Начально поступил в сию Пустынь в 184<...> году, потом странствовал и жил в дальних обителях: в Соловецкой, Юрьеве, Валаамской, московских. Возвратился в Оптину в декабре 1851 года, а в декабре 1853 года отправился и жил в обителях Орловской епархии, и в третий раз возвратился в Оптину в

1856 году. Обнаружилась чахотка, в которой постепенно ослабевал и скончался мирно, удостоившись неоднократно Святого Причащения, соборования и пострижения. Послушания проходил разные, а постоянное его искусство слесарное, которым занимался трудолюбиво. Погребен на новом кладбище, на южной стороне обители близ малой ограды.

Май 26. Г. Щоголев Николай Александрович, поручик в отставке. Малоархангельский помещик, вдов. Скончался в сей обители в монашестве в праздник Святой Пятидесятницы утром в 4-м часу на <...> году от роду.

**Список с собственноручного писания
отставного поручика Николая Александровича
Щоголева, скончавшегося в праздник Святой
Пятидесятницы (Сошествия Святого Духа)
26 мая 1857 года в 4-м часу утра.¹**

«Биография моей жизни.

Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всякую минуту всех воздаяний Его. Судьбы Господни неисповедимы ко мне недостойному. Щедр Господь и многомилостив, не дал погибнуть и мне окаянному по Своему милосердию, но спас меня от гибели. Боже и Искупителю мой! Несколько раз в

¹ Текст в документе помещен после записи от 12 мая 1857 года // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. Л. 90–92 об.

моей жизни защищал меня многогрешного, Создатель мой Милосердый, невидимым Промыслом Твоим...

Первое.— Служа еще юнкером* в 1837 году в драгунском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку** и бывши на царском смотре Херсонской губернии при городе Вознесенске, покойный Император Николай Павлович за 4 версты от Вознесенска сомкнул в колонну весь корпус наш 24-тысячный, и [так] как у нас двойная была служба — пешая и конная,— то, чтобы удивить разных посланников, бывших при Государе, Государь командовал всему корпусу: „С места марш, марш!“, то есть во весь опор сомкнутой колонной. И не доскакавши полверсты до Вознесенска: „Стой!“, и две части из корпуса людей спешил с лошадей, ружья с плеч долой, сомкнул пешие батальоны в колонны, и со всего корпуса: „Застрельщики, вперед!“, и штурмом брать город Вознесенск холостыми зарядами.

Действительно для иностранцев картина была удивительная — в один момент явилась пехота, и стало примерное сражение, и в это время неся корпус во весь опор колонною! — от глубины песку и пыли не видно было рядом человека, все равно как бы горел губернский город. И в это самое время, отскакавши с версту от места, в первом эскадроне*** нашего первого полка из первой шеренги под рядовым споткнулась лошадь, он слетел с нее долой, на скаку на него наткнулся второй шеренги рядовой и тоже слетел, потом второго эскадрона передней и задней шеренги на эту кучу наткнулись рядовые и попадали, потом третьего эскадрона обеих шеренг

* Юнкер (нем. *Junker*) — молодой дворянин, не имеющий военного образования и добровольно вступивший в русскую армию в XVIII и в первой половине XIX в. с правом производства в офицеры после 1–2-х лет службы и сдачи экзамена. По «Табели о рангах» военное звание ниже XIV класса с 1802 до 1860 г. для унтер-офицеров из дворян; с 1860-х гг. — учащийся юнкерского училища.

** Драгунский полк, драгуны — вид кавалерии. Предназначались для действий в конном и пешем строю; обучались огневому и штыковому бою, вооружались клинковым рубящим оружием и укороченными пехотными ружьями со штыками. В начале XVIII в. — единственный и затем самый многочисленный вид регулярной кавалерии; драгунские полки в России просуществовали до начала 1918 г.

*** Эскадрон (франц. *escadron*) — тактическое подразделение регулярной кавалерии, обычно состоявшее из 2–4 взводов.

* Кивер (польск. kiwior) — военный головной убор в русской и иностранных армиях в XIX – начале XX в. Цилиндрической формы, плотный, с круглым дном, козырьком, подбородочным ремнем, украшениями. Применялся для защиты воина от огнестрельного и холодного оружия.

рядовые попадали, и, наконец, 4-го эскадрона об их шеренг люди попадали человека четыре, а я за сим эскадроном был в замке за унтер-офицера, подо мною была очень быстрая матка хорошей езды, она перескочила через кучу солдат, я с нее слетел и очутился впереди всей кучи. Мне ободрало всё лицо песком и хлынула кровь, лошадь же моя, как и все, поднялась и понеслась с своим эскадроном, потом 5-го эскадрона, 6-го и 7-го люди натыкались на нас и слетали, и мне проломило подковою край кивера*, оторвало саблю с кожаную толстою портупеей и саблю изогнуло; и, наконец, поперек куртку на спине подковою разорвало, следовательно, подкова боком по спине проскользнула. С 6-го же эскадрона ветер отвернул, и стали объезжать кучу, в коей четырех человек побито до смерти, а некоторых изранило. Меня же взяли цирюльники без чувств и обмывали мне лицо уксусом и вином, и давали нюхать спирт, после чего я проглянул и подкрепил себя белым вином, и меня довели до лагерей на подводе. Вот как неожиданно я спасен Творцом Небесным.

Второе.— После свадьбы Государя Александра Николаевича, [так] как он был шеф нашего полка, то в апреле 1841 года три его полка, вначале наш гусарский и пехотный Бородинский, вступали для церемониала в город Москву на царский смотр, и от Подольска до Москвы мы выступили в полной парадной форме, я был офицером. Нас за 12 верст от Москвы начал пудить** дождь как из ведра, у меня были почти полные сапоги воды и все белье мокрое, и подъезжая в Москве к квартире***, меня едва сняли с лошади человек мой и денщик. Меня начала тре-

** Пудить (моск.-руз.) — здесь: сильно идти.

*** Квартира — здесь: место дислокации, т. е. размещение (расквартирование) войсковых частей.

пять лихорадка в высшей степени, потом жар и бред, полтора дня меня пользовал* полковой наш штаб-лекарь Афанасьев и, видя, что мне все хуже, отнесся рапортом к полковому командиру генералу Левенцу, чтобы меня отправить в военный госпиталь, в который немедля по разрешению коменданта генерала Сталя я был отправлен... Сей час же ординатор Солнцев и дежурные доктора приказали мне при-ставить 60 пиявок, но ни одна не принялась, потом раз восемь ставили промывательные и ни с одного не послабило, потом 50 банок на спину ставили, ис-секли всю спину, [но] ни капли крови не было, весь был обернут горчичниками и тоже пользы не было, и в добавление давали разные микстуры и порошки. Лежал я как колода, до семи с лишком суток моей болезни, наконец, видя, что нет никакого спасения, дали знать главному военному доктору генералу Пе-ликану, что есть безнадежный больной офицер. [Ге-нерал] немедля приехал, награди его Господи Свои-ми щедротами, и говорит: „Жаль молодого человека! Жизни его не более двух часов с небольшим, ибо до мозга почти притязание крови, бросилась вся в го-лову; но скорее, одно средство испытать — поста-вить в каждую ноздрю по пиявке“, — и как только пиявки напились крови досыта и отвалились, то я через 10 минут мог говорить и сидеть. Пиявки же выдавили и крови нельзя было отличить от чистого дегтю, следовательно, в короткое время могло быть воспаление и смерть — опять милосердие Божие явно спасло меня.

Третье.— Бывши женат, имея пятерых детей, из коих четыре при самом рождении умерли, я про-

* Пользовать —
здесь: лечить, т.е. «прино-
сить пользу» (телу).

сил Господа Бога с усердием, чтобы Он даровал мне живого ребенка в утешение мое, и я был обрадован Господом — у меня родилась дочь Мария, она так меня утешала и я ее любил без души, и была неимоверно привязана ко мне... [Когда ей было полтора года], отправился я в Киев поклониться угодникам Божиим от радости, и по возвращении из Киева, подошедши к образу Спасителя, благодарил Его от искреннего моего сердца за Его милости ко мне, что моя недостойная молитва услышана, и я счастлив вполне, любя до безумия дочь, но „Если Тебе, Создателю,— говорю перед образом,— утешение мое угодно будет взять, и если моя дочь умрет, то вот мое обещание — землю в моем имении продать и выстроить храм во имя Ангела моей дочери [там], где она будет похоронена. Людей всех отпустить на волю безденежно и дать им понемногу земли, самому идти в монастырь и дочь с собою перевезти“.

* Авантаж (франц. *avantage*) — выгода, преимущество.

После сего начал разные извлечения делать из имения, обращал пунктуально мое внимание на хозяйство, чтобы дочь моя была богатая невеста. И Господь во всех предприятиях моих посылал авантаж* и я не обращал внимания на праздники, но все изнурял крестьян работами, и все копил, чтобы больше приобрести дочери. Шести с половиною лет и шести дней дочь моя заболела гриппом и в этот день, как ей умереть, утром мне все высказала, что „я умру, вы меня в деревне не похороните, сами тут жить не будете и пойдете в монастырь!“

Сими словами как обухом меня в голову осадил, не зная моего намерения, и в точности высказала,

ла. Следовательно, Господь видит, что я был на краю ужасной гибели, и явил мне непотребному Свое милосердие, избавил от ада кромешного, удостоил очистить себя от грехов хоть немного».

1858

Январь 20. Понедельник. Под 21-е число (вторника) в 11-м часу скончался монах Евфимий, на 46-м году от роду, из ростовских (Ярославской губернии) 3-й гильдии купеческих братьев. Начально поступил на жительство в Скит сей Пустыни в 1836 году, по увольнительному от Общества свидетельству, определен в послушника указом 14 октября 1842 года, рясофором накрыт в 1843 году, представлен к пострижению в мантию 11 марта 1847 года и переместился в послушание в Малоярославецкий монастырь под руководство старца своего отца игумена Антония в 1847 году, там и пострижен в мантию 28 марта 1848 года, проходил послушание просфорником. Потом по болезненному его состоянию переместился паки в сию Оптину Пустынь в марте 1852 года и определен за штат. Во все время жизни монастырской держался уединения от всей братии и воздержания с крайним нестяжанием. Росту среднего, русский, брада малая, худощавый, взор, поникший долу, всегда болезненного вида. В декабре 1857 года сильно стал ослабевать в силах, а с Нового года 1858 года уже не выходил из кельи. В теле обнаружилась опухоль в роде водяной, но лекарственные пособия отказался принимать. Особорован, испове-

дался и простился со всеми и в совершенной памяти с молитвою в устах почил о Господе 20-го под 21-е в 11 часов вечера. 23-го совершенно погребение тела его соборно. Похоронен близ северной паперти Введенского собора.

Апрель 16. Среда. Праздник Преполовления Пятидесятницы. Пополудни в 11 часов вечера, по окончании всенощного бдения, скончалась девица Клеопатра Петровна, из дворян, Викулина, дочь калужского помещика, прибывшая в марте пред Пасхою с матерью своею Натальею Ивановной и старшей сестрой Маврой Петровной в монастырскую гостиницу для богомолья в сей обители. Покойная была от роду не более 20-ти лет, только что поступила в Белевский девичий монастырь — к старшей сестре своей. Открылась у ней болезнь чахотка. Прибывши в монастырскую гостиницу с матерью, постепенно и быстро ослабевала от болезни и нередко удостаивалась приобщения Святых Таин, которых удостоилась приобщиться в совершенной памяти за <...> часов до кончины своей во время всенощной. Бывшие при больной подумали, что она успокоилась естественным сном, но больная уснула тихо-мирно навеки до общей трубы Архангела.

17-го пополудни тело усопшей вынесено во гробе при звоне колоколов в Введенский собор. 19-го в субботу позднюю Литургию служил отец игумен Антоний соборно, а по Литургии погребение — отец архимандрит Моисей тоже соборно. Тело погребено за алтарем великомученика Георгия близ Нестеровых с восточной стороны.

1859

Апрель 3. Пяток. В 9 часов скончался Василий Изотов сын Изотов, отставной воин, на 71-м году от роду. В Оптиной с 1849 года, из паспорта об отставке видно, что Изотов поступил в военную службу из дворовых людей Малоархангельского уезда села Дмитриевки в 1809 году, в отставке с 1833 года. Был в сражениях 1812 года и в Париже 1814 года, имел две серебряные медали и три нашивки. По собственному желанию поступил в Оптину в 1849 году, проходил послушание в хлебне и общие. В 1850 году выбыл в Курский Знаменский монастырь, там накрыт рясофором и наречен Владимиром. В 1854 году возвратился в Оптину, послушания исполнял: шил для братии белье, раздавал от обители милостыню нищим в назначенное одно время дня и смотрел за порядком между нищими, которые уважали его, смотрел за чистотою дорожек по монастырю. Наружности благообразной, высокого роста, волосы и умеренная борода темно-русые с проседью; строгий в жизни, но от ушибов [от] лошади в службе подвергался приливам крови в грудь и голову, особенно в случаях огорчения или радости.

Погребен на новом кладбище.

1860

Февраль 5. Пяток. Под 6-е в ночи скончалась Марфа <...>, дворовая крапивенской помещицы Стефаниды Ивановой Владычиной, с ней прибывшая

для богомолья, которая в монастырской гостинице заболела, находясь при госпоже своей. Удостоилась по исповеди Святого Причащения и соборования Елеосвящением, скончалась тихо и по совершении над телом христианского отпевания предана земле на новом кладбище¹. Покойная замечательна по услугам своим госпоже Владычиной с малолетства. От роду имела 70 лет.

Март 12. Суббота 4-й седмицы Святого поста. Пополуночи в 2 часа скончался иеросхимонах Нифонт (день Ангела 23 декабря), 45 лет и 55 дней (с 17 января) от роду. В Оптину поступил в 1832 году из крапивенских мещанских детей, по имени до пострижения Николай Алексеев (день Ангела Николая 9 марта в честь 40 мучеников) Шелков. Родитель его по мастерству портной, жительство имел в городе Белеве. Отец Нифонт пострижен в монашество 5 августа 1845 года, рукоположен во иеродиакона 25 июня 1848 года, а во иеромонаха 29 апреля 1850 года, и с того числа находился при кельях Преосвященного Николая, епископа Калужского, до кончины его (т. е. епископа Николая — 17 сентября 1851 года), а по прибытии в Калугу Преосвященного Григория уволен по желанию его и возвратился паки в Оптину 1852 года марта <...>. Погребен близ алтаря святого великомученика Георгия Победоносца с северной стороны возле иеросхимонаха Тихона.

¹ С 1858 года с южной стороны Оптиной Пустыни было устроено новое кладбище, на котором в 1864 г. был построен храм в честь Всех Святых.

Август 6. Воскресенье и праздник Преображения Господня. Пополудни в половине 11-го часа скончался в больничной церкви рясофорный монах Савва Глушенко Федотов сын¹, на 66-м году от роду, а в Оптину Пустынь поступил в 1836 году. Родом покойный Смоленской губернии Сычевского уезда экономической Воскресенской волости деревни Лапунова, из экономических крестьян, — поступил на службу 14 января 1814 года в Куринский пехотный полк, из одного в Гренадерский, из одного в лейб-гвардии Финляндский полк в 1826 году, из одного 22 декабря 1835 года уволен в бессрочный отпуск. Был в походах и сражениях: с первого апреля 1815 года в царство Польское от города Варшавы во Францию до города Парижа, потом на Кавказе, в сражении за рекою Терекон при селе Ханкале против чеченцев и в других местах на Кавказе и в Дагестане. С третьего апреля 1828 года в Турции за рекой Дунаем до крепости Варны в действительных сражениях. Потом чрез Каменец-Подольск для усмирения мятежников в Польше, потом в 1832 году, по усмирении Польши, обратно в Санкт-Петербург. Замечательно, что, бывши во многих сражениях и перестрелках, нигде не ранен, но награжден крестами за все военные действия. По отставке поступил в сию обитель, проходил послушания в братской поварне и других с усердием.

¹ В «Книге для записи лиц, поступающих в Козельскую Введенскую Оптинскую Пустынь в монастырские послушания» указано имя Савелий Федотов Глушенко // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 27.

В 1852 году пострижен в малый образ монашества — в рясофор, в 1856 году отправился по собственному желанию в Иерусалим и Афонскую Гору, возвратившись, жил в Киево-Печерской Лавре, потом прибыл паки в Оптину в октябре 1857 года, но уже на покой от трудов страннических. Помещен при больничной церкви, исполнял чредное чтение (4 часа в сутки), по 2 часа, Псалтири по усопшим, иногда бывал и на общем послушании с братиею. Страдал болезнями от последствий военной службы и особенно приливом крови в голову. Росту был 2 аршина $7^{2/4}$ вершков, лицом смугл, волосы на голове и бороде темно-русые, худощав и до смерти [в] 66 лет [имел] весьма мало седых волос, нрава кроткого, молчаливого, а иногда искусно обличал оплошность из братии, особенно бывших в военной службе, и как опытный — сносил терпеливо взаимные замечания.

26 июля сего 1861 года, бывши с братиею на общем послушании на лугу для собирания сена, простудился, заболел приливом крови в голову, но в чистой памяти удостоился по исповеди приобщения Святых Христовых Таин, особорован, а 6 числа, приобщившись Святых Христовых Таин, почил тихо навеки до последней трубы Архангела. 8 числа погребение совершено на новом кладбище. Вечная память верному воину Царя Небесного и земного!!!

В паспорте об отставке выставлено — в 1837 году Глушенке от роду 42 года; в военную службу поступил в 1814 году, Царю земному в военной службе отслужил почти в непрерывных походах и сражениях 23 года, а по отставке, не вступая в супружество, в девстве послужил Царю Небесному в монастырской

жизни 25 лет. Келейная жизнь покойного поучительна была простотою, нестяжанием, уединением от всех.

Ноябрь 8. Скончался пополудни в 3 часа послушник Иоанн Петров Мягков на 40-м году от роду. Происходил из мещан города Козлова Тамбовской губернии. В Оптину поступил в 1857 году с паспортом, а увольнение от Общества и Думы дано ему 5 октября 1859 года; но, проходя послушание помощника в братской трапезе, заболел тяжело. Страдал более семи месяцев с благодарным чувством, постепенно ослабевал, удостоен и пострижения со Святыми напутствиями. Нрав у него был: тихий агнец, так его называли, а скончался сном: подумали, что спит. Погребен на новом кладбище.

1862

Февраль 3. Суббота. В 10-м часу утра скончалась в монастырском скотном дворе труженица Мария Степанова, вдова, крестьянка, 34-х лет. Жила по паспортам из Юхновского уездного казначейства [от] 18 августа 1860 года, одного уезда деревни Костинок, князя Николая Юсупова. Терпела тяжкую водяную болезнь 4 месяца, удостоилась в последний раз приобщиться Святых Таин за <...> часов пред кончиною. Погребена на новом кладбище.

Июнь 28. Утром во время утрени в обители скончался Андрей Данилов, смотритель скотного двора.

Около 60 лет от роду, а в обители сей находился более 40 лет при монастырском скотном дворе, пастырем бессловесных коров, которых быт изучил он хорошо и они его знали и повиновались ему. Усопший Андрей из крестьян мешцовского помещика Михаила Степановича Варенцова, прихода села Лаптева — Архангельской церкви, деревни Привалова. С поступления при скотном дворе Оптиной Пустыни находился по найму, а впоследствии трудился уже безмездно, Бога ради, в простоте сердца, грамоте не учился, но послушание исполнял как обученный послушник, за это дозволено было отцом архимандритом Моисеем носить послушническое платье и быть смотрителем при скотном дворе. Страдал он последний год своей жизни удушьем вследствие тяжелых трудов, а по кончине отца архимандрита Моисея заболел тяжело и, удостоившись неоднократно напутствия Святыми Таинствами чрез духовника и старца своего иеромонаха Гавриила, [упокоился]. Погребен на новом кладбище.

Октябрь 1. Понедельник. Утром в 8 часов скончалась в монастырской гостинице старица Пелагея Григорьева, дочь Григорьева, козельская мещанка, девица, на 67-м году от роду. В последний раз приобщилась она Святых Христовых Таин в совершенной памяти за полчаса до кончины своей. Тихо и мирно почил старица сия с твердым упованием на милосердие Божие. Погребение тела совершено по христианскому долгу и предано земле на новом кладбище.

Замечательные черты из жизни покойной: старица Пелагея неизвестно какого происхождения и

как попала в город Козельск в дом купца Третьякова Федора Тимофеевича¹ [также неизвестно]. Он был богат, но вдов, бездетный, благочестивый и милостыню делал. Приписавши эту Пелагею в козельское мещанство, оставил одну ее при себе для служения при старости своей до кончины. Эта старица Пелагея была подвижница особенного рода (как по кончине ее оказалось), носила на теле тяжелые железные вериги, а для сокрытия этого подвига ни с кем совершенно не имела сближения. Жила совершенно одна с любимыми ее птицами. Куры и скворцы, по ее словам, пели во время чтения акафистов «Иисусе Сладчайший, Сыне Божий, помилуй!» Или — «Радуйся, Невесто Неневестная!». Третьяков по духовному завещанию всё свое имение предоставил старице Пелагее за услуги ее, а она тоже по духовному завещанию предоставила в Оптину Пустынь (в городе Козельске усадебные места для домов). По кончине тело ее увидала приходившая старушка со скотного двора — на постели с сидевшими около нее курами, которые сидели неподвижно — в ожидании, не проснется ли кормилица их! Погребена на новом кладбище.

Октябрь 6. Пяток. Утром в 4 часа скончался рясофорный монах Косма (Казимир Федорович) Сакович, из дворян Могилевской губернии Климовицкого уезда. Около 80 лет от роду, последний раз пред смертью за два часа удостоился в совершенной

¹ Федор Тимофеевич Третьяков скончался 14 октября 1848 г., погребен на монастырском некрополе // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. Л. 52.

памяти приобщения Святых Христовых Таин. Он был вдов, два сына его поступили в сию Оптину Пустынь: Иаков (ныне иеродиакон Иерофей и уставщик) и Димитрий, переместившийся в Площанскую пустынь (ныне иеромонах Дамаскин), а в 1844 году поступил к ним в Оптину Пустынь и старец Косма — родитель их, кроткого, тихого и молчаливого нрава. Трудился по силе своей в послушаниях: на рыбной ловле, при Сосенской часовне у Святого колодца. Читал по чреде Псалтирь. И по старости ослабевал силами. Пред смертью на вопрос отца Иерофея, сына: «Не желаете ли приобщения Святых Таин?» — отвечал: «Да, не упустите» — и, в совершенной памяти приобщившись, уснул тихо навеки!

Погребен близ Трапезной церкви против северных дверей Введенского собора. На могиле положена чугунная плита с крестом и надписью.

Ноябрь 25. В полночь под воскресенье скончался послушник Лев Андреев Преображенский (сын титулярного советника, бухгалтера в Сухиничской городской ратуше), на 30-м году от роду. Поступил в Оптину Пустынь в 1850 году, проходил разные и даже тяжелые послушания; имел редкие способности, но страдал зрением, которое от рождения повреждено; а по болезни зрения не имел возможности поступить в какую-либо, даже гражданскую службу. Между тем, он имел усердие к церкви Божией, а потому и поступил с соизволения родителей в Оптину Пустынь. Проходил послушания: в братской кухне, хлебопекарнях и просфорне, и особенно мастер был звонить во все колокола. За несколько

дней до смерти, пришедши в келью послушника А., с которым ближе всех был по послушаниям, говорит: «Надоела жизнь на этом свете, хочу умереть» — и пошел. На другой день заболел ужасно. Козельский лекарь усмотрел у него сильное расширение легких: пиявки, банки и другие медицинские средства не подействовали. Между тем он (Лев) в совершенной памяти по исповеди приобщился Святых Таин и особорован; желал пострижения, которое отложено было до утра, но в ночи скончался тихо, Всеведущему Господу тако изволившу. В 9-й день по кончине Лев пришел (или явился в тонком сне) А., [тот], увидавши, говорит: «Ах, Лев Андреевич! — ведь ты умер, как ты теперь поживаешь?» — «Мне очень хорошо, — отвечал покойный, — хорошо, что приобщили, а если бы постригли — лучше бы было. Я иду к отцу Сергию повару — дело есть». И в те же минуты во сне видел и повар покойного. Чудные дела Господни. Погребен на новом кладбище.

1863

Март 1¹. Скончалась из числа тружениц на скотном дворе в прачечной девица Надежда Афанасьева, около 22 лет от роду, из государственных крестьян Новосильского уезда Вяжеской волости села Вяжей. Поступила на скотный двор в первых числах января сего 1863 года. Находясь в прачечной при

¹ Так в тексте. Кончина Надежды Афанасьевой была скорее в ночь со второго на третье марта.

стирке белья, неосторожно оступилась и упала в чан кипящей воды всем телом, уцелело от ожога только лицо и обутые ноги. Страдала ужасно в первые сутки. Удостоилась по исповеди приобщения Святых Таин, 2 марта особорована, после чего в спокойном духе сказала, что она уже не чувствует болезни, тогда как всё тело обнажилось от верхней кожи, внутренний жар возбуждал сильную жажду, но по принятии питья обращалось рвотой. Ровно в час после полуночи, в самый блавест ко всенощной, страдальца тихо уснула навеки. Погребена на новом кладбище.

Март 14. Четверток. Пополудни в 8 часов скончался в монастырской гостинице странник Дементий Кондратов, 55 лет от роду, государственный крестьянин Перемышльского уезда Полянской волости села Михайловского, вдовый, правую рукою не владел, лысоват. Странствовал по святым местам и обителям. На пути в феврале сего года здоровье его изменилось, он молил Господа добраться до Оптиной Пустыни и увидеть духовного своего отца иеромонаха Пимена. 10 марта, пришедши в монастырскую гостиницу, совершенно слег, постепенно ослабевал; исповедался у отца Пимена и приобщен Святых Таин и усердно пожелал особороваться. 14 числа в 5 часов пополудни особорован, а в 8 часов тихо уснул навеки! Лицо покойного и на третий день, 16 числа, при погребении, имело вид светлый и веселый. Похоронен на новом кладбище.

Март 19. Вторник 6-й седмицы Великого поста. Полуночи в два часа скончался монах Нил

(светское имя Никита Михайл[ов] Калинин) на 54-м году от роду. Поступил в Оптину Пустынь в 1849 году из вольноотпущенных ефремовской помещицы надворной советницы Елены Петровны Виолевой. Здесь приписан в мещане Козельского общества с двумя своими сыновьями Михаилом и Иваном, которые жили в Оптиной в послушаниях, а ныне в Югской пустыни Ярославской епархии. Монах Нил, бывши вдовым, получил от Общества увольнение, определен в послушники, потом пострижен в рясофор, а 20 ноября 1857 года в мантию с переменою имени. Потом несколько лет страдал тяжелою болезнью ног, которая признана неизлечимою, и поэтому исключен был в 1858 году из монастырского штата. Но по особенному Промыслу Божию, выздоровел от болезни своей посредством холодного лечения: снегом, водою и даже льдом. С начала поступления проходил различные послушания; несколько лет был экономом. По выздоровлении был трапезным и более 7-ми месяцев гостинником. Читал в церкви при Божией службе и даже пел у ранней обедни на левом клиросе вторым тенором. 14 марта отец Нил промочил ноги, на другой день почувствовал сильный жар во всем теле и слег, 17-го по совету козельского лекаря Кустова кинули из руки кровь, больной почувствовал [себя] легче; 18-го к вечеру говорил и даже аппетитно чай пил, в 12 часов просил бывшего при нем родного брата своего рясофорного монаха Алексея, чтобы приготовил ему к двум часам пополуночи питья. После того уснули, а в 2 часа монах Алексей услышал сквозь сон, как будто отец Нил вскрикнул; проснувшись, усмотрел его уже скон-

чавшимся, и на лице заметны были следы апоплексического удара.

Погребение совершено по Литургии Преждеосвященной* 20 числа. Похоронен на северной стороне собора Введенского к Трапезной церкви.

* Литургия Преждеосвященная — Преждеосвященных Даров Литургия — Богослужение святой Четыредесятницы, совершаемое на святом Хлебе-Агнце, освященном на предшествующей Литургии свт. Василия Великого, совершаемой в воскресенье. Церковным Уставом определены дни для Преждеосвященных Даров Литургии: среда и пятница каждой недели Великого поста, первые три дня Страстной седмицы и дни памяти Севастийских мучеников и прп. Марии Египетской. Служба носит покаянный характер. Ее зарождение относится к первым векам христианства, сложение — к VI в., при Римском свт. Григории Двоеслове, окончательное оформление — к XIV в.

** Погребен в монашеском облачении — очевидно, сподобиться по смерти быть облаченным в монашеские одеяния, которые при жизни открыто носить было невозможно либо по причине тайного (келейного) характера пострига в мантию, либо из-за только планируемого, но еще не совершенного облачения в рясофор.

Апрель 24. Среда, праздник Преполовления Пятидесятницы. В 3 часа пополудни скончался на скотном дворе страдалец Михаил Деев, холост, 44 лет от роду, Юхновского уезда, Воскресенской волости государственный крестьянин. У него большая <...> нога утверждена до колена была на дереве для удобства хождения. Он странствовал и принят был в Оптиной по собственному усердию его для помощи в трудах при монастырском скотном дворе. Трудился по силе своей. В апреле усилилась болезнь в пальцах больной ноги и отвалились отгнившие части. Наконец он решился и просил у духовного своего отца Пимена допустить докторов по совету их отнять ногу до колена. Но смерть [поспешила] и страдалец уснул христианскую тихую кончиною. В продолжение болезни удостоился неоднократно по исповеди приобщения Святых Таин и Елеосвящения и погребен в монашеском облачении**. Похоронен на новом кладбище.

Июль 30. Вторник. Пополудни в 4 часа иерей Димитрий Иванович Богданов, вдовый, в малом образе монашества, скончался 30 июля, 63 лет от роду. Пред смертью его за несколько дней (21 июля) случился с ним параличный удар, с отнятием языка, руки и ноги, но в памяти удостоился по исповеди

приобщения Святых Таин и особорования Елеосвящением. Кончина последовала тихо, безболезненно. При этом замечателен случай: когда духовник и. Г. приобщил его Святых Таин, больной, принявши Тайны, сомкнул уста; духовник отец Г. усомнился и говорит предстоящим братьям: «Имел ли возможность проглотить больной Святые Тайны?», а отец Димитрий — больной, не имея возможности выговорить, показал знаком рукою в ответ на вопрос духовника отца Г., от уст и до сердца проведши линию, что удостоился проглотить благополучно.

Земная жизнь покойного священника Димитрия Ивановича Богданова многострадальна была по наветам от врага людей, подстрекаемых завистью. Сын священника Ивана Ивановича Богданова, Медынского уезда села Никитского Архангельской церкви, окончив курс учения в Калужской Духовной семинарии 1824 года в молодых летах (24 лет от роду), был он уже священником в богатом селе Мосальского уезда. Овдовел он чрез несколько лет, с сыном на руках. Подпал проискум сильных века сего. В Оптину Пустынь [переведен] по усердному его прошению из Мещовского Георгиевского монастыря под надзор, здесь благодетельствован он был отцом архимандритом Моисеем отеческою любовью и снисхождением.

Погребен на новом кладбище.

Ноябрь 25. Скончалась на скотном дворе из числа прачек девица Мария <...> из села Прысков, в совершенной памяти до последней минуты. Удостоилась пред кончиною по исповеди причаще-

ния Святых Таин и особорования Елеосвящением. Покойная нечаянно обварилась в чане или котле, когда кипел щелок для белья, она имела послушание мешать и переливать щелок в другой чан. Поскользнувшись, упала боком и рукою в кипящий щелок, хотя в те же минуты вынута была находившимися тут же прачками, но тело уже так сильно обварилось, что и медицинские пособия не действовали. Скончалась тихо и мирно в надежде на милосердие Божие. Пострадала только три дня. Погребение совершено по чиноположению на новом кладбище.

1864

Май 28. Четверток, праздник Вознесения Господня. Утром в <...> часа скончался иеромонах Виталий II, на 69-м году от роду. Пред смертью болел от простуды более <...> недель; за <...> дней удостоился приобщиться Святых Христовых Таин и особорован; в последний раз удостоился приобщения Святых Таин за <...> часов до смерти.

В монашеское звание поступил из нижегородских купеческих детей в Оранский Богородицкий монастырь, близ Нижнего Новгорода, в 1833 году, до пострижения именовался Василием Николаевичем Адинцевым. Обучался в гимназии, братья его поступили в службу по гражданской части и ныне [служат] чиновниками, а его записал родитель в купеческий капитал. В Оранском монастыре пострижен и произведен в иеромонаха и казначея,

из одного монастыря в 183<...> году переместился в сию Оптину Пустынь под руководство в духовной жизни к старцу иеросхимонаху Льву (Леониду). Избегая духовнической должности, переместился в Костромскую епархию в скит к известному старцу Тимону, там по смерти одного старца Тимона был строителем одного скита. В 1855 году оставил строительскую должность и переместился в Киево-Печерскую Лавру, в которой был в должности благочинного. Из оной Лавры отправился во Иерусалим, для поклонения Гробу Господню, в Святом граде Иерусалиме пробыл два месяца для посещения окрестных святых мест. Возвратившись из Иерусалима, поступил в Сергиевскую Лавру, в оной был 18 лет духовником Хотьковского девичьего монастыря. Получивши от простуды сильную глухоту, находился при лаврской больнице, а в 1860 году, летом, переместился паки в сию Оптину Пустынь за штат на больничное положение.

Нрава был доброго, братолюбивого; во всю жизнь не употреблял хмельных напитков; росту среднего, худощав, волосы на голове кратки и седы, а на браде весьма мало, почти безбрадый. Имел твердую память, любил особенно упражняться в чтении Священных книг и в беседах повторял приличные тексты. Держался во всем простоты, правдивости и примерной бережливости, от раздоров и притязаний всегда уклонялся с уступчивостью. Келейные вещи имел самые необходимые и малоценные, а потому казался вполне странником в земной жизни. Переселился на вечный покой, уснул тихо, до последней трубы Архангела. Вечная память! По-

гребен близ Трапезной церкви преподобной Марии Египетской.

Уволь 7. Вторник. В 12 часов дня почил масти-
тый старец рясофорный монах Андрей (Никифо-
рович) Орлов, 84 лет от роду, из московских мещан.
Первоначально поступил (овдовевши) в Скит в 1837
году. В 1840 году перешел в Малоярославецкий Ни-
колаевский монастырь, по духовной преданности
своей к бывшему своему скитоначальнику отцу игу-
мену Антонию. В 1846 году возвратился в Оптину
Пустынь, с 1849 года находился по делам своим в
Москве. В 1853 году возвратился в Оптину Пустынь
на больничное положение, страдал обеими нога-
ми и постепенно лишился зрения; несколько лет
не выходил уже совершенно из кельи своей, но до
самой смерти сохранилась у него память обо всем
даже давно прошедшем. Сознавал откровенно свои
немощи и в покаянии приготавливался к переходу в
вечность. За три дня до кончины приобщившись
Святых Христовых Таин, особорован Елеосвящени-
ем. Удостоился приобщения Святых Таин и в день
своей кончины в 11-м часу утра, а в 3 часа 35 минут
пополудни почил о Господе тихо и мирно.

По наружности росту был среднего, вида му-
жественного и сильного; брада и на голове волосы
седы, благообразен. До поступления в обитель, т. е.
Скит, на жительство, в светской жизни, бывши еще
дворовым богатого вельможи господина Ергольско-
го, имел от него неограниченное доверие. Погребен
близ Трапезной церкви, между Введенским собо-
ром.

Сентябрь 5. Суббота. В первом часу пополудни пред утренним пением скончался послушник Василий Козьмин Пузанов, на 43-м году от роду, со всеми Святыми напутствиями и удостоился в болезни пострижения в монашество. Из дворовых людей болховского помещика села Селихова штаб-ротмистра Григория Константиновича Ржевского. Отпущен на волю с братом. Поступил в Оптину Пустынь 10 июля 1858 года. Проходил разные послушания, при особенном даровании простоты и кроткого молчаливого нрава от природы. В летнее время [был] смотрителем лугов и огородов, а в зимнее — при Болотской мельнице. В августе сего года заболел и помещен при больничной церкви, постепенно ослабевал. В продолжение болезни осoboрован и по исповеди неоднократно приобщался Святых Христовых Таин.

Сентябрь 17. Четверток. Пополудни в 9 часов скончался в послушании престарелый Евтихий, а в документе его наименован Евстафий Егоров Карагодин, на 63-м году от роду. В Оптиной Пустыни с августа 1861 года, из государственных крестьян Малоархангельского уезда Орловской губернии, Воровутской волости, деревни Лимовой. Евстафий прежде жил в Белобережской Брянской пустыни, был определен указом в братство и пострижен в рясофор; но по смерти тамошнего настоятеля, известного подвижника архимандрита Моисея Евстафий вынужден был обратиться в первобытное звание* — с великою скорбью и слезами. Получив от Воровутского волостного правления билет, прибыл в Опти-

* Обратиться в первобытное звание — здесь: быть лишенным монашества. По законам Российской империи в таких случаях запрещалось носить монашескую одежду и длинные волосы.

ну Пустынь в 1861 году и по силе своей трудился в послушаниях при монастырской бане. Страдал от ран на ногах. В октябре 1864 года сильно занемог, по исповеди приобщился Святых Христовых Таин и в тот же день во время соборования, проговоривши последние слова: «Благословите меня, отцы святыя и братия, и простите меня, грешного» и прочее, — тихо скончался.

Сентябрь 21. Понедельник. Пополудни в 2 часа скончалась в монастырской гостинице странница Евдокия Антонова, дочь Максимова, крестьянская вдова престарелых лет Тульской губернии, Одоевского уезда села Пухтина, деревни Огороковой, в которой имеется дом сына покойной крестьянина Осипа Емельянова Максимова.

Покойная Евдокия, пришедши для богомолья в Оптину Пустынь к престольному празднику Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября), занемогла. Исповедана, приобщилась Святых Христовых Таин и особорована в чистой памяти. На вопрос духовника иеромонаха Пимена отвечала благоразумно, между прочим сказала, что она имущества никакого не имеет, кроме того, что на теле при ней. Прибавила и следующее, что ныне к празднику Воздвижения богомольцев в Оптину было больше прежних лет, а в будущую весну будет многое множество стечение, но не объяснила, по какой причине. Это она предсказала и тихо уснула навеки. Лицо ее при погребении во гробе все видели как спящей — живой. Погребена на новом кладбище. Вечная память страннице земной.

Сентябрь 25. Пятница. Под субботу скончался 95-летний старец Григорий Иванов, из мещан города Белева. В Оптиной Пустыни жил более 30-ти лет по найму в столярном мастерстве. Покойный Иванов был отпущен с семейством своим на волю помещиком Тульской губернии. Двух сыновей своих из опасения военной службы приписал: одного в город Белев, другого в город Козельск. Но судьба решила иначе: [было произведено] назначение в рекруты с одинок, и оба сына поступили в военную службу. Старик остался без помощи от них, трудился по найму в обители сей в столярном мастерстве. С 1863 года крайне ослабел по старости своей, жизнь его как свеча догорала. Погребен в городе Козельске на общем кладбище.

Декабрь 9. Среда. Пополудни в 7 часов скончался в обители иеромонах Филарет, 79 лет от роду, а в Оптиной Пустыни жил по поступлении своем с 1812 года. Из калужских мещан, Филипп <...>. Был келейным у игумена Авраамия, пострижен 3 марта 1815 года, рукоположен во иеродиакона 29 августа 1819 года, а потом при игумене Данииле в 182<...> году переместился в Московский ставропигиальный Новоспасский монастырь. Там произведен во иеромонаха и был наместником, награжден набедренником. А в 1843 году по прошению его уволен от должности наместника по болезненному состоянию и перемещен паки в Оптину Пустынь на больничное положение. Голос имел бас. Высокого роста, благообразной наружности, брада большая, сед, плешив, строгий хранитель чиноположения, всегда готовый

к священнослужению. В 1863 году летом случился у отца Филарета легкий параличный удар в правой стороне руки и ноги, и поэтому отказался продолжать седмичное служение и заметно ослабевал в силах по старости. 6 декабря по желанию его особорован Елеосвящением, а 7-го утром исповедался и приобщился Святых Христовых Таин, также и 8 числа по Литургии ранней в совершенной памяти, а 9 числа почил о Господе. 12-го числа совершено погребение соборно. Похоронен против северной паперти Введенского собора.

1865

Январь 6. Среда, праздник Богоявления Господня. Пополудни в 3 часа скончался рясофорный монах Сергей Александрович Шульгин на 53-м году от роду, сын знаменитого бывшего обер-полицмейстера в Москве и Санкт-Петербурге. Служил <...>

Май 12. Среда. Отдание праздника Святой Пасхи. Пополудни в первом часу (после братской трапезы) почил о Господе рясофорный монах Дометий Пантелеевич Лисовский, за 70 лет от роду. За 4 часа до кончины удостоился приобщиться Святых Христовых Таин в совершенной памяти, при болезненном своем изнеможении от водяной болезни. Происходил из дворян Смоленской губернии Ельнинского уезда. Овдовевши, поступил в 1842 году в Оптину Пустынь по собственному желанию, проходил разные мона-

стырские послушания 22 года, последние более 10-ти лет был смотрителем монастырской гостиницы. Накрыт рясофором 28 июня 1851 года. С 1862 года по болезненному состоянию перемещен с гостиницы в больничную церковь. Читал по очереди Псалтирь по усопшим. В 1864 году обнаружилась водяная в груди, которая постепенно усиливалась. Отец Дометий положительно знал неизлечимость своей болезни, терпеливо сносил и приуготовлялся к переходу в вечность частым по исповеди приобщением Святых Таин, осoboрован еще до Пасхи, в последнюю неделю почти ежедневно приобщался. В последний [раз] удостоился приобщиться по Литургии ранней в 8 часов в совершенной памяти и скончался тихо в 12 часов дня в 1-м. <...> мая по Литургии ранней совершено погребение тела по чину монашескому. Покойный был росту среднего, волосы русые, брада до персей, благообразной наружности, кроткого нрава. В продолжение жизни испытал много скорби и превратностей. Вечная память! Похоронен возле Трапезной церкви с южной стороны против северной паперти Введенского собора.

Март 9. Среда. Пополудни в 10 часов, когда в церкви продолжалась служба Божия Великого канона*, по окончании третьей песни, после чтения жития преподобной Марии Египетской, почил о Господе в монастырской гостинице госпожа вдова Варвара Львовна Мартемьянова.

* Служба Божия Великого канона — Богослужебное последование четверга 5-й седмицы Великого поста. На утрени дня прочитываются Житие прп. Марии Египетской († 522) и Великий покаянный канон прп. Андрея, архиепископа Критского († 712–726). Всё Богослужение имеет сугубо покаянный характер; в просторечии называется «Мариино стояние». В этот день совершается с вечерней Литургия Преждеосвященных Даров.

Госпожа Мартемьянова Варвара Львовна, [помещица] ефремовская, вдова поручика Николая Александровича, по отцу урожденная Крюкова, от него имела приданое в Алексинском уезде, а имением мужа Мартемьянова до смерти владела вместе с дочерью Александрой Николаевной, [которым] управлял по доверенности Федор Захарович Ключарев — супруг дочери, т. е. Александры Николаевны.

Помещица Тульской губернии, мать родительница единственной дочери Александры Николаевны (в монашестве Амвросии), по мужу — Ключаревой, по усердию своему к святой обители сей — Оптиной Пустыни — несколько лет постоянно жила в монастырской гостинице в отдельном деревянном флигельке.

Май 2. Понедельник. Пополудни в 8-м часу скончался маститый старец иеродиакон Иосиф, 88 лет от роду, из вдовых диаконов Козельского Успенского собора (Иван Сергеев <...>). Поступил в Оптину, в число братства, 28 мая 1835 года по указу Калужской Духовной консистории. 28 ноября 1843 года пострижен в монашество и наречен Иосифом. Орган голоса¹ имел сильный бас и в молодых своих летах отправлен был в число придворных диаконов. Погребен близ алтаря святого великомученика Георгия на северной стороне близ схимонаха Карпа.

Май 19. Четверток, утро. Во время утрени умер престарелый рясофорный монах Афиноген

¹ Так в тексте.

(Афиноген Михайлов сын Епифанов) на 78-м году от роду. В Оптину поступил в 1847 году, из вольно-отпущенных помещика Курской губернии Щигровского уезда прапорщика Ивана Никифоровича Бобровского, и по милости отца архимандрита Моисея приписан в козельское мещанское общество. Он проходил разные послушания в обители и особенно по искусству (как обученный в светском своем звании) коновалом при конном монастырском дворе. По старости своей был в продолжительных и тяжких болезнях и помещен был на новом кладбище, в кельях при кладбищенской церкви во имя Всех Святых. Они и приняли его душу от суетной сей жизни. Старец этот был добрый, простодушный, среднего роста, исхудалый — как мертвец, ласковый и словоохотливый в беседе со всяким. Вечная память!

1867

Май 26. Пяток. Пополудни в 7 часов скончался иеродиакон Варлаам на 58-м году от роду. В Оптину Пустынь поступил в 1847 году из болховских мещан по имени Василий Степанов Абразумов. В монашество пострижен в 1857 году, а в иеродиакона рукоположен в 1858 году. Голос имел бас, был певчим на левом клиросе. Росту среднего, брада большая с проседью, добрый и простодушный. Заболел с января 1867 года, усилилась водяная болезнь. Во время болезни соборован и неоднократно по исповеди приобщался Святых Таин. Пред кончиною его служащий ему послушник, пришедши из трапезы от ужина спросить, не нужно ли

что, нашел отца Варлаама сидящего в креслах, уснувшего навеки. Вечная память! 28 числа отпевание тела совершено по Литургии поздней соборно.

Погребен возле оного схимонаха Иоанна.

Июль 25. Вторник, храмовый престольный праздник во имя святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, в бывшей трапезе. В 6 часов утра скончался рясофорный монах Михаил (в схиме) Осипович Жураковский, на 26-м году от роду, а в Оптину поступил в 1860 г. в октябре. Из чиновников (14 класса), канцелярских служителей Калужской Палаты государственных имуществ, сын профессора Калужской гимназии Осипа Ивановича Жураковского. Отец Михаил покойный был среднего роста, волосы на голове светло-русые, на бороде (небольшой) рыжеватые, худощав; нравом кроток, от природы молчалив, со всеми любовен и обходителен с уступчивостию во всяком случае. С пострижения своего в обитель проходил послушания в просфорне, потом при письменных монастырских занятиях и на клиросе певчим второго тенора. Превосходно читал псалмы и прочее церковное. В 18<... ...>. Погребен возле Трапезной церкви святой праведной Анны.

1869

Июль 27. Воскресенье. В 10-м часу утра скончался рясофорный монах Иоанн Александрович Маслеников, из орловских мещан, на 59-м году от

роду. В Оптину поступил в сентябре 1860 года и определен указом 5 марта 1866 года. Проходил в обители разные послушания: в поварне братской и для рабочих, а последние годы, с 1864 года — в странноприимном доме, деревянном, — смотрителем и распорядителем. Доброго и кроткого нрава старец. Трудолюбивый. Высокого роста, на голове и бороде очень мало волос имел, худощав. Заболевши, не обнаруживал до трех недель болезни горячки, но, обессилевши, перевезен в больницу 25 июля, особорован и по исповеди приобщился Святых Таин в совершенной памяти, а 27-го во время поздней Литургии скончался тихо. Родные две сестры его почили о Господе в Белевском девичьем монастыре. Вот и всё их семейство было в [монастырях]. Погребен на новом кладбище.

1871

Январь 2. Иеросхимонах Гавриил скончался в Боголюбивой Казанской женской общине Калужской губернии, <...> уезда при селе Петропавловском, в имении Белокопытовой, там и тело его погребено за алтарем домово́й церкви. О смерти его рапорт от настоятельницы оной общины рясофорной монахини Феодосии от 8 января 1871 года и указ из Калужской Духовной консистории от 22 января.

Покойный иеромонах Гавриил, из окончивших курс Калужской семинарии Григорий Лукич Спаский, сын священника <...>, поступил [определен] в Оптину Пустынь в 1842 году, пострижен в мона-

шество в 1844 году, рукоположен во иеродиакона в 1845 году, во иеромонаха в 1848 году. С 1849 года исправлял должность казначея в Малоярославецком монастыре; а в 1851 году возвратился паки в Оптину по болезни за штат. Занимался духовнической должностью и руководством новоначальных в монастырской жизни. Способствовал к устройению и утверждению означенной Боголюбивой женской общины госпоже Белокопытовой <...>, поэтому и находился с 1869 года во оной общине. Заболевши, там и скончался.

Апрель 18. Воскресенье. Пополудни в 4 часа скончался монах (пред смертью пострижен) Леонтий Алексеев, на 82-м году от роду, вдов, из крестьян помещика Челищева, приписан в мещане города Жиздры. Поступил в Оптину Пустынь в 1864 году, росту среднего и крепкого сложения. Благообразной наружности, украшенный белою и окладистою бородою. Трудолюбивый и редкой непритворной простоты. По старости своей <...>. Погребен на новом кладбище.

❧ 1872 ❧

Май 14. Воскресенье. В 7-м часу утра привезено в Оптину Пустынь тело умершей в Москве 8 мая жены отставного губернского секретаря Александры Николаевой Ключаревой. Открытый лист на провоз тела дан 10 мая 1872 года под № 2153, за подписью генерал-губернатора князя Долгорукова. На оборо-

те надпись, что отпевание совершил 11 мая в Московской Пречистенско[го] sóрок[а] Воскр[есения Словущего] на Остоженке церкви священник Григорий Петрович Смирнов-Платонов. При теле прибыл супруг покойной Василий Федорович Ключарев.

Предано земле 14 мая по Литургии поздней и панихиде против алтаря придела святителя Николая Чудотворца близ бабки покойной — Варвары Львовны Мартемьяновой (в монашестве Афанасии).

1873

Январь 9. Вторник. В 11 часов дня скончался монах Андрей, на 30-м году от роду, из купеческих 3-й гильдии детей города Клина Московской губернии (Андрей Семенов Кудрявцев). Поступил в Оптину Пустынь в 1863 году в январе. Определен в число послушников 3 марта 1866 года и пострижен в рясофор, а в мантию в январе 1873 года (келейно, без перемены имени). Послушание его было маляр. Он был искусный знаток в этом деле. Под ведением его окрашены крыши на церквях и корпусах братских. Также оклеивал внутри кельи шпалерами и обучался живописи. Впоследствии у него обнаружилась чахотка, которая усилилась до изнеможения. Употребляемые врачебные средства мало и изредка облегчали его, а при наступлении 1873 года отец Андрей уже совершенно слег в постель и быстро разлилась водяная с ног. В последние дни жизни своей отец Андрей не мог уже лежать. Сидел в креслах. В совершенной памяти говорил тихо, ежедневно при-

общался Святых Христовых Таин, и тихо и мирно уснул навеки, в полной надежде на милосердие Божие. При кончине и погребении был родной его брат купеческий сын <...>, прибывший за несколько дней до смерти покойного. Погребен возле церкви святой Марии Египетской с южной стороны.

Февраль 22. Четверток первой седмицы Святого поста. Пополудни в 3-м часу скончался в монастырской больнице монах Парамон. Из временно обязанных крестьян Ефремовского уезда Тульской губернии Березовской волости села Ламского Парамон Владимиров, 61 год от роду. Поступил в Оптину Пустынь вдовый 24 июня 1869 года. Послушание его было на монастырском скотном дворе. Грамоте не учился, но отличался непритворною простотою и усердием. Наружность благообразная, высокого роста, волосы темно-русые, борода окладистая, сложения крепкого, тихого и кроткого нрава. Услужливый во всем. В 1872 году к Пасхе накрыт рясофором. С первых чисел января 1873 года отец Парамон сильно простудился, обнаружилась жаба в горле, но пособием лекаря эта болезнь прошла, а внутренне усилилась. Первое врачевство обыкновенно в обители нашей Оптиной — исповедоваться и приобщиться Святых Христовых Таин, так и отец Парамон удостоился, и особенно в последний день жизни своей особорован в 10 часов, исповедался и приобщился Святых Таин, потом пострижен келейно духовником в мантию. По окончании пострижения выражал больной необыкновенную радость и благодушие, а в 3-м часу пополудни при

духовном отце своем тихо уснул навеки. Вечная память труженику, в простоте сердца подвизавшемуся. Погребен на новом кладбище.

1874

Март 1. Пяток третьей недели Святого поста. Утром в 6 часов скончался схимонах Антоний на 83-м году от роду, сборщик, известный под именем мантийного монаха Афанасия. В Оптину поступил в 1831 году в марте месяце. Первоначально в Скиту был в братской поварне, потом через год пострижен в рясофор, имя его было Адриан Родионов, из казенных крестьян Тверской губернии Торжковского уезда. За послушание ежегодно отправляем был для испрошения на обитель жертвы в разные губернии, особенно в последнее время — в Курскую и Орловскую, большей частью по городам. Трезвенной и строго монашеской жизнью заслужил уважение к себе от многих благочестивых граждан, хотя и малограмотен был по церковной печати, а по гражданской неумен. Писать же вовсе не учился. Погребен в промежутке между Введенским и Казанским соборами возле схимонаха Карпа, слепого.

1875

Январь 3. Пятница. Поутру, в 8 часов, скончался о Господе в больнице монах Филипп (Иванов Северцев) на 20-м году от рождения, от чахотки.

Больной выносил благодушно. Умер, как уснул. Из государственных крестьян Звенигородского уезда села Пятницы. В обитель пришел в 16 лет. Погребен на новом кладбище.

Январь 5. В повечерие Богоявления, вскоре после вечерни, в воскресенье, скончался в больнице монах Петр (Александров Богданов), не указный, от чахотки, после продолжительной болезни. Когда пришедший в больницу иеромонах с крестом и святой агиасмой* окропил его и дал ему лобызать святой крест, он чрез минуту после сего скончался. Погребен на новом кладбище 7 января.

* Агиасма — Крещенская вода, т. е. вода, освященная в праздник Богоявления и накануне, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник).

Февраль 3. В 3-м часу пополудни скончался о Господе послушник Игнатий Лукианов Митирев (в монашестве) от продолжительной чахотки, с добрым напутствием. Болезнь переносил терпеливо и благодушно. Из государственных крестьян Ливенского уезда. Занимался малярным мастерством очень хорошо. Погребен на новом кладбище 6-го числа.

** Краснописец — точный перевод греческого слова «каллиграф» — человек, весьма искусный в написании текста рукописных книг.

Март 7. В пятницу, в 7-м часу утра, на 2-й неделе Великого поста, скончался монах Астион (в схиме), известный краснописец**. В мире карачевский мещанин Арсений Крошин. Во время болезни часто был приобщен Святых Христовых Таин. В обители с 1846 года. Погребен на южной стороне церкви Марии Египетской.

Сентябрь 15. Понедельник. Скончалась на скотном дворе престарелая Анна Николаевна Иноземцева,

вдова чернского купца, мать иеромонаха Исайи, строителя Мещовского монастыря [и] Доброго. Жила при обители года три. Нрава была кроткого и миролюбивого. Приняла монашеское пострижение. Погребена 17 сентября на южной стороне Казанской церкви.

Ноябрь 21. В пятлок, во время Литургии, окончила жизнь на скотном дворе престарелая, около 100 лет, Анна Ивановна, в монашестве Агния, бывшая доброго и кроткого нрава. Погребена на новом кладбище.

Ноябрь 28. В пятлок вечером скончался в больнице престарелый рясофорный послушник Варнава Яковлев Тихонов из богородицких мещан Тульской губернии. Старец доброго нрава, умер в день напутствования Святыми Тайнами тихо, как бы уснул. Проходил послушание на Болотской мельнице. Погребен на новом кладбище.

1876

Апрель 3. Великая Суббота. Скончался в больнице престарелый монах Мартиниан (Яковлев, не указной). Скончался в памяти и мирно. Еще во время ударения к утрени сказал сыну своему монаху Василию, что в сей день должно всё окончиться для него, и просил благословения у старца отца Амвросия умереть в сей день. Получив просимое, мирно уснул сном смерти в третьем часу пополудни. Погребен в Светлый вторник на новом кладбище.

1877

Февраль 25. Скончался о Господе на скотном дворе Христа ради юродивый схимонах Пахомий (в мире был из дворовых людей господина Бахтина, Брянского уезда, Петр Соловьев). Прибыл в Опти-ну Пустынь из Орла в 1873 году. Пожил в Скиту несколько времени и затем перешел на скотный двор, где и скончался мирной христианской кончиною, более 90 лет от роду. Исповедан и приобщен иеромонахом Пименом. Погребение совершено 27 числа отцом игуменом Исаакием соборно. Погребен рядом с иеросхимонахом Феодотом, ближе к церкви Введения Пресвятой Богородицы.

Июнь 8. Скончалась о Господе в монастырской гостинице из дворян девица Варвара Викентьевна Шиховская (в монашестве). Жила при обители более 40 лет, еще при жизни покойных старцев отца Леониды, отца Макария и отца архимандрита Моисея. Жизни была целомудренной и трезвенной, и очень приветлива к монашеству. Скончалась после недолгой болезни с христианским напутствием ночью, сложивши три перста правой руки в крестное знамение. Погребена отцом игуменом соборно за Пафнутьевским приделом 10 июня.

Август 2¹. Скончался о Господе в больнице монах Иларий, 42 лет, мирно, после продолжитель-

¹ В формулярном списке за 1877 г. дата кончины — 4 августа // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1252. В других источниках упоминание отсутствует.

ной болезни, от чахотки. В миру Иларион Васильев Суров, из крестьян. Поступил в обитель в 1861 году, сперва в Скит, а после перешел в монастырь. Послушание проходил пасечником и клиросным. Напутствован Святыми Тайнами, что совершалось пред кончиною его очень часто, и елеосвящен иеромонахом Памвою, им же и совершено погребение 4 числа. Похоронен на новом кладбище.

Сентябрь 28. Среда. Скончался о Господе в больнице от чахотки послушник Алексей Иванов Бирюлин (в монашестве), мирно, после продолжительной болезни, 22 лет от роду, вяземский мещанин. Прожил в обители 1 год и 1 месяц. Нрава был весьма тихого и кроткого, отличался особенною простотою. Напутствован Святыми Тайнами и елеосвящен иеромонахом Ираклием. Им же и погребение совершено 30 числа на новом кладбище.

1878

Январь 25. Среда. Скончался о Господе в больнице схимонах Лавр, в мирском звании унтер-офицер Лавр Семенов, 72 лет. Пожил в обители 19 лет подвижнически в должности смотрителя странноприимного дома для простого сословия. Старец сей день и ночь не имел покоя от трудов, предпринимаемых им к упокоению странников. Жизни был воздержанной и строгой, даже чаю не употреблял, в церкви бывал постоянно. Болел неделю, скончался сидя на кресле от водяной болезни. За 15 минут до

смерти приобщился Святых Христовых Таин и по прочтении ему канона Пресвятой Богородице на исход души тихо почил о Господе до будущего общего воскресения! Погребен 27-го на новом кладбище. Духовник иеромонах Паисий, погребение совершил духовник иеромонах Пимен.

Январь 31. Вторник. Скончался о Господе иеромонах Иракий, в схиме, из московских купцов, в мире Иван Алексеев, после продолжительной болезни, окончившейся водянкою, 59 лет, пожил в обители в добром послушании 20 лет. Нрава был кроткого, трудолюбив, к церкви усерден и весьма правдив. В последнее время очень страдал от болезни и скончался тихо, сидя, с добрым напутствием. Погребен 3 февраля между Введенским собором и <...> церковью отцом игуменом соборно. Духовник иеромонах Памва.

Март 30. Скончался о Господе в больнице от чахотки послушник Михаил Савельев Петрухин (в схиме Антоний, брат монаха Иоанна Петрухина), бывший погребничий. Из крестьян Орловской губернии Болховского уезда Паленской волости, 28 лет. Поступил в обитель в ноябре 1874 года. Почти все время был болен, но послушание проходил до самой смерти. Нрава был кроткого и скончался в памяти мирной христианской кончиной. За три дня до смерти открылось кровотечение горлом. Духовник иеромонах Памва. Погребен им же близ брата его отца Иоанна, рядом со схимонахом Серапионом 2 апреля.

Апрель 13. Скончался о Господе в Чистый Четверток иеросхимонах Савва после непродолжительной болезни от воспаления легких, 77 лет от роду. В обитель поступил в 1830 году из болховских мещан, именовался Сергей Калашников. При отце архимандрите Моисее исправлял должность казначея. К церкви Божией был весьма усерден, жизнь проводил трезвенную и нестяжательную, по самую смерть довольствовался монастырскою трапезою. Любил лечить, особенно магнитом, и за молитвы его больные получали исцеление. Умер, как уснул, и погребен на южной стороне Введенской церкви соборно в Великую Субботу. Духовник иеромонах Пимен.

Апрель 23. Неделя Антипасхи и святого великомученика Георгия. Скончался о Господе монах Порфирий, из московских купеческих детей, Петр Петрович Севрюгин, 45 лет. Поступил в обитель в 1861 году, в монашество определен в 1872 году. Жил в Скиту и был письмоводителем у старца Илариона. Скончался с христианским напутствием от воспаления в желудке. Погребен 25 апреля, погребение совершено соборно отцом <...>. Могила между Введенским собором и храмом преподобной Марии Египетской.

Сентябрь 11. Скончался в монастырской больнице проживающий в обители в числе послушников отставной рядовой Иван Григорьев Милюга (в монашестве), от чахотки, 60 лет, с христианским напутствием. Погребение совершено духовником иеромонахом Памвой 13 числа.

* Инвалидные команды — существовали в России в период, когда служба в армии имела продолжительные сроки и поступающий на военную службу фактически порывал всякую связь с родными и сословием. Инвалидные команды состояли из военнослужащих преимущественно нижних чинов, неспособных к строевой армейской службе по состоянию здоровья. Инвалиды служили в подразделениях внутренней стражи, госпиталях, в крепостях, в ведомствах: дворцовом, провиантском, комиссариатском, горном и других. Упразднены в 1864 г. в связи с ликвидацией Корпуса внутренней стражи.

Покойный жил в обители около 10 месяцев. Служил в инвалидной команде* при лейб-гвардии Измайловском полку.

Декабрь 14. В четверток скончался о Господе в больнице казначей Покровского Доброго монастыря иеромонах Мисаил от водянки. Происходил из чернских граждан. Жил долгое время в Калужской Тихоновой пустыни, немного на Угреше и наконец в Добром монастыре. Духовник иеромонах Амвросий. Похоронен 16 числа отцом игуменом. Пред смертью пострижен в схиму. Скончался мирною кончиною.

Декабрь 27. Среда. Скончалась о Господе на монастырской гостинице цигровская помещица, вдова капитана Зоя Максимовна Болотова с христианским напутствием, от старости, 79 лет. Покойная постоянно благодетельствовала [монастырю] и последние годы своей поистине христианской жизни провела безвыездно при обители. Около года была больна. Отличалась радушием ко всем и [была] простого характера. Духовником ее был иеросхимонах Амвросий, а в болезни исповедовалась иеромонаху Памве. Погребение совершено 29 числа отцом игуменом Исаакием с иеромонахами. Погребена на южной стороне Введенской церкви близ Ключаревых могил.

1879

Февраль 5. Скончалась о Господе на скотном дворе престарелая девица Параскева Михайловна

Троицкая, дочь дьячка (родная сестра старца иеросхимонаха Амвросия), на 71-м году от рождения от воспаления в кишках. Пострижена в болезни в схиму. Покойная была жизни строгой и высоконравственной и нрава кроткого. Болела недолго. При обители жила около 2-х лет. Погребена рядом с Зоей Максимовной [Болотовой]. Погребение совершено 8 числа.

Апрель 14. Скончался мирной христианской кончиною в больнице, в субботу на Фоминой неделе, монах сей обители Гervasий — просфорник (в мире унтер-офицер Георгий Соломин), 54 лет. В монастыре трудился 13 лет, жизни был воздержанной и нрава кроткого. Отличался четким и правильным чтением церковнославянского языка. Пред самой кончиною удостоился причаститься Святых Христовых Таин. Болен был немного и умер почти на ногах. Носил постоянную сердечную болезнь о своем спасении, которая иссушила его плоть. Погребен 16 апреля. Духовник — скитоначальник иеромонах Анатолий. Погребение совершил иеромонах Геронтий. Похоронен между Введенским храмом и церковью преподобной Марии Египетской.

1880

Февраль 18. Скончался о Господе иеромонах сей обители Анатолий (в схиме) после тяжелой болезни водянкой. В мире из мещан харьковских Арсений Артемьевич Булковский-Будник. В число братства

сей обители определен в 1843 году, пострижен в 1850 году, [рукоположен] во иеродиакона в 1853 году, во иеромонаха в 1859 году. Вышел в 1861 году в Троице-Сергиеву Лавру, в 1862 году на Угрешу, в 1864 году в Иерусалимскую миссию, в 1870 году возвратился опять в Оптину Пустынь. В 1871 году наречен настоятелем в Добрый монастырь, по увольнении в том же году в сию обитель на покой. Нрава был доброго, и собою благолепный. Имел наперсный крест. Погребение совершено 21 числа отцом игуменом соборно. Старец имел 71 год от рождения. Духовник отец Амвросий.

Декабрь 14. Скончался о Господе монах сей обители Нифонт (в схиме), в мирском звании надворный советник Никита Афанасьевич Шереметевский. Военный доктор, занимался в обители лечением братии. Поступил в обитель в 1863 году. В монашество пострижен в 1872 году.

В тяжелом болезненном состоянии был более 2-х лет. Скончался мирною кончиною. Исповедовался у иеромонаха Анатолия. Погребен соборно отцом игуменом 16 числа.

1881

Май 12. Скончался о Господе послушник сей Пустыни, не указный, из обоянских мещан Андрей Гаврилов Бочаров, 52 лет, от водянки. Жил в обители 2 года и 3 месяца и правил послушание гостиничного. К церкви и послушанию был ревностен.

Духовник иеромонах Памво, совершено погребение 14 мая им же, иеромонахом Памвою. Погребен на новом кладбище.

Май 17. Скончался о Господе в монастырской больнице с христианским напутствием один из старейших иеромонахов обители Виталий, 83 лет, от размягчения мозга. Духовник иеромонах Памво. Погребение совершено 19 числа отцом игуменом Исаакием соборно.

Погребен между Введенским и Казанским храмами.

Август 23. Скончалась о Господе вдова надворного советника Александра Николаевна Ключарева (в схимонашестве Амвросия), 62-х лет, от размягчения мозга, с христианским напутствием. Духовник ее иеросхимонах отец Амвросий. Погребена 25 августа отцом игуменом Исаакием соборно. Отличалась благодеяниями к бедным и содержала при себе таковых постоянно. Погребена между Введенским и Казанским храмами.

Сентябрь 1. Скончался о Господе иеромонах Пимен (в схиме), 78 лет, от воспаления в легких, с христианским напутствием. Духовник его иеромонах отец Анатолий. Погребен 3 сентября отцом архимандритом Ювеналием соборно. Был в течение долгого времени духовником и приобрел всеобщую народную любовь. Отличался неутомимостью в прохождении духовного звания и особою любовью к священнослужению. Погребен между Введенским и Казанским храмами.

Октябрь 19. Скончался о Господе иеромонах Никандр (в схиме), 46 лет, от водяной болезни, с христианским напутствием, пробывший 26 лет келейником при настоятелях. Духовник иеромонах Памво (Анатолий)¹. Погребен 22 октября отцом игуменом Исаакием соборно. Погребен между Казанским и Введенским храмами.

1882

Апрель 9. Скончался в больнице от воспаления в желудке монах Савва, певчий левого клироса, с напутствием Святыми Тайнами и Елеосвящением. Происходил из ефремовских мещан и назывался в мире Семен Михайлов Рыкалов. Покойный нрава был тихого и росту малого. К церкви был усерден и пел легким басом. Духовник иеромонах Анатолий. Погребение совершил иеромонах Геронтий 11 апреля. Похоронен между церквями Введенской и преподобной Марии Египетской.

Декабрь 7. Скончался в монастырской больнице от разрыва сердца иеродиакон Пафнутий, 46 лет. Погребение совершено 9 числа отцом игуменом Исаакием соборно. Духовник иеромонах Амвросий. Жил на даче, послушание исправлял ревностно, нрава был кроткого и смиренно проходил монашеское жительство. К церкви очень усерден. Уроженец Орла, из бывших архиерейских служителей Орловского

¹ Так в тексте.

Архиерейского дома. Погребен между Казанским и Введенским храмами.

1883

Январь 7. Скончался о Господе иеромонах Исаия (в схиме), бывший настоятель Покровского Доброго монастыря и много лет сборщик сей обители, 63 лет [от роду]. От неопределенной внутренней болезни весьма исхудал и скончался мирно и тихо, будучи напутствован Святыми Тайнами ежедневно в течение 19 дней. Много послужил на пользу сей обители в сборе, где вел себя безукоризненно. Происходил из чернских мещан, в мире именовался Иоанн Лунев. Духовник иеромонах Амвросий. Погребен соборно отцом игуменом 9 января на южной стороне Введенского храма.

Июнь 4. Скончалась на монастырской гостинице дочь губернского секретаря Василия Федоровича Ключарева Вера, 11-ти лет, от дифтерита. Напутствована иеромонахом отцом Геронтием и соборована иеромонахом отцом Леонтием. Погребение совершал настоятель отец игумен Исаакий 6 июня соборне. Погребена между Введенским собором и Казанской церковью рядом с бабушкой.

Июнь 8. Скончалась вторая дочь Ключарева — Любовь, 11 лет, тоже от дифтерита. Напутствована также отцом Геронтием и особорована отцом Леонтием. Погребение совершил отец игумен Исаакий

соборне 10 июня. Погребена рядом со своей сестрой Верой¹.

1885

Ноябрь 17. В 10 часов вечера скончался о Господе иеромонах Авраамий, на 79-м году от рождения, от водяной болезни. В обители находился с 1876 года, ранее проживал в Ростовском Авраамиевом монастыре. Был казначеем и недолго управлял Варницким монастырем. До самой смерти исполнял обязанности духовника отца Амвросия, избравшего его после смерти приснопамятного отца Пимена, а также исповедовал живших в обители Преосвященного Петра, бывшего епископа Томского, и архимандрита Ювеналия — нынешнего наместника Киево-Печерской Лавры. Напутствовал Святыми Тайнами и исповедовал покойного иеромонаха Геронтий. Погребение совершил 20 ноября настоятель архимандрит Исаакий соборно.

1886

Апрель 29. Почил о Господе отставной штабс-капитан Константин Григорьевич Раевский (в монашестве), 83 лет, от водяной болезни, из дворян и помещиков Тульской губернии. Покойный был благодетелем обители и прожил в оной более 22-х лет. Окончил жизнь тихо, мирной христианской кончиною. Во время болезни частовременно сподоблялся

¹ См. наст. изд. С. 228.

принятия Святых Таин чрез иеромонаха Леонтия, исповедовался же у иеромонаха отца Платона. Погребен 30 апреля архимандритом Исаакием соборно. Похоронен между Введенским и Казанским соборами рядом с могилою Ключарева.

1887

Анварь 4. Скончалась на скотном дворе, Тамбовской губернии и уезда, села Серебряковки, вдова причетника Мария Михайловна Серебрякова (в схиме), 87 лет, от старческой немощи и истощения сил. Напутствована Святыми Тайнами частовременно иеромонахом отцом Иосифом. Покойная мать Мария была родная сестра старца отца Амвросия и его нянчила. Погребена 7 числа казначеем иеромонахом Флавианом соборно. Погребена между Введенским и Казанским храмами.

Анварь 18. Скончался в своей келье статский советник* Михаил Александрович Брянчанинов (в монашестве), 75 лет, от водяной болезни. Напутствован Святыми Тайнами иеромонахом Никоном и погребен 20 числа казначеем иеромонахом Флавианом соборно.

* Статский советник — с 1722 года гражданский чин V класса по «Табели о рангах». С 1845 — 1-й чин, дававший право на потомственное дворянство. Титуловался «Ваше высокородие».

1888

Анварь 19. Почил о Господе (в монашестве) мирною христианскою кончиною служивший в бывшем

Орденском Кирасирском полку отставной майор Павел Моисеевич Герасимов, более 40 лет потрудившийся добровольцем в обители, на 83-м году от рождения, от старческого истощения сил, со всеми христианскими напутствиями, преподанными ему иеромонахом отцом Леонтием, и им же погребенный 21 января. Покойный, с присущими человеку немощами и слабостями, отличался простотою, незлобием, любвеобилием, жаждой деятельности и замечательной энергией, которая не оставляла его до самого исхода. Погребен с правой стороны храма преподобной Марии Египетской.

1889

Март 22. Скончался о Господе в келье архимандрит схимонах Авраамий, 56 лет, от паралича всей левой стороны, к которому присоединилась и ускорила смерть катаральная лихорадка (*febris catarrhalis*). В мире Алексей Ильенков, окончив курс в Смоленской Духовной семинарии, рукоположен во священника в городе Дорогобуже в 1856 году. Уволен за штат как вдовый для поступления в монашество в 1866 году. Определен в число братства Оптиной Пустыни в 1868 году, где пострижен в монашество в 1871 году, а с 1872 года из Оптиной Пустыни перемещен, и проходил разные назначения и управлял разными монастырями, преимущественно во Владимирской епархии. *Много приишельствова душа моя*¹. Во время своей деятельности заслужил

¹ Пс. 119, 6.

сан архимандрита, награжден также наперсным крестом и орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени. По прошению (вторично) поступил в число братства Оптиной Пустыни в 1888 году и в том же году 2 июня пострижен в схиму. Исповедь и приобщение Святых Таин преподавал иеромонах Леонтий, который в течение девяти месяцев приобщал болящего. 25 марта совершено погребение отцом архимандритом Исаакием соборне. Могила между Введенским собором и храмом Казанской иконы Божией Матери.

Апрель 14. Святая и великая неделя Пасхи. В пяток скончался в монастырской больнице от кровоизлияния в головном мозгу рясофорный монах отец Сергей (в мире Сергей Степанович Пономарев, саратовский мещанин, ремеслом портной), 61 года. Напутствован Святými Тайнами отцом Феодором Глебовым. Поступил в Оптину Пустынь в 1876 году. Исполнял послушание помощника пономаря. Был родственник умершего старца Илариона. Погребен 16 апреля на новом монастырском кладбище иеромонахом Леонтием.

Июль 8. Скончался рясофорный монах отец Михаил (Михаил Гаврилов Сапрыкин, государственный крестьянин Орловской губернии Мало-архангельского уезда Воровицкой волости, деревни Туровца), 29 лет. Будучи в горячке, вышел из больницы в 2 часа ночи, никем не замеченный. После же поисков найден утонувшим в монастырском пруде. В обитель поступил в 1885 году, проходил разные послушания, имея постоянное усердие. Кончиной

своей возбудил всеобщее сожаление. Погребен на монастырском кладбище иеромонахом Леонтием 9 июля.

Август 3. Скончался о Господе в монастырской больнице монах Феодот (в схиме), 68 лет, от горячки при полупараличном состоянии (хроническом) и при крайнем истощении сил. В мире Федор Павлович Никитин, из дворян, служивший в военном флоте Николаевских времен. В обитель поступил 17 октября 1852 года, в число братства определен 18 марта 1864 года, в монашество пострижен 20 июня 1876 года. Проходил разные послушания, начиная с трапезного. Имел прямой и пылкий характер. Лет шесть тому назад постиг его полупаралич, и с того времени находился на излечении в больнице. Недуг свой нес с покорностью к Богу и с кротостью к окружающим. Перед смертью напутствован Святыми Тайнами иеромонахом Геронтием, им же и погребен на монастырском кладбище 5 августа.

*Сентябрь 11*¹. Скончался в своей келье иеромонах Платон (в схиме), 72 лет, от мозгового удара (повторного), которому предшествовал около года тому назад удар с полупараличным состоянием. В мире Павел Степанович Покровский, студент

¹ В «Деле о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с указанием надгробных надписей», составленном в 1909 году, дата кончины иеросхимонаха Платона указана 17 сентября // ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 63.

Тамбовской духовной семинарии по 1-му разряду, потом учитель Липецкого духовного училища (уездного) низшего отделения. В обитель поступил в 1848 году. Занимался сначала перепиской бумаг, исполняя при этом общие послушания, затем переведен в Скит. В число братства определен 14 декабря 1850 года, в монашество пострижен 20 декабря 1858 года, рукоположен во иеродиакона 2 февраля 1859 года, рукоположен во иеромонаха 17 июня 1863 года. Управлял пением в больничной церкви, был духовником богомольцев и старца отца Амвросия. Подвизаясь в духовной литературе, составил несколько изданий собственного сочинения в честь обители и на душевную пользу читающих. *Кто служит духовному слову, тот служит Богу*¹. Перед смертью был напутствован Святыми Тайнами иеромонахом Памвою. Погребен 13 сентября игуменом Марком соборно на монастырском кладбище между Введенским собором и церковью Казанской иконы Божией Матери.

Ноябрь 8. Утром скончался на монастырской больнице призреваемый по убожеству Николай Козмич Щучкин (в монашестве), 71 года, от старческого истощения. Перед смертью напутствован Святыми Тайнами и особорован иеромонахами Рафаилом и Памвою. Сын калужского почетного гражданина, в младенчестве получил тяжкое увечье: вывихи в руке и ноге (по семейному преданию в его родстве — от няньки), и был всю жизнь в идиотизме. Милосер-

¹ Ср.: Сир. 4, 15.

дый Бог не оставил его: *на месте злачне, тамо всели*¹. С 1845 года пожил в сей обители. Погребен 10 ноября на монастырском кладбище.

Декабрь 11. Скончался в монастырской больнице рясофорный монах отец Иоанн (в мире Иван Васильев Ноздрунов, из мещан города Болхова Орловской губернии), скоропостижно, от порока сердца. Имел при этом водянку, 50 лет. В обитель поступил в 1873 году, проходил разные послушания, преимущественно клиросное. Смерть его произвела глубокое впечатление, напомнив всем, как урок, слова преподобного Варсонофия Великого: «Время не медлит, и когда настанет час, вестник смерти бывает неумолим». Чин погребения совершен иеромонахом Леонтием 13 декабря, тело же предано земле на монастырском кладбище только 16 декабря, так как до сего времени не было признаков разложения, и по заключению врача мог быть летаргический сон.

1890

Февраль 19. Скончался в своей келье иеродиакон Иаков от апоплексии головного мозга, 50 лет. В мире Иван Петрович Тихменев, белёвский мещанин. В обитель поступил в 1870 году, в число братства определен 21 августа 1872 года, в монашество пострижен 16 декабря 1878 года, рукоположен во иеродиакона 1 октября 1884 года. Проходил разные

¹ Пс. 22, 2.

послушания, преимущественно клиросное. С 1888 года был протодиакон. Смерть последовала внезапно: 17 февраля, как говевший, находился в служении Литургии и приобщился Святых Таин. В тот же день во время бдения [было] усмотрено, что его в церкви нет, и когда посланный за ним зашел в его келью, то нашел его лежащим на полу без сознания. Немедленно подана была медицинская помощь, но в сознание привести не могли, так и скончался. Перед этим замечательный был ему сон: покойный иеродиакон Филарет пришел к нему со словами: «Приходи к нам, тебе пора». Обитель лишилась в нем доброго инока и хорошего певца. Погребен 21 февраля настоятелем архимандритом Исаакием соборно на монастырском кладбище.

1891

Февраль 13. Скончался в своей келье в 11 часов вечера иеромонах Памво (в схиме), от порока сердца, 68 лет. Накануне 12 февраля приобщился Святых Таин. В мире Петр Иванович Панов, из вольноотпущенных щигровской помещицы Марфы Михайловны Бибиковой. Поступил в обитель в декабре 1845 года, в число братства определен 27 февраля 1850 года, в монашество пострижен 7 сентября 1857 года, рукоположен во иеродиакона 13 июня 1863 года, рукоположен во иеромонаха 30 сентября 1867 года. Награжден набедренником 29 июня 1876 года. Был духовником богомольцев. При жизни отличался простотой обращения, благодушием и мирным

настроением к братству. Погребен на монастырском кладбище архимандритом Исаакием соборно 16 февраля.

1892

Май 11. Скончалась на скотном дворе козельская мещанка, девица Евдокия Филиппова, от водянки, 72 лет. Напутствована Святыми Тайнами иеромонахом Леонтием, им же и погребена на монастырском кладбище 13 мая. Скончалась в схиме с именем Евпраксия. По ее словам, она пришла на скотный двор при старце Леониде, лет 25-ти, при нем жила 5 лет, а всего жила на скотном дворе за 56 лет. Следовательно, ей 82 года. Лета же ей поставили на основании паспорта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапит (Беловидов Андрей Иванович; 1839(?)–1922), схиархимандрит.

Из духовного звания. Окончил курс Тамбовской Духовной семинарии. В число братства определен 4 апреля 1867 г., в монашество пострижен 17 июня 1872 г. Исполнял клиросное послушание в скиту. Рукоположен во иеродиакона 28 августа 1873 г., во иеромонаха 28 июля 1876 г., награжден набедренником 1 августа 1881 г., определен настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря 4 августа 1883 г., награжден наперсным крестом 18 марта 1886 г., возведен в сан игумена 13 апреля 1890 г., награжден орденом Св. Анны 3-й степени 15 мая 1894 г., перемещен в настоятели Мещовского Георгиевского монастыря 30 сентября 1894 г., возведен в сан архимандрита 26 мая 1896 г., назначен исполняющим должность «благочинного половинной части монастырей Калужской епархии».

Определением Св. Синода по своему прошению, ввиду болезненного состояния, уволен от должности настоятеля 24 октября 1897 г. и согласно желанию помещен на жительство в Оптину Пустынь 4 ноября 1897 г., где поселился в Иоанно-Предтеченском скиту. Духовный писатель, автор жизнеописания старца Амвросия и других агиографических произведений. Очевидно, незадолго до своей кончины архимандрит Агапит принял схиму без перемены имени. Скончался 23 февраля/8 марта 1922 г. 83-х лет. Похоронен близ южной алтарной стены Никольского придела Введенского собора в Оптиной Пустыни.

На памятнике схиархимандрита Агапита начертано: «В монашестве жития его было 50 лет. Много трудился в книгоиздательстве Оптиной Пустыни. Прилежал усердно безмолвию и молитве. *Аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное...* (Мф. 18, 3)».¹

Вениамин (Глебов Василий Алексеевич; 1885–1938), епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии.

Сын коллежского советника. В 1907 г. окончил Смоленскую Духовную семинарию, в 1912 г. – юридический факультет Харьковского университета. В 1913 г. был принят в число студентов Киевской Духовной академии. Согласно прошению, в том же году уволен. Поступил в Боровский Пафнутьевский монастырь 10 апреля 1914 г. Послушание исполнял клиросное и письмоводительское. Рукоположен во иеродиакона 27 декабря 1914 г., во иеромонаха 29 августа 1915 г. Казначей с 9 сентября 1915 г., награжден набедренником 29 ноября того же года. С 1916 г. в братии Смоленского Троицкого монастыря (Архиерейский дом). 26 сентября 1920 года хиротонисан во епископа Рославльского, викария Смоленской епархии. Расстрелян 4 марта 1938 г. в Ленинградской области.²

Герман (Гомзин Гавриил Семенович; 1844–1923), преподобный (память 17 января), схиигумен, устроитель Зосимовской школы старчества.

Начальное образование получил в церковноприходской школе. С 10 до 18 лет обучался живописи в Москве у разных мастеров. В отроческом возрасте изучал труды святых отцов. 20 февраля 1868 г. поступил в Черниговско-Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры, 25 июня 1870 г. облечен в рясофор. Находился в послушании у иером. Тихона, затем у иеросхимон. Александра (Стрыгина). 29 ноября 1877 г. пострижен в мантию. Состоял в переписке со свт. Феофаном Затворником. 5 июля 1880 г. Московским и Коломенским митр. Макарием (Булгаковым) рукоположен в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры во диакона, 17 августа 1885 г. во иеромонаха. По благословению свт. Феофана Затворника стал духовником иноков Черниговско-Гефсиманского скита (утвержден в должности 6 марта 1892 г.).

¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2159. Л. 131–132; Оп. 3. Д. 1002. Л. 42 об.–43; АОП. Синодики. № 1 (Чулкова).

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2210. Л. 16; Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 633–634.

26 сентября 1897 г. назначен настоятелем Смоленской Зосимовой мужской пустыни. По благословению прп. Варнавы (Меркулова) и наместника Троице-Сергиевой Лавры архим. Павла (Глебова) удалился из Гефсиманского скита с 12 послушниками.

Трудами отца Германа и прп. Алексия Зосимова пустынь прославилась по всей России, стала одним из центров старчества.

28 июля 1916 г. он принял тайное пострижение в великую схиму от еп. Арсения (Жадановского). Скончался 30 января 1923 г. в Зосимовой пустыни. 14 сентября 2000 г. схиигумен Герман прославлен в лике местночтимых святых, мощи перенесены в Смоленский собор Зосимовой пустыни.¹

Евфимий (Трунов Ермоген Ермолович; ?–1886), иеросхимонах.

Из дворян Курской губернии. В Оптину Пустынь поступил в 1830 г. Подал прошение в братство в 1834 г. Определен указом Духовной консистории 5 февраля 1836 г., 25 лет. Послушание исполнял канонарха и письмоводительское. Летописец, автор нескольких жизнеописаний братьев Оптиной Пустыни. В монашество пострижен 4 августа 1840 г., рукоположен во иеродиакона 18 июня 1843 г., во иеромонаха 29 августа 1850 г. В 1864 г. награжден набедренником и в том же году исключен из штата. Имел бронзовый наперсный крест. Келейно пострижен в схиму. Скончался 24 марта 1886 г. Погребен между Казанским и Введенским храмами.²

Климент (Зедергольм Константин Карлович; ?–1878), иеромонах.

Родом из Москвы, сын лютеранского пастора. Окончил Императорский Московский университет, кандидат наук. В 1858 г. возведен в степень магистра. Свободно владел русским, немецким, французским, английским, латинским и греческим языками. Коллежский ассессор, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода графе Александре Петровиче Толстом. 13 августа 1853 г. по собственному желанию присоединен к Русской Православной Церкви в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной Пустыни. В 1862 г. поступил в Оптину Пустынь, холост, 31 год. 3 августа 1863 г. пострижен

¹ Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 221–223.

² ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 279, 297, 1022, 1426; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 60 об.

в рясофор. 9 сентября 1863 г. указом Духовной консистории определен в число братства Оптиной Пустыни. Исполнял послушание письмоводителя старца Амвросия (Гренкова) Оптинского, а также библиотекаря в Скиту. В монашество пострижен 16 декабря 1867 г. Рукоположен во иеродиакона 7 сентября 1870 г., во иеромонаха 8 июля 1873 г. Скончался 30 апреля 1878 г. Похоронен на скитском кладбище.¹

Леонид (Кавелин Лев Александрович; 1822–1891), архимандрит; церковный историк, археограф, библиограф, переводчик.

Из калужских дворян. Родился 20 февраля 1822 г. в селе Спас-Волженском Вяземского уезда Смоленской губернии по месту службы своего отца. Учился в Калужской мужской гимназии с 1832 г. С 1835 г. по 1840 г. — в первом Московском Кадетском корпусе. Службу проходил в лейб-гвардии Волынском полку, расположенном в Ораниенбауме. Вышел в отставку в чине капитана 12 марта 1852 г. Поступил в Скит Оптиной Пустыни 21 марта 1852 г. По поручению настоятеля составлял обозрение древностей Оптиной Пустыни. С 9 мая 1852 г. исполнял послушания канонарха в Скиту, клиросное, также в монастырской библиотеке и перевода книг. Приукажен и накрыт рясофором 28 февраля 1855 г. Пострижен в монашество 7 сентября 1857 г., в том же году 20 октября рукоположен во иеродиакона, 29 октября — во иеромонаха и назначен членом Русской Духовной Миссии во Иерусалиме. Вернулся в Оптину Пустынь по прошению 19 марта 1859 г. Назначен начальником Миссии во Иерусалиме с возведением в сан архимандрита 29 ноября 1863 г. Был в Оптиной Пустыни в марте 1864 г. Указом Св. Синода определен в Константинополь в Посольскую церковь. Награжден наперсным крестом с украшениями 26 марта 1868 г. Назначен настоятелем ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 5 июня 1869 г. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени 26 мая 1870 г. Назначен благочинным ставропигиальных монастырей 24 сентября 1875 г. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени 26 марта 1877 г. Назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и настоятелем Спасо-

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 945; К. 1. Ед. хр. 2. Л. 123; Ф. 214. Опт-350. Л. 206–206 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1122. Л. 58 об.–59.

Вифанского монастыря 3 июня 1877 г. Награжден знаком Красного Креста 23 февраля 1880 г. Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 20 апреля 1880 г.

Уволен 10 мая 1884 г. на Афонскую гору для лечения. Золотая медаль на Александровской ленте в память освящения храма Христа Спасителя 30 мая 1884 г. Почетный член Московской Духовной Академии. Награжден наперсным крестом от Иерусалимского Патриарха 17 декабря 1886 г.

Скончался 22 октября 1891 г. Похоронен за алтарем Свято-Духовской церкви в Троице-Сергиевой Лавре. Исследователи его исторического наследия насчитывают до 700 публикаций. Точный подсчет затруднен, поскольку отец Леонид помещал свои труды под различными псевдонимами. На некрополе Оптиной Пустыни похоронены несколько близких родственников архимандрита Леонида, в т. ч. мать, Мария Михайловна Кавелина (Нахимова), родной брат Владимир и т. д.¹

Никодим (Александр Михайлович Кононов; 1871–1919), священномученик, епископ.

Сын священника Архангельской губернии, окончил Архангельскую Духовную семинарию в 1892 г. С 1892 по 1896 г. учился в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Постриг в монашество принял 13 февраля 1896 г., 24 февраля того же года был рукоположен во иеродиакона, 21 апреля в сан иеромонаха. Преподаватель Св. Писания. Награжден: набедренником (1898 г.), наперсным крестом (1904 г.), орденами Св. Анны 2-й ст. (1904 г.) и Св. Владимира 2-й ст. (1906 г.), Библией от Св. Синода (1901 г.), «выдаваемой в поощрение его любви к детям, являемом делом и истиною...»

17 августа 1896 г. определен на должность смотрителя Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища. По резолюции митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия состоял смотрителем педагогических курсов для учителей и учитель-

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 95. Д. 203. Л. 11–16; Ф. 1343. Оп. 23. Д. 24. Л. 136 об. ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 676, 712; Ед. хр. 2. Л. 60; ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 2; Корсунский И. Архимандрит Леонид (некролог) // Душеполезное чтение. 1891. Ч. 3. С. 606.

ниц церковноприходских школ. Состоял председателем комиссии по постройке дома для учителей Александро-Невского духовного училища.

Определением Синода от 28 августа удостоен сана архимандрита.

17 ноября 1904 г. назначен на должность ректора Калужской Духовной семинарии.

В 1908 г. Св. Синод изъявил ему признательность за составление акафиста свт. Иоанну Златоусту. В 1908–1909 гг. состоял в особом совещании под председательством Калужского губернатора по выработке правил внеклассного надзора над учащимися мужских и женских средних учебных заведений.

В марте 1909 г. перемещен на должность ректора Олонецкой Духовной семинарии. Председатель Олонецкого миссионерского совета, Совета Александро-Свирского братства и председатель Олонецкого епархиального училищного совета.

В Петрозаводске архимандрит Никодим активно участвует в просветительской и миссионерской деятельности среди карело-финского населения.

13 октября 1909 г. назначен редактором неофициального отдела «Олонецких епархиальных ведомостей».

9 января 1911 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры архимандрит Никодим был хиротонисан во епископа Рыльского, второго викария Курской епархии. Из Кабинета Его Императорского Величества пожаловано ему полное архиерейское облачение.

Владыка принимал активное участие в прославлении свт. Иоасафа Белгородского, составил акафист и житие новопрославленного Святителя.

В 1913 г. назначен епископом Белгородским, первым викарием той же епархии.

Епископ Никодим являлся автором-составителем многочисленных агиографических и гимнографических трудов; наиболее значительные из них — «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX столетий» в 12-ти тт., «Архангельский патерик», акафисты свтт. Иоанну Златоусту, Иоасафу Белгородскому, прпп. Никодиму Кожеезерскому, Трифону Печенегскому, Иову Ущельскому и др.

Расстрелян большевиками 10 января 1919 г. Прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г.¹

Нилус Сергей Александрович (1862–1929) — русский мыслитель, духовный писатель, общественный деятель.

Родился в Москве в семье крупных дворян-землевладельцев. В 1886 г. окончил юридический факультет Московского Императорского университета, служил чиновником на Кавказе и в Симбирске. Оставив службу, с 1888 по 1905 г. жил в родовом поместье Золотарево Мценского уезда Орловской губернии. В 1903 г. опубликовал книгу «Великое в малом» о современных подвижниках благочестия, своих впечатлениях от поездок по святым местам России. В 1905 г. во 2-м издании книги «Великое в малом» опубликовал рукопись «Протоколы Сионских мудрецов», вызвавшую широкий общественный резонанс. В 1907–1912 гг. вместе с супругой Е. А. Озеровой жил в Оптиной Пустыни. Духовным наставником С. А. Нилуса стал старец Варсонофий (Плиханков). В Оптиной Пустыни Нилус работал в архиве: составил жизнеописание игумена Феодосия (Попова) — «Сила Божия и немощь человеческая» (1908), написал книгу об оптинских монахах «Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа» (1911), в основу которой положены записки оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова). Впечатления о жизни в Оптиной Пустыни описал в книге «На берегу Божьей реки» (1916). В эти же годы активно занимался публицистикой, с 1909 сотрудничал в газете «Троицкое слово». В 1912–1917 гг. после отъезда из Оптиной Пустыни жил на Валдае. После октября 1917 остался в России. В 1926–1928 гг. жил в Чернигове, затем переехал в с. Крутец Владимирской губернии, где и скончался 1/14 января 1929 г.²

Орловский Иван Иванович (1869–1909), историк, краевед.

И. И. Орловский родился в селе Даниловичи Ельнинского уезда Смоленской губернии в семье священника. В 1883 году первым учеником окончил Рославльское духовное училище. В 1889 году окончил

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 80. 3 отд. 4 стол. Д. 218. Л. 15–16; Ф. 802. Оп. 10. 1909 г. Д. 98. Л. 3–11.

² Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание. М., 1995.

Смоленскую Духовную семинарию и поступил в Московскую Духовную Академию. Большое влияние оказал на Орловского знаменитый историк, профессор Московского Императорского университета В. О. Ключевский.

С 1894 г. до самой смерти в 1909 г. преподавал в Смоленском епархиальном женском училище, совмещая педагогическую деятельность с изучением истории Смоленского края. В 1897 г. он стал членом Смоленского церковно-археологического комитета, а в 1899 г. – членом Смоленского городского историко-археологического музея. С этого времени Орловский начал публиковать краеведческие статьи в периодических изданиях: «Смоленских епархиальных ведомостях», «Смоленском вестнике», «Русской старине», «Историческом вестнике», «Русском вестнике», «Русском паломнике», «Страннике» и др. Как краевед И. И. Орловский был известен и за пределами Смоленской губернии. В 1907 г. его избрали действительным членом Орловского церковного историко-археологического общества, в 1909 г. – действительным членом Тверской ученой архивной комиссии.

И. И. Орловский издал более 20 книг и брошюр, касающихся истории и географии Смоленского края: «Достопамятности Смоленска», «Смоленская стена», «Исторический очерк Смоленска», «Историческое описание Смоленской Божией Матери Одигитрии», «Борисоглебский монастырь на Смядыни», «Смоленск в истории Дома Романовых», «Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 г.», «Краткая география Смоленской губернии» и др. Умер И. И. Орловский 17 июня 1909 года в Смоленске и похоронен на кладбище Вознесенского женского монастыря.¹

Порфирий (Григоров Петр Александрович; 1806(?)–1851), монах.

Из дворян. В числе братства Оптиной Пустыни с 9 июня 1836 года, в рясофор пострижен 20 июня. Проходил разные послушания. С 1837 года занимался издательской деятельностью, им подготовлено к печати несколько жизнеописаний подвижников благочестия. Работал над жизнеописанием прп. Льва Оптинского. Наибольшую известность

¹ Жиркевич А. В. И. И. Орловский. Вильна, 1909; Трофимов А. Я. Краевед земли Смоленской // Край Смоленский. Смоленск, 1990. № 1 (914).

получил за подготовку к изданию писем Задонского затворника Георгия (Машурина). Скончался 15 марта 1851 г. Погребен возле храма прп. Марии Египетской.¹

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф.

Русский государственный деятель, действительный статский советник (с 1884 г.), коллекционер, историк.

Родился в Санкт-Петербурге 14/26 ноября 1844 г. Окончил Пажеский корпус.

С 1869 г. — действительный член Русского археологического общества, с 1873 г. — действительный член Императорского русского исторического общества. С 1888 г. председатель Общества любителей древней письменности, инициатор создания в 1895 г. и председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Автор ряда исследований и статей исторического и историко-археологического характера.

На свои средства гр. С. Д. Шереметев подготовил и издал русские летописи, грамоты, писцовые книги, исторические акты, в том числе рукописи из семейного архива, 12 томов сочинений П. А. Вяземского, «Остафьевский архив князей Вяземских» (т. 1–5), «Переписку и бумаги графа П. Б. Шереметева 1704–1722 гг.», «Архив села Кусково» и др.

Почетный член Петербургской Академии наук (1890 г.), Императорского Санкт-Петербургского университета (1913 г.), Санкт-Петербургской Духовной Академии (1914 г.) и др.

Член Государственного совета с 1900 по 1917 г.

Скончался в Москве 17 декабря 1918 г. Погребен на Новом кладбище Новоспасского монастыря.²

¹ ОР РГБ. В. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 448, 583; *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006. С. 251–256; см. также наст. изд. С. 346–349.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: В 86 тт. СПб., 1890–1907. Т. 78 (XXXIV^а). С. 494–495; *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биографический справочник. СПб., 2006. С. 864–870.

ЕПИСКОПЫ КАЛУЖСКИЕ И БОРОВСКИЕ¹

1. **Серапион (Александровский)**, бывший еп. Дмитровский, викарий Московской епархии — с 16.10.1799; с 21.10.1799 архиеп. Казанский и Свияжский.
2. **Феофилакт (Русанов)** — рукоположен 30.10.1799; с 25.10.1803 архиепископ; с 5.03.1809 архиеп. Рязанский и Зарайский.
3. **Евламий (Введенский)**, бывший еп. Архангельский и Холмогорский — с 16.04.1809; † 22.05.1813.
4. **Евгений (Болховитинов)**, бывший еп. Вологодский и Устюжский — с 19.07.1813; с 7.02.1816 архиеп. Псковский, Лифляндский и Курляндский.
5. **Антоний (Соколов)**, бывший еп. Воронежский и Черкасский — с 7.02.1816; с 15.03.1819 архиеп. Подольский и Брацлавский.
6. **Филарет (Амфитеатров)** — рукоположен 1.06.1819; с 12.01.1825 еп. Рязанский и Зарайский.
7. **Григорий (Постников)**, бывший еп. Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии — с 4.01.1826; с 3.03.1828 архиеп. Рязанский и Зарайский.
8. **Гавриил (Городков)** — рукоположен 20.05.1828; с 26.08.1831 еп. Могилевский и Витебский.
9. **Никанор (Клементьевский)**, бывший еп. Ревельский, викарий Рижской епархии — с 26.08.1831; с 5.09.1834 еп. Минский и Гродненский.
10. **Николай (Соколов)**, бывший еп. Дмитровский, викарий Московской епархии — с 2.10.1834; † 17.09.1851.
11. **Григорий (Миткевич)** — рукоположен 9.12.1851; † 13.04.1881.
12. **Владимир (Никольский)**, бывший еп. Ковенский, викарий Ли-

¹ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. В 2-х чч. М., 1996. Ч. I. Справочно-библиографические материалы. Архиеп. Русской Православной Церкви. С. 699–700.

товской епархии — с 14.05.1881; с 21.05.1888 еп. Пермский и Соликамский.

13. **Анастасий (Добрадин)**, бывший еп. Старорусский, викарий Новгородской епархии — с 21.05.1888; с 3.06.1890 еп. Воронежский и Задонский.

14. **Виталий (Иосифов)**, бывший еп. Тамбовский и Шацкий — с 3.06.1890; † 15.09.1892.

15. **Анатолий (Станкевич)**, бывший еп. Уманский, викарий Киевской епархии — с 29.09.1892; 29.01.1894 уволен от управления епархией и назначен членом Московской синодальной консистории; † 23.01.1903.

16. **Александр (Светлаков)**, бывший еп. Дмитровский, викарий Московской епархии — с 29.01.1894; † 8.10.1895.

17. **Макарий (Троицкий)**, бывший еп. Оренбургский и Уральский — с 22.10.1895; с 10.06.1901 на покое; † 03.07.1906.

18. **Вениамин (Муратовский)**, бывший еп. Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии — с 10.07.1901; с 31.12.1910 еп. Симбирский и Сызранский.

19. **Александр (Головин)**, бывший еп. Орловский и Севский — с 31.12.1910; с 23.06.1912 на покое; † 4.02.1916.

20. **Тихон (Никаноров)**, бывший еп. Пензенский и Саранский — с 23.06.1912; с 13.05.1913 архиеп. Воронежский и Задонский.

21. **Георгий (Ярошевский)**, бывший еп. Ябургский, викарий Санкт-Петербургской епархии — с 13.05.1913; с 6.07.1916 еп. Минский и Туровский.

22. **Феофан (Туляков)**, бывший еп. Кронштадтский, викарий Санкт-Петербургской епархии — с 6.07.1916; с 16.09.1927 архиеп. Псковский и Порховский.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ: АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Игумен Авраамий // Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е. М., 1875. — Репр. изд. — Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни. С. 67–85.

Монах Павел (Трунов) // АОП. Краткое описание жизни монаха Павла Трунова, скончавшегося в 1936 года Апреля во 2-й день в Четверток Светлая недели. Рукопись.

Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий) // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 212–216.

Монах Гавриил (Домогатский) // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-318. Жизнеописание Гавриила Филиппова Домогатского.

Послушник Николай Иванов // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-313. Жизнеописание умерших в Оптиной Пустыни послушников и мирян.

Иеромонах Геннадий // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 220–224.

Молчальник Тит // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). Апрель. — М., Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1906. — Репр. изд. — Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996. С. 32–38.

Василий Петрович Брагузин // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). Январь. С. 52–55.

Иеродиакон Палладий (Иванов) // Православный немец. Иеромонах Климент (Зедергольм) — насельник Козельской Оптиной Пустыни. — Издание Введенской Оптиной Пустыни, 2002. С. 332–343.

Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский) // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 230–232.

Игумен Иларий, в схиме Илия // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). Июль. С. 148–151;

Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше // Чтения в обществе истории и древностей Российских, при Московском Университете. — М., 1876. Июль–сентябрь. Кн. 3. С. 1–72; Октябрь–декабрь. Кн. 4. С. 73–224; 1877. Январь–март. Кн. 1. С. 225–416.

Схиархимандрит Никодим (Демутье) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). Февраль. С. 93–114.

Схимонах Карп (Алексеев) // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 237–240.

Монах Андрей (Петровский) // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 240–242.

Иеросхимонах Феодот (Кольцов) // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 242–244.

Токарев Иван Михайлович // ОР РГБ. Ф. 214. Опт- 313. Жизнеописание умерших в Оптиной Пустыни послушников и мирян. Л. 2–3 об.

Послушник Елисей Кириллович Шувалов // ОР РГБ. Ф. 214. Опт- 313. Жизнеописание умерших в Оптиной Пустыни послушников и мирян. Л. 4–9 об.

Иеросхимонах Александр (Стрыгин) // Старец Гефсиманского скита. Жизнеописание старца-затворника Гефсиманского скита, иеросхимонаха Александра. Собрано его келейником схиигуменом Германом (Гомзиным). М., 2000.

Схиеродиакон Филарет (Беляев) // Нилус С. А. На берегу Божьей реки. М.—СПб., 1999. Т. 1. С. 196–201.

Иеросхимонах Флавиан (Маленков) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). Май. С. 330–338.

Архимандрит Леонид (Кавелин) // Шереметев С. Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901. С. 1–13.

Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов) // Иеродиакон Вениамин (Глебов). Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов) // Русский инок. Вып. 126 (№ 11 — июнь 1915 года). С. 686.

Варвара Васильевна Былим-Колосовская // Леонид (Кавелин), архимандрит. Указ. соч. С. 246.

Монахиня Евфросиния Поливанова // Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря, игумена Антония. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1870. С. 104–109.

Вера и Любовь Ключаревы // *Агапит* (Беловидов), *схиархимандрит*. Житие преподобного Амвросия, старца Оптинского. Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1999. С. 185–192.

Памятная записка о скончавшихся и погребенных в Богохранимой обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските святого Иоанна Предтечи, находящемся при оной // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. *Памятная запись скончавшихся в Козельской Введенской Оптиной Пустыни с 1768 по 1890 [1894] г.*

**ИЗ ПИСЬМА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА НИКОДИМА (КОНОНОВА)
МИТРОПОЛИТУ ФЛАВИАНУ (ГОРОДЕЦКОМУ)¹**

4 августа 1909 года. Петрозаводск

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший
Владыко и Отец наш!

Дождавшись окончания печатания сентябрьской книжки, одновременно с сим, честь имею препроводить Вашему Высокопреосвященству девять книжек «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX столетий», оттиск статьи о литературно-аскетической деятельности о. Паисия В[еличковского] и о. Макария Оптинского и несколько листов. С Вашего милостивого разрешения посылая свои сильные труды, всепочтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство милостивно принять это приношение в выражение глубочайшей сердечнейшей моей признательности! Ваше высокомилостивое, трогательное по своей простоте, умиленное по задушевности, всегдашнее отношение ко мне недостойному всегда памятно сердцу моему и не раз в трудные минуты жизни утешало и укрепляло меня. И я безгранично тронутый этим осмелился еще и потому почтительнейше принести Вашему Высокопреосвященству эти книжки, что Вы, Владыко Святой, — Сами близки к Оптиной Пустыни и ея великие Старцы были Вашими собеседниками! ...

Часто вспоминаю и Калугу и преосв. Вениамина, мирно, ибо, по милости Божией как-то ясно, что все его отношение на пользу мне и сознание скорбей того времени так отчетливо, что уже нет места обиде. Одно только тяжело — одинокость, отдаленность от Старцев как-то очень ощутительны. Еще Вас прошу, Владыко, простите меня за это письмо. Как то невольно душа жаждала Вам написать откровенно.

Всепочтительнейше и сердечнейше прошу Вашего Святительского благословения и молитв.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Святителя
и Отца нижайший и благодарный послушник
архимандрит Никодим, ректор Олонецкой Духовной семинарии

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 729.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Российский Государственный исторический архив:

Ф. 796. Канцелярия Св. Синода.

Оп. 205. Д. 729. Письма Никодима, архимандрита, ректора Олонецкой Духовной семинарии митрополиту Флавиану о состоянии Духовной семинарии, о своей книге «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия».

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода.

Оп. 80. 3 отд. 4 стол. Д. 218. Дело выпускника Санкт-Петербургской Духовной Академии Кононова Александра Михайловича.

Оп. 95. Д. 203. Послужной список Наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Леонида. 1887 г.

Ф. 802. Учебный Комитет при Синоде.

Оп. 10. 1909 г. Д. 98. О службе (1906 ПДА) архимандрита Никодима Кононова.

Ф. 1343. III Департамент Сената.

Оп. 23. Д. 24. Формулярный список службы бывшего Козельского уездного суда дворянского заседателя штабс-ротмистра Кавелина за 1826 г.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки:

Ф. 213. Архив Оптиной Пустыни.

К. 1. Ед. хр. 1. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1802 (1800)—1889 гг.;

Ед. хр. 2. Книга для записи лиц, поступающих в Козельскую Введенскую Оптинскую Пустынь «в монастырские послушания». 1848—1890 гг.;

Ед. хр. 3. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1890—1906 гг.;

К. 11. Ед. хр. 6. Дело о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с указанием надгробных надписей. 1909 г.

Ф. 214. Собрание рукописей Оптиной Пустыни.

Опт-313. Жизнеописания умерших в Оптиной Пустыни послушников и мирян. Опт-318. Жизнеописание Гавриила Филиппова Домогатского; Опт-350. Памятная запись скончавшихся в Козельской Введенской Оптиной Пустыни с 1768 по 1890 [1894] г.; Опт-352. Скитское кладбище в Оптиной Пустыни; Опт-361. Летопись Скита Оптиной Пустыни за 1852–1860 гг.; Опт-366. Летопись Скита Оптиной Пустыни за 1874–1882 гг.

Государственный архив Калужской области:

Ф. 33. Калужская Духовная консистория.

Оп. 2. Ед. хр. 2159. Послужной список монашествующих лиц, послушников и послушниц и общин Калужской епархии за 1914 г.; Ед. хр. 2210. Послужные списки монашествующих Калужской епархии за 1915 г.

Оп. 3. Ед. хр. 1002. Именная ведомость монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтеченского скита за 1872 г.; Ед. хр. 1122. Ведомости о певчих и монашествующих, и бельцах, находящихся при Калужском Архиерейском доме за 1876 г.; Ед. хр. 1666. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтечевского Скита за 1888 г.

Ф. 903. Козельская Введенская Оптина Пустынь.

Оп. 2. Ед. хр. 17. Дело (бумаги) по Духовному завещанию из дворян девицы Екатерины Александровны Поливановой. 1859 г.; Ед. хр. 38. Список добровольных послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и призреваемых в сей обители по старости и болезни к 1 января 1918 г.

Архив Оптиной Пустыни:

Синодики. № 1 (Чулкова).

Краткое описание жизни монаха Павла Трунова, скончавшегося 1936 года Апреля во 2-й день в Четверток Светлая недели. Рукопись.

ЛИТЕРАТУРА

Агапит (Беловидов), схиархимандрит. Житие преподобного Амвросия, старца Оптинского. Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1999.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18–19 веков (с портретами). В 12-ти тт. — М., Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1906. — Репр. изд. — Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

Жиркевич А. В. И. И. Орловский. Вильна, 1909.

Каширина В. В. Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006.

Корсунский И. Архимандрит Леонид: некролог // Душеполезное чтение. 1891.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е. М., 1875. — Репр. изд. — Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни.

Леонид (Кавелин), иеромонах. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. М., 1903.

Нилус С. А. На берегу Божьей реки. СПб., 1999. Т. 1.

Орловский И. И. Пустынничество в Рославльских лесах. Смоленск, 2004.

Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2003; Т. XI. М., 2006.

Православный немец. Иеромонах Климент (Зедергольм) — насельник Козельской Оптиной Пустыни. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 2002.

Русский инок. Июнь, 1915. Вып. 126.

Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание. М., 1995.

Сергий Четвериков, протоиерей. Описание жизни блаженных памяти Оптинского Старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества. — Репр. изд. — Паломник, 1998.

Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. I.

Старец Гефсиманского скита. Жизнеописание старца-затворника Гефсиманского скита, иеросхимонаха Александра. Собрано его келейником схиигуменом Германом (Гомзиным). М., 2000.

Трофимов А. Я. Краевед земли Смоленской // Край Смоленский. Смоленск, 1990. № 1 (914).

Шереметев С. Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901.

Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биографический справочник. СПб., 2006.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: В 86 тт. СПб., 1890–1907. Т. 78 (XXXIV^A).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОП — Архив Оптиной Пустыни

ГАКО — Государственный архив Калужской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства

РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский Государственный исторический архив

РПЦ — Русская Православная Церковь

УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности

ЦАК МПДА — Церковно-археологический кабинет Московской Православной Духовной Академии

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей.....	5
-------------------	---

Часть первая

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Архимандрит Леонид (Кавелин). Игумен Авраамий	15
Монах Порфирий (Григоров). Монах Павел (Трунов).....	26
Архимандрит Леонид (Кавелин). Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий)	51
[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]. Монах Гавриил (Домогатский) 56	
[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]. Послушник Николай Иванов .	68
Архимандрит Леонид (Кавелин). Иеромонах Геннадий	74
Священномученик Никодим (Кононов). Молчальник Тит.....	78
Священномученик Никодим (Кононов). Василий Петрович Брагузин.....	86
Иеромонах Климент (Зедергольм). Иеродиакон Палладий (Иванов).....	87
Архимандрит Леонид (Кавелин). Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский)	97
Священномученик Никодим (Кононов). Игумен Иларий, в схиме Илия.	100
Священномученик Никодим (Кононов). Схиархимандрит Никодим (Демутье)	105
Архимандрит Леонид (Кавелин). Схимонах Карп (Алексеев)	129
[Иеромонах Климент (Зедергольм)?]. Монах Андрей (Петровский).....	132

<i>Архимандрит Леонид (Кавелин).</i>	
Иеросхимонах Феодот (Кольцов)	139
<i>[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)]. Токарев Иван Михайлович ..</i>	141
<i>[Иеросхимонах Евфимий (Трунов)].</i>	
Послушник Елисей Кириллович Шувалов	143
<i>Схиигумен Герман (Гомзин).</i>	
Иеросхимонах Александр (Стрыгин)	148
<i>Сергей Александрович Нилус. Схиеродиакон Филарет (Беляев) ..</i>	185
<i>Священномученик Никодим (Кононов).</i>	
Иеросхимонах Флавиан (Маленков)	190
<i>Граф Сергей Дмитриевич Шереметев.</i>	
Архимандрит Леонид (Кавелин)	197
<i>Иеродиакон Вениамин (Глебов).</i>	
Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов)	213
<i>Архимандрит Леонид (Кавелин).</i>	
Варвара Васильевна Былим-Колосовская	214
<i>Иеромонах Климент (Зедегольм).</i>	
Монахиня Евфросиния (Поливанова)	216
<i>Архимандрит Агапит (Беловидов). Вера и Любовь Ключаревы ..</i>	228

Часть вторая

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО В РОСЛАВЛЬСКИХ ЛЕСАХ

Пустынножительство в Рославльских лесах	243
---	-----

Часть третья

ИЗ «ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ О СКОНЧАВШИХСЯ И ПОГРЕБЕННЫХ...»

<i>Из «Памятной записки о скончавшихся и погребенных в Богохранимой обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските святого Иоанна Предтечи, находящемся при оной»</i>	307
--	-----

1768 год	307
1775 год	308
1815 год	309
1827 год	312
1829 год	313
1833 год	313
1834 год	314
1835 год	314
1836 год	315
1837 год	316
1838 год	317
1839 год	317
1840 год	319
1841 год	319
1842 год	322
1844 год	323
1845 год	325
1846 год	328
1848 год	335
1849 год	341
1850 год	345
1851 год	346
1852 год	353
1854 год	355
1855 год	358
1856 год	362
1857 год	367
1858 год	373
1859 год	375
1860 год	375
1861 год	377
1862 год	379
1863 год	383
1864 год	388
1865 год	394
1866 год	395
1867 год	397
1869 год	398

1871 год	399
1872 год	400
1873 год	401
1874 год	403
1875 год	403
1876 год	405
1877 год	406
1878 год	407
1879 год	410
1880 год	411
1881 год	412
1882 год	414
1883 год	415
1885 год	416
1886 год	416
1887 год	417
1888 год	417
1889 год	418
1890 год	422
1891 год	423
1892 год	424

ПРИЛОЖЕНИЯ

Краткие сведения об авторах	425
Епископы Калужские и Боровские.	434
Жизнеописания подвижников благочестия: архивные источники и литература	436
Из письма священномученика Никодима (Кононова) митрополиту Флавиану (Городецкому).	439
Библиография	440
Список сокращений	443

Подвижники благочестия Оптиной Пустыни
XIX – начала XX века.
Жизнеописания. Очерки. Документы

Составители мон. Платон (Рожков), Т. В. Анатониева
Примечания Т. В. Анатониева, свящ. Н. Ненароков
Художественный редактор Е. М. Ларская
Художник В. М. Семоненко
Допечатная подготовка О. А. Доброва
Корректоры Г. Е. Кумракова, О. П. Суздальцева

Подписано в печать 10.01.2012.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 30,5 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 7639

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной Пустыни
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь.
Тел.: (48442) 50-117

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93